Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА • 2013

УДК 323.2(470+571)"2009/2012"
ББК 66.3(2Рос),133
Г70

Г 70 **Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому** / Под редакцией Карин Клеман. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 544 с.: ил.

ISBN 978-5-4448-0121-5

Еще до возникновения движения «За честные выборы» во многих городах страны развивались общественные движения, по масштабу и размаху сопоставимые с «Болотным». Как они формировались, почему некоторые из них стали столь массовыми и весомыми, что смогли добиться отставки губернатора или остановки крупных бизнес-проектов? Об этом рассказано в монографии, посвященной массовой мобилизации в шести российских городах. В книге слышны голоса активных граждан, описаны их действия и взаимодействия. В каждом случае анализируется динамика расширения круга участников и целей движений, опровергается тезис об их «местечковости» или «эгоистичности», оценивается политический потенциал практики «малых дел».

УДК 323.2(470+571)"2009/2012"
ББК 66.3(2Рос),133

© Авторы, 2013
© ООО «Новое литературное обозрение».
Оформление, 2013

Содержание

ВВЕДЕНИЕ 7

Борис Гладарев
«ЭТО НАШ ГОРОД!»: АНАЛИЗ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 23

Карин Клеман
(в сотрудничестве с Андреем Демидовым)
ХИМКИНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. ЗА ЛЕСОМ — ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО 146

Ольга Мирясова
ДВИЖЕНИЕ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОРОДА САСОВО И САСОВСКОГО РАЙОНА. «ЖИТЬ, ЧТОБЫ БОРОТЬСЯ. БОРОТЬСЯ, ЧТОБЫ ЖИТЬ» 200

Карин Клеман
(в сотрудничестве с Андреем Демидовым)
РУБЦОВСК. НИЗЫ ОБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ЗА САМОВЫЖИВАНИЕ 278

Карин Клеман
АСТРАХАНЬ: СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И «ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА» 313

Карин Клеман
КАЛИНИНГРАД: МАССОВОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДОБИЛОСЬ ОТСТАВКИ ГУБЕРНАТОРА. А ЧТО ПОТОМ?.....395

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
ГОРОДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ, «БОЛОТНОЕ ДВИЖЕНИЕ» И ПОЛИТИКА.....502

Введение

Массовые уличные выступления «За честные выборы» зимой — весной 2011–2012 годов вспыхнули неожиданно. Комментаторы стали говорить о «пробуждении российского гражданского общества», как будто до этого граждане спали и никаких протестных движений со времен перестройки в России не происходило. Как будто забыли о массовых протестах против «монетизации» льгот зимой 2005 года. Как будто не называли этим самым «пробуждением гражданского общества» битву за Химкинский лес. Как будто не было резонансного протеста калининградцев в январе 2010-го, который вынудил Президента РФ отправить губернатора в отставку. Как будто не было восстания жителей Пикалева в мае — июне 2009-го, заставившего Путина устроить разнос Дерипаске и ставшего символом бунтующих моногородов. Откуда такая амнезия?

Думается, здесь нельзя недооценивать московский снобизм: все предыдущие крупные протестные движения обошли столицу стороной. А «прогрессивная» интеллигенция, раздающая ярлык «гражданское общество», в основном смотрит на то, что происходит в Москве.

Кроме того, очевидно хромает общественная память о низовых уличных выступлениях: кто помнит сейчас о «рельсовой войне» шахтеров мая — июня 1998 года? А ведь о «финансовом крахе» августа 1998-го помнят все. Историческая память выборочна, по крайней мере у экспертов-комментаторов, задающих тон в средствах массовой информации.

Есть один более весомый аргумент: с конца 2011 года, после парламентских выборов, протестное движение наконец-то приобрело «респектабельный» вид. Вышел так

называемый средний класс, вышла та самая интеллигенция; вышли люди не за прозаичные прибавки к пенсии, а за высокие ценности — за гражданские права и свободы; вышли люди не на защиту своего двора или своего куска благосостояния от чужого посягательства, а ради универсального гражданского общества, ради политических реформ.

Многие серьезные наблюдатели и исследователи ставят перечисленные тезисы под сомнение, но в нашу задачу не входит развитие дискуссии на эту тему. Мы бы хотели всего лишь опровергнуть противопоставление гражданского движения «За честные выборы» (даже если принять его в качестве эталона массовости, сплоченности, гражданственности и политического просвещения) более «мелким», «локальным», «прозаичным», «эгоистичным», «недальновидным» социальным движениям.

Да, одна из специфик низовых социальных инициатив в современной России — их локальный характер и привязанность к конкретной и близкой людям проблеме. Поэтому некоторые комментаторы и даже социологи относят их к категории «NIMBY» («Not In My Back Yard» [1], или «Только не в моем дворе») движений. Многие российские эксперты, а также политики и чиновники указывают на эгоизм социальных движений, чтобы отказать им в легитимности. Иногда слышатся обвинения в «местечковости». Так ли это на самом деле?

На самом деле (а мы опираемся в своих выводах на наблюдения сотен точечных конфликтов с 2005 года [2]) картина

---

[1] Понятие, введенное в 1980 году в США, используется для описания выступлений местных жителей, сопротивляющихся изменениям на ближайших к ним территориях. Чаще всего имеет негативный оттенок, подразумевающий противопоставление частных интересов общему благу (в данном случае возможен такой перевод: «Где угодно, только не в моем дворе»).

[2] Подробнее о социальных движениях современной России и о том, как люди вовлекаются в общественную деятельность,

гораздо более многогранная. Мотивации и ценностные ориентации участников инициативных групп и социальных движений — разные, так же как степень их вовлеченности в общественную деятельность. И нередки случаи, когда в процессе борьбы кругозор активистов расширяется, когда они выходят за пределы своей узкой и специфичной проблемы и поднимают глобальные темы.

Примерами здесь могут служить и общероссийские тематические движения второй половины 2000-х годов, такие как движение протеста против монетизации льгот, движение жителей общежитий, движение обманутых «соинвесторов», жилищное, забастовочное движение и т. д. Активизировавшиеся пенсионеры, жители, рабочие уже тогда стремились установить горизонтальные связи между собой, скоординировать свою деятельность, совместно провести федеральную кампанию.

Однако начиная с 2009 года стал развиваться иной тип движения, который мы называем городским. Это объединение различных тематических (отраслевых) движений и инициативных групп на базе определенной территории; чаще всего города, иногда — региона или района. Для простоты мы используем термин «городское движение», который обозначает пространство солидарности между различными социальными движениями, низовыми социальными инициативами и партиями. Городское движение — это своего рода «движение движений» на уровне города.

Напомним некоторые события, свидетельствовавшие о появлении на авансцене общественно-политической жизни страны нового коллективного актора — городского движения.

см.: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. (Скачать бесплатно: http: // www.ikd.ru / node/16171.) Далее — «От обывателей к активистам...».

— Уже упомянутое Пикалево и движение жителей моногорода за его спасение. В мае — июне 2009 года рабочие градообразующих предприятий, профсоюзы и жители, постоянно выходя на улицу и перекрывая федеральную трассу, заставили Путина публично вмешиваться в конфликт с собственниками заводов. Вслед за пикалевскими событиями началась настоящая эпидемия перекрытий улиц и восстаний жителей моногородов. Один из наших случаев (Рубцовск) относится к этой волне протеста.

— Санкт-Петербург и движение против строительства «Охта-центра» и за сохранение историко-культурного наследия города. Самое массовое мероприятие («Марш в защиту Петербурга» 10 октября 2009 года) собрало более 4000 человек.

— Астрахань и движение протеста против фальсификаций на выборах. Еще до известной голодовки марта 2012 года, после мэрских выборов октября 2009 года, в течение двух месяцев проходил так называемый «астраханский майдан». Самая крупная акция протеста (18 октября) собрала более 2000 человек, которые шествовали к местному Кремлю. Два года спустя, после досрочных выборов мэра, повторилась та же мобилизация, только еще более массовая. В самой многочисленной уличной акции (14 апреля 2012 года) участвовало около 8000 человек.

— Тольятти и движение против увольнений. В период кризиса митинги против сокращений на АвтоВАЗе, организованные свободным профсоюзом «Единство», дважды (6 августа и 17 октября 2009 года) собирали более 2000 человек. Работники предприятия, жители города, профсоюзные и политические активисты вышли вместе ради спасения промышленного города.

— Ижевск и кампания против отмены льготного проездного, инициированная местным Советом гражданских действий. Митинг 11 ноября 2009 года, к примеру, собрал более 2000 ижевчан.

— Калининград и движение за отставку губернатора Бооса. Особенно наглядно возросший потенциал городских движений показал десятитысячный митинг 30 января 2010 года: против повышения налогов, «тирании» партии «Единая Россия» и политики губернатора области.

— Ангарск и «жилищно-коммунальное» движение. В начале 2010 года жители, оппозиционные партии и общественные организации неоднократно проводили акции против завышенных тарифов на ЖК-услуги. В частности, 7 февраля 2010 года более 5000 жителей Ангарска вышли с лозунгами «Долой власть воров и грабителей!», «Власть под контроль народа!», «Нет повышению цен на квартплату и на электроэнергию!».

— Иркутск и движение в защиту Байкала[3] в начале 2010 года в очередной раз набирает вес и популярность в регионе. Одна из самых массовых акций прошла 13 февраля: более 3000 иркутян участвовали в митинге за сохранение Байкала, против Байкальского ЦБК и против Путина (подписавшего постановление, которое разрешило ЦБК неограниченно сбрасывать отходы в озеро).

— Архангельск и «жилищно-коммунальное» движение. В первой половине 2010 года развернулась последовательная кампания (с митингами, обращениями, судами и т. д.) против завышенных тарифов ЖКХ и коррупции во власти. Ее провела широкая коалиция общественных организаций, профсоюзов, политических партий и социальных движений (в частности, движения «неравнодушных»). Одна из самых крупных акций, 21 февраля 2010 года, собрала на митинг более 3000 жителей.

---

[3] О другом периоде активности Байкальского движения (в 2006 году) см.: *Исследовательская группа ЦНСИО: Титов В.* (рук.), *Рожанский М., Елохина Ю.* Феномен гражданского протеста: опыт и уроки «Байкальского движения»/Бабр.ru, 12.01.2007 (http: // newsbabr.com/? IDE=35255).

— Химки и движение в защиту Химкинского леса. Многолетняя борьба обострилась летом 2010 года. В акции «Мы все живем в Химкинском лесу» на Пушкинской площади в Москве (22 августа) участвовали более 5000 человек.

Эти и другие события нас заинтриговали: неужели возможна солидаризация между группами и движениями, имеющими разные интересы и выдвигающими разные требования? Неужели человек или организация (движение, группа) может присоединиться к кампании или акции, напрямую не относящимся к сфере его интересов? Неужели возможна выработка программы более общей, чем просто совокупность отдельных требований? Неужели эти новые коллективные акторы (иногда добивавшиеся серьезных уступок вплоть до отставки губернаторов) могут стать политической силой?

И еще хотелось понять: а что происходит с этими массовыми движениями после того, как волна протеста гаснет? Ведь большая часть протестных всплесков, которые мы изучаем, прошла в 2009–2010 годах и завершилась до начала наших исследований, а это дает возможность оценить динамику подъема и спада движений. Конечно, ничего удивительного нет в том, что мобилизация ослабевает: люди не могут постоянно находиться в мобилизационном состоянии, в первую очередь они хотят жить «нормальной жизнью». И не было бы ничего страшного в затухании протестного движения, если бы оно достигло намеченной цели. Однако по большей части этого не произошло; в лучшем случае участники движения признают достижение лишь частичного результата.

Почему же мобилизация не возобновляется? И каким образом на месте периодических «мини-революций» (или бунтов — кому как нравится), которые практически всегда чередуются с периодами апатии и падения численности актива, могли бы сформироваться более или менее стабильные

механизмы гражданского контроля и участия, позволяющие корректировать политику власти в соответствии с нуждами и чаяниями людей без регулярных «потрясений»? Думаем, что двадцать лет «демократии» в России наглядно показали: без таких механизмов наличие формальных демократических процедур ни к чему не обязывает власть и ничего не гарантирует гражданам.

Чтобы понять, как возникли городские движения, что в них происходит, почему они распадаются и каков их потенциал, в том числе политический, мы и начали с ними знакомиться. Особенно нас интересовали следующие вопросы:

1) Как происходит (и происходит ли) переход от узкой проблемы и локального сообщества к широкой теме и взаимодействию активистских сообществ? (Например, как инициативная группа подключается к общей городской кампании?)

2) Можно ли говорить о городском движении (движении движений) в соответствующем случае? Как оно формируется? Каковы его характеристики?

3) Солидарность — что она означает (на словах и на деле, на практике) для активных горожан? Есть ли практики создания солидарных горизонтальных связей? Каковы основные факторы солидаризации и факторы разобщения людей? Как солидарность проявляется?

4) Вопрос о мировоззрении: как в процессе становления городского движения происходит (и происходит ли) расширение кругозора, переосмысление ситуации в более общих категориях, выход на некоторое понимание общего блага? И каковы эти «более общие» категории, ценности? Существует ли общественный проект (ориентированный на глубокие социальные изменения)?

5) Можно ли наблюдать у некоторых участников городского движения стремление к политике — и к какой политике? Как оно выражается (во взглядах и на практике)?

Для прояснения этих вопросов мы выбрали шесть городов или территорий, где в последние годы были отмечены относительно крупные социальные движения и конфликты общегородского или регионального уровня. Несколько слов о каждом случае:

— Санкт-Петербург: градостроительные конфликты и общегородское движение против строительства башни «Газпром-сити», или «Охта-центра» (фаза наивысшей общественной мобилизации и широких солидарных действий пришлась на 2008–2010 годы);

— Химки (Московская область): экологический конфликт, борьба вокруг Химкинского леса (пики мобилизации пришлись на лета 2010 и 2011 годов, затем движение эволюционирует в сторону общегражданского);

— Сасовский район (Рязанская область): кампания против строительства завода по производству фенолформальдегидных смол (период наибольшей активности и привлечения наибольшего числа сторонников — 2008–2010 годы);

— Рубцовск (Алтайский край): борьба за выплату зарплаты (особенно острая в 2009–2010 годах) и за спасение моногорода (вялотекущий конфликт без образования городского движения); затем кампания против завышенных цен ЖКХ (пик мобилизации и солидарных действий пришелся на лето 2011 года);

— Астрахань: обширная сеть различных социальных движений и инициатив, объединившихся вокруг конфликта с мэрией (два пика общегородской мобилизации, каждый раз после выборов мэра: в октябре—ноябре 2009-го и в марте—апреле 2012 года);

— Калининград: массовая мобилизация и консолидация социальных движений (пик пришелся на декабрь 2009 — январь 2010 года) вокруг вопросов как социальных (транспортный налог, пенсии, льготы, закрытие больниц, рейдерская атака на мелкие торговые палаты), так и политических (монополизация власти «Единой Россией»,

выборность губернаторов, отставка губернатора Бооса). Последующая демобилизация и раскол движения (после марта 2010-го и отказа от массового объединенного митинга), а затем (в 2011–2012 годах) возобновление нескольких общественных кампаний (более мелкого масштаба) и выход в политику.

На чем основан наш анализ? В каждом городе или районе мы провели полевое, причем длительное, исследование. Каждый автор хорошо знаком со своим случаем, поскольку как в качестве исследователя, так и в качестве активиста или сочувствующего работает в своем поле среди активных горожан или сельчан уже много лет. Конкретно для данного проекта, посвященного городским движениям, мы собрали материалы во второй половине 2011 — первой половине 2012 года. Основной корпус информации составляют глубинные интервью, неформальные беседы, внешние и включенные наблюдения, а также документы и публикации в СМИ, в частности на сайте Института «Коллективное действие» (www.ikd.ru), общественными сотрудниками которого являются два автора книги.

Все это позволяет нам исходить непосредственно из того, что мы узнаем в поле: из непосредственных высказываний и практик людей в конкретных ситуациях взаимодействия, — чтобы затем попытаться выйти на более общие и теоретические рассуждения. То есть мы используем подход, который в социологии называется *grounded theory* и при котором антропологическое описание и анализ практик предстоят абстрактным моделям.

Книга написана в публицистическом стиле — чтобы читатели могли не только ознакомиться с нашими аналитическими выводами, но и узнать о реалиях жизни и деятельности активистов городских движений, разделить их чувства, сомнения, надежды и ценности, пережить вместе с ними их победы и поражения. Поэтому большое место в книге мы уделили

цитатам[4] из интервью и описаниям конкретных эпизодов. А также постарались избежать длинных теоретических рассуждений и не перегружали текст теоретическими ссылками. Таким образом, адресована наша книга не только и не столько узкому кругу ученых и специалистов, сколько всем интересующимся судьбой своего города и своей страны.

Кто такие «мы»? Кто авторы?

Идея проекта принадлежит Институту «Коллективное действие» (ИКД), который уже давно (с 2004 года) занимается исследованием социальных движений и инициатив, а также пытается содействовать их развитию и консолидации. Расскажем кратко друг о друге в третьем лице.

Ответственность за реализацию проекта и общий вид книги лежит на директоре ИКД Карин Клеман. Бывший научный сотрудник Института социологии РАН в Москве, ныне Карин — преподаватель Смольного института свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по социологии труда и социальных движений, француженка, переехавшая в Россию в 1994 году, она была шокирована эксплуатацией и унижением «простых людей» и с тех пор пытается не просто безучастно анализировать социальные процессы в стране, но и содействовать самоорганизации и общественной активизации. Вращаясь в кругах профсоюзных и социальных активистов, Карин познакомилась со многими героями книги и принимала личное участие в нескольких упомянутых

[4] В книге принята следующая система цитирования. Фрагмент интервью закавычивается либо набирается более мелким шрифтом со сдвигом относительно основного текста. Значимая информация об авторе высказывания, как правило, дана в скобках. Полное имя респондента указывается, если сохранить анонимность невозможно ввиду его известности, а также если человек не возразил против публичности. В других случаях указывается только имя или вымышленное имя.

здесь эпизодах мобилизации. Автор глав о Калининграде и Астрахани, а также о Рубцовске и Химках (в двух последних случаях — в сотрудничестве с другим сотрудником ИКД Андреем Демидовым).

Ольга Мирясова — научный сотрудник Института социологии РАН. Участвует в деятельности экологического движения с 1993 года (в проектах движения «Хранители Радуги» и Международного социально-экологического союза), сотрудничает со многими правозащитными организациями и социальными инициативами. С 2006 года является членом коллектива ИКД. Будучи активисткой анархистского движения, участвует в деятельности движения «Автономное действие». В 2008 году была вовлечена в экологическую кампанию жителей Сасовского района Рязанской области, которую и анализирует в этой книге.

Борис Гладарев — кандидат социологических наук, сотрудник Центра независимых социологических исследований, научный сотрудник межфакультетского исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Не будучи активистом, Борис сочувствует петербургскому движению за сохранение историко-культурного наследия (оно стало объектом его исследований) и лично знаком со многими его протагонистами. Он опубликовал несколько работ, посвященных градозащитным движениям в Северной столице.

Каждый вошедший в книгу случай — специфичен, поэтому каждый автор специфично и самостоятельно описывает его, исходя из особенностей условий, обстоятельств, контекста и акторов в каждом городе или районе. Общей схемы повествования нет; нет и стремления сравнить эти случаи между собой (какой более успешен — какой меньше; где больше солидарности — где меньше). Мы не выступаем в качестве судей. Тем более что каждый случай успешен и неуспешен по-своему; по крайней мере, не нашлось

ни одного активиста, полностью довольного достигнутым результатом. Общее в анализе случаев — стремление прояснить одни и те же (уже упомянутые) вопросы, внимание к практикам и словам людей, влияние одних и тех же теоретических рамок. Каждый случай обсуждался всеми авторами и был поправлен в соответствии с замечаниями коллег, а Введение и Заключение написаны по итогам рабочего совещания. Как ни странно, несмотря на различия во взглядах авторов и на специфичность случаев, согласовать основные обобщающие выводы оказалось довольно просто.

Причем общие выводы (см. Заключение) касаются не только приблизительных ответов на исходные исследовательские вопросы. Мы также пришли к новой теоретической конструкции — к классификации движений на: преимущественно социальные, преимущественно гражданские, преимущественно политические. Понятно, что классификация условна; понятно, что в той или иной степени все эти составляющие присутствуют во всех изученных нами движениях. Однако эта классификация позволяет лучше понять логику развития, трудности и достижения каждого из них. Подчеркнем: классификация сложилась к концу совместной работы и исходит из эмпирики, из общего анализа всех случаев. Поэтому полноценно она использована только в Заключении. И хотя мы немножко переработали каждую главу с учетом этой классификации, в тексте понятия «социальное», «гражданское» и «политическое» могут быть не столь различимы и специфичны, как в Заключении. Однако мы решили не стремиться к совершенству и оставить в тексте следы наших умственных и творческих поисков.

Несколько слов о теоретических рамках нашей работы.

Во-первых, она вписывается в теоретическую конструкцию предыдущей книги ИКД («От обывателей к активистам...», 2010) и является ее продолжением и актуализацией. В отличие от более ранней книги в нынешней почти

не рассматриваются вопросы о начале активизации, о том, как простые люди (обыватели) вовлекаются в общественную деятельность, или о том, как складывается отдельное социальное движение. Здесь мы — в свете новых событий в общественно-политической жизни страны — сосредотачиваемся на вопросах солидарности и консолидации, обобщения требований и целей, становления городских движений и коалиций. Это не первые шаги на пути к активизации или социальному движению, это — переход на другой уровень: более общий, глобальный, возможно, и политический.

Во-вторых, серьезное влияние на нашу работу оказали последние достижения в социологии социальных движений, в частности социологии социального движения как особого типа конфликтной политики[5] и социального движения как культурного сдвига[6]. Первое направление мысли ценно для нас тем, что рассматривает социальное движение в политическом контексте и воспринимает его как (внесистемного) политического актора, а также тем, что уделяет большое внимание роли организаций, лидеров и коалиций в становлении и развитии социального движения. Второе направление обогащает эту теоретическую конструкцию, изучая эмоции, ценности и мировоззрения, которые служат стимулом и мотивом для коллективных действий и сплачивания движений.

Исходя из двух этих теорий, мы — на начальном этапе книги — можем определить **социальное движение** следующим образом: это продолжительная кампания, которая выдвигает социальные требования и производит общие ценности и эмоции, которая обращается к широкой публике за пониманием и поддержкой и опирается на организации, коалиции, солидарности, где:

---

[5] *Tilly Ch. Tarrow S.* Contentious Politics. Paradigm Publishers, 2006.

[6] *Jasper J.* Cultural Approaches to the Study of Social Movements// Handbook of Social Movements across Disciplines/B. Klandermans and C. Roggeband (eds.). New York: Springer, 2007.

— **кампания (общественная)** — совокупность типов коллективных действий, тактических и стратегических шагов, предпринятых для продвижения какого-то вопроса в публичную сферу или для решения общей проблемы;

— **социальные требования** — коллективно сформулированные запросы, отвечающие интересам определенной группы людей и их взглядам на определенную социальную проблему. Подчеркнем, что «социальное» мы понимаем широко: социальными являются все проблемы, которые затрагивают основные потребности человека, связанные с его жизнью в обществе (в этом смысле экологические или градостроительные конфликты — тоже социальные);

— **ценности** — то, что субъективно значимо, дорого и правильно для человека; то, что должно или должно было бы быть;

— **эмоции** — чувственные и чувствительные составляющие действий и мыслей человека. Подчеркнем, что они не обязательно противоречат разуму;

— **публика** — люди или группы людей, потенциально — слушатели, читатели или зрители каких-то слов, текстов или действий. Если речь идет о социальном движении и его обращении к публике, то часть публики — потенциально сочувствующая или участвующая;

— **организация** — структура взаимоотношений и взаимодействий между людьми или коллективами людей, предполагающая определенные правила (в частности, по вопросам принятия коллективных решений, определения прав и ответственностей), известные всем членам организации и обязательные для всех. Понятно, что это не всегда зарегистрированная организация и не всегда жесткая иерархическая структура;

— **коалиции** — форма более или менее устойчивых взаимодействий между различными коллективными акторами (инициативными группами, организациями, социаль-

ными движениями). Возможно и прямое участие индивидов в коалиции;

— **солидарность** — ценностный действенный регулятор взаимоотношений между людьми, готовыми занять активную жизненную позицию.

В нашем понимании, **городское движение** — это социальное движение, характеризующееся относительно широким объединением различных акторов (людей, инициативных групп, организаций, движений) на определенной территории. Повторим, в идеале — это движение движений.

В нашей схеме **инициативная группа** — это самая узкая и частная форма объединения; отдельно взятое **социальное движение** — средняя по охвату и уровню обобщения; а **городское движение** — самая широкая и общая форма объединения. Схема эта не линейна; автоматического перехода от одной формы к другой не предполагается, нет и определенного порядка перехода.

Уточним, что в каждом типе объединения содержатся все вышеперечисленные «ингредиенты» коллективных действий (социальные требования, солидарность, организации, лидеры, эмоции, ценности, идеи и проч.). Разница — в уровне обобщения, консолидации и публичности.

Третий корпус теорий, к которому мы обращаемся, как раз и позволяет лучше осмыслить процесс обобщения, консолидации и публичности. Речь идет о социологии режимов действия, в основном французского социолога Лорана Тевено[7]. В своих теоретических поисках Тевено освещает именно проблему перехода от частного и близкого к общему и публичному. А поскольку в современной России

[7] *Thévenot L.* The Plurality of Cognitive Formats and Engagements: Moving Between the Familiar and the Public//European Journal of Social Theory. 2007. № 8 (10). P. 409–423; *Тевено Л.* Наука вместе жить в этом мире//Неприкосновенный запас. 2004. № 3 (35). С. 5–14; *Thévenot L.* L'action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. Paris: La Découverte, 2006.

большая часть коллективных действий начинается в сфере близости как локальная и частная инициатива по решению узкой, конкретной проблемы, мы должны не только констатировать наличие движений «более общего» уровня, но еще и понять и объяснить, почему они становятся возможными. Более того, мы пытаемся найти объяснительную схему, при которой «более общее» движение остается связанным с привычной (близкой, знакомой) средой обычных людей, поскольку — на это указывают все наши исследования — (обычные) люди вовлекаются в коллективные действия на основании очень близкой и ограниченной проблемы, которая беспокоит их лично и разрушает их привычный и ближний мир обитания.

Теория Тевено здесь очень уместна, поскольку не противопоставляет «общее» и «близкое»; «общее» может быть в «близком», а «близкое» — в «общем». И переход к более общему («композиция общности», в терминах социолога) может происходить по-разному, поскольку есть разные режимы действия или вовлеченности. Не все коллективно действующие лица вращаются в мире гражданственности или общего блага. Возможно обобщение через близкое: например, когда в одном «мелком» конкретном деле в сфере близости участвуют люди, действующие в разных режимах и сближающиеся на почве коллективного участия в этом «мелком» деле. Можно даже предположить, что именно через привязанность к своему близкому окружению и узким интересам, через готовность встать на их защиту люди обращаются к более универсальным идеям, таким как «власть под гражданский контроль», равенство всех перед законом, социальная справедливость и свобода.

Борис Гладарев

«Это наш город!»: анализ петербургского движения за сохранение историко-культурного наследия

Введение

Первый раз я услышал этот лозунг 3 марта 2007 года, когда толпа демонстрантов прорвала милицейское оцепление и двинулась от площади Восстания по Невскому проспекту. Три тысячи участников первого в Петербурге марша несогласных шли, скандируя: «Это наш город!» Проспект заливало солнце, автомобилисты солидарно сигналили, милиция выстраивала на перекрестке с Садовой новый заслон. Его прорвали тоже и, дойдя до здания бывшей городской думы, устроили стихийный митинг. Через час митингующих «жестко» разогнал ОМОН. Сотни людей были силой погружены в автозаки, десятки провели ночь в отделах милиции, большинство из них были приговорены к административным штрафам. Многим участникам марша досталось при силовом разгоне. Стаскивая депутата Законодательного собрания Сергея Гуляева с высокого парапета старой ратуши, милиционеры повредили ему позвоночник и сломали руку. Одному приятелю разбили дорогой фотоаппарат. Еще слышал и читал про многих, кому после этого марша пришлось «снимать побои» в городских травмпунктах.

В тот раз мы с друзьями счастливо избежали репрессивных последствий. Когда омоновцы начали рассекать митингующих на сектора, выхватывая по два-три человека и оттаскивая их в автозаки, мы просочились через оцепление в толпу фланеров, наблюдавших за активистами с тротуаров, и отправились выпить пива и поделиться впечатлениями на Перинную линию. Задержания, крики «Позор!», ругань и возбуждающие фотовспышки остались позади, затерлись. Но до сих пор живет в памяти ощущение праздника, ощущение энергии солидарного порыва множества незнакомых, почти незнакомых и только что познакомившихся людей, громко скандирующих: «Это наш город!»

Через год после описанных событий я получил возможность поближе познакомиться со многими участниками того первого петербургского марша. В 2008 году, благодаря поддержке фонда «Династия» и Центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге, я начал работу над социологическим исследованием городских движений и инициатив, которые выступали за сохранение памятников истории и культуры Петербурга. Как социолога меня заинтриговала ситуация на общественно-политической сцене города, где начиная с 2006 года проблемы градостроительной политики, вопросы сохранения историко-культурного наследия вызвали самый широкий общественный резонанс, послужив детонатором для роста публичной активности самых разнообразных движений и общественных инициатив (экологических, правозащитных, территориальных и др.).

Почему не бюджетники, лишившиеся последних льгот, не рабочие, требующие повышения оплаты труда, не активисты оппозиционных партий, а защитники культурных и исторических памятников стали в авангарде общественной борьбы, которая разворачивается в городе на протяжении последних пяти-шести лет? Как происходила общественная мобилизация петербургских защитников наследия?

Какие социальные последствия имеет накопленный опыт борьбы против градостроительной политики губернатора Матвиенко для общественной жизни Петербурга? Какие формы коллективного и солидарного действия она породила среди горожан? Почему до декабрьских (2011 года) митингов «За честные выборы!» самые мощные, структурированные и эффективные гражданские коалиции образовывались в Петербурге вокруг лозунга «Это наш город!»? — Вот основные вопросы, которые предполагается рассмотреть в этой части книги.

Эмпирическое исследование, проведенное в среде активистов градозащитного движения в Петербурге, реализовывалось в русле «понимающей» социологии качественными методами. На протяжении 2008–2009 годов я участвовал в публичных акциях и организационных собраниях защитников историко-культурного наследия Петербурга, собрал семнадцать интервью с активистами «Группы спасения», группы «ЭРА» («Экология рядовой архитектуры»), движения «Живой город» и ВООПИиК. Также мною был проанализирован значительный массив публикаций СМИ и разного рода документов, касающихся деятельности петербургских градозащитников[1]. В 2011 году Карин Клеман пригласила меня участвовать в проекте Института коллективного действия «Городские движения в современной России». Результатом нашего сотрудничества стала эта книга. Работая над своей частью, я собрал еще четыре интервью с активистами петербургского градозащитного сообщества (2011 год), дополнив основной корпус данных 2008–2009 годов. Таким образом, представленный вниманию читателей текст написан по результатам двух последовательно проведенных

[1] По результатам этой работы написана статья для коллективной монографии Центра «Res Publica» ЕУСПб: *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному / Под ред. О. Хархордина. СПб.: Изд-во ЕУСПб., 2011. С. 71–304.

проектов, в центре внимания которых — новая генерация «ответственных горожан», ощущающих себя не только жителями, но и гражданами Петербурга.

По дизайну мое исследование было выполнено в русле grounded theory (т. е. антропологическое описание и анализ практик предстоят абстрактным моделям и общим схемам). Опираясь на наблюдения, документы и интервью, собранные в среде активистов, я фокусировал внимание на анализе конкретных ситуаций социального взаимодействия, на повседневных практиках и навыках, которые они используют для оценки происходящего, для разрешения конфликтных ситуаций, для совместного творчества в пространстве коллективного действия.

Чтобы различить механизмы общественной мобилизации и создания городских коалиций, а также выявить базовые принципы функционирования петербургских градозащитных движений в начале XXI века, кажется важным разобрать три темы, последовательно сделать три аналитических «шага».

Во-первых, важно обратиться к критическому анализу «идеологического базиса» (ценностно-мотивационного комплекса), общего для активистов — защитников петербургского наследия. Эта тема важна, поскольку «идеологический базис» выступает одной из составляющих устойчивого развития общественного движения. Когда у общественного движения вырабатывается некий ценностно-мотивационный комплекс (разделяемый большинством его участников), движение получает дополнительные «идеологические» (не ситуативные, не эмоциональные, не прагматические) возможности для воспроизводства и создания устойчивых групп интересов (преодолевается смысловой разрыв между решением конкретных прагматических задач и формулированием обобщенных идеалов и целей).

Во-вторых, нужно реконструировать социальную историю этих городских движений. Описав истоки

движения за сохранение историко-культурных памятников Петербурга, выделив основные этапы его развития, проанализировав опыт, накопленный разными поколениями его активистов, я постараюсь раскрыть читателям генеалогическую связь современных нам форм общественного участия с исторически предшествующими им формами. Особенно подробно я остановлюсь на современном этапе развития этого движения.

Третья тема настоящей работы связана с изучением процессуального уровня существования градозащитного движения Петербурга сегодня (в 2011 году), тех мелких навыков социального взаимодействия, привычных (часто нерефлексируемых участниками) практических способов делать что-то вместе («со-обща» или «со-обществом»). Анализ повседневной практики общественной работы (форм коллективного действия, способов достижения компромиссов и разрешения конфликтов, формальных и неформальных практик) будет проделан на примере одного из градозащитных движений, с отсылками к материалам, изложенным во второй «исторической» части текста.

В результате комплексной реконструкции «идеологии», «истории» и «практики» движения защитников петербургского наследия можно будет высказать несколько эмпирически обоснованных суждений об основных векторах в развитии общественного активизма в Петербурге.

Переходя к основному тексту, следует подчеркнуть, что в этой работе я предполагал не только «насыщенно описать» историю и социальную природу градозащитных движений. Не менее важным мне кажется передать специфический дух, атмосферу, стиль, характерные для общественных объединений защитников памятников истории и культуры Петербурга. Поэтому текст сознательно наполнен цитатами из интервью, что, возможно, поможет читателю «услышать» голоса людей, которые в начале XXI века смогли создать

общественную коалицию городского масштаба и сделали градостроительную политику самой актуальной политикой в Петербурге[2].

1. «Петербургский миф»

> ...Это миф, родившийся из великой литературы и петербургской культуры века XIX, [он] стал регулировать определенное поведение, историческое поведение людей. И все, что происходило в Петербурге в XX веке, как раз является проявлением этой работы мифа.
> *Николай Беляк, 63 года, режиссер Интерьерного театра*

Движение в защиту памятников истории и культуры возникло в Петербурге вокруг специфического набора идей, связанных с представлением об исключительной ценности исторического центра города. По мнению участников движения, сохранение старых городских кварталов, бережное отношение к памятникам прошлого имеет общечеловеческое, глобальное значение. Это вопрос культурной экологии,

[2] В главе принята следующая система цитирования. Информация об авторе высказывания дана в скобках, например (Сергей Васильев, 48 лет, активист ГС), (Саша, 28 лет, активистка ЖГ). Полное имя информанта указано, если он или она дали согласие на его использование. В случаях, когда такого согласия получено не было, используется вымышленное имя. Возраст информантов указан на момент интервью. Принадлежность к общественной или экспертной группе отмечается сокращенно: ГС — «Группа спасения», ЖГ — движение «Живой город», ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

не менее актуальной для сохранения человека как биологического вида, чем экозащита в привычном понимании. Большинство моих информантов — активистов градозащитного движения разделяют представление о специфическом духе, присущем Петербургу и петербуржцам. В интервью они использовали «субъектные» метафоры при рассказе о своих отношениях с городом, описывая его как «живой организм», «свой дом», «интерактивный портал». Из разговоров с ними выяснялось, что у города есть «душа», «голос», «тело», которое может иметь «раны», которые могут «болеть»; что градозащитники «общаются» с городом, «чувствуют» его, «черпают у города силы», а он, в свою очередь, «подает сигналы», «зовет на помощь», «откликается» или «живет по своим законам».

Надо отметить, что традиция антропоморфизма в восприятии Петербурга имеет продолжительную историю. Еще в 1920-х годах классический для защитников наследия автор — Николай Анциферов — писал о Петрограде: «Город Петра оказался организмом с ярко выраженной индивидуальностью, обладающим душой сложной и тонкой, живущей своей таинственной жизнью, полною трагизма»[3]. Схожую мысль выразил один из лидеров градозащитного движения 1980-х Николай Беляк: «Наш город именно действующее лицо, это очевидно. Не мы, а через нас. В этом смысле и говорит Петербург — через нас». Вполне в русле анциферовской традиции высказывалась в интервью одна из активисток движения второй половины нулевых. «Город — это несколько больше, чем ряд домов и улиц между ними, это некий организм, который действительно живет собственной жизнью» (*Юлия Минутина, 24 года, координатор движения ЖГ*).

Идея «субъектности объектов» не нова, и, благодаря собранным в ходе исследования материалам, можно видеть, что

[3] *Анциферов Н.* «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. С. 44.

перекликающаяся с архаичным антропоморфизмом идея «моральной нагруженности» урбанистической среды старого Петербурга по-прежнему популярна среди градозащитников:

> Город для нас просто как живое существо. Он жив, он имеет свой характер, свои законы, которые проявляются, и когда ты по нему идешь, и когда ты пишешь о нем какую-то бумагу, то есть совершенно в разных смыслах. Он может повести себя совершенно по-разному, он изменчив, но обладает чем-то вроде воли. Он... сейчас я скажу... он живой, и он обращается к нам, или даже точнее: он общается с нами (*Саша, 27 лет, активистка ЖГ*).

Можно сказать, что в случае движения защитников петербургского наследия объединяющий активистов набор идей и интересов завязан на разделяемое ими представление об исключительной ценности исторической городской среды, которая к тому же наделена субъектными свойствами. Этот комплекс идей я описываю через категорию «петербургского мифа».

«Петербургский миф» зарождается в среде образованного слоя горожан во второй половине XIX века. Европейская столица, построенная Петром, сразу стала одним из важнейших объектов описания и художественных опытов для молодой отечественной литературы, живописи и прочих художественных форм рефлексии. С конца XVIII столетия и на протяжении первой половины XIX Петербург приобрел параллельное материальному культурное, прежде всего литературное, измерение. В 1860-х годах включившаяся в исторический процесс разночинная интеллигенция добавила формирующемуся «петербургскому мифу» социальное измерение[4]. На протяжении XIX века город постепенно

[4] Одним из первых опытов подобного рода в России следует считать сборник «Физиология Петербурга», вышедший в 1845

превращается в повествующий об истории отечественной культуры многослойный текст. К началу XX века впервые возникает научный интерес к Петербургу как к предмету отдельных исследований. История локальной культуры начинает преподаваться в гимназиях и отдельных учреждениях высшей школы. Появляются первые учебные пособия, организуются художественные выставки «старины», проходят конференции по проблемам сохранения «наследия», предпринимаются попытки законодательно защитить историко-культурные памятники[5].

Свое воплощение «петербургский миф» находит в историко-культурных наслоениях, как бы нанизанных на материальный каркас города, наслоениях, образуемых литературными и справочными текстами,

---

году по инициативе и при участии В. Белинского. Во вступлении к сборнику В. Белинский отмечает: задача книги — дать «характеристику городу преимущественно со стороны нравов и особенностей его народонаселения» с помощью метода «меткой наблюдательности или более или менее верного взгляда на предмет, который взялись изображать» (*Белинский В.* Вступление // Физиология Петербурга. М.: Советская Россия, 1977. С. 40–41). «Физиологии» как жанр важны для городской антропологии еще и потому, что они были первыми попытками документалистики, когда средствами языка писатель стремился запечатлеть разные стороны городской жизни в их самой «реалистичной форме». То есть целью авторов эссе в жанре городской физиологии становилось дискурсивное фотографирование — документальное описание города. Наверное, «Петербург Достоевского» может считаться предельным проявлением той литературной социологизации, которая отличает «петербургский текст» эпохи разночинцев (подробнее см.: *Топоров В.* Петербургский текст русской культуры. М.: Наука, 2009).

[5] С 1905 года участники движения защиты и сохранения в России памятников искусства и старины готовили законопроект «Об охране древностей», который так и не был принят (из доклада А. Марголиса на конференции «Начинания и дела. К столетию основания Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». 16 декабря 2009 г., СПб.).

фотографиями, картами, фрагментами личной истории и т. п. Организующие «петербургский миф» тексты содержатся в путеводителях по городу, в настольных играх типа «Прогулки по Ленинграду»[6], в учебных пособиях, изданных в рамках школьного курса «История и культура Петербурга»[7]. Из них и складывается своеобразное представление о том, что значит быть петербуржцем/петербурженкой. Для этого необходимо инкорпорировать местные правила и практики взаимодействия с исторической средой города, т. е. усвоить нечто, что Дмитрий Лихачев называл «особыми "ленинградскими" чертами поведения» или «ленинградским культурным кодом»[8], а режиссер Интерьерного театра Николай Беляк — «петербургским сознанием», возрождающимся в новых и новых поколениях горожан как результат «работы петербургского мифа»:

> XX век, весь XX век — это этос, это миф, родившийся из великой литературы и петербургской культуры века XIX, [он] стал регулировать определенное поведение, историческое поведение людей. И все, что происходило в Петербурге в XX веке, как раз является проявлением этой работы мифа.

---

[6] *Лихачев Д.* Экология культуры // Москва. 1979. № 7. С. 173–179.

[7] К сожалению, в рамках этой книги я не могу подробно остановиться на содержательном анализе учебников, представляющих современные программы курса «Истории и культуры Петербурга», могу только отослать интересующихся к статье А. Векслера (Краеведение в школьной программе: учебная краеведческая литература // Письма краеведов // Сайт Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева. 2004; http://www.lfond.spb.ru/programs/history/letters/docs/Veksler.doc), где с методических позиций анализируется учебная краеведческая литература. В целом же эта тема еще ждет своего исследователя. Отмечу лишь, что на конец 2009 года список различных учебно-методических материалов, включающий учебники, хрестоматии, атласы и справочники по петербурговедению, приближался к 70 позициям.

[8] *Лихачев Д.* Экология культуры // Москва. 1979. № 7. С. 173–179.

<...> И, конечно, конец XX века — это возвращение исторического имени, борьба за памятники культуры, которую начали горожане, — это все работа этой же этической энергии, формирующей петербургское сознание, специфическое отношение горожан к своему городу.

Можно сказать, что в основании «петербургского мифа» находится идея об уникальной ценности петербургского наследия, воплощенного в его «старых камнях». Приверженность этой идее объединяет защитников петербургского наследия, и их первоочередной задачей становится поддержание сохранной аутентичности городских памятников истории и культуры. Само «наследие» понимается и оценивается активистами градозащитных движений из разных перспектив, однако можно с уверенностью говорить, что общей для них категорией выступает аутентичность:

Я думаю, что самое главное — аутентичность. Этот город очень долго и успешно сохранял свою аутентичность, хоть и по разным совершенно причинам. И не только потому, что хотели ее сохранить, а еще и потому, что не было сил и средств ее испортить. Просто сейчас стало дешевле испортить, чем сохранить, и поэтому начался этот вал нарастающий так называемых инвестиционных проектов (*Сергей, 24 года, активист ЖГ*).

То есть аутентичность — это наиболее обобщенный ценностный код, как бы включающий в себя другие. Например, Елена, активистка движения нулевых, объясняла личную приверженность этому коду следующим образом:

Я в принципе люблю вещи, идеи, города с историей... дерево лучше пластика, что исторический кирпич лучше,

там, современного кирпича, что кожаная обувь лучше, чем из кожзаменителя (*Елена, 25 лет, активистка ЖГ*).

Один из активных борцов за петербургское наследие восьмидесятых так объяснял в интервью мотивы своего вовлечения в движение:

Я с детства помню, лет с семи помню, то всё, что произведено до семнадцатого года, в шестидесятые годы таких предметов было много... для меня таким ореолом окружалось. Я эти вещи старался коллекционировать, не выбрасывать, даже какие-то старые дверные ручки (*Вадим, 47 лет, активист ГС*).

Когда в основе защищаемых ценностей лежит аутентичность, ценным становится все: от «старых дверных ручек» до «особой ячеистой структуры планировки внутренних дворов», от «исторической расстекловки» до «девственной непрерывности небесной линии». Ниже я приведу несколько характерных цитат из интервью с активистами, демонстрирующими при этом удивительную преемственность суждений, хотя и принадлежащими к разным поколениям и группам градозащитного движения:

1) Петербург знают в мире как исключительный памятник. Он связывает нас с нашим прошлым... И это наше достояние. И его надо защищать (*Александр Марголис, 62 года, ВООПИиК*).

2) «Петербург — это единственный в мире уцелевший мегаполис, где до сих пор сохраняется порядка 10 тысяч исторических зданий, которые не просто разрозненно существуют, а составляют из себя единый массив. Именно благодаря этому город оказался включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО (*Алексей Ярэма, 46 лет, лидер группы ЭРА*).

> Для меня старая архитектура и историческая городская среда, старые дома — это все материальные свидетельства русской культуры. Может быть, это пафосно, но это можно потрогать, это можно увидеть. Можно увидеть дом, где жил Пушкин, можно увидеть Петербург Достоевского, то есть как-то увидеть и почувствовать историю. Это все развивалось вот здесь, в этих стенах. И для меня уничтожение вот этих зданий старой архитектуры — это уничтожение культуры *(Андрей 38 лет, активист ЭКОМ)*.

Татьяна Лиханова, одна из известных журналистов, пишущих о градостроительной политике и охране наследия, отмечала общий импульс у защитников наследия конца 1980-х и второй половины 2000-х:

> Сравнивая «Живой город» и «Группу спасения», я все-таки вижу больше схожего, чем отличного. Потому что изначально действительно импульс у них тот же, который был у нас. То есть побудительный мотив — это любовь, сострадание и сопереживание городу.

Таким образом, защитников наследия разных поколений связывает аффективное отношение, эмоциональная связь с Петербургом. Разрушение его исторического центра воспринимается ими как насилие, как варварство. Внимание, любовь и уважение к «старым камням» стимулируют коллективную реакцию на угрозу их «аутентичности». Любовь, сострадание или ненависть трудно аргументировать общепонятным образом (они часто очень личные), но как мобилизирующие импульсы подобные чувства обладают огромной силой. Наследие ведь в некотором роде наследство, оно связывает «наследников» с историей и традицией. И в ситуациях, угрожающих целостности историко-культурных памятников, «петербургский миф» выступает мобилизирующим фактором для разделяющих

его горожан, которые самоорганизуются в инициативные группы защитников петербургского наследия. Как я постараюсь показать в следующей части, наличие локальной, завязанной на местную культурную традицию «идеологии» является специфическим признаком изучаемого здесь движения.

2. Четыре мобилизационных волны движения защитников петербургского наследия

> Это город... город, поколение за поколением формирующий горожан — людей, которым не все равно, что снаружи, которым важно, что за стеклом их частного авто мимо проплывает. Понимаете?
> *Виктор, 52 года, активист ЗОВ (Защитим остров Васильевский)*

На настоящем этапе движение за сохранение памятников истории и культуры Петербурга опирается на продолжительную локальную традицию, а его активисты имеют возможность обращаться к богатому опыту своих предшественников. Чтобы понять социальную природу градозащитных инициатив, активно действующих на общественно-политической сцене сегодня, важно реконструировать историю и опыт, накопленный движением. Описывая основные вехи его истории, я постараюсь раскрыть механизмы самоорганизации, описать практики коллективного действия и эволюцию мировоззрения борцов за сохранение памятников истории и культуры, а также выявить факторы, провоцирующие общественную мобилизацию.

Самоорганизация защитников наследия всегда стимулировалась ростом разного рода угроз аутентичности/сохранности историко-культурных памятников и была ответной реакцией на них. Анализ собранных в ходе исследования данных позволяет утверждать, что на протяжении последних ста лет изучаемое движение пережило как минимум четыре мобилизационных волны[9]. Каждую такую волну провоцировало нарастание опасности в отношении конкретных памятников истории и культуры (общей ценности, разделяемой активистами).

Реактивный характер общественной мобилизации горожан-защитников отмечали в интервью многие (принадлежащие к разным поколениям и разным группам городского движения защитников наследия) информанты.

> Такого рода движения, они чаще всего являются ответом на вызов (*Александр Марголис, 62 года, сопредседатель Петербургского отделения ВООПИиК).*

> Сопротивление возникает как такой рефлекс самосохранения. То есть такие инициативы, они как бы являются ответами на структурные вызовы. Именно поэтому мне и кажется, что как «Группа спасения», так и «Живой город», они органичны природе вещей, они возникают в качестве защитной реакции общественного организма на усиливающийся стресс (*Павел Никонов, 52 года, активист ГС*).

> Наши действия чаще всего — это ответ на действия городских властей. А действия городских властей угадывать сложно (*Елена, 25 лет, активистка ЖГ*).

---

[9] Под «мобилизационной волной» я понимаю «нарастающий процесс солидаризации людей вокруг общих ценностей, институтов и групп, организованных для достижения социетальных целей» (Мобилизация // Социологический словарь / Под ред. Н. Аберкромби, С. Хилла, Б.С. Тернера. М.: Экономика, 1999. С. 174).

Насыщенное описание волнообразного развития экокультурных движений и общественных в Петрограде—Ленинграде—Петербурге открывает возможности для выявления укорененных в прошлом практик (привычных форм) общественного участия, отличающих градозащитный активизм на разных этапах. Далее я представляю вниманию читателя хронологическую реконструкцию истории движения защитников петербургского наследия с момента его зарождения в начале XX века и до конца 2011 года (момента завершения исследования). Исторически удаленные этапы развития движения описываются по возможности бегло, потому что мой интерес сосредоточен на анализе современного его состояния, совпавшего с четвертой мобилизационной волной 2006–2011 годов[10] и общественным конфликтом вокруг проекта строительства «Газпром-сити».

Первая мобилизационная волна (1902–1917)

В 1902 году в программной статье «Живописный Петербург» А. Бенуа впервые сказал о необходимости сохранения памятников истории и культуры для развития российского общества[11]. Вокруг этой идеи постепенно объединяются представители художественной и аристократической элиты Петербурга. Можно сказать, что первые общества и кружки любителей/ревнителей «старины» возникают уже в начале XX века как реакция на нарастающие в ходе масштабного строительного бума угрозы «утраты классических городских ансамблей».

---

[10] Исследование закончилось в декабре 2011 года, но четвертая волна градозащитного активизма продолжала нарастать. Это «живое» социальное явление, требующее дальнейшего изучения.

[11] *Бенуа А.* Живописный Петербург // Мир искусства. 1902. № 1. С. 1–5.

В октябре 1903 года П. Сюзор и Л. Бенуа с учениками образуют «Общество архитекторов и художников», в задачи которого входило в том числе сохранение художественно-архитектурных ценностей города и его окрестностей[12]. С 1907-го в Петербурге стал регулярно выходить журнал «Старые годы». На страницах журнала пропагандировались идеи охраны и изучения художественного наследия[13]. В том же 1907 году энтузиасты общественной «Комиссии по изучению и описанию старого Петербурга» (И. Фомин, Г. Ильин, В. Щуко и др.) организуют в доме архитектора Сюзора частный Музей старого Петербурга, куда свозят экспонаты, добытые в борьбе с «современным вандализмом»[14].

В 1909 году в Петербурге возникает «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» — не только петербургских, но и провинциальных (организаторы — А. Бенуа, Е. Волков, В. Верещагин, Н. Врангель). В Уставе общества было сказано, что оно имеет целью «преследствовать разрушению, поддерживать и способствовать сохранению в России всех памятников, имеющих художественную или историческую ценность, независимо от эпохи их создания. ...Архитектурные постройки, памятники садбищ, картины, бронза, фарфор, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности — все это, составляющее культурное достояние России, подлежит сохранению и защите»[15]. Вокруг идеи сохранения наследия

[12] «Общество архитекторов и художников» действовало в Ленинграде до 1935 года.

[13] Подробнее см.: *Золотинкина И.* Журнал «Старые годы» и ретроспективное направление в художественной жизни Петербурга (1907–1916): Автореф. дис. СПб., 2009.

[14] В 1919 году на его базе в Аничковом дворце открывается первый государственный Музей города (директор — Л. Ильин). Музей был закрыт в 1929 году и снова открылся уже как Музей истории Ленинграда в 1957-м.

[15] Цит. по: *Литвинова Е.* 100 лет Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // Cogita.ru —

объединились люди разных званий, сословий и состояний. Председателем «Общества...» был великий князь Николай Михайлович; в его Совет входили известные художники и литераторы. Десятки рядовых членов «Общества» — искусствоведов, коллекционеров и краеведов — смогли спасти, описать и музеефицировать сотни уникальных объектов. Появляются первые учебные пособия, предметом которых является Петербург; организуются художественные выставки старины и конференции по проблемам сохранения наследия; предпринимаются попытки законодательно защитить историко-культурные памятники[16].

Вторая мобилизационная волна (1917–1932)

Революции 1917 года привели к тотальной ломке политической, социальной, экономической структуры российского общества. Однако культурные изменения обладали особой динамикой, о чем свидетельствует деятельность защитников памятников истории и культуры в эпоху Гражданской войны, «военного коммунизма» и «диктатуры пролетариата». Оставшиеся в революционном Петрограде специалисты в области охраны наследия были востребованы советской властью для описания и каталогизации ценностей, реквизированных у «классовых врагов». Как писал потом Петр Вейнер, участники движения 1920-х видели в своей работе требования «высокого долга и прекрасной цели»: «Мы не задумываясь пошли на сотрудничество

2009. 16 декабря; http: // www.cogita.ru / news / 100-let-obschestva-zaschity-i-sohraneniya-v-rossii-pamyatnikov-iskusstva-i-stariny.

[16] В 1912 году участники движения защиты и сохранения в России памятников искусства и старины подготовили и внесли в Государственную думу законопроект «Об охране древностей», который так и не был принят. См.: *Минутина Ю.* Степени защиты. Охранное законодательство в Санкт-Петербурге прежде и теперь // Историческая недвижимость. 2009. № 2 (7).

...ой нам партией, так как задачи этого дела считали сто...ими мне политики... и знаем, что здесь ошибки неискупи...ы в экономической жизни страны разорение еще попра...имо, но здесь... никакой самый напряженный труд не вер...т погибшего»[17].

С одной стороны, революционные катаклизмы, Граж...анская война и «бурлящий хаос нового мира» представля...и собой реальную угрозу памятникам отечественной куль...уры, которые энтузиасты движения 1920-х воспринима...и как «абсолютные вечные ценности», находящиеся «вне» и даже «над» сиюминутной политической конъюнктурой. С другой стороны, национализация открывала уникальные возможности для изучения, каталогизации и популяриза...ии прежде недоступных массам, но внезапно ставших «на...одным достоянием», памятников архитектуры и парково...о искусства, коллекций и собраний. Два этих условия, нало...енные на потребность местных Советов в квалифици...ованных специалистах, предопределили вторую мобили...ационную волну движения защитников петербургского на...ледия. В определенном смысле обобществление наследия ус...ранило зазор между «культурными наследниками» и «на...ледниками де-юре», существовавший до революции. В но...ых условиях «культурные наследники» стали единственны...и ответственными акторами. Причем большинство участ...иков движения 1920-х годов происходили из «бывших»[18], по классовому признаку дискриминировались советской властью, однако остались в городе, включившись в работу по охране местных историко-культурных памятников[19].

---

[17] Цит. по: *Пирютко Ю.* Питерский лексикон. С. 365.

[18] «Бывшими» в СССР 1920-х — начала 1930-х годов называли представителей «эксплуататорских классов» (дворянства, купечества, духовенства и промышленников), которые были законодательно лишены некоторых прав, например избирательных.

[19] Хорошей иллюстрацией может служить история Александра Половцева, ставшего первым послереволюционным хранителем

Уже в начале 1918 года при Наркомпросе создается «Особое совещание по делам искусства», куда вошли известные специалисты и энтузиасты: А. Половцев, А. Бенуа, П. Вейнер и др. В 1919-м в бывшем имении графов Стенбок-Ферморов открылась Лахтинская экскурсионная станция с Музеем природы северного побережья Невской губы (директор — профессор Виттенбург). На протяжении 1920-х годов станция была важным центром «ленинградской экскурсионной школы», число ее посетителей доходило до 13 тысяч в год. В 1921 году в Петрограде появились сразу несколько институтов, предметом интереса и заботы которых выступает историко-культурное наследие: городское отделение Центрального бюро краеведения, Ленинградский исследовательский экскурсионный институт (И. Гревс, Н. Анциферов), общество «Старый Петербург — Новый Ленинград»[20] (А. Бенуа, В. Зубов и др.). В 1922 году в издательстве «Брокгауз — Ефрон» выходит книга Н. П. Анциферова «Душа Петербурга», ставшая классической для защитников историко-культурного наследия[21].

В середине 1920-х годов сотрудники Ленинградского исследовательского экскурсионного института обосновали для

Павловска: «Богатый аристократ, гофмейстер императорского двора, он сумел пробиться на прием к наркому просвещения Анатолию Луначарскому, где без долгих объяснений объявил: "Павловск должен быть спасен!" Луначарский, охватив голову руками, ошарашенно посмотрел сквозь стекла толстых очков: "Павловск? — воскликнул он. — Да, я согласен, он должен быть спасен. Что для этого нужно сделать?" Половцев быстро ответил: "Назначьте меня комиссаром дворца". — "Хорошо, но кто вы? Напишите ваше имя, вам выдадут мандат"» (цит. по: *Пирютко Ю.* Питерский лексикон. С. 364–365).

[20] Подробнее см.: *Конечный А. М.* Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград»: 1921–1938 // Музей. 1987. № 7. С. 249–252.

[21] В ней на примере анализа литературных произведений о городе впервые сформулированы методические подходы к комплексному изучению «петербургского мифа».

Назрела необходимость введения в образовательную программу отдельного адаптационно-культурологического курса для массово приезжающих из села новых горожан[22]. Образовательную концепцию ленинградской экскурсионной школы отличала ориентация на практические навыки «познавательного вовлечения человека в конструктивное общение с современной ему городской средой», ориентация на «активное участие советских граждан в местном самоуправлении, на интерес к современности, «являющейся этапом исторического процесса»[23]. Город, его памятники, его культура и инфраструктура становятся в 1920-е годы учебным предметом и педагогическим инструментом, призванным воспитывать новых советских граждан.

В 1921 году в истории движения начинается так называемое «золотое десятилетие», отмеченное масштабной и хорошо организованной работой сотен энтузиастов-краеведов. Проводятся научные конференции, посвященные проблемам сохранения наследия, выходят методические пособия по экскурсионному делу, нацеленные на вовлечение приезжих (часто бывших крестьян) в городскую культуру, издаются специализированные журналы «Известия

---

[22] Николай Анциферов писал: «Резкий рост миграции крестьян в города и непонимание новоселами городского образа жизни, их страх перед городом <...> требуют от новой советской школы помочь новоселам освоить новое пространство, понять природу феномена города, его потенциал, научиться в нем жить и его строить» (*Анциферов Н.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. С. 9).

[23] «Прошлое просвечивает через настоящее и должно быть учтено при изучении души города. Но вместе с тем в городе мы должны видеть и наше будущее, которое подготавливается трудом сменяющихся поколений. Через познание прошлого мы лучше научимся различать перспективы грядущего и вернее находить путь к нему. Синтетический образ города можно ощущать только в потоке времени» (*Анциферов Н.* Пути изучения города... С. 25).

ЦБК»[24] (1925–1929) и «Краеведение» (1923–1929). «Золотое десятилетие» закончилось в 1932 году, когда НКВД инициировало «Дело краеведов», в результате чего российское движение исследователей и хранителей историко-культурных памятников было разгромлено, а большинство его участников репрессировано. В 1929 году закрылся первый государственный Музей города, в 1932-м закрылась Лахтинская экскурсионная станция, в 1937-м закрылись московское и ленинградское Центральные бюро краеведения; в 1935 году было ликвидировано «Общество архитекторов и художников», в 1938-м — общество «Старый Петербург — Новый Ленинград».

Период с 1932 по 1957 год в истории движения — это «эпоха тоталитарного молчания», когда любая общественная инициатива, даже в политически нейтральной сфере охраны памятников, жестоко пресекалась как антисоветская. Культура воспринималась строго политически. Только после XX съезда (1956), празднования 250-летия Ленинграда (1957 — на 4 года после исторического) и реабилитации жертв политических репрессий (начиная с 1956 года) в городе происходит постепенное возрождение общественного интереса к памятникам истории и культуры.

«Латентный» период развития (1957–1985)

Вместе с хрущевской «оттепелью» начался новый этап в истории движения защитников петербургского наследия, который с определенной долей условности можно назвать «латентным». Он характеризовался подчеркнутой лояльностью участников изучаемого движения к политике партии и правительства, осторожным, избегающим открытой конфронтации с властями поведением. После сталинской политики тотального разгрома «растущих снизу» общественных

[24] ЦБК — Центральное бюро краеведения.

инициатив советско-партийное руководство формально обратилось к стимулированию «общественного участия» согласно о «творчестве масс». Однако рост низовых общественных инициатив должен был происходить в строгом соответствии с идеологически размеченным фарватером. Для этого под контролем партийных и советских органов были созданы разнообразные общественные организации.

В начале 1960-х годов отдельные представители городской интеллигенции осторожно обращают внимание властей и «советской общественности» на необходимость сохранения объектов историко-культурного наследия[25]. Результатом организационной и публицистической активности таких авторитетных ученых, как Дмитрий Лихачев, Игорь Грабарь, Борис Пиотровский, стало постановление Совета министров РСФСР 1966 года, которым учреждалось Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК)[26]. Поступивший в Ленинградское отделение этой организации в начале 1970-х годов Александр Марголис вспоминал:

> Тогда (в начале 1970-х. — *Б.Г.*) мало-помалу ВООПИиК стал таким интегратором ленинградских краеведов. Во-первых, они использовали площадку, а площадки были неплохие. Скажем, Ленинградское отделение получило от властей, от Романова, по-моему, церковь Всех Скорбящих Божьей

[25] Например, в 1962 году в газете «Смена» появилась подборка писем читателей, взволнованных запущенным состоянием отдельных памятников архитектуры, а 10 июня 1965-го в «Литературной газете» была опубликована статья Д. Лихачева «Четвертое измерение», в которой академик критиковал проекты высотного строительства, нарушающие «четвертое измерение» города.

[26] ВООПИиК был типичной советской «общественной организацией», созданной и контролируемой сверху партийными органами. К 1980 году только в Ленинградском отделении ВООПИиК состояло около 400 тыс. человек, а его годовой бюджет составлял примерно 250 тыс. руб. Руководил этим отделением на протяжении трех десятков лет директор Эрмитажа Б. Пиотровский.

Матери на углу проспекта Чернышевского, в этой ротонде роскошной был замечательный лекционный зал. Ну и у районных отделений также были неплохие площадки. Скажем, Октябрьский район, он базировался в Юсуповском дворце. Во-вторых, тогда некоторые районные отделения ВООПИиК превратились в своеобразные клубы, места для общения, причем весьма популярные среди разных кружков и сред городской интеллигенции (*Александр Марголис, 62 года, сопредседатель городского отделения ВООПИиК*).

С окончанием «оттепели» эко-культурное движение оказалось одним из немногих видов легитимной общественной деятельности, протекающей параллельно с обязательной партийной, комсомольской, пионерской работой. Многие «любители старины» постепенно стали образовывать латентные, невидимые для контролирующих сов. органов группы, кружки и сообщества, действующие параллельно с ВООПИиК, интересующиеся параллельными «советскому дискурсу» темами, связанными с досоветскими (тогда нередко воспринимаемыми как антисоветские) памятниками российской истории и культуры. Особенно много таких «альтернативных краеведов» стало в Ленинграде на рубеже 1970–1980-х годов. Тогда в городе появились новые очаги движения защитников наследия. Обычно они возникали при Домах культуры, Домах пионеров, при районных библиотеках или краеведческих музеях. Александр Кобак, бывший свидетелем и участником историко-культурного движения 1970-х, так описывал атмосферу этой эпохи:

За годы брежневского застоя в городе образовалась разнообразная питательная среда... Была обширная и вполне независимая от государства жизнь многих тысяч людей со своей прессой, своей музыкой, своим учебным процессом. Может быть, это некоторое преувеличение, впрочем, не очень большое. Действительно, ленинградская неофициальная

культура — явление достаточно уникальное (*Александр Кондрашов, 57 лет, исполнительный директор Фонда имени Д.С. Лихачева*).

В 1979 году Дмитрий Лихачев публикует программную статью, где вводит категорию «экология культуры», противопоставляя ее «экологии природы» и подчеркивая, что «разрушение культурной экологии невосполнимо, тогда как нарушение экологического баланса в природе обычно компенсируется»[27]. Несмотря на кажущуюся шаткость этого противопоставления, в начале 1980-х экология культуры стала очень популярной ценностной моделью в определенных кругах ленинградцев:

> Лихачев, Пиотровский — пафос этих духовных лидеров движения заключался в том, что национальная культура, которая подверглась фундаментальным деформациям в первые годы советской власти, нуждается в защите, нуждается в поддержке. Дмитрий Сергеевич step by step продвигался к своей теории экологии культуры, которую он сформулирует, которая сделается манифестом новой волны этого движения в середине восьмидесятых (*Александр Марголис*).

Более того, концепция Лихачева дала движению новое самоназвание. Теперь многие его участники стали называть себя «экологами культуры», а свое движение — «экокультурным».

Характерное для позднесоветского Ленинграда увлечение локальной историей и культурой некоторые исследователи связывают с нарастающей провинциализацией «великого города с областной судьбой»[28]. Возможно, постепенная

[27] *Лихачев Д.* Экология культуры. С. 179.

[28] Начиная с середины 1930-х годов из города в административном порядке вывозили научные, образовательные, конструкторские и опытно-производственные институты, параллельно

утрата «старой столицей» былого блеска и значения стимулировала «массовый интерес к локальной истории, к величественному прошлому, которое смягчало провинциальное советское настоящее» (Михаил, 49 лет, участник инициативной группы «Возвращение исторических названий»)[29]. По мнению Катрионы Келли, популярность «охранной тематики» в Ленинграде объяснялась еще и тем, что «в определенных культурных средах была известна история об-

образованная часть ленинградцев теряла рабочие места и карьерные перспективы. В 1934 году в Москву переводят Президиум Академии наук СССР, а также ряд крупных академических институтов. Эвакуированные в 1941 году крупные КБ и НПО не возвращаются в город после победы. В 1947 году административным порядком в столицу переводят Академию художеств, а вместе с ней ценные музейные коллекции. Вместе с этим в Ленинграде продолжало работать значительное число вузов, производящих дипломированных специалистов. К середине 1980-х годов уровень образования горожан значительно превосходил соответствующие показатели по стране. Почти 40% всех работавших в городе имели высшее или среднее специальное образование (Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки. 1985--1991: Сб. мат. / Сост.: О.Н. Ансберг, А.Д. Марголис. СПб.: Серебряный век, 2009. С. 7). Можно предположить, что в городе постепенно нарастал социально-культурный кризис, вызванный противоположными тенденциями: административной провинциализацией и ростом образовательно-культурного потенциала его населения. Одним из следствий этого противоречивого развития можно считать нарастание популярности среди ленинградцев массового интереса к истории досоветской культуры своего города.

[29] Анализируя распространяющееся на протяжении всего XX века увлечение прошлым, Дэвид Лоуэнталь выделял такие типичные мотивы: в прошлом находят подтверждение собственных убеждений и направляющие примеры для действия; прошлое выступает удобной площадкой для выстраивания личной и коллективной идентичности; обращение к прошлому позволяет диахронически обогащать опыт настоящего, а также дает возможность спрятаться от тяжелого опыта настоящего. См.: *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна. СПб.: Русский Остров, 2004. С. 18.

...ников, выступавших за охрану города в дореволюционный ...ериод и ...ериод» [30].

Помимо краеведов, коллекционеров и других «любителей старины», в позднесоветском Ленинграде существовали ...несколько отдельно действующих групп профессионалов (архитекторов, искусствоведов, историков архитектуры, планировщиков, инженеров-строителей), несогласных с проводимой в городе политикой в отношении историко-культурных памятников. Они собирались в специализированных институтах, таких как Академия художеств, Комитет по инженерной реставрации зданий, ИИПИ «Спецпроектреставрация» и др. То есть к концу 1970-х внутри некоторых институтов и государственных учреждений существовали кружки «законспирированных профессионалов» (Павел Никонов, 52 года, активист ГС). Они целенаправленно работали на защиту общих для изучаемого сообщества ценностей непосредственно на службе, часто не входя ни в какие «любительские общества вроде ВООПИиКа» (Николай, 60 лет, сотрудник КГИОП). На протяжении 1970-х и в начале 1980-х годов в Ленинграде экокультурное движение разрасталось, популяризировалось, постепенно укрепляясь как самостоятельная общественная сила.

> Степень интереса к этой теме (наследию. — *Б.Г.*) в середине восьмидесятых годов была столь велика, что, например, одно Общество охраны памятников не справлялось с тем, чтобы... э-э... удовлетворить интересы всех тех, кто этим интересуется. Например, в Географическом обществе возникла секция охраны культурного наследия Ленинграда. Она возникла там просто потому, что не хватало ни мест, ни площадки

[30] *Келли К.* «Исправлять» ли историю? Споры об охране памятников в Ленинграде 1960--1970-х годов // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 123.

для того, чтобы предоставить возможность всем в этом уча ствовать (*Павел Никонов, 52 года, активист ГС*).

Проанализированные в ходе исследования документы и свидетельства очевидцев создают ощущение, что «брежневская эпоха» была временем, когда «неофициальная ленинградская культура... рождалась из отторжения и сопротивления советской мифологии» (Вадим, 47 лет, активист ГС). И многие ленинградцы начала 1980-х «бежали» от позднесоветской реальности в прошлое, обретая там своеобразный культурный оазис:

Петербургский регионализм возник в 1970-е годы, когда Москва стала восприниматься как «ставка врага», где находится все самое важное и куда уходит все самое лучшее. Что оставалось Петербургу? Естественно, прошлое. Город образца 1913 года представлялся совершенной идиллией[31].

Ту же особенность местного сообщества отмечали социологи Дамберг и Семенков: «Ленинградская диссидентская интеллигентность формировалась в противоположность пролетарской гегемонии московского большого стиля соцреализма...»[32] Впитавшая в себя «петербургский миф» ленинградская интеллигенция стала ресурсной средой для третьей мобилизационной волны градозащитного движения, совпавшей с горбачевской перестройкой. Оживление общественной жизни в Ленинграде середины 1980-х началось с публичных выступлений в защиту памятников истории и культуры. При первых признаках перестроечной либерализации «общественная активность горожан.

---

[31] *Малинин Н.* Петербург в борьбе с собственной мифологией // Независимая газета. 1997. 17 апреля.

[32] *Дамберг С., Семенков В.* Провинциальный город Санкт-Петербург: символический капитал в мире искусства // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. III. 2000. № 3. С. 176.

ровалась в первую очередь в деле спасения от разруше-
ния старых домов, хранящих память о замечательных лю-
дях или просто составляющих необходимый элемент архи-
тектурной среды в историческом центре»[33]. Новая волна мо-
билизации связана прежде всего с деятельностью «Группы
действия» (ГС) и Интерьерного театра.

Третья волна мобилизации (1986–1990)

С 1986 года в истории городского движения защитни-
ков наследия заканчивается «латентная» фаза. Движение
превращается в публичное пространство городской политики,
реформируя новые образцы общественного участия, создавая
и транслируя оригинальные практики солидарности и кол-
лективного действия.

Третья мобилизационная волна началась с митинга
в защиту дома Дельвига — старого двухэтажного здания
на Благородном проспекте, 1, которое собирались снести
в ходе строительства наземного вестибюля новой станции
метро. Об этих планах узнала Татьяна Лиханова — студент-
ка истфака ЛГУ, подрабатывавшая машинисткой в город-
ском отделении ВООПИиК. Она сообщила о предполагае-
мом сносе своим знакомым — Алексею Ковалеву и Сергею
Ястребцеву, тогда студентам истфака ЛГУ, выходцам из со-
общества, которое существовало вокруг археологического
кружка Ленинградского дворца пионеров[34].

---

[33] Общественная жизнь Ленинграда... С. 9 — 10.

[34] Подробнее об уникальной среде археологического круж-
ка ЛДП, организованного в 1970 году А.В. Виноградовым, см.: Ар-
хеология и не только: к тридцатилетию Сибирской археологи-
ческой экспедиции Ленинградского дворца пионеров / Под ред.
С.Г. Васильева, А.В. Виноградова, А.А. Иконникова-Галицкого. СПб.:
МАЭ, 2002; а также: *Гладарев Б.* Формирование и функционирова-
ние milieu (на примере археологического кружка ЛДП-ДТЮ 1970–
1990 гг.) // Сайт ЦНСИ, 2001 (http://www.indepsocres.spb.ru/boriss.

Лиханова была нашей приятельницей, мы с ней познакомились через Тамару, но неважно. Короче, она сказала Васе (Сергею Васильеву. — *Б.Г.*), что будут сносить дом Дельвига. Ну, и после этого покатилось. Я сказал: «Вася — давай! Мы можем создать организацию. Нужно попробовать создать прецедент и показать другим пример. Дом по закону памятник. Почему его сносят? Давай поднимем общественное движение, здесь все в рамках закона плюс без лишней политической окраски». Тем более что Владимирская площадь — мои родные места, я на Пушкинской вырос и все время ходил и ездил по этому району. И я тут же начал в этот же день звонить в жилуправление, сказав, что я представляю новую общественную организацию по охране памятников: «Наша организация хочет узнать у вас, почему это делается так-то и так-то?» Я звонил в Метрострой, в жилуправление, еще куда-то. Вот. По-моему, это было 18 или 20 сентября. И уже вечером или на следующий день мы придумали название «Группа спасения памятников истории и культуры Ленинграда» (*Алексей Ковалев, 46 лет, один из организаторов ГС*).

Вокруг Ковалева и Васильева быстро собралась группа молодых людей (средний возраст 20–25 лет), человек десять–пятнадцать. Впоследствии они составили организационное «ядро» ГС[35]. Обеспокоенные судьбой дома Дельвига,

---

htm), и *Гладарев Б.* Жизненные миры «особой» ленинградской молодежи // Неприкосновенный запас. 2004. № 36. С. 37–41.

[35] В октябре 1986 года «Группа спасения» была зарегистрирована при Центре творческих инициатив. Его недавно (в мае 1986 года) организовали по инициативе горкома ВЛКСМ для патронажа «неформальных» молодежных движений. То, что ГС была «прописана» в Центре творческих инициатив, указывает на неформальный статус этой группы, которая включилась в борьбу за сохранение наследия параллельно с официальным его защитником — ВООПИиКом.

[illegible] опыта коллективных действий и одновременно теоретические новые возможности публичной презентации собственных творческих идей активисты изобрели очень [illegible] для своего времени формы общественного [illegible].

Первой их публичной акцией стал театрализованный митинг на Владимирской площади 19 октября 1986 года, [illegible] лицейскую годовщину. Мероприятие, целью которого было привлечение внимания общественности к судьбе дома Дельвига, имело сложную режиссуру с элементами перформанса, карнавала и митинга.

> Были внесены динамики в дом Дельвига, который стоял пустой, расселенный. И вот в какой-то момент оттуда через динамики разнеслось: «Говорит дом Дельвига! Говорит дом Дельвига!» Народ проходящий стал тихо так охреневать. То есть заговорил пустой, расселенный дом. И потом появился Панченко с этой речью Куницына[36]. Появились трубачи на крышах домов вокруг площади... Потом с грузовика на площади стали выступать люди, начался митинг (*Татьяна Лиханова, 41 год, активистка ГС*).

На советских людей, привыкших к плотному контролю властей над публичным пространством, говорящий дом произвел ошеломляющее впечатление:

> В этот день на площади была масса народу, которые пришли и разделяли наши эмоции... Тогда, в первый раз, это еще не было деятельностью общественной, а было таким необычайным, ярким событием. Действительно очень шоковым в хорошем смысле (*Сергей Васильев, 48 лет, активист ГС*).

[36] Имеется в виду речь адъюнкт-профессора А. П. Куницына, прочитанная им 19 октября 1811 года при открытии Царскосельского лицея.

Организаторы вспоминали об акции 19 октября 1986 года на Владимирской площади как об исключительном событии в их жизни и истории города.

Это был первый неформальный уличный митинг. То есть митинг, который проводила не какая-то организация, учреждение, а собравшаяся свободная общественность... Оповещение шло по всем возможным тогда каналам, в основном по телефону. В этом мероприятии-празднике участвовали и академики-филологи из Пушкинского Дома, и хиппи из «Сайгона» — 14–16-летние подростки (это они очистили дом, мусор выносили), и милиционеры, и сотрудники Музея Достоевского, и сотрудники городского экскурсионного бюро, и журналисты, и домохозяйки. Весь спектр горожан был представлен. У людей на площади было удивительно праздничное настроение. Солнечный день. Улыбки. Много лет спустя я познакомился с семьей известных в городе архитекторов, и сейчас ведущих большую работу по отстаиванию города от разрушения, — Павлом Никоновым и его супругой. Тогда они пришли на праздник и принесли с собой в корзинке новорожденную дочку. Сегодня она — лидер группы «Живой город»... Этот митинг стал очень важным событием для нашего города, символом борьбы за гражданскую свободу и одновременно за сохранение культурно-исторических ценностей. За свободу в каком-то романтическом, лицейском, пушкинском представлении (*Николай Беляк, 63 года, режиссер Интерьерного театра*).

На Владимирской площади тогда собралось около 4 тысяч горожан:

Поднимались какие-то деды, какие-то старушки, какие-то люди и говорили простым человеческим языком. Это было невероятно по силе. Потом это уже было, но до этого не было ничего подобного. Это было сильнее всех — Панченко

с крыши. Когда просто вот бабка с улицы поднимается и говорит, что: «Это мое, родное. Я здесь жила, я ходила. Не надо его сносить». Никаких этих антисоветских речей, чего так все опасались, не было. Но при этом внятно, единым фронтом, что культурные ценности выше задач чистой прагматики. Вот (*Сергей Васильев, 48 лет, активист ГС*).

После успеха на Владимирской площади ГС активно включилась в мобилизационную волну перестройки, создала образцы общественного участия (пикеты, митинги, хеппенинги и т.д.), которые затем вошли в репертуар других движений. Тема охраны памятников петербургского наследия вдруг ненадолго (до 1991 года) стала лидирующей в городской общественной жизни[37].

Значительную роль при разработке и апробации новых форм коллективных действий в публичном пространстве играла труппа Интерьерного театра. Николай Беляк, его режиссер и идеолог,

был убежден, что если в нужном месте в нужное время произвести очень правильное, выверенное в смысле театрального искусства и в каком-то смысле — в соотношении с этим городом особое действо, то можно победить так, как не победит никакое письмо, никакое другое там... никакая апелляция ни к какому начальству. То, что нужно делать театральные акции, то, что нужно делать события, взывающие к каким-то культурным корням, — это все целиком от Беляка (*Сергей Васильев, активист ГС.*)

Приведу характерное воспоминание об одной из акций (15 марта 1987 года), иллюстрирующее совместное творчество ГС и Интерьерного театра:

[37] См.: *Orttung R.W.* From Leningrad to St. Petersburg: Democratization in a Russian City. NY: St. Martin's Press, 1995.

Помню мероприятие в Муринской церкви. Это был день рождения ее создателя — Николая Львова. Мы там проводили перформанс. В то время там внутри стояла гигантская скульптура хоккеиста. Во всю эту церковь, как в коконе, вот так вот — на уровне глаз — были огромные, чуть ли не метр длиной, коньки. И дальше, туда вот, в темноту церкви, уходила эта фигура. Сделана была из гипса на каркасе. Как ее собирались вынимать оттуда, эту фигуру, — непонятно. То есть она должна была разрушить церковь, как кокон, и вылезти... Там была скульптурная мастерская. И в этой ситуации... в темноте, где вот эта фигура антихриста на коньках... Туда был заведен хор духовной музыки, который ее исполнял в этих декорациях. Все это снималось Ленинградской студией кинохроники. Это было очень... очень сильное зрелище (*Алексей Ковалев, 46 лет, активист ГС*).

Достаточно быстро бурная деятельность активистов ГС вошла в острое противоречие с политикой городских властей. Узнав о планах по сносу здания бывшей гостиницы «Англетер» на Исаакиевской площади, молодые люди из ГС совместно с организацией «Фортпост» (Алексей Разоренов) установили дежурство у строительного забора, огораживающего здание, где повесился Есенин. Стихийный митинг, в ходе которого защитники наследия информировали горожан о планирующемся сносе и собирали против него подписи (всего было собрано 20 тысяч подписей), перерос в открытое противостояние. С 16 по 18 марта 1987 года сотни людей днем и ночью дежурили на Исаакиевской площади. Кульминации ситуация достигла 18 марта, когда лидеров ГС пригласили в Ленгорисполком для беседы с руководством. Но пока шли переговоры, здание было обрушено, а митинг его защитников разогнан силами милиции и внутренних войск. Это событие имело большой общественный и политический резонанс. Были публикации в союзных

с МП, были отставки руководящих работников[38]. Но самым интересным и важным следствием этой акции стал взрывообразный рост общественной активности и самоорганизации горожан. Пикет собирался на площади еще в течение полутора месяцев.

Для тысяч советских людей стояние у «Англетера» стало школой общественного участия. Постоянный пикет превратился в популярное место для общественных дискуссий; там, прямо на глазах у изумленных сотрудников спецслужб, возникали общественные организации и инициативные группы. Я коротко расскажу только о тех, что были вовлечены в градозащитную тематику.

В ходе борьбы за «Англетер» возникла леворадикальная группа ЭРА («Экология рядовой архитектуры»). По словам ее бессменного лидера Алексея Ярэма, получилось это так:

> В 1987 году я тусовался на «Сайгоне», был хиппи (я еще был такой молодой-красивый), вот. И была у меня подружка, которую в один прекрасный мартовский вечер я разыскивал. Мне знакомые сказали, что сейчас какая-то большая тусовка на Исаакиевской площади и что, может быть, моя подружка там. Вот. Я поехал туда. Подружку не нашел, но зато обрел большую тусовку общественных активистов, которые протестовали против предстоящего сноса «Англетера». Это было 15 марта 1987 года. В результате я там затусовался и практически оттуда уже не уходил, ну, один раз уезжал на ночь. А так и последнюю ночь перед сносом я там стоял, вот, и присутствовал при сносе и при разгоне. Получил во время разгона сапогом ментовским по спине. Ну и, собственно говоря,

[38] Начальник Управления ГИОП Иван Саутов был снят с должности и «услан» в область — руководить Царскосельским заповедником. Вскоре лишилась своего поста заместитель председателя Ленгорисполкома Валентина Матвиенко: именно она скрыла поступивший из Министерства культуры запрет на снос «Англетера», что привело к эскалации конфликта и событиям 18 марта 1987 года.

на этом дело кончилось бы, если бы уже летом того же года я, проезжая по Лиговке, не заметил подготовку к сносу домов на месте строительства станции метро «Лиговский проспект» и не позвонил Ковалеву. А Ковалев ответил: «Меня одного на все не хватает! Создавайте свою группу» и т. д. Ну, что мы, собственно говоря, и сделали. 23 августа 1987 года считается датой основания группы ЭРА. Буквально там на следующий день или через день (сейчас уже не помню) мы вышли на объект и сделали то, что мы назвали впоследствии «временный захват и баррикадирование здания». Мы забрались в здание. Нас было где-то человек семь, наверное. Забаррикадировались, вывесили плакаты из окон. ...Что-то вроде «Остановите снос!», «Сохраним старый город!». Вот. По тем временам еще никакого ОМОНа не существовало, был отряд по борьбе с беспорядками. Прибыл начальник этого отряда — полковник Р-кин. Милиция штурмовала здание. Достаточно быстро, естественно, они наши баррикады разгромили, вломились туда, нас похватали и отвезли в ментовку. Просидели мы там несколько часов, после чего нас выпустили благополучно.

Группа ЭРА существует и сегодня, спорадически участвуя в борьбе за сохранность петербургского наследия.

Самое первое и самое узкое — это оперативная защита исторических зданий от сноса. Если мыслить более широко, то, соответственно, это комплексное сохранение, регенерация исторической среды Петербурга, воссоздание всех утраченных элементов по архивным чертежам, уничтожение диссонирующих элементов, ну, тогда — советских утилитарных построек, сейчас — капиталистического новостроя (*Алексей Ярэма, 46 лет, ЭРА*).

Из опыта участия в «Англетерском стоянии» возникло несколько специфических общественных инициатив.

Например, группа «Возвращение исторических названий», активисты которой проводили анкетные опросы с целью узнать отношение жителей к идее восстановления старых названий их улиц, а также развешивали на домах таблички с дореволюционными топонимами. Еще можно вспомнить о Культурно-демократическом движении, заявившем о себе сразу после сноса исторической гостиницы на городском форуме в память «Англетера». Культурно-демократическое движение включило в себя множество неформальных общественных объединений, которые 28 марта 1987 года провели учредительную конференцию, основав Совет по экологии культуры (секретарь Совета — М. Талалай). На конференции была принята «Декларация Группы спасения историко-культурных памятников» — документ, определяющий цели и задачи градозащитного движения на третьем этапе его развития[39]. Основными функциями Совета были координация и информирование, а наиболее характерной формой коллективного действия — еженедельные собрания активистов разных экокультурных движений для согласования совместных акций.

В Совет по экологии культуры входили ГС, ЭРА, любительское объединение реставраторов «Мир», группа «Друзья Ропши» (ее активисты были озабочены сохранением остатков Ропшинского дворца), а также общественное объединение «Невская битва» (его цель — поднять старинную Александро-Невскую церковь) и экологическая

[39] Вот характерная цитата из Декларации: «Движение в защиту Ленинграда ставит своей целью не защиту отдельных памятников, а защиту всей исторической застройки. Поэтому мы требуем: распространить юридический статус "памятник истории и культуры" на все ленинградские здания, построенные до начала 1930-х; утвердить и обнародовать охранные зоны города; немедленно открыть информационный и дискуссионный центр под девизом "Город и мы"; сместить главного архитектора города с объявлением конкурса на замещение вакантной должности».

группа «Дельта» (она боролась против сооружения дамбы в Финском заливе). Можно упомянуть группу «Петербург», образованную студентами ЛГУ, которые пропагандировали идеи экокультурного движения, вывешивая материалы на информационном щите в университете. Эта группа боролась также против переноса гуманитарных факультетов ЛГУ за пределы города, оспаривала присвоение университету имени Жданова, принимала активное участие в публичных акциях движения за сохранение памятников. А подобных акций в Ленинграде конца 1980-х годов проходило довольно много.

Например, в июне 1987 года у Шереметевского дворца силами городской общественности был организован праздник поэзии. Люди собрались в парке «Фонтанного дома», читали с детской горки стихи Ахматовой и Гумилева — поэтов, долгое время замалчиваемых советским литературоведением. Целью акции было привлечение общественного внимания к идее создания Музея Анны Ахматовой в «Фонтанном доме»[40]. Тем же летом у градозащитного движения появился свой печатный орган — в июле вышел первый номер самиздатского «Вестника Совета по экологии культуры» (главный редактор — М. Талалай).

19 марта 1988 года участники градозащитного движения провели на Владимирской площади многотысячный митинг «День горожанина»:

> Эта идея «Дня горожанина»... самое сладкое в этой идее было в том, что в этот день — 19 марта — была назначена и проходила сессия депутатов Ленсовета в Мариинском дворце, посвященная вопросам культуры. Все это анонсировалось таким образом, что впервые за двадцать лет

[40] В результате шумной общественной кампании в середине 1988 года Исполком Ленсовета принял решение о создании Музея Ахматовой. 24 июня 1989 года он был торжественно открыт. Подробнее см.: http:// www.akhmatova.spb.ru/History.39.html..

власти обращаются к этим вопросам. Матвиенко, будучи тогда замредом, делала доклад. ...А моя идея заключалась в том, чтобы провести альтернативную сессию на площади — такое «народное вече». Это была моя идея, которую я предложил «спасенцам». Они согласились и взялись за нее с того конца, где надо было организовать это социально и политически. ...«День горожанина» — там была идея собрать на площади лидеров всех неформальных групп и движений, которые к этому времени были в городе, на Владимирской площади. И собрать их как бы в виде будущего правительства города. Ну, я хотел их с программами поставить на балкон дома Лихачева, вот, и каждый из них зачитает оттуда свою декларацию. Вот задачей вытащить их всех... ее решал непосредственно я. Поскольку нас не пустили к дому Лихачева, оттеснив к решетке Владимирской церкви, мы там собрали помост из строительных лесов с вертикальной лесенкой железной, по которой все на него забирались (*Николай Беляк, режиссер Интерьерного театра*).

В декабре 1988 года под эгидой Ленинградского отделения Советского фонда культуры В. Антонов и А. Кобак организовали в Музее этнографии народов СССР фотовыставку «Утраченные памятники архитектуры Петербурга — Ленинграда». На выставке были представлены исторические фотографии зданий (в основном церковных), уничтоженных в советское время, с подробными аннотациями, и рядом — современный вид тех мест, на которых прежде находились эти здания. Выставка имела оглушительный успех. В Музей этнографии стояли очереди.

В декабре 1988-го активисты ГС Сергей Васильев и Вадим Лурье написали и самиздатским образом растиражировали манифест «Культура вместо политики». Любопытно, что защитники наследия конца 1980-х (так же как их предшественники из 1920-х) особенно подчеркивали в своем манифесте

принципиальную аполитичность экокультурного движения. «Нас объединяет... стойкое недоверие ко всяким общественным теориям, основанным на политике, праве, экономике»; «Культурная традиция важнее политики» — вот два основных тезиса манифеста [11].

Однако дальнейшая история ГС демонстрирует, что, вопреки декларируемой аполитичности и «стойкому недоверию ко всяким общественным теориям, основанным на политике», представители движения на первых альтернативных выборах 1990 года баллотировались в Ленсовет. Более того, двое активистов ГС были избраны его депутатами (А. Ковалев, Н. Журавский). Близкий к ГС и Интерьерному театру профессор Г. Лебедев получил пост председателя Комиссии по культуре Ленсовета. Да и самого А. Собчака на пост мэра — первого демократически выбранного мэра — перетянули из союзного парламента Н. Беляк с А. Ковалевым [12].

Став депутатами городского парламента, активисты ГС способствовали созданию законодательной базы для установления эффективной системы охраны памятников. Они лоббировали введение в Ленинграде обширных «охранных зон», а также проведение референдума о возвращении городу исторического имени. С их подачи в декабре 1991 года депутаты Ленсовета проголосовали единым списком за признание 3200 объектов городской среды охраняемыми памятниками [13],

---

[11] Текст манифеста «Культура вместо политики» из архива ГС любезно предоставлен Сергеем Васильевым.

[12] Детали этой истории вспоминали некоторые из информантов; говорит о ней также Юлий Рыбаков в книге «Общественная жизнь Ленинграда в годы перестройки» (2009. С. 611). Хотя существуют и альтернативные версии, см., напр.: *Коцюбинский Д.* Новейшая история одного города: Очерки политической истории Санкт-Петербурга. 1989–2000. СПб., 2004.

[13] «Этот список памятников пришлось спешно принимать,

что создало в городе самую крупную зону охраняемой застройки в мире[44].

Период постмобилизационного спада (1991–2006)

1991 год закончился распадом СССР, 1992-й начался гайдаровской «шоковой терапией» в экономике. Население демократической России переживало сложнейшую социально-экономическую драму капиталистической либерализации. Вместе с ростом цен девальвировались демократические ценности, которые стали ассоциироваться с неолиберальной политикой правительства Егора Гайдара. Люди погрузились в решение практических задач по самообеспечению в новых условиях рынка, а интерес к общественным проблемам заслонили задачи индивидуального выживания. Как выразился Александр Марголис,

> после потрясений 1991 и 1993 годов центр тяжести ценностных ориентаций под воздействием рыночных реформ сместился с вопросов культуры на более материально-прагматические задачи. В начале 1990-х наступает спад. Он связан с тем, что общество политизировалось, с одной стороны, с другой стороны — начался масштабный экономический кризис, и люди центр тяжести своих интересов, естественно, перенесли на выживание как таковое.

Период постмобилизационного спада для экокультурного движения Петербурга длился около пятнадцати лет

чтобы не допустить приватизации без предварительного исследования и описания предметов охраны, которые передавались собственнику в виде обременения» (*Павел Никонов, 52 года, активист ГС*).

[44] Согласно данным КГИОП, территория этого объекта Всемирного наследия составляет 26 тыс. га, тогда как исторические центры других городов — не больше 1 тыс. га, и только в Риме — 1,5 тыс. га.

(1991–2006). Но все это время отдельные энтузиасты не прекращали работу по закреплению успеха третьей мобилизационной волны. Активисты градозащитного движения 1980-х постепенно создали экспертно-медиалоббистское сообщество, которое было способно получать достоверную информацию о градостроительных планах городской администрации и оперативно реагировать на возникающие угрозы наследию. На фоне социальной апатии начала 1990-х, на фоне спада общественного интереса к проблемам сохранения памятников истории и культуры отдельные участники движения продолжали последовательно заниматься защитой петербургского наследия. Причем многие активисты третьей мобилизационной волны постепенно профессионализировали свою деятельность, заняв экспертные позиции в разных административных, экспертных и общественных институтах. Отчасти результатом их нешумной экспертной активности можно считать введение в школах обязательного с 1997 года курса «История и культура Петербурга»[45]. Теперь новые поколения горожан начинают впитывать «петербургский миф» со школьной скамьи в обязательном порядке.

Изредка в девяностых годах организовывались публичные события, привлекающие внимание горожан к теме сохранения петербургского наследия. Например, в июне 1997-го, в день рождения Пушкина, Интерьерный театр провел на Дворцовой площади карнавально-мистериальную акцию «Памятник нерукотворный». В 1998 году была проведена громкая публичная акция «АЛАРМ», призывающая горожан, городскую администрацию и международное

[45] За короткое время почти одновременно в городе были разработаны и лицензированы несколько конкурирующих образовательных программ, которые даже при поверхностном описании демонстрируют тематическое и методическое разнообразие. Подробнее см.: *Векслер А.* Краеведение в школьной программе: учебная краеведческая литература.

сообщество обратить внимание на убогое состояние памятников истории и культуры Петербурга. Акция началась с митинга у памятника поэту на Пушкинской улице, затем состоялись шествие по Невскому и театрализованное вручение «обращения об угрозах наследию» представителям посольств некоторых стран Европы и Америки. Организаторами выступили петербургское отделение партии «Яблоко», ВООПИиК, движение В. Аксельрода «Молодые за Петербург» и Интерьерный театр. Однако на протяжении мобилизационного спада 1990-х — первой половины 2000-х такие резонансные акции были единичны.

Четвертая волна мобилизации (2006–20??)

В 2006 году в Санкт-Петербурге начался новый общественный подъем, и в авангарде снова выступили активисты экокультурного движения. Причем на этот раз общественные кампании градозащитников приобрели характер общегородской мобилизации. Основной причиной новой — четвертой — мобилизационной волны в истории изучаемого движения можно считать качественный сдвиг в градостроительной политике городской администрации, произошедший после избрания Валентины Матвиенко на пост губернатора Петербурга. Приход в город новой главы администрации совпал с мировым ростом цен на углеводороды и закономерным увеличением «свободных капиталов» в российской экономике. В конце 2005 — начале 2006 года «нефтегазоденьги» вдруг переполнили московские «накопители» и потекли в инвестиционно привлекательные провинции. Крупные компании пришли и в Петербург, запуская «масштабные градостроительные проекты» и активно видоизменяя историческую среду центральных районов.

В результате этого инвестиционного бума синие строительные заборы начали все чаще попадаться на глаза

горожанам[46], и у них постепенно накапливалось раздражение от «новой инвестиционной политики». Градозащитники стали все чаще говорить о начале «второй капиталистической перестройки» исторического центра:

> В период правления Владимира Яковлева и в первые три года работы губернатора Матвиенко город терял в среднем по нескольку ценных исторических зданий в год. Но начиная с 2006 года произошел резкий обвал ситуации в сфере охраны культурного наследия — уничтожение уникальной застройки Старого Города приобрело лавинообразный характер, начались массовые сносы во всех частях Петербурга[47].

Ответом на эти угрозы было появление в городе новых инициативных групп и общественных движений, выступающих за сохранение исторической застройки и петербургских памятников.

2006–2008: «Живой город», «Охтинская дуга», ЗОВ и другие

Реконструируя историю последней мобилизационной волны по материалам СМИ, данным интервью и документам движения, я склоняюсь к мнению, что четвертая мобилизация экокультурного движения началась

---

[46] См., напр.: *Vorobyev D., Campbell T.* Urban Planning in Contemporary Petersburg: Renovation, Population, Resistance. Conference proceedings. The Neoliberal Frontline: Urban Struggles in Post-Socialist Societies. Zagreb, December 4–7, 2008

[47] *Ярэма А.* От «Англетера» до «Охта-центра»: политика и культура в Петербурге. По материалам семинара Санкт-Петербургского ЦЭП. 7 ноября 2009; http: // www.irena.org.ru / index.php? option=com_content&task=view&id=1728&Itemid=472. По данным, собранным активистами движения ЖГ в период с 2003 по 2008 год, в Петербурге было снесено около 80 исторических сооружений.

с обрушения нескольких домов на углу Невского проспекта и улицы Восстания и выставки проектов небоскреба «Газпром-сити» в ноябре 2006 года. Озвученные губернатором Матвиенко планы строительства небоскреба в устье Охты у моста Петра Великого, снос домов на Невском проспекте и на других центральных улицах спровоцировали мощную волну общественного недовольства среди петербуржцев. В результате в городе параллельно и почти одновременно самоорганизовалось сразу несколько инициативных групп и локальных движений, предметом солидаризации которых стали вопросы сохранения исторической городской среды.

Первая локальная группа была создана в конце 2005 года жителями Васильевского острова. Они объединились для совместного противодействия строительству через остров фрагмента кольцевой автотрассы — Западного скоростного диаметра. Участники группы ЗОВ («Защитим остров Васильевский») начали бомбардировать городскую администрацию и прокуратуру заявлениями о недопустимости сооружения скоростной магистрали в плотно заселенных районах. Вскоре активисты ЗОВ начали общественную кампанию против создания на западном побережье Васильевского острова намывной территории общей площадью 450 га и строительства там морского пассажирского терминала. Начавшись как типичная NIMBY-группа[48], ЗОВ быстро переросла узколокальную аргументацию, нашла поддержку у экологических НКО и, заимствовав их риторику, обратилась к общезначимым экологическим ценностям.

В декабре 2006 года заявило о себе движение «Охтинская дуга», объединяющее жителей района Охта, которые солидарно выступили против ожидающих этот район градостроительных инноваций. Общественной критике подверглась

[48] Об NIMBY-движениях («Not In My Back Yard») см. примеч. 1 во Введении к настоящей книге.

идея строительства туннеля под Невой, а также проект возведения офисного небоскреба «Газпром-сити» на Малой Охте. Первыми акциями движения «Охтинская дуга» были молебен о спасении Охты 15 ноября 2006 года и «антигазпромовский» митинг у здания муниципального образования «Малая Охта» 26 ноября. (Митинг активисты «Дуги» организовали уже совместно с Движением гражданских инициатив (далее — ДГИ)[49] и недавно возникшим «Живым городом».)

История «Живого города» (далее — ЖГ) началась в октябре 2006 года. Это движение особенно важно для нашего исследования, так как основные полевые наблюдения проводились именно в среде его активистов. ЖГ аккумулировал в себе растущее общественное недовольство градостроительной политикой Матвиенко и стал хедлайнером четвертой мобилизационной волны движения защитников историко-культурного наследия в Петербурге. Как отметил в интервью один из авторитетных экспертов,

> «Живой город» как раз появился, когда созрела проблема, и он, можно так сказать, созрел в ответ. Вот эта, конечно, газпромовская штука, она просто всех оскорбила. Причем оскорбила и тех, кого интересует тема, связанная с охраной памятников, и тех, кто просто заинтересован в том, чтобы его мнение просто спрашивали. То есть она оскорбила буквально всех, даже тех, кто мечтает видеть наш город в небоскребах (*Павел Никонов, 52 года, активист ГС*).

---

[49] ДГИ возникло на волне социальных протестов 2004 года против монетизации льгот. Эта сетевая структура объединяет гражданские инициативы и движения, которые обеспокоены защитой социальных, культурных и экологических прав горожан и стремятся к утверждению в Петербурге идеалов гражданского общества и народовластия, реального обеспечения гражданских прав и законности. Подробнее о ДГИ см. на сайте Петербургского отделения: www.dgi-org.ru.

ЖГ в отличие от своих предшественников возник не на «интеллигентских кухнях» (как ГС) и не на «во дворе на соседских сходах» (как ЗОВ). Новое движение сначала появилось в интернет-пространстве. История такова. В ноябре 2006 года Лиза Никонова (дочь Павла Никонова из ГС), случайно оказавшись на углу Невского и улицы Восстания, увидела вместо знакомых с детства домов свежие руины. Там начали реализовывать очередной инвестиционный проект — строительство супермаркета «Стокманн». Находясь под впечатлением от шокирующей картины напротив выхода из метро «Площадь Восстания», Лиза пишет в своем «Живом журнале» пост (save-spb.ru), размещает фотографии развалин и эмоционально их комментирует. Вокруг этого поста в ЖЖ-сообществе начинается бурное обсуждение прогрессирующего характера разрушений в историческом центре Петербурга. Лавинообразно растет число участников дискуссии, возмущенных градостроительной политикой. Вскоре через save-spb.ru организуется конкурс на лучшую карикатуру газпромовского небоскреба, распространяются призывы к самоорганизации, принимается решение о начале сбора подписей против высотного строительства на Охте. Через несколько дней после появления блога save-spb.ru его участники выходят «из Сети в реал». Оговаривая в ЖЖ место и время, активисты встречаются в городских кафе, собирают подписи против небоскреба, общаются, планируют совместные действия и в итоге образуют движение, получившее название «Живой город».

Объединившаяся в ЖГ «молодежь» в сотрудничестве с «ветеранами» градозащитного движения из ГС вскоре устроила громкую публичную акцию в Академии художеств, где проходила выставка проектов «Газпром-сити». 21 ноября 2006 года молодые люди в костюмах Интерьерного театра, изображающих Смольный собор, и в противогазах продефилировали через фойе выставки с плакатами «Газам — нет!». Параллельно двое актеров Интерьерного театра в костюмах

Екатерины II и князя Потемкина вручили организаторам выставки гневную петицию, в художественной форме требующую отказа от проекта строительства небоскреба на Охте. Все было отснято несколькими телеканалами, отражено в печатных СМИ и выложено в Интернет.

Начиная с ноябрьского перформанса «Газам — нет!» в 2006-м и до конца 2010 года ЖГ провел более 80 разнообразных акций[50]. Для защиты памятников истории и культуры «живогородцы» прибегали к таким формам публичной активности, как пикеты, флеш-мобы, митинги, субботники, уличные концерты и марши. В репертуар коллективных действий движения входят подготовка писем и заявлений в государственные учреждения, надзирающие за сохранностью памятников и соблюдением законности (КГИОП, КГА[51], прокуратура и др.), обращения к российской и международной общественности, к отдельным представителям исполнительной и законодательной власти.

Иллюстрируя деятельность ЖГ, приведу несколько характерных примеров, представляющих интерес для дальнейшего анализа. Одной из первых публичных акций (2 декабря 2006) был флеш-моб на углу Невского и улицы Восстания. Заранее обговорив время и форму акции в ЖЖ, защитники наследия собрались у строительного забора будущего ТЦ «Стокманн». На забор были наклеены фотографии дома до сноса с надписью «Выстоял в блокаду», под фотографии, на цоколь строительного забора, возложены цветы.

---

[50] С подробной летописью акций ЖГ можно ознакомиться на сайте движения: http: // www.savespb.ru / section / actions.html. Большая часть перечисленных там событий упоминалась в печатных и электронных СМИ.

[51] КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории культуры, КГА — Комитет по градостроительству и архитектуре Правительства Санкт-Петербурга.

Принесли фотографию дома в черной рамке и сделали такой молчаливый флеш-моб, когда из-за угла появляются люди, молча кладут к фотографии дома гвоздички и стоят поодаль. Мы были тогда еще неопытны, и такого флеш-моба чистого не получилось, потому что, когда мы вышли из метро, мы увидели людей с цветами — единомышленников — и сразу сбились в толпу. Да. Но тем не менее мы цветы положили. Это было красиво. Там еще были милиционеры, и они нами заинтересовались. Милиционеры медленно пошли в нашу сторону. У нас тогда никакого согласования не было. Мы даже не знали, точнее, немногие из нас знали, что подобные акции нужно с кем-то согласовывать (*Саша, 27 лет, активистка ЖГ*).

В июне 2007 года на Малой Конюшенной «живогородцы» в течение недели собирали подписи против строительства «Охта-центра» (собрано более 10 тысяч подписей)[52]. В апреле 2008 года губернатор Петербурга выступила с ежегодным посланием городскому Законодательному собранию. Валентина Матвиенко обратила внимание на проблему сохранения историко-архитектурного облика Петербурга. Вокруг темы сохранения Санкт-Петербургом культурного наследия «переплелись вполне определенные экономические и политические интересы,— заявила губернатор.— И я понимаю, кто и для чего искусственно поднимает градус общественного волнения, буквально нагнетает истерию»[53]. Матвиенко отметила, что «в Санкт-Петербурге живут граждане, неравнодушные к истории своего города,

[52] «Живой город» собирает подписи против «Охта-центра» // ИА Росбалт. 2007. 13 июня (http: // www.rosbalt.ru / 2007 / 06 / 13 / 309836.html).

[53] Послание губернатора Санкт-Петербурга Законодательному собранию Санкт-Петербурга // Законодательство Санкт-Петербурга. 2008. 28 апреля (http: // www.jurinform.ru/news/spb/n317).

испытывающие тревогу за каждый дом. Но их трепетной любовью к городу умело пользуются группы "доброхотов", в том числе заезжих из Москвы, которые буквально зомбируют население криками и стонами о сотнях — я не оговорилась, — сотнях памятников архитектуры, якобы потерянных в самые последние годы, — сказала В. Матвиенко. — Я очень прошу: покажите первую сотню!»[54] На следующий день после обращения губернатора — 25 апреля 2008 года — участники движения ЖГ принесли в Смольный список из 95 петербургских памятников, утраченных за последние четыре года. Обращение губернатора и список, иллюстрированный фотографиями, были немедленно вывешены на сайте ЖГ, что вызвало бурную реакцию общественности. «Мы старались сделать все максимально быстро, поэтому список неполный», — прокомментировали цифру активисты [55]. Через несколько дней на письмо ЖГ ответил вице-губернатор Александр Вахмистров: «Из указанных в письме 95 разрушенных зданий 76 объектов не относятся к числу объектов культурного наследия, а лишь расположены в исторической застройке». Кроме того, вице-губернатор подчеркнул, что часть из разрушенных зданий была утрачена еще при предыдущей городской администрации[56]. Однако его аргументы были документально опровергнуты активистами ЖГ, а сам Вахмистров через процедуру интернет-голосования, в котором участвовало более тысячи человек, был избран «Непочетным гражданином Санкт-Петербурга» (эту акцию участники ЖГ проводят начиная с 2007 года[57]).

---

[54] Послание губернатора Санкт-Петербурга Законодательному собранию Санкт-Петербурга...

[55] См. сайт ЖГ: Тайное стало явным. 2008. 29 апреля: http://www.save-spb.ru/page/announce/tainoe_yavnoe.html?section=actions..

[56] *Семыкина Е.* Город — Смольный: есть контакт? // Дело. 2008. 2 июня..

[57] В 2007 году звания «Непочетного гражданина Санкт-Петербурга» удостоился Александр Вахмистров, в 2009-м — скандаль-

Помимо публичных выступлений критического характера «живогородцы» стараются проводить мероприятия в конструктивном ключе, привлекая внимание общественности к успешным примерам градостроительных инноваций. Например, в мае 2008 года ЖГ совместно с петербургским отделением фонда «Спасение Санкт-Петербурга» объявили конкурс среди современных архитектурных объектов, построенных в историческом центре. Летом 2008 года были названы победители, избранные путем интернет-голосования, результаты которого обсуждались специально созданной экспертной комиссией из ведущих специалистов — архитекторов, искусствоведов, историков архитектуры[58].

Отдельно в деятельности градозащитников развивается художественное направление, в рамках которого

но известная в городе архитектор Татьяна Славина и руководитель городского КГИОП Вера Дементьева. В 2010 году — руководитель строительства ТЦ «Stockmann» Юсси Куутса. Звание «Непочетный гражданин Санкт-Петербурга» предназначается тем персонам, чьи действия и решения нанесли ощутимый урон культуре и историческому облику города. Присвоение этого звания — хорошая возможность для горожан публично выразить свой протест против разрушительной градостроительной политики, реализуемой конкретными лицами при молчаливом одобрении городских властей. Номинантов на звание «Непочетный гражданин Санкт-Петербурга», равно как и окончательных победителей в «борьбе» за него, определяют сами жители Петербурга посредством опросов и рейтинговых голосований, организуемых сообществом ЖГ. Звание «Непочетный гражданин Санкт-Петербурга» вместе с сопутствующей ему атрибутикой (знаком «Непочетного гражданина» и «Непочетным дипломом») присваивается ЖГ в день основания Петербурга.

[58] Движение «Живой город» приглашает на открытие выставки «Связь времен» и подведение итогов одноименного конкурса на лучшее современное здание в историческом центре Санкт-Петербурга // «Живой город»: движение за сохранение культурного наследия Санкт-Петербурга. 2008. 8 июня / save-sp-burg.livejournal.com/825529.html.

организуются выставки, конкурсы и концерты, привлекающие внимание к проблемам сохранения исторической городской среды Петербурга. В мае 2007 года в Музее-квартире Достоевского прошла выставка «Дома улетают от нас», где выставлялись работы некоторых «живогородцев». В апреле 2008 года активисты ЖГ и экодвижения «Зеленая волна»[59], а также отдельные представители творческого андеграунда 1970–1980-х провели субботник в Эльфийском саду. Таким образом они хотели обратить внимание общественности на угрозу уничтожения сквера на углу Стремянной улицы и Дмитровского переулка, около которого располагается легендарное кафе «Эльф» — один из центров «второй культуры» позднесоветского периода. В мае того же года и с той же целью в Эльфийском саду был организован шестичасовой концерт с участием десяти музыкальных групп и чтением стихов. В июне 2008 года в «Центре книги и графики» на Литейном проспекте открылась выставка «Исчезающий Петербург», подготовленная при участии ЖГ. Организаторы так комментировали идею выставки: «Мы хотели показать катастрофичность и масштабность разрушения города. Было важно показать не одну улицу, а весь город. Все полотна показывают общую картину исчезающего города»[60]. В июле 2009 года активисты ВООПИиК, ЭКОМ[61]

[59] Экологическое движение «Зеленая волна», образованное музыкантами группы «СП-Бабай», занимается проблемами зеленых насаждений и борьбой с замусориванием зеленых рекреационных зон в городе и области.

[60] На выставке были представлены картины 88 авторов, а также документальные фотографии из фотоархива ЖГ, которые призваны наглядно продемонстрировать, как изменился Петербург за последние годы. См.: *Белонравин А.* Реквием по Петербургу // Новая газета. 2008. 5–8 июня.

[61] Центр экспертиз ЭКОМ («Экологическая оценка и менеджмент») был создан инициативной группой ученых-экологов в 1999 году на базе Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Основная цель этого НКО — содействие развитию в Рос-

и ЖГ организовали в Санкт-Петербургском Союзе архитекторов выставку «Небоскрёб вне закона», представив общественности документы и результаты компьютерного моделирования видов будущего «Охта-центра»[62]. Среди регулярных творческих инициатив «живогородцев» — ежегодный конкурс лучших фотографий любимого города. Причем год от года его тематика меняется: в 2007 году фотоконкурс назывался «Мой легкий, мой воздушный Петербург», в 2008-м — «Зимний Петербург» и т. п.

В конце 2007 — начале 2008 года ЖГ совместно с Ассоциацией предпринимателей малого и среднего бизнеса Санкт-Петербурга[63] провел ряд публичных акций против сооруженного на Дворцовой площади временного катка. 18 октября 2007 года активисты пришли на площадь кто на лыжах, кто с надувным матрасом и в ластах, кто с футбольным мячом — в ироническом ключе заявляя о возможностях использования площади в качестве арены для различных видов спорта. 9 декабря 2007 года на Дворцовой состоялась «гражданская панихида» по площади и митинг против катка. 17 декабря представители движения защитников наследия подали исковое заявление в суд с требованием убрать ледовый каток с площади[64]. 9 января 2008 года ЖГ

сии современных подходов в области охраны окружающей среды. ЭКОМ занимается не только экологическими проблемами; в область интересов организации входят проблемы градостроительного планирования, сохранения природных и культурных ландшафтов, правового консультирования граждан в ситуациях нарушения их права на благоприятную окружающую среду и т.п. Подробнее см.: http://www.ecom-info.spb.ru.

[62] В 2007 году проект небоскреба «Газпром-сити» был переименован PR-службой «Газпром-нефти» в проект делового «Охта-центра».

[63] Об Ассоциации предпринимателей малого и среднего бизнеса Санкт-Петербурга см. на сайте: www.apmsb.spb.ru.

[64] После двух судебных решений и апелляций 14 апреля 2009 года дело о возведении катка на Дворцовой площади было направлено в Европейский суд по правам человека. Представитель ДГИ

совместно с активистами ГС и специально приглашенными экспертами провели научную конференцию «Дворцовая площадь: проблема восприятия в историческом контексте». Прямо под открытым небом историки, искусствоведы и политологи прочитали доклады всем заинтересованным лицам (около 40 человек). Короткие (не более двух минут) сообщения экспертов с разных сторон раскрывали художественное, историческое и культурное значение Дворцовой площади. Конференция закончилась экскурсией по главной площади Петербурга и совместным поеданием блинов[65].

Анализируя разнообразие общественной работы, которую ведут активисты экокультурного движения сегодня, можно выделить специфический вид публичных мероприятий, призванных популяризировать среди горожан «петербургский миф», пропагандировать интерес к местным памятникам истории и культуры. Это бесплатные тематические экскурсии, разного рода познавательные игры с краеведческим уклоном для детей, семинары и конференции по «петербурговедению» и т. п. Например, одна из активисток ЖГ Юлия Минутина организовывала для детей серию арт-игр «Петербургская палитра». А на протяжении 2008 года дети посетителей книжного магазина «Буквоед» рисовали Петербург, попутно изучая его историю, памятники, архитектурные стили.

Наблюдаемый с 2006 года рост числа протестных акций в защиту наследия происходил во многом благодаря

Дружининский сказал, что обращение в Страсбург было вызвано «отказом Смольнинского федерального суда компенсировать моральный вред, полученный из-за возведения катка». При этом, как отметил активист, суд не был объективным, «а многочисленные обращения к прокурору Санкт-Петербурга и к депутатам различного уровня не привели к желаемому результату».

[65] В Петербурге отметили «сороковой день» по Дворцовой площади // Allnw.ru. Портал Северо-Запада России. 2008. 10 января (http://spb.allnw.ru/centralny/news/54702).

появлению экокультурных движений вроде ЖГ, ЗОВа, «Охтинской дуги». При этом, характеризуя четвертую волну мобилизации градозащитной общественности, важно подчеркнуть, что разгоняющие ее новые движения опирались на поддержку общественной сети, образованной работающими в городе инициативными группами, НКО, экспертными объединениями, профессиональными ассоциациями и политическими партиями.

Среди последовательно поддерживающих экокультурное движение НКО нужно упомянуть Центр экспертиз ЭКОМ, научно-информационный центр общества «Мемориал»[66] и городское отделение ВООПИиК[67]. Активную позицию в борьбе за сохранение памятников истории и культуры, а также против уплотнительной застройки и принудительного переселения жителей центральных районов на городские окраины занимало Движение гражданских инициатив. Его активисты не только поддерживали общегородские акции защитников наследия, но и организовывали собственные митинги, пикеты и шествия. Самой известной и регулярно проводимой акцией ДГИ были «Дни гнева», собирающие представителей десятков общественных движений под общим требованием «Введения гражданского контроля за деятельностью чиновников».

---

[66] «Мемориал» — одна из старейших правозащитных НКО в Петербурге, которая возникла в 1987 году на основе движения за создание памятника жертвам политических репрессий советского режима. С тех пор «Мемориал» ведет многостороннюю деятельность в просветительском и правозащитном направлениях, поддерживает развитие гражданского общества.

[67] ВООПИиК активно вступило в общественную борьбу против градостроительной политики губернатора Матвиенко только летом 2007 года, когда Александр Марголис вместе с Маргаритой Штиглиц были избраны сопредседателями Петербургского отделения ВООПИиК.

Четвертая мобилизационная волна движения за сохранение наследия захватила и отдельные профессиональные ассоциации, среди которых Петербургский союз архитекторов, Санкт-Петербургский союз ученых, Ассоциация предпринимателей СПб и др. Перечисленные ассоциации активно участвовали в борьбе против строительства небоскреба «Охта-центра». К публичным выступлениям градозащитников по поводу сооружения катка на Дворцовой площади подключились представители Ассоциации предпринимателей малого и среднего бизнеса Санкт-Петербурга. А члены петербургского ПЕН-клуба активно участвовали в общественной кампании за сохранение фортификационного комплекса «Ландскрона» (его обнаружили археологи на Охтинском мысу — там, где планировалось возвести небоскреб «Газпром-сити»).

Защитники петербургского наследия находили также помощь и поддержку у политических партий. Наиболее тесным получилось сотрудничество с городским отделением партии «Яблоко»; петербургские «яблочники» включили в свою программу конкретные меры по защите памятников истории и культуры. Поддержку градозащитному движению оказывали отдельные депутаты Законодательного собрания — представители «Справедливой России» и КПРФ. Но они помогали больше по личной инициативе, нежели следуя «политической линии» своих партий. Курс на поддержку градозащитников в «Справедливой России» и КПРФ оформился только к осени 2009 года, когда противостояние между петербургской общественностью и бизнес-административным тандемом Матвиенко—Миллера достигло своей высшей точки.

В ходе эскалации градостроительных конфликтов второй половины нулевых локальные инициативы постепенно налаживают взаимодействие с общественными движениями, НКО, профессиональными ассоциациями и политическими партиями, тактически или стратегически

разделяющими их цели и задачи. Хотя нередко такое сотрудничество развивается трудно и медленно. Общественные активисты не всегда могут правильно понять друг друга, преодолеть личные амбиции, увидеть за локальным интересом глобальную проблему. Тут следует заметить, что, подобно своим предшественникам из экокультурных обществ 1920-х и 1980-х, многие активисты ЖГ очень настороженно относятся к политизации борьбы за сохранение петербургского наследия. Их первоочередная задача — защита «вечных» культурных ценностей, которые важнее «сиюминутных политических» проблем. Политические задачи воспринимаются активистами ЖГ как «грязные», способные дискредитировать эко-культурное движение.

Организация совместных действий иногда сопровождается конфликтами, вызванными «недоговороспособностью» и низким уровнем взаимного доверия между общественными активистами, принадлежащими к разным группам, движениям и партиям.

> Есть движение, и в нем начинают появляться разные люди, потому что движение-то открытое. Вот. Они — люди с совершенно разными целями, с совершенно разными идеями. У каждого какие-то свои политические убеждения, политические взгляды. И они очень часто не коррелируют друг с другом. И, соответственно, возникают конфликты. Именно не на почве сохранения города, а на почве того, как его сохранять. С кем и против кого дружить. Потому что там и радикальные люди есть. У нас в результате конфликта с группой ЭРА откололись самые радикальные — SPb-resistance (*Лиза Никонова, 22 года, активистка ЖГ*).

Кроме того, собранные в ходе исследования данные указывают на распространенность среди петербургских активистов специфической фобии: стать жертвой чьей-нибудь

«ненадежными партнерами по коалиции», «провокаторов, заинтересованных в троллинге», «политическими радикалами, использующими имя движения для достижения своих целей», «теми, кто сознательно пытается использовать втемную», не раз звучало в разговорах с участниками градозащитных движений четвертой мобилизационной волны.

Но проблемы возникают не только при взаимодействии отдельных общественных групп и ассоциаций. Коммуникативные конфликты и сбои при организации коллективного действия отличают повседневную практику активистов, входящих в одно общественное объединение или движение, составляющих одну инициативную группу (подробнее см. в третьей части).

Несмотря на имеющиеся сложности, последние несколько лет петербургская общественность проявляет рациональное стремление к компромиссу, к поиску общего языка и новых способов делать что-либо сообща. В ходе полевого этапа исследования я на примере ЖГ, «Охтинской дуги», ДГИ, а также нескольких районных активистских групп наблюдал, как участники градозащитного движения накапливают позитивный опыт солидарных действий. Рост горизонтальных связей между отдельными группами защитников наследия особенно заметен при анализе организованных ими массовых уличных акций, который представлен ниже.

В арсенале популярных среди градозащитников коллективных действий важное место занимают пикеты, митинги и марши. Например, 20 мая 2007 года в парке Екатерингоф активисты ЖГ, ДГИ, «Охтинской дуги», «Зеленой волны» и ЭКОМа организовали митинг в защиту Петербурга (около 100 человек). 12 января 2008 года «Охтинская дуга» собирает «народный сход» у правобережного муниципалитета под лозунгом «Охта — территория жизни». Несколько сотен активистов, жителей Охты в течение трех часов митингуют против строительства небоскреба. 30 марта 2008-го

ЖЧ совместно с активистами двенадцати локальных групп, включающих в себя жителей домов, которые сопротивляются незаконному строительству мансард, провели общегородской антимансардный пикет (около 50 человек). Основные лозунги: «Руки прочь от наших домов!», «Строительная каска не спасет от дубины народной войны!», «НЕТ мансардам!», «Власть рвет наши крыши!». Третий митинг за сохранение Петербурга (10 октября 2009) по уровню подготовки, по числу участников, по медиасопровождению превзошел все предыдущие и стал критической точкой в борьбе против небоскреба «Газпром-сити».

Насыщенное описание этой акции я представлю чуть ниже, сейчас же вернусь к анализу основных направлений деятельности активистов петербургского движения за сохранение памятников, оформившихся на протяжении второй половины 2000-х годов. Я уже упоминал о художественном (выставки, конкурсы, концерты, перформансы) и о просветительском (экскурсии, конференции, познавательные игры) направлениях работы градозащитников, а также об организуемых ими уличных демонстрациях. Осталось только рассказать об акциях прямого действия и о развитии юридического направления.

Запросы, судебные иски, переписка с государственными институтами — это неотъемлемая часть повседневной борьбы активистов за сохранение историко-культурного наследия Санкт-Петербурга. В большинстве вовлеченных в эту борьбу движений существует группа из нескольких человек, занятых формальной перепиской с чиновниками. Наблюдения за работой «сутяжников» показывают, что она требует огромного количества времени и специфических личных качеств. Как правило, занимаются ею очень усидчивые и упорные люди. Они добиваются от государственных институтов, чиновников, девелоперов и строителей соблюдения существующего в области охраны наследия законодательства: «Хотелось бы, чтобы соблюдались те законы,

которые есть» (*Юлия Минутина, 24 года, активистка ЖГ*). Для этого градозащитникам приходится изучать запутанное законодательство и осваивать специфический язык бюрократической переписки.

> Ну, лично я пишу запросы в инстанции, жалобы и обращения в Прокуратуру. Но сейчас объектов стало столько много, что приходится уже выделять какие-то и вести их. Потому что переписка затяжная, она муторная, она требует постоянного контроля, тщательной обработки и юридического анализа получаемых ответов, и дальше, и дальше. Вот так вот методично их долбать, долбать, долбать. Это, конечно, очень нудно, очень тяжело, потому что... Ну, здесь, чтобы не было так тяжко, не стоит рассчитывать на быстрый и скорый результат. Вот. Такая методичная работа, которую делаешь каждый день: почистил зубы (*смеется*), написал заявление. Вот (*Андрей, 38 лет, активист ЭКОМ*).

> Сейчас [в 2009 году] в движении появилось такое направление работы, где люди хотят последовательно отслеживать ситуацию в городе и, если есть угрозы [наследию], требовать исполнения законов, жестко контролировать исполнение законов, постоянно напоминать власти, чем она обязана заниматься и по каким правилам она обязана играть (*Николай Журавский, 55 лет, активист ГС*).

Переориентация с конфликтных взаимоотношений с государственными или бизнес-агентами, угрожающими сохранности наследия, к гражданскому надзору — весьма перспективна. Но современная практика правоприменения пока оставляет сомнения в возможностях эффективного общественного контроля. Хорошим примером может служить решение петербургской общественности провести референдум по вопросу строительства «Охта-центра». Инициативные группы пытались организовать его пять

рал — с 2006 по 2010 год[68]. В первый раз Горизбирком не принял заявку, так как обнаружил какие-то неточно указанные персональные данные. Во второй раз решение о проведении референдума в Законодательном собрании блокировало большинство «единороссов». Затем депутаты ЗАКСа признали предложенные для референдума вопросы не соответствующими законодательству. Наконец, в ответ на пятую попытку председатель городского парламента Вадим Тюльпанов заявил, что «разрешение на проведение референдума дано быть не может. Так как если горожане проголосуют против небоскреба, тогда городу придется возвращать "Газпром-нефти" потраченные средства в размере 7 млрд рублей, что потребует корректировки бюджета, [которая] в ближайшее время не планируется»[69].

Возникновение Гражданской коалиции в защиту Санкт-Петербурга (2009)

Пока в обществе не появится критически достаточное количество людей, «которым не все равно», ничто не способно активизировать обывательскую массу. Таково убеждение активистов петербургского движения за сохранение памятников. Ниже два характерных мнения:

---

[68] Согласно городскому законодательству, чтобы организовать референдум, Горизбирком в течение 15 дней должен проверить правильность оформления документов на проведение референдума и, если не найдет ошибок, передать их в ЗакС. Городской парламент, в свою очередь, в течение 20 дней решает, соответствуют ли вопросы, предлагаемые для референдума, федеральному и городскому законодательству. В случае положительного решения инициативная группа регистрируется и в течение 60 дней должна собрать около 72 тыс. подписей для назначения референдума.

[69] *Медведева А.* Референдума по «Охта-центру» не будет. Пока, по крайней мере // Фонтанка.ру — интернет-газета. 2009. 23 декабря.

Я тут задумался над такой темой: что такое, когда весь народ выступает за какую-то идею? Я думаю, что достаточно 5–7% от народа, который выступает за какую-то идею, для того, чтобы общее впечатление состояло в том, что за это выступают все. Вот когда люди к какой-то идее просто проявляют равнодушие, то это означает, что вот эти 5–7% выражают мнение всех остальных. То есть равнодушных-то на самом деле вообще не бывает. Есть те, которые активно выражают свое мнение, и их меньшинство, и есть те, кто имеет свое мнение, но как бы в постоянно пассивном состоянии (*Павел Никонов, 52 года, активист ГС*).

Иногда количество имеет значение. Например, тысячу-другую демонстрантов ОМОН разгоняет на раз. Но митинг в 100 тысяч никакой ОМОН уже не потянет. Тут нужны войска (*Петр, 33 года, активист инициативной группы «Башне — нет!»*).

Деятельность петербургских градозащитных движений в 2008–2010 годах изобилует примерами успешных акций, совместно организованных различными активистскими группами. Некоторые общественные объединения даже документально оформляли соглашения о сотрудничестве[70],

[70] Примером могут служить ДГИ и ЭКОМ, которые в январе 2008 года заключили договор о сотрудничестве. Цитирую фрагмент этого соглашения: «Стороны осуществляют сотрудничество в защите прав жителей Санкт-Петербурга в сферах градостроительства и экологии... ЭКОМ оказывает экспертную поддержку деятельности ДГИ по защите прав и интересов граждан в экологической и градостроительной сферах; ДГИ содействует массовой поддержке инициатив и законопроектов ЭКОМ, направленных на выражение и защиту прав граждан. Стороны создают объединенные ресурсы, которые позволяют каждой из Сторон достигать своих целей с меньшими удельными затратами...». См.: Соглашение о сотрудничестве между Движением гражданских инициатив и Центром экспертиз ЭКОМ Санкт-Петербургского общества естество-

другие создавали тактические союзы, третьи стремились воспроизвести тактику «народных фронтов» (во Франции, Испании) 1936 года.

На моих глазах ЖГ, «Охтинская дуга», ЭКОМ, ВООПИиК, ДГИ, представители творческих союзов, правозащитных организаций и политических партий трудно, конфликтно, но последовательно двигались к объединению усилий перед угрозой реализации масштабных проектов, таких как сооружение «Орловского туннеля» под Невой, намыв территории на западе Васильевского острова, строительство небоскреба на Охте. Пожалуй, именно вокруг проекта «газоскреба» в горизонтально организованном городе началась кристаллизация протестного движения из отдельных инициативных групп. Когда строительство 400-метрового «Охта-центра» было согласовано с городской администрацией, петербургская общественность получила мощный стимул для объединения. Как сказал один из участников третьего марша за сохранение Петербурга, «мы должны быть благодарны Матвиенко и Миллеру... Ведь им удалось разбудить общегородскую солидарность, гражданский потенциал у тысяч петербуржцев».

29–30 августа 2009 года более двадцати общественных объединений образовали Гражданскую коалицию в защиту Санкт-Петербурга. В нее вошли как достаточно известные городские движения (ЖГ, «Охтинская дуга», ЗОВ, «Лига избирательниц», «Солидарность», ДГИ, «Зеленая волна»), так и локальные объединения (группы «Площадь Мужества», «Сохраним Юнтолово», «Сквер Ивана Фомина», Совет инициативных групп Московского района и др.). В коалицию вошли также местные НКО (ЭКОМ, ВООПИиК, «Мемориал»), региональные отделения политических партий («Яблоко», «Левого фронта», «Справедливой России», КПРФ, «Федерации

испытателей. 2008. 2 января. См. сайт ДГИ: http: // www.dgi-org.ru / ?set=onas.

социалистической молодежи») и некоторые профессиональные ассоциации.

Конфликт обострился осенью 2009 года. Утром 1 сентября в бизнес-центре гостиницы «Карелия» начались общественные слушания по строительству «Охта-центра». Слушания проводились с грубыми нарушениями законодательства, с использованием «массовки», а также ОМОНа, который задерживал наиболее рьяных активистов (были арестованы А. Ярэма, А. Воронцов и мн. др.)[71]. Некоторым представителям Гражданской коалиции все же удалось выступить в прениях, но в заключение, подготовленное районной КЗЗ по итогам слушаний, вошли только позитивные отзывы о проекте.

Оглушительный медиаскандал, спровоцированный этими общественными слушаниями, усугубился 22 сентября, когда городская администрация согласовала проект «Охта-центра» с вопиющим нарушением высотного регламента (до 430 метров), причем без каких-либо консультаций с общественностью. Борьба растянулась на долгие шестнадцать месяцев. Лишь 9 декабря 2010 года Валентина Матвиенко признает победу градозащитного движения, официально объявив о переносе строительства с Охтинского мыса в другое место.

Вот основные вехи этой «битвы за небесную линию» Петербурга. После 1 сентября 2009 года участники Гражданской коалиции развернули мощную протестную кампанию с применением широкого арсенала практик гражданского сопротивления. Писались открытые письма, подавались заявления в прокуратуру и судебные органы. Снова и снова собирались документы для проведения городского

[71] Подробнее об общественных слушаниях 1 сентября 2009 года и их презентации в печатных и электронных СМИ см.: *Алексеев А., Ленчовский Р.* Профессия — социолог: Документы, наблюдения, рефлексии. «Случай» «Охта-центра» и вокруг него. СПб.: Норма, 2010. Т. 4. С. 36–46.

референдума. Участились анонимные акции прямого действия. Окружающий Охтинский мыс строительный забор почти каждую ночь расписывался антигазпромовскими лозунгами. Пикеты по сбору подписей против «газоскреба», флеш-мобы по постройке «башни» из банок консервированной кукурузы[72], уличные театральные сценки на тему небоскреба — из этого складывался фон ежедневной петербургской жизни. Градозащитники активно работали со СМИ, особенно широко используя нецензурируемое интернет-пространство.

Рост общественного недовольства градостроительной политикой вызвал лавинообразную консолидацию интернет-сообществ, провозгласивших своей целью борьбу с «Охта-центром». Осенью 2009 года эти сообщества создали собственные сайты; вокруг них сформировались инициативные группы, которые затем перешли от интернет-дискуссий к коллективным действиям «в реале». Например, интернет-ресурс «Башне — нет!» появился в Сети накануне скандальных общественных слушаний в гостинице «Карелия» — 27 августа, сначала как ЖЖ[73], а вскоре уже как полновесный информационно-аналитический сайт (http: // bashne.net). На нем размещалась актуальная информация о деятельности Гражданской коалиции за сохранение Санкт-Петербурга, собирались подписи против строительства «башни»[74], распространялись пропагандистские материалы и т.д. В сентябре 2009 года возник сайт «Спаси Питер» (http: // www.spasipiter.ru), созданный

[72] Проект небоскреба «Охта-центра» визуально напоминает кукурузный початок, поэтому в городе он стал широко известен как «газпромовская кукурузина».

[73] См.: bashne-net.livejournal.com / 2009 / 08 / 27.

[74] Через три дня работы сайта, 30 августа, было собрано более 3200 подписей. Сайт несколько раз подвергался ДОС-атакам, и хотя часть подписей пропала, к декабрю 2009 года их было уже 35 000.

для юридического сопровождения антигазпромовской кампании; его авторы вели переписку с федеральными и региональными госучреждениями и в режиме постоянного мониторинга отслеживали реакцию чиновников на общественные обращения, запросы и иски. Наконец в ноябре 2009 года инициативная группа провела акцию «Синяя лента». Активисты раздавали тысячи синих ленточек, разъясняя петербуржцам и гостям города, что это символ неприкосновенности уникальной «небесной линии» Петербурга, тех знаменитых панорам, которыми восхищается весь мир[75]. Они предлагали «всем, кого волнует судьба нашего города, повязать синюю ленточку», чтобы сделать протест против небоскреба максимально зримым. В некоторых социальных средах ношение синей ленточки приобрело характер сезонной моды; этот своеобразный опознавательный знак свидетельствовал об оппозиционном настрое его владельца. Ленточки повязывали на одежду, сумки, антенны автомобилей и прочие видные места. В декабре 2009 года активисты развесили синие ленты на десятках городских памятников, как бы вовлекая их в общегражданский протест. Из акции «Синяя лента» родилось одноименное движение, насчитывавшее к концу 2010 года несколько десятков активистов.

Гражданская коалиция постоянно пополнялась новыми группами сторонников, росло количество публичных акций протеста. Пиком борьбы за сохранение уникальной историко-культурной среды Петербурга стал общегородской митинг 10 октября 2009 года. У здания спорткомплекса «Юбилейный» собралось более 4000 человек; они дружно поддерживали многочисленных ораторов,

[75] Раздавая «синие ленточки», защитники наследия ссылались на академика Д. С. Лихачева, который выступал в защиту «небесной линии» еще в 1960-х, а также на решение Всемирного фонда защиты памятников, который в 2007 году включил историческую линию горизонта Санкт-Петербурга в список объектов, находящихся в особой опасности.

собрали несколько тысяч подписей против «Охта-центра», а в завершение потребовали отставки городского правительства[76]. Ораторы представляли широкий фронт участников коалиции: от пенсионеров-блокадников до рок-музыкантов, от депутатов городского парламента до активистов локальных протестных групп; речи перемежались музыкальными номерами и чтением стихов. По моим наблюдениям, этот митинг стал одной из наиболее успешных и массовых акций градозащитного движения четвертой волны. Сейчас, после стотысячных митингов на Болотной и на проспекте Сахарова в Москве, после десятитысячного марша «За честные выборы» в Петербурге, он кажется скромной репетицией «зимней революции» 2011–2012 годов. Но, оценивая масштабы гражданской мобилизации, важно не упускать из виду сопутствующий ей социально-исторический контекст. И в случае с митингом 10 октября 2009 года нужно помнить: это был самый массовый общественный протест в городе со времен перестройки. Даже митинги против монетизации льгот в январе 2005-го мобилизовали меньшее число участников (около трех тысяч.).

Хотя октябрьский митинг градозащитников и стал вершиной четвертой мобилизационной волны экокультурного движения, при этом он оказался, как часто бывает, началом ее конца. Высокий уровень медиасопровождения, который обеспечили защитники петербургского наследия, спровоцировал дальнейший рост общественного недовольства градостроительной политикой Валентины Матвиенко. На футбольном матче «Зенит»—«Спартак» (Нальчик) 27 октября 2009 года фанаты питерской команды выразили свое отношение к строительству небоскреба, вывесив на трибуне стадиона матерный баннер[77]. Против строительства

[76] О митинге градозащитников 10 октября 2009 года см.: *Андрианов К.* Петербургская оппозиция достигла новых высоток // Коммерсант. 2009. 12 октября.

[77] См.: http: // www.spasipiter.ru/publications/zenit.htm.

«Охта-центра» выступали петербургские писатели и ветераны Великой Отечественной войны, представители национальных общин и музыканты[78].

В результате в 2008 году губернатор Матвиенко впервые признала отдельные ошибки в градостроительной политике. Начиная с этого года проблемы сохранения петербургского наследия перестали быть сугубо региональными, их обсуждение происходило уже на федеральном уровне. В частности, в июне 2008-го на совместном заседании комиссии по сохранению культурного и духовного наследия Общественной палаты РФ и комитета по культуре Государственной думы было принято обращение к Российскому правительству с просьбой сделать сохранение исторического наследия Петербурга специальным национальным проектом. В 2009 году по поводу градостроительной политики губернатора Матвиенко высказались федеральные политики, представляющие исполнительную и законодательную власть. К 2009 году эта тема получила международный резонанс. На 33-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО было вынесено особое решение: «В 2010 году центр Петербурга может быть внесен в Список всемирного наследия в опасности»[79]. Причины такого, как пишет Татьяна Лиханова, «позорного факта» — это «и четырехкратное сокращение охранной зоны, и отсутствие адекватного управления, но среди конкретных строительных проектов указана только башня "Охта-центра"»[80].

---

[78] См., напр.: *Агишева Г.* Страсти по «газоскребу» // Известия. 2009. 4 декабря; Писатели написали письмо об «Охта-центре» // Когита.ру. 2009. 26 ноября; Рок-группа ДДТ устроит акцию против «Охта-центра» и алкоголизма // ЗАКС.ру. 2010. 12 января.

[79] «Постановление 33-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО № 33COM 7B.118. Севилья, 2009. 20 июля.

[80] *Лиханова Т.* Последнее севильское предупреждение // Новая газета. 2009. 24 июля.

Международный скандал в Севилье обеспокоил российских чиновников, и они начали осторожно высказываться по этому поводу. Комитет по культуре Госдумы РФ направил губернатору Петербурга обращение: депутаты просили дать оценку фактам сноса и повреждений исторических зданий на территории города, о которых им сообщили представители петербургской общественности (письма от ЖГ, ВООПИиКа, «Охтинской дуги», ЗОВа и других общественных организаций). Негативное отношение к проекту строительства небоскреба выразило устами своего руководителя Министерство культуры[81]. Вслед за министром Авдеевым на проблемы градостроительной политики в Петербурге обратил внимание спикер Совета Федерации, лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов; он призвал федеральные власти вмешаться в ситуацию. Министерство регионального развития опубликовало заявление: министерство считает «недостаточно обоснованным» размещение небоскреба в «непосредственной близости от объектов культурного наследия мирового значения»[82]. В ноябре 2009 года Общественная палата РФ во второй раз обсуждала общественные конфликты, сопровождающие градостроительную деятельность в Петербурге. Члены палаты отметили, что публичные слушания по вопросам строительства во многих городах проходят с нарушением прав граждан[83]. Одновременно — 24 ноября — появилось обращение Союза архитекторов России к президенту страны: решение о возведении четырехсотметровой башни «Охта-центра», говорилось в нем, может стать «крайне опасным прецедентом,

[81] *Мухин А.* Александр Авдеев: «Когда я слышу слово "культура", я хватаюсь за башню» // Город 812. 2009. 12 октября.

[82] «Справедливороссы» потребовали остановить строительство небоскреба «Охта-центра» // Газета.СПб.ру. 2009. 21 октября.

[83] Общественная палата РФ обсудит несовершенство учета общественного мнения при застройке // ИА Росбалт. 2009. 6 ноября (http://www.rosbalt.ru/print/686545.html).

ведущим к дальнейшим утратам национальных культурных ценностей».

Таким образом, в 2009 году проблемы охраны наследия в Петербурге стали причиной мощной социальной мобилизации, в ходе которой несколько тысяч горожан и десяток общественных движений объединились для коллективного сопротивления градостроительной политике администрации губернатора Матвиенко[81]. Активисты движения смогли организовать качественную информационную кампанию в печатных СМИ и особенно — в интернет-пространстве, информируя горожан и всех заинтересованных лиц об угрозах петербургским памятникам.

К концу 2009 года защитникам наследия удалось выиграть «информационную войну» у пиар-службы «Газпромнефти», несмотря на огромные ресурсы, которые тратила компания для продвижения своего проекта. Опрос, проведенный в сентябре 2009 года компанией «Той-Опийнион» по заказу ЖГ и ЭКОМа, показал: «категорически против» строительства небоскреба в устье реки Охты 40,2% петербуржцев; «скорее против, чем за» — 26,2%; 13% — «скорее поддерживают, чем нет», и всего 6,9% выразили абсолютную поддержку строительства; затруднились ответить 13,7%. То есть «против» высказались — 66,4% опрошенных, «за» — 19,9%. В октябре 2009 года были опубликованы результаты опроса ВЦИОМ на предмет отношения жителей Петербурга к проекту строительства «Охта-центра»: 77% опрошенных полагали, что нарушение панорам исторического центра недопустимо, а строительство офиса «Газпромнефти» их может нарушить. В конце декабря 2009 года появились результаты всероссийского опроса Левада-центра: 60% опрошенных россиян заявили, что они категорически

[81] См., напр., статью Ю. Гуговой и А. Рудницкой «Архитектура — дура», посвященную «анализу архитектурных протестов в Петербурге». Опубликована в журнале «Русский репортер» № 37 (116). 2009. 1 октября.

против строительства общественно-делового центра компании «Газпром-нефть» с небоскребом высотой 400 метров[85].

К концу 2009 года тема защиты наследия стала самой актуальной в публичном пространстве Петербурга; она привлекла внимание горожан, представителей российской и международной общественности, ею вынуждены были заниматься федеральные чиновники и депутаты Госдумы РФ. После митинга у СКК «Юбилейный» (10.10.2009) была прорвана информационная блокада на центральных телеканалах. 18 октября в программе «Время» на «Первом канале» показали десятиминутный репортаж под названием «Сорвало башню» с критикой небоскреба. 12 ноября на том же канале предпринимается попытка провести дискуссию об «Охта-центре». В программе «Судите сами» двадцатиминутный обмен мнениями между заказчиками/застройщиками из «Газпром-нефти» и московскими архитекторами/журналистами превращается в «монолитный шум» взаимного перекрикивания.

Подводя итоги деятельности градозащитного движения в 2009 году, нельзя не сказать о его юридических успехах. Были приняты законы «О правилах землепользования и застройки...»[86] и «О границах и режимах зон охраны объектов культурного наследия...»[87]. Первый закон включает параметры предельно допустимой высоты зданий, второй — ка-

---

[85] См.: «Газпром-сити» в Петербурге: за и против // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1335. 2009. 9 октября; Опрос Левада-центра: Нужен ли небоскреб Петербургу? // Когита.ру. 2009. 28 декабря.

[86] Закон Санкт-Петербурга № 29--10 «О правилах землепользования и застройки Санкт-Петербурга» от 16 февраля 2009 года.

[87] Закон Санкт-Петербурга № 820--7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в закон Санкт-Петербурга "О генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга"» от 19 января 2009 года.

тегорически запрещает снос исторических зданий в охранной зоне и в зонах регулирования застройки; в нем закреплена необходимость восстановления фасадов всех разобранных строений и установлены жесткие ограничения на параметры вновь возводимого здания в пределах габаритов утраченного.

Победа градозащитников в битве за «небесную линию» (2010)

Зима 2009–2010 года в Петербурге выдалась удивительно снежная. В некоторых районах сугробы достигали двух метров. С крыш свисали ледяные козырьки и огромные сосульки. Улицы чистились очень плохо, люди передвигались по узким тропинкам. Основательно подорванный осенью рейтинг губернатора продолжал падать на протяжении непроезжей-непрохожей «блокадной» зимы. По данным мартовского опроса социологического центра «Мегаполис», Матвиенко поддерживали менее трети петербуржцев, при этом число ее противников за последние четыре месяца почти удвоилось, составив 19,9%. Эксперты объясняли это проигранной борьбой со снежной стихией, а также демонстративным игнорированием общественного мнения относительно острых градостроительных вопросов[88].

В 2010 году раздирающий петербургскую общественность и чиновников городского правительства конфликт продолжал набирать обороты. Количество исков, поданных противниками «башни» в суды, включая Конституционный, а также Страсбургский, перевалило за полсотни. Причем градозащитники начали одерживать существенные победы в этих процессах, что создавало юридические проблемы

[88] *Пушкарская А.* Снег завалил рейтинг Валентины Матвиенко // Коммерсант. 2010. 12 марта.

проекту «Охта-центра». Решение вопроса отодвигалось на неопределенный срок, перспектива оставалась неясной, но при этом регулярно возникали сигналы об окончательном согласовании проекта. Например, 3 марта 2010 года депутаты Законодательного собрания в очередной — пятый — раз отказали инициативной группе в проведении референдума по «Охта-центру»[89]. По городу поползли слухи, что руководитель «Газпрома» Алексей Миллер получил от губернатора гарантии в том, что небоскреб начнет строиться уже осенью.

Весной 2010 года ситуация изменилась. 30 марта президент Медведев встретился в Кремле с представителями правозащитного сообщества страны. Воспользовавшись этой возможностью, активисты передали ему материалы о скандальном проекте небоскреба на Охте. Дмитрий Медведев обещал разобраться и дал поручение Росохранкультуре тщательно проверить обстоятельства дела, причем с учетом рекомендации ЮНЕСКО. Таким образом, административное вмешательство перешло на федеральный уровень, и вскоре Прокуратура Красногвардейского района Санкт-Петербурга совместно с региональным УФМС выявила на строительной площадке «Охта-центра» нелегальных гастарбайтеров[90]. Проектом небоскреба заинтересовались в федеральной Налоговой службе. Похоже было, что различные надзорные институты получили команду собирать материалы для возможного судебного разбирательства.

В случае с «Охта-центром» (как это часто бывает в России) нельзя точно сказать, что повлияло на поведение

---

[89] Парламент Петербурга отказался проводить референдум по «Охта-центру» в пятый раз // ИА Lenta.ru. 2010. 5 марта. См.: http: // realty.lenta.ru / news / 2010 / 03 / 03 / ohta.

[90] В ходе проверки были выявлены пятнадцать иностранных граждан, которые незаконно работали в «СМУ-3», не имея разрешения на работу и документов, подтверждающих законность их нахождения на территории РФ.

высших должностных лиц. Годами не замечавший конфликта вокруг небоскреба президент вдруг[91] стал регулярно обращаться к этой теме, подчеркивая необходимость соблюдать международные обязательства по охране исторического центра Петербурга. В сентябре 2010 года Медведев даже задался вопросом: нужен ли небоскреб в этом месте? И потребовал отложить начало строительства до окончания всех судебных процессов. Одновременно городской суд Санкт-Петербурга оставил в силе решение районного суда и отказался признать незаконным постановление правительства Петербурга, разрешающее высотное отклонение от предельных параметров при строительстве «Охта-центра». Истцы-градозащитники подали кассационную жалобу на основе определения Конституционного суда РФ, а также ходатайствовали о вызове в суд вице-губернатора Романа Филимонова и о том, чтобы запросить в ЮНЕСКО, находится ли этот участок в границах объектов всемирного наследия. Судья оставил ходатайства без удовлетворения. 8 октября 2010 года Главное управление государственной экспертизы согласовало проект 403-метрового газпромовского небоскреба, ликвидировав последний национальный барьер для получения разрешения на его строительство. Летние слухи о неформальных договоренностях Матвиенко и Миллера начали воплощаться.

[91] О вмешательстве президента в скандал впервые стало известно лишь в мае 2010 года, когда его помощник Сергей Приходько направил органам власти письмо с требованием соблюдать международные обязательства России в сфере охраны всемирного наследия, на которых настаивало ЮНЕСКО. Смольный тогда не отреагировал, однако осенью центральные телеканалы растиражировали недвусмысленный жест президента, который нарисовал в воздухе вопросительный знак по поводу выбранного для небоскреба места. При этом руководители проекта еще в течение двух месяцев продолжали утверждать, что строительство «башни» начнется ближайшим летом.

Временами меня охватывает такая усталость, такая апатия! Все кажется бессмысленным... все равно построят этого урода. И плевать им на город, на нас, на наше мнение... (*Женя, 23 года, «Синяя лента»*).

Несмотря на отсутствие ощутимых прорывов в борьбе против «второй капиталистической перестройки» Петербурга в течение 2010 года, активисты градозащитного движения продолжали общественную работу по уже оформившимся направлениям. Реконструируя новейшую историю экокультурного движения четвертой волны, я коротко расскажу об основных вехах его развития в 2010–2011 годах.

По-прежнему большое внимание уделялось публичным акциям, хотя их частота и численность вовлеченных участников несколько сократилась по сравнению с «пиковым» 2009 годом. Помимо регулярных пикетов против «башни» и/или в защиту археологических памятников Охтинского мыса, организованных активистами «Охтинской дуги», ЖГ, инициативной группой «Башне — нет!», движением «Синяя лента» и др., петербургские градозащитники провели несколько общегородских маршей и митингов[92]. Также устраивались пикеты по «тревожным адресам», где домам-памятникам угрожали снос, или мансардные надстройки, или радикальная «реновация»[93].

[92] 9 октября 2010 года в марше в защиту Петербурга приняло участие 3000 человек; внеочередной марш 3 апреля 2011 года собрал около 2000 человек, зато в нем приняли участие городские чиновники в ранге вице-губернаторов. 11 декабря 2010 года в Александровском парке прошел митинг активистов борьбы за сохранение культурного наследия, организованный для публичного протеста против поправок в федеральный закон «Об объектах культурного наследия»; участвовало около 100 человек.

[93] Назову лишь несколько памятников, которые стали объектом защиты для активистов в 2010–2011 годах: особняк Юргенса (Жуковского, 17), трамвайный парк на Васильевском, «Литературный

Нужно упомянуть и о новых формах публичных выступлений, которые освоили активисты. В частности, в конце ноября — начале декабря 2010 года «живогородцы» обратились к тактике «потребительского бойкота». Она была использована против финской компании «Stockmann», чей торговый центр возвели на руинах исторического квартала (угол Невского проспекта и улицы Восстания). Активисты ЖГ почти две недели раздавали листовки посетителям у входа в новый торговой комплекс, призывая бойкотировать финскую торговую компанию:

> Компании «Стокманн» было плевать на мнение петербуржцев, когда она достраивала два мансардных этажа на Невском проспекте. Нам должно быть зазорно что-то покупать в торговом центре, владельцы которой отнеслись к нам как к туземцам. Не будем поддерживать фирму, которой наплевать на красоту одного из лучших городов мира, объекту Всемирного наследия ЮНЕСКО — нашему общему достоянию[94].

Досталось и генеральному директору «Stockmann». Накануне западнохристианского Рождества 2010 года активисты ЖГ организовали кампанию электронных писем. На блоге движения можно было скачать рождественскую открытку с текстом на финском языке: «Счастливого Рождества! С единственным пожеланием — убрать построенное Вашей компанией уродство с Невского проспекта!» — подпись (...) и электронный адрес Ханну Пенттила, главы петербургского «Стокманна».

Среди наиболее ярких мероприятий художественного направления назову фотовыставку «Всемирное наследие в опасности: судьбы Петербурга и Байкала глазами

дом» на Невском, 68, дом Рогова на Загородном, 3, Блокадная подстанция на Фонтанке, 3а, и др.

[94] Из листовки ЖГ «Бойкот — "Стокманну"!» См.: http: // www. save-spb.ru / upload / agitation / boykot.pdf.

современных фотографов» (18.04.2010); публичные показы документального фильма «Пять тысяч лет до Петербурга» (2010, реж. Д. Линов; фильм, основанный на материалах археологических находок на Охтинском мысу, рассказывает об истории допетровских поселений в дельте Невы); конкурс дипломных работ выпускников Репинского художественного училища на тему «Археологический музей на Охтинском мысу» (19.07.2011). Также было проведено несколько акций, популяризирующих «петербургский миф» и интерес к историко-культурному наследию. Среди них: бесплатные пешеходные экскурсии по Петербургу, организованные в рамках празднования Дня всемирного наследия (17–18.04.2010); выставка «Археологические открытия на Охтинском мысу» в Доме архитекторов (2–18.06.2010); архитектурно-археологический семинар в Государственном Эрмитаже, на котором эксперты обсуждали методические, организационные и практические проблемы сохранения и существования архитектурно-археологических памятников в условиях развивающейся городской среды (15–17.06.2010) и др.

К декабрю 2010 года необходимый уровень общественного давления в борьбе против строительства «Охта-центра», похоже, был достигнут. Путь к победе над союзом «стратегического инвестора» с чиновниками, проталкивающими проект «газоскреба», оказался очень тернистым. Измотанные четырехлетним противостоянием активисты экокультурного движения испробовали фактически все способы: от судебных исков до акций прямого действия. Они продолжали оппонировать адептам небоскреба чуть ли не из одного упрямства/упорства. Но на самом деле в самые критические моменты их поддерживали соратники по борьбе. Анализируя биографические истории активистов движения, я отметил во многих интервью отсылку к плохо вербализируемому опыту гражданской солидарности, к чувству товарищества, которое нельзя просто забыть или вытеснить. Именно

в коллективных действиях активисты научились отстаивать свою позицию до конца.

Ситуация вокруг скандального проекта небоскреба в устье реки Охта снова изменилась в конце 2010 года — внезапно и без видимых причин. 2 декабря Валентина Матвиенко впервые высказала предположение о возможном переносе небоскреба: «Я полагаю, что мы предложим другие варианты, возможные для строительства такого крупного, интересного, большого инвестиционного проекта»[95]. 3 декабря на заседании Общественной палаты РФ было сказано, что состояние грунтов на берегу Невы и Охты не позволяет построить там небоскреб[96]. И наконец, 9 декабря губернатор заявила, что администрация Санкт-Петербурга совместно с руководством «Газпрома» приняли окончательное решение перенести общественно-деловой район «Охта-центр» на другое место[97].

Таким образом, 9 декабря 2010 года стало для петербургского движения защитников наследия днем победы[98] — битва за «небесную линию» была выиграна. Одна из самых последовательных оппонентов проекта «Охта-центра»,

---

[95] *Пушкарская А.* Башню сносит // Коммерсант. 2010. 3 декабря.

[96] Там же.

[97] Матвиенко все-таки перенесла стройку небоскреба «Газпрома» с Охты // NEWSru.com. 2010. 9 декабря.

[98] Но меня как исследователя не оставляет вопрос: чем вызвано последнее заявление Матвиенко? Почему проект, который она проталкивала на протяжении пяти лет, остался в итоге нереализованным? Возможно, отказ от строительства небоскреба был спровоцирован успешными действиями градозащитной общественности. А может быть, губернатор закрыла проект в результате скрытой от глаз интриги между кланами госчиновников. Нельзя забывать и о таком варианте: Валентина Матвиенко поняла, что огромный «Охта-центр» на излучине Невы и Охты действительно станет диссонирующим элементом городского пейзажа. Кроме того, он создаст больше проблем (политических, финансовых, транспортных), чем принесет преимуществ.

активистка третьей волны движения, а в 2000-х — авторитетный в городе журналист, пишущий о проблемах сохранения петербургского наследия, Татьяна Лиханова так прокомментировала эти события:

> Те, кто сегодня могут праздновать победу, не скрывают и нотки горечи: пять лет жизни положено на то, чтобы доказать очевидное. Какое тут упоение в бою, когда не вылезаешь из окопов годами. Эти годы для многих стали еще и временем постижения Города, осознанием личной ответственности за его судьбу, обретением единомышленников, товарищества, каждодневной проверкой самого себя на преданность, стойкость, временем укрепления веры в непреложную ценность отвергаемого миром прагматизма святынь. В общем, нам всем есть за что возблагодарить посланное в лице Алексея Миллера испытание[99].

С декабря 2010 года начался «закат» градостроительной политики Валентины Матвиенко. 20 декабря городской суд Санкт-Петербурга в полном объеме удовлетворил исковые требования «яблочников» Бориса Вишневского, Максима Резника и Николая Рыбакова о запрете строительства зданий выше 40 метров на Охтинском мысу.

Весной 2011 года ширилась общественная кампания за придание фортификационным сооружениям, обнаруженным во время археологических раскопок на Охтинском мысу, статуса памятника. В мае петербургские градозащитники провели пикеты у здания Министерства культуры в Москве. В результате была достигнута договоренность о встрече с советником министра. Политическое положение Валентины Матвиенко становилось все более шатким. Допущенные ее администрацией градостроительные

[99] *Лиханова Т.* Для «Охта-центра» нашли другой мыс на Неве // Новая газета в СПб. 2010. 6 декабря.

политической повестки нанесли ощутимый урон политической вертикали, где простой дуумвират Путина—Медведева. С начала 2011 года московский политический истеблишмент использовал нарастающее недовольство ситуацией, складывающуюся в Петербурге вокруг фигуры губернатора.

> Параллельно с отказом от проекта строительства газпромовской башни начал обваливаться и рейтинг Матвиенко. Для большинства петербуржцев она давно уже стала персоной non grata. А после 9 декабря 2010-го Матвиенко потеряла авторитет даже в глазах пропутинского электората, людей, которые поддерживали режим. Они расценили отказ от проекта «Газпром-нефти» как сигнал о политической слабости губернатора, как признак ее неэффективности. ...Низкий рейтинг Матвиенко накануне парламентских выборов 2011 года гарантировал протестное голосование в Петербурге. Что, конечно, не могло не беспокоить партию власти. И ее решили убрать (*Галина, 42 года, активистка «Охтинской дуги»*).

22 августа 2011 года президент Медведев принял отставку Валентины Матвиенко. На провальной пресс-конференции экс-губернатор сказала: «Сожалею, что поздно начала диалог с градозащитниками. Я рада, что этот процесс пошел. Он дал результат. Уверена, что диалог будет продолжен новым губернатором»[100].

Анализируя активность разных групп экокультурного движения на современном этапе, мы видим, что репертуар коллективных действий этих движений постепенно расширяется, их межгрупповые связи крепнут, а участники накапливают опыт гражданского участия. На протяжении 2010–2011 годов в Петербурге медленно вызревало

[100] *Калинин А.* Градозащита ждет губернатора // ИА Росбалт. 2011. 29 августа.

сообщество горожан — граждан (в античном понимании) своего города (полиса), готовых активно участвовать в совместном разрешении его насущных проблем. Начиная с коалиции в защиту Санкт-Петербурга градозащитники продолжили искать пути для эффективного взаимодействия, для формирования новых общественных ассоциаций и общегородских союзов. Показательным примером можно считать «группу Сокурова», которая появилась в один из наиболее острых моментов борьбы за «небесную линию» Петербурга.

13 июля 2010 года известный кинорежиссер Александр Сокуров обратился к Валентине Матвиенко с открытым письмом, в котором просил губернатора не принимать принципиальных градостроительных решений без консультаций с защитниками исторического центра. В интервью Александр Сокуров рассказал:

> В моем представлении, в городе просто шла «гражданская война», в которой было истощение сил и у одной стороны, и у другой. Ход этой войны показывал, что победителей не будет. Мы в окопах, и власть в окопах, и, пока идет перестрелка, деструктивные силы делают то, что им надо. Идет разрушение города. Ни митинги положительных результатов уже не давали, ни выступления прессы, ни обращения к президенту и к премьер-министру. Мне казалось очевидным и необходимым прекращение противостояния[101].

И Валентина Матвиенко неожиданно согласилась на консультации с общественностью. Сокурову было предложено собрать группу переговорщиков, которая могла бы содержательно и конструктивно обсуждать острые проблемы градостроительной политики с чиновниками из профильных комитетов городской администрации. Помимо самого

[101] Александр Сокуров: «С мнением градозащитников перестают считаться» // Газета СПб. 2011. 13 июля.

режиссера в «группу Сокурова» вошли Александр Карпов (директор Центра экспертиз ЭКОМ), Александр Кононов (заместитель председателя Петербургского отделения ВООПИиК), Юлия Минутина (координатор движения ЖГ), Максим Резник (председатель петербургского отделения партии «Яблоко»).

Первая встреча губернатора и «группы Сокурова» состоялась 10 ноября 2010 года. На ней обсуждались условия дальнейшего взаимодействия и темы будущих встреч, новый генеральный план города и проблемы межевания территорий, были определены самые болезненные проблемы в градостроительной политике и т. п. По результатам переговоров Матвиенко заявила, что она настроена продолжать конструктивный диалог с общественностью, а также неожиданно предложила координатору ЖГ Минутиной стать советником губернатора. В среде активистов-градозащитников появились надежды на долгожданные перемены, на продуктивный диалог с городской властью. Однако, по словам Александра Сокурова, «вторая встреча скорее вызвала тревогу. Потому что, к сожалению, часть документов, которые мы передали, оказались необработанными. На многие вопросы по-прежнему нет ответа»[102].

Диалог все больше заходил в тупик; на шестой встрече между защитниками наследия и Смольным проявились принципиальные противоречия. По окончании переговоров «группа Сокурова» распространила открытое письмо, содержащее протокол разногласий (на 12 мая 2011 года), а также девять требований, невыполнение которых, по словам авторов письма, не позволит продолжить им дальнейшее сотрудничество с городской администрацией. Одно из центральных требований в открытом письме — немедленное прекращение продолжающегося сноса исторических

[102] Александр Сокуров: «С мнением градозащитников перестают считаться» // Газета СПб. 2011. 13 июля.

ний в зонах охраны. В июле 2011 года кинорежиссер снова обратился с открытым письмом к губернатору, где подверг резкой критике городскую администрацию, заявив, что вопреки заверениям губернатора с мнением градозащитников перестают считаться. «Ваши встречи с Группой градозащитников, — писал Сокуров Матвиенко, — стали редкими. Ближайшая планируется только на начало августа. А многие срочные, спорные вопросы так и не решены»[103].

Анализируя опыт этой инициативной группы, мы видим, чем обычно заканчиваются в нашей стране попытки активистов выстроить коммуникативное пространство для диалога с властью. В этой истории отразилось характерное для современного момента нерабочее — закупоренное — состояние механизмов обратной связи между чиновниками и гражданами Петербурга:

> Они (градозащитники. — *Б.Г.*) просто отнимают время. Никто с ними иметь дела не хочет. Во-первых, потому, что у нас здесь, по сути, бизнес, и тут общественники ничего предложить не могут. Они даже понять не могут ничего! Это уже во-вторых. Зачем тратить время, говоря на разных языках? Эти все общественные диалоги я заношу в папочку «неприятные разговоры» и стараюсь не участвовать (*Андрей, 45 лет, чиновник Правительства СПб*).

Проделанная мною реконструкция новейшей истории городских общественных конфликтов в градостроительной сфере и смежной с ней сфере охраны наследия позволяет говорить, что административная, а также сливающаяся с ней бизнес-элита Петербурга, как правило, не видит причин для «неприятных разговоров» с «общественниками». Участники инициативных групп и общественных

[103] Александр Сокуров: «С мнением градозащитников перестают считаться»...

...ко не они градозащитников, наоборот, предпринимают по-...ытки по налаживанию диалога с городской администрацией, но успехов в этом направлении пока мало.

Уже после отставки Матвиенко, 29 августа 2011 года в пресс-клубе «Зеленая лампа» прошла весьма интересная пресс-конференция, в ходе которой члены «группы Сокурова» рассказали журналистам о своих попытках наладить сотрудничество с городскими чиновниками. Лидеры городского экокультурного движения были единодушны в своих оценках: диалог между общественностью и губернатором не получился. По мнению Александра Сокурова, причина провала их миссии заключается в системной неготовности правительства к сотрудничеству в таком формате.

> Заявления губернатора о готовности к сотрудничеству с градозащитниками оказались пустым политическим жестом, — заявила координатор ЖГ Юлия Минутина. — Предложенная мне должность советника губернатора была чисто декоративной. Мне этот пост не дал никаких преимуществ, более того — я даже не получила ответы на свои запросы. А все мои попытки выйти на губернатора заканчивались в кабинетах ее помощников[104].

Таким образом, в конце 2011 года в Петербурге по-прежнему существовали серьезные институциональные барьеры для участия людей в жизни своего города. Дефицит дискуссионных площадок и отсутствие эффективных механизмов делиберации острых городских проблем являлись серьезным препятствием для переговоров между представителями общественности и чиновниками из администрации. Опыт «группы Сокурова» наглядно продемонстрировал, что

[104] См.: Пресс-конференция «Продолжение диалога между властью и градозащитниками», 29 августа 2011 / Сайт пресс-клуба «Зеленая лампа». См.: http://www.greenlamp.spb.ru/2011/08/29.

занявшие «административные высоты» и плотно «угнездившиеся» в правительственных кабинетах чиновники, как правило, не ощущают необходимости учитывать в своей работе месседжи, приходящие «снизу». И только постоянное, настойчивое, нарастающее давление общественных активистов способно поколебать самодостаточную автономию городских чиновников. В 2010–2011 годах уровень общественного давления на исполнительную власть оказался достаточно мощным, чтобы привести сначала к замораживанию наиболее скандальных градостроительных проектов, а потом и к «отставке с повышением» продвигавшей их градоначальницы.

31 августа 2011 года голосованием депутатов Законодательного собрания на пост губернатора Санкт-Петербурга был утвержден Георгий Полтавченко. Упреждая назначение нового губернатора, градозащитная общественность Петербурга сформулировала «Новую градостроительную политику для нового правительства Санкт-Петербурга», содержащую семь конкретных предложений. Концепция была подготовлена по результатам консультаций с активистами градозащитных организаций и экспертами в сфере градостроительства и представлена А. Сокуровым, А. Карповым, А. Коновым, Ю. Минутиной и М. Резником. Уже 13 сентября 2011 года новый губернатор встретился с режиссером Сокуровым и подтвердил готовность продолжить диалог с градозащитными движениями. Начались консультации по графику и тематике встреч. А 15 декабря 2011 года на встрече с журналистами Владимир Путин выразил уверенность в том, что «новый губернатор Петербурга Георгий Полтавченко сохранит историческое наследие Петербурга»[105].

Однако в городе по-прежнему остаются «болевые точки». В наследство от Валентины Матвиенко и городу,

[105] Георгий Полтавченко сохранит историческое наследие Петербурга, уверен Владимир Путин. 2011. 15 декабря. См.: http://cityproblems.ru/articles/view/19.

и новому губернатору остались контракты на строительство Ново-Адмиралтейского моста на территории объекта всемирного наследия и вывод Адмиралтейских верфей; сотни выданных градостроительных планов земельных участков, основанных на подложных законах; строительство второй сцены Мариинского театра, реконструкция Апраксина двора, Никольского рынка и Летнего сада, возможные сносы Блокадной подстанции на Фонтанке, 3а, исторических зданий на Невском, 68, Жуковского, 19, и др.

Результаты проведенного исследования дают основания говорить, что в ходе четвертой мобилизационной волны экокультурного движения в Петербурге формируется сеть общественных объединений, движений и инициатив, участники которых готовы буквально следовать популярному лозунгу и «вернуть себе город». К концу 2011 года в северной столице сложилась ситуация, когда практически любая градостроительная инновация чревата скандалом: если строят дом в новых районах — это воспринимается как уплотнительная застройка, если в центре — как угроза наследию и разрушение старого города.

3. Практика общественного активизма в Петербурге

> То общее, что у нас есть, — невозможность жить по-другому, да?
>
> *Андрей, 25 лет, активист ЖГ*

Третья часть этой работы посвящена анализу процессуального уровня существования градозащитного движения Петербурга. Далее, предпринята попытка разобраться, как устроено современное движение, описать характерные для него особенности самоорганизации и каналы рекрутирования сторонников. Эти аналитические операции

я проделаю на примере ЖГ — одного из самых ярких движений четвертой мобилизационной волны, иногда, для расширения контекста, перебрасывая «смысловой мостик» к практике других, исторически предшествовавших ЖГ или параллельно развивающихся с ним, движений градозащитников.

Состав движения, первичное «ядро» самоорганизации и каналы рекрутирования сторонников

Инициативная группа, образовавшаяся осенью 2006 года вокруг градозащитного блога Лизы Никоновой, объединила юношей и девушек 20–25 лет, с высшим или еще не законченным высшим образованием. Из них сформировалось первое ядро движения «Живой город» — 25–30 человек. Любопытно, что состав ЖГ лишен каких-то дополнительных признаков, объединяющих активистов, — это самые разные люди (за исключением возрастных и образовательных характеристик). Родившиеся на начальной стадии исследования гипотезы о преобладании в составе градозащитных движений «гуманитариев», или жителей исторического центра, или людей со специфической подготовкой (выпускников краеведческих кружков, эрмитажных и других искусствоведческих курсов, экскурсоводов, студентов архитектурных, художественных и т. п. вузов) разбились об эмпирические данные.

Люди приходят в ЖГ из разных профессиональных, территориальных и статусных групп. Их объединяет преданность «петербургскому мифу», схожие представления об уникальном значении городских памятников, а также внутренний императив эти памятники беречь. Сравнительный анализ биографических интервью демонстрирует, что активистами ЖГ были как родившиеся и выросшие в Петербурге, так и мигранты; как жители центра, так и обитатели городских окраин.

Первичная самоорганизация активистского ядра ЖГ проходила в виртуальном пространстве ЖЖ: «Изначально люди были, как правило, не знакомы или знакомы только виртуально, через комьюнити» (Саша, 27 лет, активистка ЖГ). Тут хочется еще раз подчеркнуть многократно уже высказанную мысль об исключительном значении интернет-технологий для развития общественного активизма в современной России. Большинство участников ЖГ составляют молодые люди, для которых Интернет — это знакомое и хорошо обжитое пространство. Идея создания сайта движения возникла на первых же встречах и была принята почти без обсуждений, как само собой разумеющееся, как общее место. Интернет для ЖГ стал не только местом встречи, он является важнейшим инструментом для привлечения новых сторонников и распространения информации о градозащитном движении, о его целях и задачах, о практической деятельности экологов культуры.

Формальный уровень организации движения

«Живой город» не имеет официальной регистрации. Сами активисты называют ЖГ движением, то есть «общественным объединением, которое может действовать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица»[106]. В 2008 году в ходе внутренних дискуссий был создан проект Устава движения ЖГ[107]. Насколько я знаю, на момент окончания исследования (конец 2011 года) он так и не был принят, что никак не умаляет его значения для проводимого здесь анализа. Ведь в ходе исследования формального уровня социального

[106] Согласно ст. 3 Федерального закона № 82 «Об общественных объединениях», принятого Государственной думой и Советом Федерации РФ 14 апреля 1995 года.

[107] См. проект Устава ЖГ: http: // www.save-spb.ru / page / about.html#1.

взаимодействия, отраженного в писанных правилах, законодательных нормах и инструкциях, преимущественное значение имеет изучение не того, «как на самом деле» происходит социальное действие, но анализ того, «как оно должно было бы происходить», по мнению авторов документов.

Согласно проекту Устава деятельность движения регулируется собранием его участников. Оперативную координацию коллективных действий осуществляет Координационный совет. Его члены переизбираются не реже одного раза в год на общем собрании движения. Также по представлению Координационного совета общим собранием активистов назначаются координаторы[108], ответственные за выполнение конкретных проектов, принятых движением к реализации. Выделяются четыре направления деятельности: 1) работа с общественностью, 2) разработка и тиражирование наглядной агитации, 3) экспертно-аналитическое направление и 4) архивный отдел. Соответственно выбираются четыре координатора, и каждый отвечает за одно из направлений.

> Принципиальные решения, касающиеся деятельности Движения в целом, сотрудничества с другими организациями, реализации Движением новых проектов, проведения новых акций и мероприятий, участия Движения в акциях и мероприятиях других организаций, важные организационные вопросы решаются исключительно в результате свободной дискуссии на собраниях Движения. В случае необходимости такие решения принимаются в форме открытого поименного либо тайного голосования среди участников Движения, присутствующих на собрании; в этом случае

[108] «Координатор Движения — участник движения, отвечающий за работу Движения в целом, а также за одно или несколько направлений деятельности движения» (проект Устава ЖГ, п. 8.3).

решения принимаются простым большинством голосов (Проект Устава ЖГ, п. 10.1).

Причем отдельным пунктом записан принцип индивидуальной ответственности каждого: «Движение не несет ответственности за решения, принятые участниками Движения без согласования с Координационным Советом Движения» (проект Устава ЖГ, п. 10.6). Формально и строго определяются условия членства в Движении: «... участниками Движения могут быть лица, достигшие 16-летнего возраста, признающие Устав Движения и разделяющие его цели и задачи. Прием в участники Движения оформляется решением собрания Движения по представлению Координационного Совета» (проект Устава ЖГ, п. 6.2, п. 6.5). Но реальная практика коллективных действий «живогородцев» существенно разнится с формальными нормами, регламентирующими их взаимодействие согласно Уставу Движения.

Процессуальный уровень деятельности Движения

ЖГ можно охарактеризовать как сетевое, слабо формализованное, горизонтально организованное сообщество, связывающее людей, озабоченных проблемами защиты петербургского наследия. Это социальное движение соответствует всем формальным признакам «новых общественных движений»: как правило, они децентрализованы, пульсирующе активны и строятся как социальная сеть — из небольших групп, неформальных сообществ и отдельных индивидов, которые объединены схожими ценностными ориентирами[109]. «Новые общественные движения» отличает интерес

[109] *McAdam D., McCarthy J., Zald M.* Social Movements // Handbook of sociology / Ed. by N. Smelser. NY: Routledge, 1988. P.205.

не столько к социальному распределению обязанностей и прав, сколько к сфере культуры и потребления. «Новые общественные движения» обозначаются не по носителю, что было характерно для «старых» движений (например, рабочего или молодежного), а по предмету («зеленое», феминистское, антиядерное, пацифистское). Для них характерны размытые организационные формы, низкие барьеры членства, краткосрочный характер вовлечения активистов[110].

> Сразу было ясно, что нужно организовываться как сеть из разных людей, групп, группок, которые слепились сами по себе и занимаются своим делом. Никто не ждет никаких указаний, ничего... (*Николай Смирнов, 28 лет, активист ЖГ*).

> Все это движение — это способ улучшить взаимодействия заинтересованных людей. Можно сказать, что мы — сеть людей, заинтересованных проблемами наследия. Мы возникли в Сети и развиваемся по сетевому принципу (*Сергей, 24 года, активист ЖГ*).

Первые два года коллективная жизнь «Живого города» была организована как взаимодействие небольшого лидерского ядра (25–30 человек) и общинной Сети из сочувствующих, время от времени включающихся в работу активистов (300–500 человек):

> В принципе есть несколько исторически выдвинувшихся лидеров, потом ядро из 20–30 постоянно участвующих активных людей, которые числят себя членами «Живого города»... И несколько сотен тех, кто время от времени и по ситуации делает что-то (*Саша, 27 лет, активистка ЖГ*).

---

[110] *Здравомыслова Е.* Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. С. 122, 131.

Вопреки отраженной в проекте Устава склонности к формализации и процедурному регулированию деятельность ЖГ была процессуально слабо организована:

> Кто-то приходит... Может, совершенно новый человек пришел и сказал: «Вот у меня есть такая идея, давайте сделаем!» Мы говорим: «Ну давай! Ты будешь за нее отвечать. Вот такие у нас есть ресурсы, вот такие есть люди». Ну, если он пришел не просто так, языком потрепать, а делать дело, то дальше каким-то образом это превращается в какую-то акцию, или выставку, или мероприятие, что-то такое (*Антонина, 30 лет, активистка ЖГ*).

То есть работа и ответственность за ее выполнение распределялись в движении по инициативному принципу — когда автор идеи становится главным «продюсером», продвигая ее к практической реализации. О том же говорят и мои двухлетние наблюдения за деятельностью «живогородцев». На процессуальном уровне участники движения чаще всего прибегали к проектному способу организации коллективного действия. Обычно они не работали в рамках какого-то выделенного направления (например, «организация уличных акций» или «связи со СМИ» и т. п.), а решали самые разные, привлекающие их лично задачи (сегодня «переписка с КГИОП о даче Гаусвальда», а завтра — подготовка выставки об «Охта-центре»). Однако на определенном этапе ЖГ стал двигаться к большей формализации и структурированию. Эта тенденция по-разному оценивалась его участниками. Некоторые из них, например, считали, что определенная формализация не помешает движению:

> К сожалению, очень часто приходится тратить время на ерунду. Эти пустопорожние обсуждения и безответственные часто, неорганизованные действия... Мне кажется, движению пошло бы на пользу, если бы удалось немного

формализовать общую работу (*Алексей Ярэма, 46 лет, активист ЭРА и ЖГ*).

Другие, наоборот, видели в формализации только вред:

Вот когда эту организационную фигню начали, когда всякие регламенты ввели, ну, там, типа «я выступаю столько-то времени, ты выступаешь тогда, ты должна нам рассказать, что ты делаешь». ...На самом деле, я думаю, что вот та изначальная душевность, которая была у нас, она разрушается из-за этой как раз тенденции к... бюрократизации, что ли, вот она... разрушила все (*Лиза Никонова, 22 года, ЖГ*).

Третьи настаивали на сохранении проектного принципа:

...Система работы должна была быть проектной. Когда люди занимаются тем, чем им интересно. Потому что когда у людей есть какие-то конкретные обязанности, это превращается в рутину. Ведь большинство людей, которые в «Живом городе», они пришли для того, чтобы делать что-то интересное, чтобы самовыражаться. Кто бы к нам ни приходил, они, конечно, за спасение города, но большинство из них хотят делать именно то, что им нравится (*Сергей, 24 года, ЖГ*).

На момент эмпирического исследования в «Живом городе» велась внутренняя дискуссия о формах и путях дальнейшего развития.

Мне бы хотелось видеть деятельность движения, во-первых, поделенной на несколько секторов. С одной стороны, должен существовать сектор прямого реагирования — то, чем фактически мы сейчас и занимаемся. ...У меня было очень большое желание впоследствии на базе «Живого города» организовать фактически общественные приемные. То есть создать такой центр или центрик для юридической

поддержки жителей по градостроительным вопросам. В городе ощущается очевидный вакуум подобного консультативного учреждения (*Елена, 25 лет, ЖГ*).

Моя мечта — это чтобы «Живой город» хотя бы в Петербурге занял отчасти то место, которое ВООПИиК занимал в советское время при тогдашней власти. То есть это определенная, скажем, общественная экспертиза, которая проводится на постоянной основе, которая обязательна. То есть это голос, который имеет свой вес, причем официально признанный (*Юлия Минутина, 24 года, ЖГ*).

Но к концу эмпирического этапа моего исследования (декабрь 2011) никаких конкретных шагов к приобретению институционального статуса движением предпринято не было.

Говоря об освоенных «живогородцами» формах коллективного действия, следует отметить их разнообразие. Здесь нет необходимости подробно на них останавливаться, поскольку эти примеры уже неоднократно приводились в предыдущей «исторической» части текста. Отмечу лишь несколько характерных деталей, которые во многом определяют процессуальный уровень общественной активности градозащитного движения в целом. Детали эти касаются: 1) материального обеспечения движения; 2) коммуникативных практик, способов достижения компромиссов и разрешения конфликтов, принятых среди активистов, и 3) возможностей движения влиять на изменения в городском законодательстве и на процедуру принятия административных решений, связанных с проблемами охраны петербургского наследия.

Материалы участвующего наблюдения и данные интервью позволяют предположить, что основными «финансовыми донорами» ЖГ и подобных ему инициативных групп являются участники градозащитного движения и редкие

благотворители, сочувствующие его целям[111]. Средства на подготовку и печать агитационных материалов, на организацию выставок и независимые экспертизы, на канцелярию, коммуникационные и прочие расходы «живогородцы» собирали в основном среди сторонников движения. На еженедельных собраниях актива ЖГ я не раз наблюдал, как присутствующие скидываются по 100–300–500 рублей на текущие нужды «градозащитной борьбы». Было очевидно, что такие «пожертвования» уже стали рутинной процедурой, никто не проявлял ни непонимания, ни недовольства. Определенные суммы удается собрать через размещенный на сайте движения Яндекс-кошелек. Можно сказать, что материальная поддержка изучаемого движения ограничена финансовыми возможностями его активистов и ограниченного круга благотворителей. Иных источников финансирования, насколько мне известно, у ЖГ нет. Выбрав форму общественного движения (не нуждающуюся в регистрации и наименее формализованную), «живогородцы» уменьшили свои риски в отношении возможного давления со стороны надзирающих органов. Но, с другой стороны, сетевая, аморфная и плохо контролируемая форма движения ограничила его возможности в получении финансирования от негосударственных фондов и институтов поддержки гражданского общества, которые работают с зарегистрированными общественными объединениями и НКО. Кстати, возможность в перспективе получать грантовую поддержку была одним из важных аргументов сторонников институционализации ЖГ.

Среди собранных полевых материалов есть истории о предложениях финансовой поддержки от политических партий или отдельных политиков, которые активисты

[111] В Уставе ЖГ записано: «Денежные средства Движения формируются за счет членских взносов, добровольных пожертвований от сторонников Движения, а также других, не запрещенных законом поступлений» (проект Устава ЖГ, п. 11.4.1, 11.4.1.2, 11.4.4).

градозащитного движения получают в преддверии очередных выборов. На петербургской общественной сцене ЖГ завоевал известность, его деятельность положительно оценивается горожанами, а значит, политическая партия или политик, связавшие свою кампанию с брендом «Живой город», получают дополнительные шансы в предвыборной гонке. Но активисты ЖГ принципиально опасаются связывать «чистый имидж и благородные цели экокультурного движения» с какими-либо политическими кампаниями. Всякий раз предложения финансовой поддержки (даже от идеологически близких движению политических игроков) в обмен на политический союз наталкивались на характерный императив «культура важнее политики».

Другой характерной деталью, отличающей процессуальный уровень градозащитного движения 2000-х, можно считать недостаточный опыт в публичных обсуждениях и, как следствие, — коммуникативные барьеры, которые регулярно возникают во время групповых дискуссий петербургских градозащитников. Публичное общение представляет собой специфический навык; в нем сочетаются освоение определенного набора телесных и речевых манер и владение специфическим публичным языком, стремящимся к жанровой нейтральности и обобщениям.

Выше я уже упоминал о коммуникативных трудностях, которые возникают у активистов, принадлежащих к разным группам, движениям, НГО, при совместном обсуждении острых вопросов. О трудностях, возникающих в (редких) публичных дискуссиях с участием реальных оппонентов, говорить излишне. Обычные оппоненты градозащитников (городская администрация в союзе с крупным капиталом) предпочитают действовать с позиции силы либо (когда просто игнорировать общественников невозможно) симулировать переговорный процесс. Что ясно показывает коммуникативный провал «группы Сокурова» в 2011 году.

Нередко коммуникативные сбои случаются и при организации коллективных дискуссий среди активистов, образующих одно общественное объединение или инициативную группу. Анализируя социальную природу подобных коммуникативных сбоев, я не ограничиваюсь материалами, собранными по ЖГ, но также привлекаю данные включенного наблюдения за собраниями и дискуссиями в других градозащитных движениях четвертой мобилизационной волны.

Как правило, коллективные обсуждения, которым я становился свидетелем, имели неформальный характер и не были организованы каким-либо протоколом. Анализируя свои полевые заметки, я смог вычленить несколько характерных сценариев, по которым обычно развивается групповое обсуждение в инициативных группах петербургских градозащитников. Многие рабочие собрания проходили по «тусовочному» сценарию, как, например, собрания актива одного экокультурного движения районного масштаба (2010 год). Как правило, эти обсуждения (на которых присутствовало от 30 до 40 человек) проходили в помещении «дружественного» градозащитникам НКО, были регулярными и протекали по неформальным, плохо различимым правилам, согласно привычному для их участников порядку. Казалось, активисты сознательно избегают даже минимальной организации этих еженедельных встреч. Ведущих толком не было, каждый говорил, когда хотел и о чем хотел. Иногда общая дискуссия рассыпалась на десяток параллельных разговоров в мини-группах. Потом общее обсуждение могло начаться снова, но чаще заканчивалось, как говорят, «в кулуарах». Порой наблюдаемые мною обсуждения (актуальных проблем, планов работы, стратегии и тактики движения и проч.) напоминали дружеский треп в студенческой компании, решающей, чем бы занять свободное время.

«Тусовочный» сценарий сам по себе неплох: интересные друг другу, приятные люди приходят обсудить

сплетни и новости, обменяться книжками или дисками, возможно, что-то вместе «замутить». Неформальное общение, безусловно, — важная составляющая повседневной практики активиста. Но когда общественное движение застревает на этом уровне, возникают серьезные препятствия для эффективной организации каких-либо коллективных действий, кроме трепа.

Другой распространенный сценарий коллективных дискуссий условно можно назвать «авторитетным». Обычно он встречается в тех группах, где есть один, признаваемый всеми (или большинством) лидер. Типичный пример такого сценария — собрания активистов одного локального движения экологов культуры. Раз в неделю человек 20–25 приходят в заранее назначенное место (кафе, помещение дружественной НКО, парковую беседку и т. п.), разбиваются на группки по интересам, и до определенного момента общение происходит между знакомыми и приятелями. Но вот, чуть опаздывая, приходит наиболее авторитетный активист, за которым большинство признает право на групповую координацию. Он (или она) втягивают разрозненные группки в общее обсуждение актуальных вопросов. Далее возможны варианты развития «авторитетного сценария»: по «координационному» или жестко «лидерскому» образцу. Последний реализуется, когда лидер приходит с заранее им/ею подготовленной повесткой дня, которую и оглашает (во властной манере) для остальных участников собрания, параллельно раздавая поручения, определяя зоны ответственности каждого в подготовке и организации коллективного действия. Такого рода однонаправленные взаимодействия, когда все коммуникативные процессы инициирует авторитетный лидер, не оставляют места для дискуссии (в том смысле, которым наделяют ее толковые словари: «публичное обсуждение каких-либо проблем, спорных вопросов на собрании, целью которого является достижение согласованного мне-

ния по теме обсуждения»[112]). Я допускаю, что одноканально организованные собрания могут быть практически эффективными (все быстро, четко, организованно). Но при этом они оставляют впечатление то ли производственного совещания, то ли сектантских радений, где адепты внимают своему харизматику. Поскольку в приведенном примере исключительная роль отводится лидеру, очевидно, что и успех или неудача большинства социальных взаимодействий, проходящих по «авторитетному» сценарию, зависят от одного человека (его/ее настроения, сосредоточенности, усталости и проч.). Другие участники в описанном коммуникативном сценарии довольствуются ролью внимающей публики, однонаправленно получающей от авторитетного лидера информацию, поручения, эмоциональную зарядку и т.д. Это строго иерархичная модель, минимизирующая возможности для коллективных обсуждений.

Если же неформальный лидер выступает скорее в роли координатора, а не харизматичного вождя, собрания начинаются со сбора информации и предложений от разрозненных участников, и общая повестка собрания определяется на месте. Таковы были собрания одной инициативной группы, выступающей против надстраивания мансарды к историческому зданию в центре Петербурга. Ее активисты (10–15 человек) собирались пару раз в месяц в гостевом холле своего дома для обмена информацией о проделанной работе и обсуждения планов совместных действий. Неформальный лидер этой группы организовывала собрания по авторитетному сценарию, но выступала прежде всего в роли координатора. Без ее модераторских усилий общее обсуждение дробилось на отдельные разговоры между «своими». Координатор старалась вовлечь в коллективное обсуждение наиболее ярких, интересных и способных

[112] См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель, 2003.

представителей всех разрозненных мини-кружков. Она не просто делилась с ними информацией и раздавала задания, она вовлекала их в обсуждение, призывая вносить «рационализаторские предложения». В ходе опроса известных активистов, представляющих разные мини-сообщества в движении, формировался общий список вопросов для обсуждения. Это создавало ощущение общности и перспективы для совместного действия. При этом основное направление дискуссии определялось координатором. (Нередко она сводилась к согласованию того, кто и что будет делать и по сколько рублей нужно скинуться.) Можно сказать, что «координационный» коммуникативный сценарий тоже организован иерархически, хотя и содержит некоторые элементы обратной связи, которые сам авторитетный ведущий и инициирует.

Авторитетные сценарии общих собраний предполагают, что в движении или инициативной группе существует консенсус в отношении фигуры лидера, мнение которого, как правило, не оспаривают публично. Другая ситуация возникает, когда на роль ведущего претендуют два (и более) спикера, а большинство участников коллективного обсуждения формируют свое представление о дискутируемом вопросе по ходу дебатов. Это сценарий «состязательный». В ходе включенного наблюдения за практикой рутинных дебатов, принятой в инициативных группах, движениях и локальных сообществах петербургских экологов культуры, я несколько раз становился свидетелем состязательного коммуникативного сценария. Например, одно заседание молодых градозащитников на моих глазах превратилось из рутинного собрания актива «по текущим вопросам» в яростную словесную перепалку двух неформальных лидеров. Для моего анализа не имеет значения, о чем они спорили, куда важнее показать, как они это делали. Начав спор о формальных разногласиях, дискутанты незаметно для себя начали выяснять различия в подходах к экзистенциальным проблемам,

и потом, не удержавшись, перешли на личности. Пытаясь уловить суть их спора, я осознал, что каждый из оппонентов говорит скорее «о своем». Их аргументы больше не соприкасались, но артикулировались с нарастающим накалом — видимо, они уже обращались не к логике, а к эмоциям публики.

Наблюдая за этим конфликтом (он, кстати, закончился расколом этой инициативной группы), я заметил несколько жанровых коммуникативных барьеров, которые, как мне кажется, провоцируют развивающуюся по состязательному сценарию дискуссию к соскальзыванию в конфликтный регистр. Молодые активисты были лишены представлений о базовых правилах ведения публичных дискуссий. Они банально не давали друг другу закончить высказывание; они спорили, перебивая друг друга и повышая голос. Я нередко отмечал, что люди вообще не умеют (не хотят) слушать других. Ситуация осложняется тем, что оппоненты все время отходили от основного вопроса обсуждения, углубляясь в не связанные с ним детали и темы. В результате разговор утратил всякую смысловую связность. Наконец, еще одно наблюдение касается языка: коммуникативный разрыв (а затем и конфликт) возникал в том числе и из-за жанровых отличий речевых практик оппонентов. Наблюдалось много случаев, когда активисты не понимали друг друга потому, что одни говорили на безличном, эмоционально нейтральном, отягощенном сложными оборотами и бюрократизмами языке юрисконсультов, а другие — на неформальном, эмоционально окрашенном, переполненном субкодами «молодежном сленге». В результате публичные обсуждения самых простых вопросов превращаются в череду коммуникативных поломок, недопониманий и взаимных обид. Это «характерное для молодого поколения отсутствие культуры диалога, часто просто неспособность выслушать друг друга...» замечали многие участники движения защитников петербургского наследия старшего поколения.

Собранный среди градозащитников полевой материал указывает на дефицит позитивного опыта участия в дискуссиях, организованных по состязательному сценарию, но проходящих не в конфликтной стилистике, а в режиме «поиска компромисса». Только один раз я стал свидетелем коллективного обсуждения, которое можно описать как состязательное, но компромиссное. Небольшая градозащитная группа и несколько экспертов обсуждали, каким образом организовать альтернативную экспертизу на предмет историко-культурной ценности жилого дома, которому грозил снос. Вопрос оказался непростым, потому что экспертизу нужно было делать быстро, а специалист, обещавший начать эту работу, заболел; потому что в КГИОПе уже две недели не отвечали на официальный запрос и на телефонные звонки; потому что у инициативной группы не хватало денег для аванса новому эксперту, а он иначе не брался, и т. п. Однако собравшиеся семь человек продемонстрировали, что это вполне возможно — в ограниченное время, свободно, совместно и без лишних эмоций прийти к компромиссному решению. К сожалению, такого рода опыт конструктивной делиберации пока является скорее исключением из общей практики. Большинство наших соотечественников испытывают недостаток коммуникативных навыков, особенно связанных с конструктивным взаимодействием с малознакомыми и незнакомыми людьми. Застенчивость или, наоборот, острое желание доминировать в дискуссии, помноженные на подсознательное недоверие к «чужакам», препятствуют коллективным действиям. Некоторые представители четвертой мобилизационной волны движения защитников наследия достаточно четко это осознают.

> Вообще, сейчас есть такая проблема. Я не знаю, как это в западных странах, но у нас есть такая проблема. Здесь не хватает общения граждан между собой. То есть люди, как правило, между собой почти не общаются. Соседей по лестничной

клетке уже мало кто знает. Вот. И эта проблема всплывает везде: начиная с ТСЖ, который люди не создали, потому что не смогли договориться, а потом, когда договорились, оказывается, что там левый председатель или еще чего-то. Да? Кончая проблемами защиты наследия, где тоже договориться со своими же часто бывает сложно. То есть люди друг друга не знают, друг другу не доверяют, а главное — они не умеют между собой цивилизованно договариваться. Общаются мало, понимают друг друга плохо — соответственно, совместные действия предпринимать не могут вообще. А совместные действия нужны везде: начиная от подъезда и заканчивая городом в целом. Вот это основной такой момент. Ну, эта проблема, я думаю, она еще с советских времен (*Сергей, 24 года, ЖГ*).

Анализ полевых записей (2008–2010 годов) дает основания предполагать, что в среде петербургских градозащитников начала XXI века коллективные дискуссии протекают по тусовочному или авторитетному сценарию. Принятая у большинства инициативных групп процедура обсуждений не отличается особой разработанностью. Общие правила проведения дискуссий (соблюдение кворума, ритуалы открытия и закрытия собраний, процедура избрания или назначения ведущих, порядок выступления спикеров, фиксирование дискуссии в протоколе и т. п.) обычно отсутствуют. На собраний, на которых я присутствовал, у меня осталось впечатление фатальной неорганизованности. Участники не берегли общее время, не беспокоились о процедурных моментах, а главное — далеко не всегда были готовы услышать друг друга. Иногда рабочие обсуждения градозащитников протекают в рамках состязательного сценария, но, как правило, — в конфликтной стилистике; примеры дискуссий в режиме поиска компромиссов еще довольно редки. Налицо дефицит самого публичного языка, что является важным препятствием для роста солидарности и развития

общественного активизма. Николай Беляк так описал возникшую в результате утраты навыков публичных обсуждений «общественную немоту»:

> У нас нету общего культурного кода, который бы связывал все группы общества, нет общего языка, практически разрушен этикет.

Но нельзя сказать, что синдром «публичной немоты» фатален, — достаточно вспомнить историю создания Гражданской коалиции в защиту Петербурга (2009). В критический момент общественной битвы за «небесную линию» отдельные активисты, движения и НКО города смогли договориться. То есть, несмотря на имеющиеся коммуникативные сложности, петербургские активисты постепенно осваивают навыки публичного дебата, овладевают искусством поиска компромисса, находят новые формы коллективного действия.

Помимо хронической нехватки финансов и коммуникативных трудностей градозащитное движение 2006–2011 годов практически не имело доступа к механизмам принятия административных решений. Описывая опыт «группы Сокурова», я отмечал закупорку каналов обратной связи по линии «горожане — городская администрация». Сегодня чиновники не готовы, не умеют и не хотят работать с общественностью. Административные институты опираются на политический цинизм и пассивность большинства горожан, рассчитывая потопить протесты нескольких тысяч активистов в безразличии миллионов обывателей. Но в истории вокруг строительства «Охта-центра» расчет бюрократов на молчаливое большинство не оправдался. Активисты ЖГ, объединившиеся вместе с другими градозащитными группами, НКО и движениями в Гражданскую коалицию вместе смогли переломить традиционную пассивность большинства петербуржцев. Мне кажется, успех

Гражданской коалиции во многом был связан с умелым медиа-позиционированием акций градозащитного движения, с широкой популяризацией основных ценностей защитников наследия среди горожан.

> Сейчас у них [у ЖГ] достаточно хорошо налажена работа. Все равно они, конечно, неформалы и раздолбаи. Нельзя с них много требовать. ...Но при этом я считаю, что они достаточно серьезно работают: и участвуют в общественных слушаниях, и готовят какие-то запросы, и, кстати, очень грамотно работают со СМИ (*Татьяна Лиханова, 41 год, активистка ГС*).

Из анализа интервью с активистами четвертой мобилизационной волны следует, что для них очень важен медиа-имидж движения, его восприятие жителями Петербурга, представителями российской и международной общественности:

> Мы, естественно, стараемся имидж поддерживать, потому что нам важно доверие СМИ, доверие горожан, обычных людей, которые знают, что когда они придут в «Живой город», то им постараются помочь. Для нас, конечно, это важно (*Елена, 25 лет, ЖГ*).

> Сегодня мы живем в информационном обществе, поэтому привлечение внимания к проблемам сохранения петербургских памятников является одной из важнейших задач нашего движения. Тот, кто больше на себя внимания публики оттянул, кто лучше свою позицию ей представил, тот и победит в результате (*Денис, 26 лет, активист движения «Синяя лента»*).

Многие «живогородцы» прямо заявляли, что залог успеха градозащитного движения — в привлечении общественного внимания к проблемам сохранения наследия

и популяризации среди жителей «петербургского мифа». Они видят свою миссию в том, чтобы изменить общественное сознание петербуржцев, повысить их уровень ответственности:

> Информирование людей об уникальности этого города, который фактически не город, а музей под открытым небом. Вот это важная задача. Мы стараемся привлечь внимание к проблемам сохранения наследия максимального количества петербуржцев (*Юлия Минутина, 24 года, ЖГ*).

В результате целенаправленной работы в этом направлении к 2009 году движение защитников памятников истории и культуры приобрело широкую общественную поддержку. Одна из причин победы градозащитников в информационной войне второй половины нулевых связана с тем, что к этому времени в Петербурге уже существовал оппозиционный медиа-пул, в который входили журналисты — участники экокультурного движения третьей мобилизационной волны. Они не жалели сил и средств для создания в сознании петербуржцев позитивного образа активистов из ЖГ, «Синей ленты», «Охтинской дуги» и других движений четвертой мобилизационной волны. Не последнюю роль в создании позитивного имиджа защитников петербургского наследия в глазах «обывательских масс» сыграла подчеркнутая аполитичность экокультурного движения. Многочисленные исследования гражданского общества и публичной сферы в России[113] указывают, что политика в глазах наших сограждан все еще ассоциируется с «репрессиями», «грязью»

[113] См., напр.: *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. Лето. С. 7–22; *Пивоваров Ю.* Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 23–50; *Дубин Б.* Социальная атомизация как наследие и данность // Индекс / Досье на цензуру. 2009. № 29. С. 6–12.

и «манипуляциями». Анализ интервью демонстрирует распространенную среди защитников петербургского наследия настороженность в отношении политического языка и публичной политики; эта настороженность проступает и при ознакомлении с программными документами ЖГ.

> Мы — группа людей, объединенных искренней позицией, что памятники истории и культуры являются общечеловеческой ценностью... Наша деятельность есть внеполитическая деятельность. Мы не партия и не элемент какой-либо партийной структуры. Мы — общественное движение, ставящее целью сохранение и защиту определенных национальных и общечеловеческих ценностей [114].

> Когда наступили девяностые, когда вдруг у нас выросла многопартийность непонятно из чего, а на поверку все эти партии оказались в массе своей тоже мыльными пузырями, тогда еще раз укрепилось это мнение, что политика ничего хорошего принести не может. Что политика — это, во-первых, стремление к какому-то сиюминутному получению власти, накопление своего личного первоначального капитала и более ничего. И, грубо говоря, если мы говорим, что движение за сохранение наследия присоединится к какой-то партии, а потом эта партия попадет во власть, то все равно эта партия благополучно забудет о наследии и будет действовать ровно так же, как и предыдущие (*Елена, 25 лет, активистка ЖГ*).

> В «Живом городе» многие люди считают, что движение такое в наших условиях квазидемократических, оно бесперспективно, потому что правила, по которым ведется

[114] Обращение Павла Никонова, Елизаветы Никоновой и Сергея Истомина «Марш несогласных. Почему не идем?». 2008 // http://community.livejournal.com / save_sp_burg / 288702.html*cutid1.

политическая игра, они отличаются от тех чистых принципов, на которых основывается борьба за сохранение культурного наследия. Мы скорее руководствуемся представлением, что культура важнее политических игр (*Николай, 28 лет, активист ЖГ*).

Принцип «культура важнее политики» сопутствовал движению защитников петербургского наследия на всем его пути. Его устойчивость и распространенность объясняется множеством факторов, среди которых важно упомянуть три: 1) ограниченность исторического опыта демократического развития и память о тоталитаризме; 2) неразвитость публичного языка и дефицит цивилизованных образцов публичной дискуссии; 3) низкий уровень доверия и солидарности в российском обществе[115]. Демонстративная аполитичность большинства активистов ЖГ, с одной стороны, привлекала в их ряды опасающихся «политики» граждан, а с другой — снижала риски репрессивного давления со стороны политических властей.

Мы старались сознательно от политики дистанцироваться (*Лиза Никонова*).

По-моему, Черчилль сказал... «Чем отличается политик от политического деятеля?» Кажется, так: «Политик работает на... электорат, а политический деятель — на будущие поколения». Не хочется быть политиком (*Юлия Минутина*).

Можно предположить, что для активистов четвертой мобилизационной волны дело сохранения петербургского наследия становится «безопасной гаванью»; здесь возможна

[115] Подробнее о проблеме доверия в российском обществе см. в: *Хоскинг Д.* Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). С. 59–69; *Ловелл Д.* Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. Лето. С. 147–162.

общественная солидаризация без репрессивных последствий, с которыми сталкиваются политически ангажированные общественные объединения.

> В этом смысле все остается точно так же, как было при Советах: есть Марш несогласных, но ведь там бьют. Понимаете? Чтобы пойти на этот Марш несогласных, нужно проявить некоторое гражданское, человеческое мужество. Нужно иметь свою позицию. А просто так идти — страшно, потому что могут ударить до крови. Насилие есть насилие, оно остается прямым, всем доступным аргументом. Фактор насилия остается — стреляют. ...Это система, и эта зверская система жива. Зверь жив, он жрет, как Минотавр (*Николай Беляк, 63 года, активист городского градозащитного движения*).

Для российского контекста насилие остается значимым фактором социального порядка, и его угроза во многом определяет особенности общественного активизма в стране. Угрозы применения силы, а также примеры ее применения постоянно присутствуют в современном общественно-политическом пространстве РФ:

> На первом Марше несогласных в марте 2007-го я вспомнила главное свое ощущение времен перестройки: что от твоих действий многое зависит, что есть еще возможность что-то изменить. И вокруг все те же лица, ну постарели, конечно... Но уже через три часа, когда ОМОН стал стаскивать выступающих с крыльца Думы — от дверей, где располагался Фонд культуры, — стало понятно, что это совсем другая эпоха (*Татьяна Притыкина, активистка экокультурного движения 1980-х, сотрудница Фонда культуры*).

Несмотря на все риски «совсем другой эпохи», в ходе четвертой мобилизационной волны экокультурное движение смогло вовлечь в общественную жизнь множество

сторонников, принявших участие в массовых публичных акциях вроде митинга в защиту Санкт-Петербурга 10 октября 2009 года.

Объясняя, почему в Петербурге начала XXI века гражданская активность проявлялась в основном вокруг защиты памятников истории и культуры, я упоминал множество разнородных факторов. Реконструкция истории экокультурного движения показывает, что современные защитники петербургского наследия опираются на продолжительную локальную традицию. Похоже, в их случае мы имеем дело с определенного рода социальным паттерном, снова и снова воспроизводимым в определенных городских слоях. Проведенный в ходе исследования анализ демонстрирует сильную идеологическую и методическую связь градозащитных движений второй половины нулевых годов XXI века с опытом их предшественников. Также нельзя не отметить, что, благодаря кропотливым усилиям нескольких поколений увлеченных петербурговедов, сегодня в сознании горожан в той или иной степени укоренился «петербургский миф» — ценностно-мотивационный комплекс идей об исключительном значении историко-культурных памятников Петербурга. Кроме того, среди ключевых условий, определивших успешное развитие градозащитного движения во второй половине 2000-х, нужно упомянуть эффективную популяризацию базовых ценностей движения и умелое медиасопровождение деятельности градозащитников. В результате им удалось завоевать симпатии горожан и склонить молчаливое большинство к оппозиции градостроительной политике администрации Петербурга. Наконец, последним немаловажным фактором, способствующим популярности градозащитного движения среди петербуржцев, можно считать материальную очевидность отстаиваемых его активистами ценностей. Они существуют на уровне прямого восприятия органами чувств и не нуждаются в идеологических объяснениях:

старый дом, которому угрожает снос; соседский сквер, где начинается строительство нового бизнес-центра; вид из окна, необратимо меняемый высотными зданиями. Я уже отмечал подозрительное отношение к любой отвлеченной идеологии, неприятие «политического» как характерную черту россиян. Сегодня любые абстрактные ценности воспринимаются большинством жителей РФ как «идеологические». Люди не видят в них ничего, кроме манипуляционного потенциала. Другое дело — Петербург (или Байкал, или Химкинский лес и т. п.). Это некая целостность, «общее место», как в прямом, так и в переносном смысле, которое связывает людей материальной простотой собственного бытия. Именно очевидные (визуально различимые) ценности еще котируются на постсоветском пространстве. Только конкретные дома, парки и озера способны провоцировать общественную мобилизацию, которая чаще всего рождается в ответ на конкретные и локальные проблемы среде обитания[116]. Именно опора на материальные ценности, в числе прочего, способствовала успеху экокультурного движения четвертой мобилизационной волны. «Тело города», отраженное в «каменной книге архитектуры»[117], цементирует своей материальной очевидностью идеальное измерение городского мифа, который требует от усвоивших его горожан активных действий — борьбы за сохранение петербургского наследия.

---

[116] Следует оговориться, что не только овеществленные (визуально различимые) ценности способны провоцировать общественные движения в России. Есть еще неовеществленные (но очевидные?) ценности образования, здоровья и других социальных гарантий, которые запускают механизмы общественных движений (спасибо Ольге Мирясовой, которая обратила мое внимание на необходимость этого примечания).

[117] *Анциферов Н.* «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. С. 48.

Судя по всему, у многих из нас тогда (не у одного меня — точно) было ощущение, что... очень бы хотелось как-то защитить то свое, ну, там, родное, чего жалко, но что не можешь защитить. Такое отношение бывает, я не знаю, ну, к зверюшкам, к природе. Такое же отношение было к городу родному (*Сергей Васильев, один из основателей ГС*).

Через городские памятники истории и культуры у петербуржцев возникают «общие места», связывается прошлое и настоящее, давая физическую опору специфическому виду локальных сообществ, где воспроизводится особый тип горожанина — готового к общественной мобилизации во имя защиты «родного города».

Заключение

В заключении я позволю себе высказать несколько предположений по поводу внутренней логики, согласно которой возникают и функционируют городские движения градозащитников Петербурга. Опираясь на ряд концептов, разработанных Лораном Тевено, я перекину «смысловые мосты» к текстам Карин Клеман и Ольги Мирясовой через трехвекторную классификацию «социального», «гражданского» и «политического» активизма[118].

Основной методологический прием, применяемый в прагматической социологии, состоит в концентрировании внимания на антропологических подробностях развития конкретных социальных ситуаций при детальном анализе действий и аргументов их участников[119]. При ана-

[118] Подробнее о трех идеальных типах активизма см. в Заключении настоящей книги (раздел 4: «Социальное, гражданское и политическое: социальные движения радикальнее "Болотного"»?).

[119] Тевено, например, исследовал ситуации общественных конфликтов по поводу планов строительства крупного инфраструк-

ниже ситуаций социальных конфликтов, согласно подходу Лорана Тевено, нужно прежде всего обращать внимание на пути, способы и практические приемы, которыми пользуются разрозненные, атомизированные акторы для самоорганизации, отлаживания процедуры коллективного действия и выработки общей позиции.

Чтобы описать социальный механизм возникновения общего, коллективного действия из суммы атомных практик отдельных акторов, Тевено вводит категорию *политическая грамматика*, или *грамматика политической связи*. Под ними понимаются практические способы интеграции множественного в общее, состоящие из специфических способов коммуникации и координации, а также из приемов интеграции, в результате которой возникает некоторое «мы»[120]. *Грамматика политической связи* — это способы достижения общественных компромиссов, специфические принципы достижения эквивалентности, которые формально не совместимы друг с другом, так как каждый принят в ситуации, в которой его валидность установлена как универсальная»[121].

Тевено выделяет три вида универсальных для различных обществ *политических грамматик*. Каждая из них

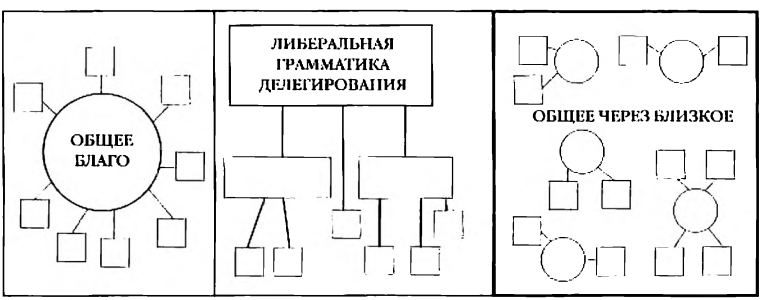
нутого объекта (дороги, плотины, электростанции и т. п.). См.: *Тевено Л.* Какой дорогой идти? Моральная сложность «обустроенного» человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 96–101.

[120] «Эти грамматики, берущие начало в политической философии, поддерживают как институциональные конструкции, так и способы публичного действия... [А] социологические изображения коллективов, союзов или обществ заимствуют кое-что из различных политических и моральных грамматик совместной жизни» (*Тевено Л.* Наука вместе жить в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. № 3. С. 5–6).

[121] *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 72.

отличается оригинальной процедурой и самодостаточной прагматикой достижения *общего*. Ради лаконичности и наглядности я представлю особенности трех *грамматик политической связи*, выделенных Лораном Тевено, в виде схемы (см. ниже). На схеме 1 жирными линиями выделены особенности *коммуникации*, отличающие каждую *политическую грамматику*. В концепции Тевено, «коммуникация — ... способ, которым то или иное лицо принимает участие в жизни сообщества»[122], т. е. приобщается к этой жизни.

Схема 1. Три грамматики политической связи (Л. Тевено)

На схеме 1 можно видеть, что в *грамматике «общего блага»* основной «точкой сборки» общественного является «круглый стол» публичной дискуссии. Приобщение в *грамматике «общего блага»* осуществляется посредством публичной дискуссии заинтересованных участников по поводу прозвучавшей критики несправедливости происходящего, эта дискуссия имеет форму делиберации, то есть круглых столов, организованных в попытке найти приемлемое для всех решение. *Общее* в сообществах, функционирующих

[122] *Тевено Л., Карева Н.* «Чудесный хлеб» гостеприимства (недоразумения, проясняющие открытость и закрытость сообществ) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 688.

по правилам этой *грамматики*, возникает как моральное единение на основании определенной концепции *общего блага*.

В *либеральной грамматике* главное — пирамиды координации мнений и делегирования интересов, позволяющие всем заинтересованным лицам участвовать в общественно-политической жизни посредством рыночного обмена или обмена мнениями, который ведет иногда к голосованию. В *либеральной грамматике* конституирование общего производится посредством координации интересов избирателей и агентов рыночных отношений, что достигается путем обменов — ценностей и мнений. Так возникает особое «мы» — сообщество противостоящих друг другу людей, связанных воедино рынком или парламентом.

Для общества, где базовым способом при-общения является *грамматика «близости через общие места»*, основным вопросом социальной структурации становятся границы, которые локализуют его акторов, то есть разделяемое ими *общее место*. Согласно классификации Тевено, *грамматики «близости через общие места»* понимается как приобщение, или при-соединение, к некоему *общему*. Общие места — это пространства, в которых общаются близкие в плане повседневной коммуникации и нравов люди, а знание об этих местах рождается из такого опыта жизни рядом, вместе[123]. *Коммуникация*, характерная для *грамматики «близости через общие места»*, связана с регулярным опытом взаимодействия акторов, объединенных *общими местами*, и имеет формы социальных сетей и персональных договоренностей[124].

---

[123] *Тевено Л., Карева Н.* «Чудесный хлеб» гостеприимства ...

[124] *Thévenot L.* Bounded Justifiability: Assurance and oppression in securing life together with binding engagements. Paper presented for the international conference «Bonds and Boundaries. New Perspectives on Justice and Culture». Kyoto: Ritsumeikan University. March 18–20, 2010..

Я склоняюсь к мнению, что большинство общественных инициатив, ассоциаций и движений петербургских защитников наследия организуется *политической грамматикой «близости через общие места»*. А *общим местом* для городского градозащитного движения является «петербургский миф», нанизанный на материальный каркас исторического центра. В пользу этой версии говорит многое: и характерные формы общественной мобилизации как ответ на угрозы *общим местам*; и отличающая движения защитников наследия привязанность к местности, устанавливаемой за счет жизни *вместе, в одном месте*. Само понятие *общего места* подразумевает близость, иногда означающую просто территориальную близость, но также и соседство, родство или знакомство. *Общее место* — не только место, где регулярно встречаются, но и ощутимое основание для общих чувств, для душевной или духовной близости[125]. Поэтому в *грамматике «близости через общие места»* значение тех или иных людей, вещей или идей определяется привязанностью к *общим местам*, через которую выстраивается иерархия доверия. Политическая связь между акторами в этой грамматике привязанности проявляется как некое отношение родства и близости и основывается на межличностных отношениях, возникающих на базе и по поводу некоего общего пространства. В этой модели, для того чтобы оценить чью-то ценность, нужно узнать его место в том общем пространстве, из которого этот человек черпает свой авторитет. Особенное значение для людей, действующих по правилам *грамматики «близости через общие места»*, приобретает способность урегулировать конфликтные ситуации в режиме персональных договоренностей с авторитетными ее участниками. Возможно, поэтому среди градозащитников так распространены авторитетные сценарии коллективных дискуссий.

[125] *Тевено Л., Карева Н.* «Чудесный хлеб» гостеприимства. С. 692.

Похоже, что в исследуемых мною случаях градозащитных движений *общее* возникало не только из универсальных идей о благе или об абсолютной ценности городских памятников. Общность защитников наследия рождалась также из опыта нахождения в одних и тех же местах и в общении по поводу этих *общих мест*. «Чужаки», вторгающиеся из анонимного пространства *либеральной композиции* или из идеологически окрашенных сообществ, организованных вокруг *общего блага*, воспринимаются людьми, мыслящими *грамматикой «близости через общие места»*, как недостойные доверия, как не понимающие местный уклад, как навязывающие чужеродные правила и логики. Отсюда, возможно, и произрастают зафиксированные исследованием неразвитость публичного языка и характерный для градозащитников дефицит навыков участия в публичных дискуссиях.

Почему в городском движении градозащитников доминирует *грамматика «близости через общие места»*? На этот счет можно высказать три предположения. Во-первых, объединяющая активистов проблематика сама по себе завязана на местность, а их мобилизация обычно бывает спровоцирована угрозой *общим местам*. Во-вторых, участники изучаемого движения опасаются выходить в своей общественной работе за условные границы «экологии культуры». «Политическое пространство», находящееся по другую сторону этой границы, активисты-градозащитники традиционно воспринимают как «опасное», «грязное», «манипуляционное». Конечно, в движении есть политически активные люди, ориентированные на разработку и продвижение альтернативных программ по преобразованию системы управления на уровне города. Однако их политические интенции упираются в системно ограниченные возможности для доступа к местным законодательным и исполнительным органам власти для формирования их политики — и это третий фактор, укореняющий *грамматику*

«близости через общие места» среди петербургских градозащитников. Возможности для построения общности через другие *грамматики* серьезно ограничены.

> Избираться в ЗакС? В мыслях даже такого никогда ни у кого из «Живого города» не было. Потому что пытаться пролезть в любую официальную «выборную» структуру людям нашего уровня — это пустая трата времени. В 2009 году нас дружественные и не вполне организации усиленно уговаривали принять участие в муниципальных выборах; поддалась на уговоры одна я, причем смотрели на меня как на Александра Матросова — бесполезное такое геройство. Выборы я с командой (по своему родному, кстати, району), естественно, торжественно проиграла железобетонному корпусу «едроссов» (*Елена Минченок, ЖГ*).

Либеральное делегирование неэффективно в современных российских условиях (имеются в виду фильтры избирательного законодательства, фальсификации при подсчете голосов, коррупция и проч.). Среди активистов движения за сохранение петербургского наследия доверие к представительским институтам (вроде городского парламента) и выборным процедурам слишком низкое, чтобы пытаться выдвигать своих депутатов, т. е. действовать через делегирование и заключение общественных договоров.

Итак, при ограниченной популярности *грамматики «общего блага»* (семьдесят лет советской власти дискредитировали этот способ социальной интеграции) и при отсутствии институциональных условий для развития *либеральной композиции* (затруднен доступ в представительные и исполнительные органы власти) петербургским градозащитникам остается лишь один способ организовывать сообщества — собираться *в-месте* через привязку *к месту*, к традициям и авторитетам, т. е. по правилам *грамматики «близости через общие места»*.

Я еще усложню свой анализ городского движения защитников наследия, предприняв опыт его определения через классификацию, родившуюся в дискуссиях авторов этой книги. Примеряя классификацию «социального», «гражданского» и «политического» активизма на петербургский материал, я бы отнес городские движения защитников наследия к «социальным». Во-первых, ЖГ, «Охтинская дуга», ЗОВ, «Синяя лента» и другие участники движения градозащитников связаны между собой стремлением решить общую социальную задачу (защитить общие представления об исключительной ценности петербургского наследия), а также защитить свои локальные интересы (для «Охтинской дуги» это отмена проекта Орловского туннеля и небоскреба на Охте, для ЗОВ — прекращение намыва западной части Васильевского острова и т.д.). И во-вторых, движения петербургских градозащитников нельзя описать через категории «гражданского», или «политического», активизма, в том понимании, которое закреплено за ними в этой книге.

Если назвать основные черты «политического» движения, выделенные в Заключении этой книги, получится, что оно включает людей и общественные объединения, которые разделяют общую идеологию и стремятся изменить социальный порядок и отношения господства-подчинения. Следовательно, на основании проделанного мною анализа можно сделать однозначный вывод: городское движение защитников петербургского наследия не может быть определено как «политическое». Большинство его участников хотя и разделяют общую идеологию «петербургского мифа», но совершенно не склонны менять социальный порядок; более того, их лозунг — «культура важнее политики» — четко указывает на приоритеты экологов культуры.

Так же трудно причислить градозащитные движения к «гражданским». Согласно принятому в книге определению «гражданское» движение — это ассоциация людей

и организаций, объединенных идеей верховенства права, считающих основной своей задачей эффективную организацию системы гражданского контроля за деятельностью органов власти. А рассмотренные в данном тексте движения защитников наследия, хотя и заявляют о необходимости общественного контроля над градостроительной политикой городских властей, основные свои задачи видят все-таки в разрешении конкретных локальных проблем. И объединяющие их ценности укоренены в географической, реальной местности — в отличие от «гражданских» активистов, ценности которых связаны с абстрактными идеями, оторванными от «общих мест».

Правда, анализ общественного конфликта вокруг проекта строительства «газоскреба» показывает, что регулярные и грубые нарушения со стороны органов исполнительной и судебной власти (таких как фальсификация разрешающих документов, проведение фиктивных публичных слушаний, фабрикация решений судов и т. п.) спровоцировали дрейф петербургских градозащитников от специфически культурных проблем в сторону общегражданской проблематики:

> Пришло понимание, что ограничиться только вопросами охраны нельзя, надо добиваться каких-то изменений в системе управления городом (*Женя, 23 года, «Синяя лента»*).

Смещение от градозащиты (от социального, локального) к правозащите (к универсальному, глобальному) произошло из-за исключительно некомпетентной и демонстративно игнорирующей общественное мнение политики губернатора Матвиенко. А после смещения этой одиозной фигуры и заверений нового губернатора об изменении политики в области охраны памятников истории и культуры градозащитные движения оставили гражданскую риторику и вернулись к конкретным локальным проблемам. Однако накопленный движением опыт Гражданской коалиции, выстроенные цепочки

горизонтальных связей и информационного обмена сохраняются и могут заново актуализироваться.

Кроме того, опыт четверной мобилизационной волны движения защитников петербургского наследия, основанный на конвергенции требований и солидарных действий различных инициативных групп и социальных движений, открыл пространство для привлечения к общественной работе все большего числа горожан. Одним из самых значимых следствий здесь стала трансляция населению позитивных примеров гражданской активности, рождающих веру в результативность коллективных действий. Активисты общественных объединений, вовлеченных в градостроительную проблематику, не только создавали новые формы общественной активности, они выступали информационным, коммуникационным, а иногда и организационным ресурсом для множества локальных групп градозащитников.

> Сейчас, последний год, например, петербуржцы почувствовали большую возможность что-то сделать. То есть фактическая трудность борьбы — она как была, так и осталась, но за счет того, что появились мы, еще появились какие-то местные протестные движения, за счет того, что они постоянно видят (так или иначе до них долетает через СМИ), что движение есть, что протестовать можно и за это не бьют палкой, не сажают в тюрьму, — у них появляется больше мотивации. Потому что здесь уже не исключается, но минимизируется вот этот вопрос страха: ой, а что мне скажут, а как на меня посмотрят, а как меня накажут? То есть сейчас я не могу сказать, что гражданская активность стала популярным или модным трендом, но ее стало значительно больше, потому что последние годы показали, что — ага! — оказывается, так можно, и оказывается, что гражданская эта активность даже что-то приносит, то есть позитивные результаты ее (*Елена, 25 лет, активистка ЖГ*).

Новое движение никогда не появляется на общественно-политической сцене случайно. У каждого движения есть, образно говоря, свой инкубационный период, на протяжении которого в определенном социальном слое, группе или среде утверждаются общие ценности, выдвигаются лидеры, рождается понимание общности. Часто эти процессы проходят латентно, медленно, незаметно для стороннего наблюдателя, поэтому возникновение в информационном поле того или иного движения (инициативной группы, общественного объединения и даже коалиции инициатив) становится неожиданностью для публики и экспертов. Так случилось, например, зимой 2011/2012 года, когда митинги «За честные выборы!» вдруг разрослись до масштабов, невиданных со времен перестройки. Для многих социальных исследователей «зимняя» мобилизационная волна оказалась неожиданной[126]. Общественная мобилизация снова произошла как будто внезапно, на пустом месте. Однако эмпирический материал, собранный мною в ходе исследования четвертой мобилизационной волны (2006–2011) защитников петербургского наследия, позволяет утверждать: по крайней мере, в северной столице фундаментом для массовой волны гражданской мобилизации после парламентских выборов зимы 2011 года послужил опыт общественной борьбы за сохранение памятников истории и культуры. Созданная в 2009 году Гражданская коалиция в защиту Санкт-Петербурга (для противодействия реализации проекта небоскреба на Охте) стала прообразом для

[126] См., напр., стенограмму заседания Научного совета ВЦИОМ «Истинные причины и механизмы зимне-весеннего протестного движения и перспективы его продолжения на новом этапе» от 7.05.2012, где ведущие сотрудники публично признавались друг другу в том, что пропустили социальные сигналы, указывающие на рост широкой гражданской мобилизации зимой 2011/2012 года. См.: http://wciom.ru/fileadmin/nayka/sovet/2012_05_protesty_stenogramma.pdf.

гражданского движения «За честные выборы», возникшего в Петербурге через два года. Лозунг «Это наш город!», прозвучавший на первом петербургском марше 3 марта 2007 года, отозвался через несколько лет лозунгом «За честные выборы!». Эхо локального активизма петербургских градозащитников отозвалось в общегражданской мобилизации зимы 2011/2012 года. Не хочется делать безответственных предположений, чем может завершиться четвертая волна общественной мобилизации (2006–20??) — особенно учитывая, чем закончилась предыдущая, третья волна (1986–1990), — но зафиксированное в ходе исследования нарастание общественного протеста и активности движений защитников наследия в Петербурге может быть расценено как значимый косвенный признак, указывающий на возможность грядущих социальных потрясений.

Карин Клеман
(в сотрудничестве
с Андреем Демидовым)

Химкинское движение. За лесом — гражданское общество

> Это и есть миссия, к этому надо стремиться — будить в гражданах их гражданские ощущения и чувства.
>
> *Евгения Чирикова,*
> *лидер Движения в защиту*
> *Химкинского леса*

В Химках, как известно, основной конфликт (во всяком случае, самый медийный) сталкивает противников и сторонников строительства трассы Москва — Санкт-Петербург через Химкинский лес. Движение в защиту Химкинского леса, особенно в 2010–2011 годах, стало для многих символом возрождения гражданского общества в России. Во всяком случае, именно это движение приобрело относительную известность в Москве и в стране, впервые «низовое» социальное движение получило столь широкое освещение в СМИ. Что это за движение такое мощное (относительно других), чтобы так много о нем говорилось в публичной сфере? (Речь идет об узкой публичной сфере: дискуссиях, действиях и размышлениях об общественно значимых проблемах, которые могут попасть в блогосферу и более или менее либеральные СМИ — но не на Центральное телевидение.)

Подпадает ли оно под определение «городское движение»? Вовлекает ли оно местное население таким образом, чтобы химчане мобилизовались для воздействия на власть, чтобы решилась хотя бы часть важных городских проблем, в первую очередь проблема сохранности Химкинского леса?

Далее мы попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на материалы полевого исследования, проводимого весной — летом 2011 года (дневник наблюдения двух социологов за четырьмя коллективными акциями; 15 интервью, как с лидерами движения и рядовыми участниками, так и с лидерами других местных инициатив), а также на материалы сайтов ikd.ru (референтный сайт исследователей) и ecmo.ru (собственный сайт защитников Химкинского леса). Самый документированный отрезок времени — весна—лето 2011 года, но при этом авторы главы, будучи сотрудниками Института «Коллективное действие» и общественными активистами, обладают информацией практически за весь период существования движения (с лета 2007 года до конца 2012-го).

1. Поле битвы за Химкинский лес

Все началось с разработанного в 2004 году проекта строительства платной автомагистрали, которая должна связать две российские столицы, Москву и Санкт-Петербург. Ответственность за проведение работ лежит на Министерстве транспорта (через Федеральное дорожное агентство «Росавтодор»). В конце 2008 года тендер на осуществление работ выиграл консорциум «Северо-Западная концессионная компания» (СЗКК), в числе основателей которой фирма «Н-Транс» (зарегистрирована на Кипре и, как считается, пользуется покровительством министра транспорта Игоря Левитина), с одной стороны, и французская компания «Vinci» — с другой. Таким образом, «Vinci

Concessions» удалось заполучить контракт на сумму 1,5 млрд евро на строительство первого 43-километрового отрезка платной автомагистрали Москва — Санкт-Петербург.

Когда в конце 2010 года конфликт защитников леса и лоббистов автомагистрали достиг апогея, в число основателей СЗКК вошел один из приближенных Владимира Путина Аркадий Ротенберг.

В 2005 году мэр Химок Владимир Стрельченко дал согласие на строительство и после проведения публичных — «для галочки» — слушаний заявил, что население с ним согласно. На самом деле людей даже не поставили в известность, и они узнали о проекте только с началом работ летом 2007 года. А если верить данным социологического опроса, проведенного «Левада-центром» в сентябре 2010 года, 77% жителей Химок высказываются против строительства автодороги в ущерб лесу, 76% — поддерживают деятельность движения в защиту Химкинского леса.

Окончательно зеленый свет вырубке леса дало правительство: в ноябре 2009 года оно выпустило постановление за подписью Владимира Путина, которое превратило 145 гектаров заповедного Химкинского леса в земли транспортного назначения.

Исходя из этой информации, которую откопали и проанализировали сами активисты движения, нетрудно описать поле битвы и противостоящие стороны (намного более аргументированно и подробно это делают активисты на своем сайте ecmo.ru).

Противники строительства магистрали: Движение в защиту Химкинского леса (или движение «Экологическая оборона Московской области», образованное в конце 2007 года, — «Экооборона»); общественное мнение химчан; многие экологические, гражданские и социальные инициативы из других городов; многие СМИ; почти все оппозиционные партии и часть интеллигенции. Сторонники строительства: федеральная власть в лице в первую очередь Владимира

Путина, а также Министерство транспорта (в частности, Федеральное дорожное агентство «Росавтодор»), французская компания «Vinci», мэр Химок Владимир Стрельченко[1].

Активисты подчеркивают, что они выступают не против строительства как такового, а против выбранного маршрута: практически на всем протяжении участка 15–58 км трасса вписана в лес. Они осуждают «коррупционную стройку» и противопоставляют общее благо (благоприятная окружающая среда для жителей Химок и для всего Московского региона, поскольку Химкинский лес — «зеленые легкие столицы») частным интересам (тех, кто заинтересован в получении прибыли от строительства за счет строительства коттеджей и различных торговых центров вдоль трассы).

Кратко изложим историю борьбы. Сначала инициативная группа занималась тем, что информировала население и сама пыталась получить как можно больше информации о принимаемых решениях. Затем начались коллективные обращения и петиции (они представляли ценность не с точки зрения полученных результатов, а как средство вовлечения все более широкого круга сочувствующих); судебные иски (в основном безуспешные); независимые экспертизы; лоббирование интересов Движения в защиту Химкинского леса в отдельных властных органах; установление партнерских отношений с другими экологическими и гражданскими организациями; работа со СМИ. Поначалу сходы, пикеты и митинги организовывались либо для информирования населения и обсуждения проблемы, либо для выражения «точечного» протеста отдельным чиновникам. В более активную фазу «битва за Химкинский лес» вошла в середине июля 2010 года, когда началась вырубка. Тогда же было установлено постоянное дежурство в лесу (защитники леса утверждают, что необходимого официального разрешения

[1] В. Стрельченко был мэром Химок с декабря 2003 до августа 2012 года.

исполнители работ не имели), а затем постоянно действующий экологический лагерь (первый — летний, второй, установленный заново в мае 2011-го, действовал даже зимой). Естественно, начались столкновения. Для подавления сопротивления были привлечены силы милиции, ЧОПовцы, неизвестные бандформирования в масках, а также многочисленные боевики бандитской внешности. Зафиксировано множество случаев незаконного задержания активистов, избиения, пытки, запугивания. Одновременно кампания в защиту Химкинского леса приобрела более протестный характер и стала привлекать все больше людей, напрямую вырубками не затронутых, но сочувствующих борьбе «Давида с Голиафом».

2. Движение в защиту Химкинского леса

Самый крупный актор сопротивления — Движение в защиту Химкинского леса. Сразу оговоримся: слово *Движение* мы пишем с большой буквы, когда имеем в виду организационную структуру, которая была создана, в частности, Евгенией Чириковой и которая более-менее существует с 2007 года. А с маленькой буквы мы пишем слово *движение*, когда указываем на более широкую сеть людей и организаций, так или иначе участвующих в защите Химкинского леса или в сражении за Химкинский лес, ставшем символом сопротивления гражданского общества. Граница между ними достаточно условна (но нужна с аналитической точки зрения), поскольку размыты границы Движения как такового.

Попытаемся проанализировать именно Движение (нелегкая задача). Это неформальное объединение выросло из инициативной группы жителей Химок, обеспокоенных судьбой своего леса. У истоков стояла, вместе с несколькими другими гражданами, нынешняя лидер Движения Евгения Чирикова.

[Я] ждала второго ребенка и на сороковой неделе гуляла по лесу. И обнаружила эти красные пометки (грозящие вырубкой). До этого я вообще не занималась никакой общественной деятельностью и считала, что партия «Единая Россия» экологическая — потому что у них медведь.

Евгения стала искать информацию и разбираться. Когда на ее письма стали приходить отписки, она решила поискать единомышленников и расклеила по лесу объявления. «На мои объявления откликнулось очень много человек. Мне позвонили все люди с интеллигентными лицами в округе». Сформировалась небольшая команда друзей, которые поделили между собой основные задачи: кто-то занимался сайтом, кто-то юридическим направлением; Евгения взяла на себя «организацию всяких акций и общение с журналистами, с людьми». Так зародилось Движение в защиту Химкинского леса, или «Экооборона» (по названию сайта ecmo.ru).

Поначалу активисты Движения занимались распространением информации: «У нас была такая наивная мысль, что если все узнают, то это безобразие тут же прекратится». Изменили образ действия несколько событий. Одно из самых значимых и трагичных — покушение на Михаила Бекетова, главного редактора оппозиционной местной власти «Химкинской правды» и сочувствующего Движению[2]. Вместо того чтобы напугать активистов, покушение добавило им решительности:

Нам именно после этого стало нестрашно. Как вам объяснить? Есть люди, у которых при наличии, при возникновении

[2] Напомним: Михаил Бекетов был найден избитым до полусмерти во дворе своего дома утром 13 ноября 2008 года, две недели находился в коме на грани жизни и смерти, остался калекой на всю жизнь. Ни заказчик, ни исполнитель до сих пор не найдены, хотя у местных активистов мало сомнений в личности заказчика.

проблем кулаки разжимаются, а есть — у которых сжимаются. Ну вот мы, которые здесь собрались, — у которых сжимаются. Ну нельзя сдаваться, только злее от этого становишься (*Сергей Агеев, лидер инициативной группы «Левобережная дубрава», постоянный участник лагеря*).

И Движение стало меняться: был сделан первый шаг к политизации — Евгению Чирикову выдвинули кандидатом в мэры города на выборах марта 2009 года.

Очень тяжелый был момент: мы понимали, что Мишу не просто так уродовали, — у нас должны были быть выборы мэра города. Нам надо было какой-то ответ дать, потому что единственный человек — это позиция, — который мог идти на эти выборы, был Миша. Это был самый яркий человек в городе, его знали абсолютно все. ...И, собственно говоря, мы поняли, что если мы никого не представим на свою роль, то получается, что мы как бы не можем никакого ответа этой власти дать (*Евгения Чирикова*).

Несмотря на препятствия (несколько раз ее пытались снять с выборов, фальсификаций было много), Е. Чирикова набрала 16% голосов.

Я была поражена, что я набрала... Для, так сказать, такого неопытного, абсолютно неопытного и в принципе нераскрученного — меня же никто в городе вообще не знал — кандидата я набрала очень много голосов... И я считаю, что это благодаря тому, что тема, с которой мы шли, реально волновала людей. ...Это был для нас такой первый показатель того, что мы на верном пути. И тогда очень хорошо получилось: мы приобрели очень много сторонников (*Евгения Чирикова*).

Второй важный этап эволюции Движения — в сторону более явного протеста — можно отсчитывать с июля 2010 года.

В это время началась вырубка леса, в ответ на которую активисты развернули лагерь и установили баррикады.

Третий важный этап эволюции — в сторону оппозиционной политики — начался в декабре 2010-го, когда президент РФ Д. Медведев все же одобрил проведение трассы через лес. Чирикова от лица защитников Химкинского леса в ответ заявила: «Мы начинаем политическую борьбу и будем настаивать на смене существующего строя».

По мере происходящей эволюции Движения многие из тех, кто стоял у его истока, уходили: кто-то из-за несогласия с выбранным направлением деятельности, кто-то от усталости или в результате личных конфликтов. В итоге костяк стал другим: местных инициаторов сменили новые, в том числе неместные «завзятые» активисты. В то же время неуклонно росли авторитет и популярность Евгении Чириковой как лидера Движения.

Какова структура Движения и как принимаются в нем решения? Главная его характеристика — неформальность, вплоть до того, что даже его участники не всегда уверены, лидерская эта организация или нет, при каких условиях решение считается коллективно принятым и проч. Движение, как подавляющее большинство подобных структур, не зарегистрировано, но из этого не следует, что правила и регламент отсутствуют. Они есть, хотя и мало соответствуют реальным практикам. Лидером однозначно признается Чирикова, однако формально единоличным лидером она не является: по внутренним правилам такого статуса не существует. Есть коллективный руководящий орган, который со временем был заменен неформальным собранием самых активных на определенном этапе участников Движения. Есть нерегулярные (в зависимости от потребности) организационные собрания; в них участвуют все желающие (в среднем 10–20 человек), которые также могут принять участие в голосовании — если до него дойдет дело. Чаще всего решения принимаются и без голосования, по итогам дискуссий, а поскольку состав

участников собраний не фиксируется, невозможно знать наверняка, окончательно принято решение или нет (на следующем собрании всё могут переиграть). Естественно, больше всех на исход дискуссий влияет Евгения Чирикова, хотя ее мнение не побеждает автоматически.

Подробнее всех о размытости внутренних правил принятия решений рассказал Ярослав Никитенко, молодой эколог и один из самых активных и известных фигур Движения после Чириковой (по крайней мере, с лета 2010 года). Ярослав олицетворяет вторую волну участников Движения, поскольку живет не в Химках (а в Москве), и скорее является «завязтым» активистом (он аспирант, но почти все свое время посвящает экологическому движению, в которое пришел через благотворительность). Первое время они с Чириковой вместе ходили на все мероприятия, и тогда сложилось впечатление, что он ее самый близкий помощник и доверенное лицо. Однако к июню 2011-го проявились идеологические разногласия. Наверное, в подоплеке конфликта лежит желание молодого активиста играть более значимую роль в Движении, стать признанной публичной фигурой. Но факт остается фактом: на одном из собраний Чирикова исключила его из Движения, по словам Ярослава — «за критику координационного совета» (руководящего органа, который к этому времени вел весьма призрачное существование; скорее всего, речь идет о критике лидера и ее единомышленников). Правда, «потом она передумала», — уточнил Ярослав. Об этом он рассказал как раз во время интервью с Чириковой[3], когда та объясняла, что она приветствует критику и что ее «пугает ситуация, когда тебе все смотрят в рот и как бы внимают». В ответ на замечание Ярослава Евгения

[3] Интервью с Чириковой проходило в присутствии Никитенко по его собственной инициативе: он не хотел рассказывать что-то — а тем более критиковать — за ее спиной. Поэтому прямо во время интервью он позвонил Евгении и предложил присоединиться. Женя сразу согласилась.

шутливо сказала: «Потом я почитала Библию и жутко раскаялась...» В общем, даже по такому чувствительному пункту, как исключение, нет ясных правил, как и кем принимаются решения и надолго ли они приняты.

Кажется, Никитенко сам запутался. С одной стороны:

> Ну, тут как бы очень много самых разных казусов. И что самое интересное обнаружилось — что нет никакого органа, никакого собрания, потому что проводим, созываем всех на собрание Движения, что-то решаем, принимаем решения, потом если следующее собрание, то там в другом составе они как-то... принимаются там какие-то другие решения. В общем, было непонятно, особенно в лагере (*Никитенко*).

Это было сказано по поводу одного инцидента: некого националиста, Олега Мельникова, выгнали из лагеря по результату голосования всех присутствующих там в тот момент; тем не менее Мельников продолжал приходить, и большая часть людей в Движении, как возмущенно сказал Никитенко, «закрывают глаза на это». С другой стороны:

> Ну, у нас есть четкий механизм принятия решений. У нас было одно большое собрание, вот, и где там было 25 человек, и мы там голосовали. Единственное что — мы проголосовали за символику лагеря: там 14 человек проголосовали против какой-либо символики в лагере, 11 человек проголосовали за. Вопрос был решен просто голосованием, как бы. ...И даже Женя, она говорила, что флаги нужно оставить, типа это наша сила, разнообразие. Высшую роль все-таки сыграло собственно голосование. Поэтому у нас организация на самом деле... является, наверное, совершенно не лидерской. Так было с самого начала. Ну, с другой стороны, там какие-то... (*Никитенко*).

Даже цель Движения достаточно размыта.

У нас нет позиций по самым глубинным вопросам, т. е. задавался неоднократно вопрос [о] «цели движения». Цель движения — это сохранение Химкинского леса, сохранение лесов вдоль трассы Москва—Санкт-Петербург, сохранение подмосковных лесов. Или там можно говорить о какой-то российской организации, ну, это в перспективе. Ну, допустим, даже вот эти три цели взять — и нет единого мнения по этому вопросу (*Никитенко*).

При этом для большого круга людей, в том числе для Чириковой и отчасти для Никитенко, Химкинский лес скорее стал «символом гражданского сопротивления»:

Это стало именем нарицательным... Наша борьба — это борьба прежде всего за умы, за сознание... Вовлекать народ в гражданственность... (*Чирикова*).

Когда хотим что-то глобальное изменить, то надо бороться, на самом деле, по всем фронтам и помогать всем инициативам. А Химкинский лес — это является, на мой взгляд, центральной инициативой вообще в спасении подмосковных лесов и вообще гражданского общества, поэтому основные силы на нем. Но при этом также по возможности помогать другим лесам (*Никитенко*).

То есть у каждого участника цели разные, которые к тому же меняются по мере того, как человек эволюционирует. К концу 2011 года для многих ключевых фигур Движения идея защиты леса перешла в гражданскую сферу: доказать существование и силу гражданского общества, пробудить людей к гражданственности. Но тем не менее основным осталось конкретное дело по защите Химкинского леса.

Безусловно, я буду заниматься спасением Химкинского леса. Как бы, я просто считаю это наиболее важной задачей...

Ну, потому, что это, во-первых, очень важный прецедент, и, во-вторых, тут уже реальные сплоченные силы гражданского общества, и нельзя просто так бросать что-то, против чего уже долго боролись, — ну, как бы, отступление. Лучше держать, и все (*Никитенко*).

Нас [участников лагеря] мало, конечно... не очень много. Я боюсь, чтобы это не схлопнулось в какую-то секту сумасшедших, которая, там, любит получать просто по башке. Вот поэтому я сейчас все делаю. Да, вот такая акция, как «Антиселигер»[4], еще будем думать над такими же акциями, чтобы популяризировать нормальный гражданский образ жизни (*Чирикова*).

То есть для Евгении лагерь — необходимая, базовая часть деятельности Движения, самая героическая; но желательно выйти за пределы этих боевых действий (участниками которых могут стать лишь единицы), выйти на широкую публику. При этом без практической задачи по защите конкретного леса, чисто абстрактными лозунгами невозможно привлечь большое количество людей.

И на самом деле, я считаю, вот сейчас время простых понятных тем. Потому что когда люди провозглашают какие-то высокие либеральные ценности, демократические ценности, никто их уже не слушает, никто не понимает, что это такое. А что такое конкретный вот этот лес — это понятно. Что такое конкретная Таисия, у которой отняли ребенка и бросили — только потому, что у нее муж

[4] «Селигер» — молодежный форум (лагерь), который с 2005 года проходит на озере Селигер в Тверской области, близ города Осташков (370 км от Москвы). Организатором форума с 2005 года является провластное молодежное объединение «Наши». «Антиселигер» призван служить альтернативным гражданским форумом, не ориентированным на поддержку власти.

другрос, — бросили ее в тюрьму только за это, да — это понятно. Что такое Козихинский переулок, вот это конкретное понятное здание — это понятно. Сейчас время очень конкретных действий. И только через эти конкретные действия можно понять, что такое коррупция... что такое политические преследования (*Чирикова*).

Можно переформулировать ее тезис так: через «малое» (малое и практическое общее дело в сфере близости) к «большому» (ценностному и универсальному гражданскому делу); а вернее, в «малом» уже находится «большое». Мы, как социологи, полностью с этим согласны — когда речь идет об активизации именно обывателей без опыта общественной деятельности. Более скептически мы относимся к другому тезису Чириковой о том, что «общее дело» не предполагает вообще никаких границ. Все силы, все идеологии, все люди, желающие помочь общему делу, приветствуются; правило только одно: обойтись без взаимных оскорблений. Такая позиция помогает избежать идеологических или мировоззренческих дискуссий, избежать прояснения позиций по отношению к более глобальным вопросам жизни в обществе, наконец, избежать политики. В итоге затруднены постановка и решение этих самых глобальных вопросов, выходящих за пределы узкого, конкретного «общего дела».

Позиция Чириковой, кажется, доминирует в Движении, у которого нет принципиальных рамок. Это особенно явно проявилось, когда к нему решила примкнуть группа молодых националистов во главе с Олегом Мельниковым. (Мельников вообще стал героем Движения, когда ему сломали челюсть и он сразу же вернулся в бой.) По общему признанию, активно участвуя в лагере, они почти не обозначали свои взгляды (не было ни призывов убивать нерусских, ни слов «русские выше всех» и т.д.); а в спорах с активистами, которые придерживаются другого мировоззрения, не переходили грань допустимого (допустимого для такого

общества, как российское, где патриотизм очень распространен: забота о Родине, о «малой родине»). Однако отдельные поступки (появление в лагере имперского флага) и слова («Русские, вперед!» по дороге на просеку; гомофобские высказывания), а также сведения из Интернета показали чувствительным к этим вопросам активистам, что Мельников и его компания причастны к националистическому движению, а сам Мельников, например, участвовал в событиях на Манежной площади 11 декабря 2010 года (в массовых беспорядках, вылившихся в погром). Антифашистские активисты, участвовавшие тогда в лагере, забили тревогу, но отшатнулись немногие: бойцов и так не хватало, да и не расшатывать же Движение. В итоге ушли или отошли — но без публичного раскола — антифашисты, анархисты, часть левых и очень небольшая часть неполитизированных активистов. Среди них и Никитенко: «Экологическое движение должно быть, конечно, аполитичным, но по поводу сотрудничества с национализмом — этого быть не должно». Он отмечает, что поначалу не обращал внимания на эту сторону дела, да и разобраться, что к чему, было сложно:

> ...Мы никогда просто не сталкивались с какими-либо серьезными политическими вопросами, с вопросами национализма... В риторике многих людей присутствовал патриотизм, там, даже Максим... говорил «русский лес» и т.д. И Чирикова там тоже говорила периодически, что «вот, моя родная земля» и т.д. Ну, как бы, плохого в таком национализме я не вижу, а вот где грань между более нормальным и менее нормальным — это уже более сложно установить (*Никитенко*).

В любом случае, для того чтобы разобраться в вопросах допустимых и недопустимых идеологий, надо хотя бы стремиться что-то понять, придавать этому значение. А если исходить (как Евгения Чирикова) из того, что идеологические вопросы неактуальны, что главное — конкретная цель

защиты леса, тогда принципиальных политических вопросов вообще не может быть.

Резюмируя, скажем, что Движение функционирует на базе инициатив тех или иных энтузиастов, которые берут на себя ту или иную задачу. А общее направление, общий «дух» и особенно медийный образ — это дело Евгении Чириковой. Поэтому Движение — это скорее не организация и не объединение или сеть различных групп, а собрание людей, так или иначе желающих участвовать в общем деле, которое каждый понимает немножко по-своему. Можно добавить с некоторой долей преувеличения, что «склеивает» этих людей признанное лидерство Чириковой.

3. Сеть инициативных групп города, борющихся против точечной застройки и вырубки зеленых насаждений

Движение в защиту Химкинского леса в Химках далеко не единственное. Менее известные, но многочисленные инициативные группы в основном борются с уплотнительной застройкой во дворах или защищают зеленые зоны у себя в микрорайоне (в том числе инициативные группы ул. Юннатов; Левобережной дубравы; ул. Молодежная; ул. Дружбы; в защиту парка «Дубки»; микрорайона «Сходня»).

Значит, есть пласт людей, которые уже активизировались в своем ближайшем окружении для решения проблем, касающихся их лично. Что это за группы? Исходя из нашего материала, мы можем более подробно остановиться на двух инициативах: на ул. Дружбы и в Левобережной дубраве.

3.1. Инициативная группа ул. Дружбы

18 июня 2011 года в Парке им. Толстого (т. е. на традиционном месте протестов, выделенном мэрией на безопасном

от власти расстоянии от центра города) состоялся митинг против «бесконтрольной варварской застройки, высоких тарифов ЖКХ и коррупции». Собралось не более 300 человек, но зато представительных: были делегации почти ото всех проблемных точек Химок, просто неравнодушные жители (в том числе присоединившиеся по объявлению), а также активисты партии «Патриоты России», КПРФ, Союза десантников России, «Марша против коррупции» и правозащитной организации «Справедливость». Многие держали плакаты: «Остановить преступную застройку!», «Остановить распродажу Химок!», «Стрельченко, услышь народ!». Люди внимательно слушали выступления со сцены и обменивались мнениями. Среди выступающих была Наталья Алымова, представительница («я просто представитель, у нас нет глав») инициативной группы ул. Дружбы. Трудно себе представить эту интеллигентного вида милую даму ложащейся под бульдозер, хотя практика показала, что она и на такое способна.

Наталье, учительнице английского языка, было, по ее словам, стыдно за свой дом перед иностранными гостями, и она решила провести в нем ремонт. Своей активностью она подкупила соседей, и в 2006 году стала старшей по дому — настоящей, т. е. избранной жильцами, а не насажденной сверху администрацией. Ей помогает домком, который объединяет старших по этажам. Борьба началась с попытки благоустроить придомовую территорию.

> Когда сроки подошли, выяснилось, что, так сказать, никакой площадки не будет, а будет двадцать пять этажей, пятнадцать этажей, двухъярусная парковка под стадионом школы (*Наталья Алымова*).

За два дня активисты подготовили собрание жильцов, расклеивая листовки. 4 ноября 2010 года пришли около 80 человек. Они записали видеообращение к президенту РФ и образовали инициативную группу. Так начались

коллективные действия. Обнаружились интересные, талантливые и инициативные соседи, в том числе какой-то «гламурный фотограф», который «в свободное от работы время фотографирует технические паспорта в ДЭЗе», — смеется Наташа. Сама она за год полностью изменилась:

> Честно говоря, я год тому назад не подозревала, что я буду интересоваться политикой... Кого я выбирала... Вот здесь спросили, выбирала ли я Стрельченко? Я за него голосовала, я за него голосовала!

И перемены продолжаются. Вместе с лидерами Движения в защиту Химкинского леса Наталья была среди активных пропагандистов и организаторов мобилизации «За честные выборы», последовавшей за парламентскими выборами декабря 2011-го (они организовали колонну химкинского движения в московских демонстрациях). И это неудивительно: по своим политическим взглядам Алымова соответствует обобщенному образу участников этого движения: за абстрактные гражданские или человеческие ценности без четких идеологических ориентиров. Наташа уверена, что «идеология не нужна».

3.2. Инициативная группа Левобережной дубравы

У лидера инициативной группы Левобережной дубравы Сергея Агеева другая позиция и довольно четкие политические взгляды:

> Я бы сочувствовал даже в некотором смысле идеям... Ну вот, как объяснить? Я за социальную справедливость, но без... Надо, короче, объединять, я считаю, идею социальной справедливости, т. е. даже в социалистическом, может быть, варианте, с идеями патриотизма, нравственности и консерватизма, вот так вот (*Сергей Агеев*).

Тем не менее он стал активным участником мобилизации «За честные выборы»; вместе с Натальей Алымовой и другими лидерами инициативных групп подписал призыв «Общественность Химок зовет жителей на шествие 4 февраля»[*]. Но и это неудивительно. Во-первых, его взгляды (консервативный социал-патриотизм) также были представлены в общегражданском движении «За честные выборы». Во-вторых, среди подписантов — лидер Движения в защиту Химкинского леса Евгения Чирикова, которой он «восхищается».

Свою инициативную группу он называет «наши левобережцы», однако сам от нее уже несколько отошел. На момент интервью (17 июня 2011) он уже второй год — постоянный участник экологического лагеря и все свое время проводит в лесу, т. е. для него приоритетом стала борьба за Химкинский лес и в меньшей степени за природу левого берега Канала им. Москвы. Группа борется против вырубки дубровой рощи в природоохранной зоне на берегу Канала им. Москвы, где местная администрация, «грубо нарушая закон, продавливает строительство трех 25-этажных домов» (из Обращения жителей к Президенту РФ, август 2010). В этом конфликте жители тоже противостоят мэрии:

> Вот когда нынешняя власть в Химках появилась, Стрельченко, они стали что делать? Распродавать всю нашу землю под застройку, все наши зеленые зоны. Химки был... главное его богатство — это природа: вдоль канала, леса, дубравы. Они это все пустили под распил, т. е. деньги на этом делать, вот и все. Люди стали сопротивляться, сорганизовываться. Вот и мы так начали бороться, уже больше пяти лет боремся... (*Сергей Агеев*).

[*] Московская массовая демонстрация перед президентскими выборами марта 2012 года.

Сергей в отличие от Наташи не отрицает, что является лидером этой местной группы сопротивления:

> У себя в микрорайоне начал я бороться. [Почему?] Я люблю свою землю, я не хочу... Я люблю вот природу, я не хочу... Вот однажды пришел, и я вижу, что там хотят строить... Либо сдаться, либо бороться, третьего не дано. Вот поэтому мы начали бороться. ...Поначалу надеялись достучаться до них, объяснить, что нельзя это делать, что это уникально... (*Агеев*).

На обращения и письма получали отписки, «что все законно, все нормально» (Агеев). Участвовали в публичных слушаниях (4 февраля 2008 году), но,

> несмотря на категорическое «нет» строительству коммерческого жилья в природоохранной зоне, единодушно высказанное жителями микрорайона, администрация Городского округа Химки пошла на откровенную фальсификацию (Из Обращения жителей Президенту РФ, август 2010)[6].

Явные протестные действия предприняли, когда появились первые признаки готовящихся порубок (12 августа 2010 года в дубраве были установлены вагончики с охраной и началось строительство забора). С этого времени митинги и сходы стали достаточно массовыми. Например, 11 октября 2010 года «против уничтожения дубравы» собралось около 500 человек, хотя митинг был запрещен местными властями (поэтому он прошел в формате народного схода, и поэтому были задержания, в том числе Сергея Агеева как одного из организаторов). То есть жители микрорайона способны к мобилизации, по крайней мере на месте.

---

[6] Отметим, что благодаря усилиям жителей летом 2008 года прокуратура признала публичные слушания по застройке Левобережной дубравы несостоявшимися.

В принципе мы даже в будний день можем собрать... ну так, 30–40 человек мы можем собрать. Хотя пенсионеров, конечно, но... Там у нас в принципе народ на контакте есть. Если хорошо подготовиться, мы на митинге можем... собирали и 400 человек. Митинг надо готовить очень серьезно, это дело не одного дня, это надо колоссальную агитацию вести, мы этим всем регулярно занимаемся. ...Агитация — мы делаем так: листовки печатаем — и в каждый почтовый ящик, каждый. Заказываем — просто у нас есть люди, которые могут ходить в дома, — и разбрасываем. Плюс расклейка, здесь разные, сами понимаете, значения. Это для чтения, а это призыв, листок на столбе — это призыв, а это для чтения, вот. Плюс обзвон. Плюс у нас... мы создали смс-рассылку. То есть когда люди приходили на митинг или так к нам просто, мы записывали телефоны, и рассылаем. Вот, поэтому можно собрать достаточно быстро: даже в будний день мы за два часа... Мы, допустим, собрали 30 человек позавчера [15 июня 2011 года, когда фактически началась вырубка дубравы].

Ну, вот такие вот дела. По крайней мере... Конечно, в будние дни только пенсионеры могут прийти. Но в выходные, если выходные, то человек, наверное, 100–150, может даже кто-то по рассылке прийти. То есть у нас... мы вот над этим работаем (*Агеев*).

Правда, путь лидера «левобережцев» сложился не совсем так, как у остальных членов группы. Судьбоносным для Сергея Агеева стало 15 апреля 2007 года (он до сих пор точно помнит дату). Тогда они с группой жителей микрорайона съездили в Москву для участия в экологическом митинге на Пушкинской площади, организованном партией «Яблоко», — «себя показать, людей посмотреть, вот...» Там он и познакомился с Евгенией Чириковой:

Вот, они приехали, Миша [муж Чириковой] с Женей... И они вот увидели нас (там было написано «Химки») и подошли. И вот с этого момента вот сердце к ним легло просто-напросто. Она уже тогда была такая, она была смелая всегда. Она... Но сейчас она выросла колоссально, но она уже тогда была смелая. Вот первое, что меня купило, — смелость. Понимаете, это не так просто... Просто вот я сейчас уже этим давно занимаюсь, а тогда обычному человеку встать с плакатом... Это стоишь как пугало огородное... Понимаете, это не так просто, когда ты стоишь, а на тебя все смотрят. Она, они не побоялись — вот такие вот люди (*Агеев*).

Этот эпизод запомнился Сергею больше, чем первые признаки строительства (которые послужили мотивом активизации для большинства жителей) — ведь он к этому времени уже стал «бойцом», а не просто защитником определенной (своей ближайшей) территории. Вот что он сказал 17 июня 2011 года: «Полтора месяца уже в войне, каждый день. Лагерь, он действует у нас, мы продолжаем здесь находиться». Он выбрал путь «политической борьбы», борьбы с собственным страхом, борьбы за свое гражданское достоинство:

Знаете, вот честно вам скажу, мне поэтому (до этого Сергей рассуждал как раз о политической борьбе и о страхе. — *К.К., А.Д.*) и нравится быть здесь, и поэтому и в лагерь тянет, и невозможно... Я вот тот лагерь прошлогодний вспоминал чуть ли не со слезами на глазах, приезжал туда, вот на это место все, и как только он здесь возник, я отсюда не ухожу уже полтора месяца, это так классно! ...Я рассматриваю свою борьбу не просто как борьбу за экологию, а как борьбу гражданина. Скажем так: в этой борьбе я становлюсь таким, как я хотел быть всегда, и вытравливаю из себя то, что не хочу (*Агеев*).

Похоже, для него борьба — способ личного самосовершенствования. Кроме того, борьба становится самоцелью, она для него важнее, чем результат:

> Мы их держим, вот. Враг идет вперед, мы их, насколько можем, держим. Тут такой вопрос: либо враг все это делает спокойно, без проблем, либо неспокойно и с проблемами, для врага. Я предпочитаю, чтобы был второй вариант.
> Социолог: Даже если не достигнете успеха?
> Даже если не достигнем, я не хочу, чтобы зло торжествовало безнаказанно (*Агеев*).

Эта позиция явно противоречит мотивациям большинства недавно активизировавшихся по проблемной точке жителей, которые добиваются конкретных результатов. Большинство «левобережцев» остались привязаны к защите своего куска природы, а в лагере участвует только Агеев: «Приходится отдуваться одному».

3.3. Сотрудничество

Как оценить эти инициативные группы в целом? Являются ли они NIMBY-движениями? Защищают ли исключительно свою маленькую и близкую территорию?

С одной стороны, активисты этих инициативных групп — даже их лидеры — не участвуют в борьбе за сохранение Химкинского леса в массовом порядке. Хотя вроде бы эта проблема, исходя из ее масштаба и символического значения, должна была бы их объединить. Все респонденты выказали симпатию к этой борьбе и поддерживают Движение в защиту Химкинского леса: ставят свои подписи под петициями, отслеживают информацию по Интернету, иногда даже жертвуют деньги. Но относительно малая их доля участвует в акциях по защите леса как таковых (так было в период нашего полевого исследования). Хотя многие признают:

надо бы участвовать, но деятельность у себя на точке оставляет мало времени.

> Вы знаете, честно говоря, нет, [не участвовала в борьбе в защиту Химкинского леса], но я на сайте все акции, которые вот в таком в электронном варианте — поддержать там, подпись, — я это делаю. Потому что у нас занимает очень-очень много времени, так сказать, наша точечная застройка, у нас просто нет времени заниматься еще как бы чем-то другим. ...И еще есть семья (*Наталья Алымова*).

С другой стороны, инициативные группы не замкнуты в себе и не сосредоточены исключительно на своих прагматических проблемах.

Во-первых, большинство из них установили между собой контакты, создали единое информационное поле; они устраивают совместные акции протеста и другие мероприятия, активно обмениваются опытом. Во-вторых, они объединены общей неприязнью к тогдашней мэрии (Владимир Стрельченко возглавил город в декабре 2003-го, и именно с его приходом к власти активисты связывают форсированную градостроительную политику и уничтожение зеленых зон). Мэрия, по словам респондентов, «распродала всю нашу землю, наши зеленые зоны, под застройку» (Агеев), «гребет деньги под себя... коррупция, невыносимая коррупция» (дедушка, житель Химок с 1976 года, участник — впервые — митинга по проблемам ЖКХ и застройки 18.06.11). Стрельченко «отдал лес на растерзание... Кто главный преступник?!» (Ирина, участница движения в защиту Химкинского леса с 2008 года); он «сделал ЖКХ своим частным бизнесом» (Наталья Алымова); «это... должностные преступления» (Владимир, участник движения в защиту Химкинского леса с 2009 года). Люди, участвующие в деятельности инициативных групп, говорят, что Химки были зеленым городом: «Можно было дышать, гулять с детьми»,

«была богатая природа». Поэтому они и жили здесь, а не в соседней Москве. И вот с приходом новой власти всему этому пришел конец, по крайней мере активные граждане главным источником коррупции и градостроительного «беспредела» считают именно Стрельченко.

Все эти многочисленные инициативные группы образуют сеть взаимопомощи и информации. (Правда, по большей части солидарность проявляется не в физическом присутствии на акциях другой группы, а отдаленной помощью в виде подписей, обращений, юридических и практических консультаций.) Однако это не позволяет сказать, что они формируют общегородское движение: группами не выработана общая цель или общая платформа; совместные протестные выступления проходят довольно редко, несистемно (это не последовательная общественная кампания) и привлекают мало народу — во всяком случае, акции на проблемной точке привлекают больше народу, чем общегородские (обычно это около 300 человек). Так было на митинге 18 июня 2011 года по проблемам ЖКХ и застройки в городе. Так было и на митинге под названием «Химкинский лес идет к вам» 23 октября 2011 года, когда активисты из различных групп публично договорились о взаимовыручке. Мероприятие было задумано организаторами (лидерами инициативных групп и Движения в защиту Химкинского леса) как раз для того, чтобы развить солидарность между людьми из разных точек.

> Нам необходима солидарность. Ведь если сегодня застройщик пришел на Станцию юннатов или улицу Дружбы, то завтра он окажется в вашем дворе. Следите за информацией на ecmo.ru, приходите, поддерживайте другие инициативные группы! Очень важны прецеденты, когда застройщики вложили деньги, а народ вышел и выкинул их из своего двора или парка. Именно благодаря таким разорительным для строителей прецедентам в 2008 году была окончательно запрещена точечная застройка в Москве — она

стала невыгодной (*Алла Чернышева, лидер инициативной группы в защиту Станции юннатов и одновременно активная участница Движения за Химкинский лес*).

Ораторы сделали акцент на необходимости направить основные солидарные усилия в защиту Химкинского леса. Об этом сказала лидер движения Евгения Чирикова. Об этом весьма красноречиво сказал Сергей Агеев:

Не отстоим Химкинский лес — не отстоим ничего в Химках! Вот увидите: как только ход событий развернется в нашу пользу, в пользу Химкинского леса, в Химках все изменится. Записывайте свои контакты в наши подписные листы. Пишите, что вы можете сделать, чем вы можете помочь!

Существенно эта акция не повлияла на количество людей, дежурящих в лесном лагере. Но, возможно, она стала очередным этапом политизации самых активных жителей: тут они договорились о коллективном участии (по спискам оппозиционных партий) инициативных групп по борьбе с точечной застройкой и Движения в защиту Химкинского леса в предстоящих 4 декабря 2011 года выборах совета депутатов городского округа Химки[7].

Пора превратить совет депутатов из сборища прикормленных администрацией людей в орган, реально защищающий интересы граждан (*Дмитрий Мышкин, активист Левобережного микрорайона*).

Судя по всему, если и возможна более широкая общая цель для всех инициативных групп, она, скорее, будет лежать

[7] Из этого ничего не получилось, так как списки «Яблока» и «Патриотов России», по которым в основном и баллотировались общественники, были сняты с выборов.

в сфере политики как электоральной системы. Многие из тех, кто отошел или ослабил свое участие, говорят о смене власти — через выборы — как о единственно возможном способе достичь существенных социальных изменений: «Надо ждать выборов и менять власть в стране», — участник схода в защиту Химкинского леса, прошедшего 8 мая 2011 года и закончившегося разгоном собравшихся омоновцами. А Движение в защиту Химкинского леса не стало ни общим знаменем различных инициативных групп города Химки, ни их общим знаменателем.

4. Проблема участия химчан в борьбе за спасение Химкинского леса

Движение в защиту Химкинского леса испытывает трудности не только с привлечением активистов других «горячих точек» города, но и с мобилизацией вообще местного населения. Казалось бы, проблема касается всех без исключения химчан, поскольку лес — общее их достояние. Однако (во время полевого исследования) сложилось впечатление, что лишь небольшая часть жителей принимает активное участие в мероприятиях по защите леса. Все, с кем мы беседовали, проявили сочувствие, но до действий дело редко доходит. «Если бы город поднялся, то лес бы мы отстояли, но город не поднялся, и это наша трагедия», — грустно констатирует Ирина, участница движения в защиту Химкинского леса с 2008 года. На наш взгляд, каким бы способом защитники леса ни пытались восполнить недостаток местных активистов, это ослабляет движение, поскольку отрывает его от местности, от того, что укореняет его в близкой и обычной для большинства среде, а следовательно, это препятствует активизации обычных людей.

Кстати, во Франции по схожей проблеме — проект строительства аэропорта в деревне Нотр-Дам-де-Ланд около

Нанта (где исполнителем тоже выступает группа «Vinci») — активность со стороны местного населения гораздо выше (гражданская ассоциация жителей близлежащих поселений, созданная девятью жителями, в 2011 году объединяла уже 3300 человек). По приглашению французских активистов лидер Химкинского движения Евгения Чирикова съездила в Нант 8–10 июля 2011 года — для участия в общенациональном лагере протеста против строительства аэропорта.

> ...Этот лагерь во многом организовали местные жители, крестьяне — я этого крестьянина не могу отличить от политика. Он говорит, он мыслит, он двигается, он весь ментально абсолютно на уровне... Он уже завтра может сесть и управлять этим, там, поселением, да хоть чем, т.е. он все это может. И это обычный, ординарный человек из пригорода (*Чирикова*).

Евгения вернулась оттуда убежденной: «У нас люди будут хорошо жить только тогда, когда у нас граждане приблизятся к состоянию французских граждан, которых я видела в Нанте». Здесь имеется в виду уровень гражданской сознательности, а относительно количества мобилизованных местных жителей Чирикова анализирует ситуацию более взвешенно. С одной стороны, по ее оценкам, да, местные жители Химок гораздо меньше, чем в Нанте, участвуют в акциях протеста, но, с другой стороны, многие сначала проявили активное сочувствие, а потом отошли, устав от продолжительной борьбы.

> У нас как бы изначально были местные жители в основном, и первое время были в основном они, но потом как бы все-таки пришло больше людей, которые, ну, так скажем, наиболее чувствительны к этой несправедливости. И, собственно говоря, там местные жители тоже есть, у нас вот выкристаллизовываются такие люди, у которых есть такая воля

к победе, которые готовы каждый день в этом лагере жить, каждый день под бульдозер ложиться, получать растяжения, переломы и так далее — и возвращаться. Мне кажется, это уже... Лагерь — это все-таки особая история, потому что, например, когда мы собираем всякие народные сходы, да, или какие-то там митинги, то народу очень много приходит. Все-таки одно дело — прийти и высказать свою позицию вот в таком более мирном русле, да, не получив увечий, совсем другое — когда ты приходишь на просеку и получаешь реальные серьезные увечья. И я не требую сейчас со своих граждан, которые только-только из овощей превращаются в людей, я с них не могу требовать, чтобы они в бешеном количестве приходили в наш лагерь. Это будет смешно сейчас такое требовать (*Чирикова*).

Из этого объяснения следует, что многие из тех, кто начал эту кампанию вместе с Чириковой, отошли; и хотя она «спокойно» к этому относится, есть ощущение, что уход людей оставил в душе неприятный осадок. Кроме того, новые люди, приходящие в Движение, — это скорее уже другой тип участников: ближе к профилю опытных и «завзятых» активистов, а не просто обеспокоенные судьбой леса простые жители. Наконец, хотя Евгения упоминает о других — более «мирных» — формах участия (типа сходов и митингов), все равно основной формой остается участие в лагере, что требует определенной боевитости.

Продолжительность борьбы, ее формат (жесткие столкновения с застройщиком и его «охранниками»), ежедневный круглосуточный лагерь (затратный по времени) — этим во многом объясняется то, что химчане, даже самые активные, мало участвуют в движении в защиту своего леса. Есть и другие причины. Первая — большой приток новых жителей, которые не воспринимают город как свое жизненное пространство. Здесь важно знать, что город разделен на Старые Химки (где живут в основном пенсионеры и откуда

лес ближе) и Новые Химки (где, наоборот, живет скорее молодежь, а лес оттуда дальше). Да и лес не всем дорог. По версии Ирины, участницы Движения в защиту Химкинского леса с 2008 года, многие сейчас не гуляют в лесу, а «отдыхают в торговых центрах» (каковых много в Химках).

Те, кто чувствует, что он здесь живет, что это его жизненное пространство — скорее, это отделяет химчан от нехимчан, да и как в любом другом месте. А те, кто химчане, те не скорее за нас — те полностью за нас. Поэтому еще вот этой группой новых, приехавших людей достаточно легко манипулировать, рассказывая про то, как трасса решит проблему пробок (*Владимир, участник Движения в защиту Химкинского леса с 2009 года*).

Вторая причина — чувство беспомощности:

[строительство зависит от федеральной власти, а] там все решено. Бесполезно. Уже решили построить... Там все куплено. Это просто... Нет, хорошо, конечно, дай Бог, чтобы помогло вот это дело все, не зря проходило, но... (*Из беседы с группой химчан, отдыхающих недалеко от лагеря*).

Ну вы же поймите, что если на самом верху сказали рубить, то уже ничего, ни одно мероприятие не поможет!.. (*Ирина, участница Движения в защиту Химкинского леса с 2008 года, но к моменту интервью уже отходящая от него*).

Есть и недоверие к составу участников движения:

...Какие-то казаки совершенно клоунские, там есть вроде вменяемые люди, а есть, ну извините, фрики какие-то. И рядом с этими людьми просто в одном ряду стоять не хочется, хотя в принципе борьба, да, за этот лес, она мне близка, понятна

и равнодушной меня не оставляет. Вот, т. е. я там и подписывала все, что как бы там, все эти петиции (*Анастасия, молодая мама, участница — впервые — митинга по проблемам ЖКХ и застройки 18.06.11*).

Некоторые боятся: «Я слышал, как семьдесят процентов сходок активистов заканчивается драками с местными охранниками» (из беседы с группой отдыхающих). Тем более что местная власть известна своей коррупционной и репрессивной политикой. Ведь в рядах движения уже есть жертвы. До сих пор многие помнят самое громкое дело, когда в ноябре 2008 года местный журналист и активист Михаил Бекетов поплатился за борьбу против проекта автомагистрали и коррупции мэрии: его жестоко избили и искалечили как раз после того, как он сделал несколько неприятных для представителей мэрии разоблачений.

Таковы причины неучастия или пассивного (через подписи или пожертвования) участия, которые назвали сами неучастники или пассивные участники.

> Понимаете, на самом деле, почему люди не идут в лагерь, хотите я вам скажу? Они испугались просто-напросто. Когда пошли сообщения об избиениях, а мы же стали обращать на это внимание... Вот у нас — вот за что я уважаю этих людей [участников лагеря] — никто не ушел, все политые возвращались. Вот Олег со сломанной челюстью, ну, все мы там получили — никто не ушел. Задерживали нас — мы возвращались. Они что хотели? Испугать! То есть человека задержат — он смотается на следующий день... А мы вот назло им возвращались... (*Сергей Агеев, постоянный участник лагеря*).

Здесь явная несовместимость образа мыслей и действий костного отряда из лагеря и обычного протеста недавно активизировавшихся людей, а тем более простых обывателей.

В итоге (по крайней мере, летом 2011-го, на момент проведения основного полевого исследования) многие ограничивают свое участие пассивной поддержкой и как бы передают свои полномочия борцов лидеру движения Евгении Чириковой, для которой это своего рода расплата за образ «звезды».

Уточним, что большинство ключевых активистов Движения понимают необходимость мобилизации местного населения и прилагают усилия для этого. Достаточно регулярно они организуют народные сходы совместно с той или иной инициативной группой в самих Химках. Расклеивают по всему городу листовки (во время «Антиселигера» мы воочию в этом убедились), выкладывают очень много информации на своем сайте и других интернет-ресурсах. Кроме того, они общаются с пассивными жителями (хотя признаются, что могли бы и больше). Химчане откликаются слабо. Наверное, поэтому акцент перемещался на солидарные связи вовне — с подобными инициативными группами в других подмосковных городах, со всероссийскими экологическими организациями, с политическими организациями, с так называемой международной общественностью и т.д.

При этом надо добавить, что активисты Движения с сожалением, но и с пониманием относятся к пассивности местного населения; презрение в их высказываниях отсутствует[8]. Скорее, они пытаются найти жителям оправдание: «далеко им» (когда речь зашла о «левобережцах»); «опасно» («Станица Кущевская под названием Химки», — говорит Ирина); участвуют, «когда происходит что-то, то, что не оставляет людям шансов остаться в стороне». «Так, например, 23-го... 23 апреля [2011] приходило на место вырубки

[8] За исключением такой фразы, которая нас несколько шокировала и об авторстве которой мы умалчиваем: «Единственное, что будет справедливо, если они построят [трассы],— это то, что вот эти вот трусы будут жить на обочине этой дороги».

Ваиутинского шоссе, по разным подсчетам, от 200 до 400 человек», — защищает честь химчан Владимир, который считает себя «патриотом Химок».

Относительно массовости (чтобы было с чем сравнить и поскольку многие комментаторы склонны забывать об этих событиях) напомним: мобилизация химчан за свой лес намного уступает в массовости и решительности движению протеста против монетизации льгот января – февраля 2005 года. Тогда химчане были среди первых, кто вышел на улицу, причем используя радикальный метод: 10 января 2005-го вся страна узнала о том, что около пятисот возмущенных пенсионеров Химок после митинга у городской администрации перекрыли Ленинградское шоссе. Сразу образовалась огромная пробка, и поговорить с митингующими приезжали представители властей, в частности глава городской администрации Владимир Стрельченко (который до этого никак не реагировал на призыв людей выйти к ним). За январь—февраль митинги, причем массовые (до 4000 человек), проходили постоянно — в Химках и вообще в Московской области. Как известно, это привело к тому, что подмосковным льготникам вернули бесплатный проезд в общественном транспорте Москвы.

То химкинское льготное восстание дало старт волне перекрытий и массовых стихийных митингов по всей стране. Но, как ни странно, память об этом почти стерлась. По крайней мере,СМИ и vip-защитники Химкинского леса совершенно о них не упоминают и связывают возрождение гражданского общества только с появлением Движения в защиту Химкинского леса. Вспоминают о выступлениях против монетизации лишь старые жители Химок:

> Вот я еще раз говорю: если бы Химки поднялись, а ведь Химки умеют подыматься, вы же помните, что, когда пенсионерам монетизацию отменили, ведь всю страну подняли

Химки, именно химкинские пенсионеры. Вот тогда Химки смогли поднять всю страну (*Ирина, около 50 лет, участница Движения в защиту Химкинского леса с 2008 года*).
Мой город уже проявил себя так, что... тем, что химчанами можно гордиться (*Владимир, участник Экообороны с 2009 года*).

5. Вместо массовости — медийный образ и символ

Итак, по сравнению с химкинским движением против монетизации Движение в защиту Химкинского леса нельзя назвать таким уж массовым. Тот же результат получится, если сравнивать с более близкими — по теме и времени — движениями, например с петербургским движением против строительства «Газпром-сити»[9]. Зато сражение за Химкинский лес имеет одну особенность: оно широко освещалось в СМИ. Причем эта проблема, без сомнения, вызвала определенное сочувствие у некоторых московских журналистов. Медийный резонанс Движения в защиту Химкинского леса является также плодом огромной работы самых активных защитников леса, которые устанавливают личные контакты с журналистами, часто посылают пресс-релизы, поддерживают сайты и ЖЖ. В Интернете выложено огромное количество информации (в том числе видео- и фотоматериалы), и, судя по всему, она пользуется спросом. Да и радикальный характер акций (прямое сопротивление вырубкам, столкновения с представителями застройщика, задержания, избиения...) привлекает журналистов, жаждущих сенсаций и хороших кадров.

Выведение конфликта в публичную сферу произошло благодаря митингу-концерту 22 августа 2010 года

[9] См. главу «Это наш город!» в настоящем сборнике.

на Пушкинской площади в Москве, где пели известные рок-музыканты страны, в частности Юрий Шевчук с группой ДДТ[10]. На мероприятие, прошедшее под лозунгом «Мы все живем в Химкинском лесу», собралось более 3000 человек (это наибольшее количество людей, мобилизованных Движением за всю его историю). Примечательны были и общая атмосфера братства и веселья, и пронизывающий выступления пафос борьбы за свободу и человеческое достоинство; участники прямо-таки ликовали. Это событие открыло перед защитниками Химкинского леса дорогу в либеральные СМИ, сделало Химкинскую битву символом возрождения гражданского общества в России, перевело локальный конфликт в разряд федерально значимых, продвинуло лидера движения Евгению Чирикову в ряды просвещенной либеральной интеллигенции и оппозиционных политиков.

Более того, спустя несколько дней, 26 августа 2010 года, Президент РФ Дмитрий Медведев принял решение приостановить реализацию постановления Правительства РФ о строительстве автодороги через Химкинский лес — до проведения новых общественных и экспертных обсуждений. Правда, уже 14 декабря 2010 года Медведев огласил свое решение: разрешить вести дорогу через лес. Однако сам факт его вмешательства был воспринят активистами по всей стране как доказательство растущего влияния социальных движений в России: власть вынуждена хотя бы делать вид, что считается с ними.

После этого борьба за Химкинский лес стала символом гражданского сопротивления, символом возрождения гражданского общества: битву за Химки проиграть нельзя, иначе все другие гражданские инициативы могут быть задавлены финансово-политическим лобби, коррупцией, репрессиями и ложью. А борцы получили широчайшую поддержку

[10] Репортаж о митинге см.: http://www.ikd.ru/node/14293.

со стороны самых разнообразных общественных организаций и объединений.

Благодаря СМИ и различным событиям вокруг Химкинского леса Движение приобрело огромное общественное звучание. В опросе, проведенном ИКД, многие активисты социальных движений из других регионов отметили борьбу химчан как самую значимую за 2010 год.

> Наиболее резонансным событием социально-протестного движения России считаю защиту Химкинского леса. Эта защита стала очевидным рубежом, показала, что власть теперь будет вынуждена считаться с этим движением, но постарается при первой возможности игнорировать наши требования под предлогом принятия компромиссных решений. Значит, нужно придавать большую массовость и организованность движению протеста (*Евгений Козлов, Движение гражданских инициатив, Санкт-Петербург, участник кампании против «Охта-центра»*).

В силу символического значения Движения в защиту Химкинского леса, на его мероприятия нередко приезжают активисты из других, в том числе дальних, регионов: из Республики Коми, Краснодарского края и т.д.

> ...Рассматриваю борьбу за Химкинский лес, в общем, как переднюю линию фронта, в принципе за все-таки сохранность вот той экологической среды, которая сейчас сохранилась до сих пор. Ну, в частности, вот этот лесозащитный, так сказать, пояс вокруг Москвы. То есть всем понятно, что если здесь злодеи, олигархи и ресурсоеды прорвут оборону, сделают так, как им выгодно, значит, разрушат, то дальше уже... как сказать... бороться будет намного труднее, поднять людей, потому что как бы все будут видеть, что мы проиграли. У всех и так, как сказать... Все атомизированы, у всех и так руки опущены, все в свос корыто смотрят, а тут... Вот

я из-за этого в основном волнуюсь, чтобы здесь была победа (*Алексей Семенов, Республика Коми; в Москве бывает также и по делу — у него мелкий челночный бизнес*).

Отдельно следует отметить еще один важный фактор, привлекающий к движению внимание СМИ и симпатии общественности: личность и харизму молодой и очаровательной Евгении Чириковой. Это лидер нового типа, представительница «обычных людей» (обывателей). Мать двоих детей, неожиданно для себя она активизировалась летом 2007 года, увидев на стволах старых дубов красные метки — границы вырубки леса. Мотив ее борьбы — чтобы «детям было, где гулять». Образ Чириковой симпатичен либеральной интеллигенции — до продвижения в лидеры она была бизнесменом (сейчас дело ведет ее муж). Дерзкая, смелая, незакомплексованная, она изъясняется просто и эмоционально, без штампов. Свежесть, энергия и энтузиазм, от нее исходящие, завораживают многих как среди активистов, так и среди журналистов, политиков и артистов.

Она потрясающий лидер, она так выросла за эти четыре года. ...Это просто потрясающе! И она настолько «не общее выраженье», вот она вот... всех вот хвалит, там, даже... Ну, тоже достойные люди, которые депутаты, деятели культуры, но она иная, понимаете? Она настолько... Это новой формации человек, что скорее это они заинтересованы в ней, понимаете? То есть здесь, если она не остановится (а я надеюсь, она не остановится)... Это, может, действительно тот человек, который ну, действительно может что-то повернуть в нашей стране. Я буду ее поддерживать до конца (*Сергей Агеев*).

Поразительно, насколько удачно Евгения смогла наладить отношения не только с vip-персонами российской политической системы, но и с представителями культурной сцены и шоу-бизнеса. Это исключительный случай

в современной общественной жизни — ведь формально она обычная женщина, мать двоих детей, мелкий предприниматель, глава инициативной группы граждан. Можно кратко описать круг ее хороших знакомых из политической элиты:[11] это практически все, кто возглавил движение «За честные выборы» в конце 2011 — начале 2012 года.

Наверное, дело здесь и в личности Чириковой, и в ее «деловой хватке» бизнесмена, а также в соответствии ее образа требованиям истеблишмента. Она не только красивая и эмоциональная женщина, она еще и бизнесмен и пассионарий, но без определенных политических взглядов, кроме общегражданских. И, как резонно отметил Алексей Семенов из Коми, «она уж точно не коммунистка».

6. Партизанская война

Как мы уже объяснили, основная форма коллективных действий в защиту Химкинского леса — постоянно действующий лагерь. Это, безусловно, определяет состав активистов и ограничивает возможность участия в нем «обычных» людей со стороны. В лагере и лесных рейдах задействованы главным образом представители социальных или политических движений других городов (Москвы и Подмосковья, более отдаленных городов); экологические активисты; представители неправительственных организаций (в том числе и международных, таких как «Greenpeace» и «WWF»); а также молодые или среднего возраста «бойцы» (они же формируют костяк круглосуточных эколагерей в лесу).

В двух самых острых фазах противостояния между защитниками леса и застройщиком — летом 2010-го и летом

[11] Среди них много поклонников, но есть и насмешники, что стало широко известно после того, как телефонные разговоры Немцова попали в Сеть. Однако не считаться с Е. Чириковой не могут и они.

2011-го[12] — функционировали постоянные лагеря с круглосуточным дежурством и регулярными рейдами в лес; максимально в лагере находились несколько десятков человек. По словам его более или менее постоянных участников, это особый вид деятельности: со своими приключениями и героизмом, драками и сломанными челюстями, задержаниями и товарищеским духом. Поэтому они привязаны к нему, их туда «тянет».

> Знаете, вот честно вам скажу... вот тот лагерь прошлогодний вспоминал чуть ли не со слезами на глазах, приезжал туда, вот на это место всё, и как только он здесь возник, я отсюда не ухожу — уже полтора месяца, это так классно! (*Сергей Агеев, смеясь*).

> Я просто вообще, на самом деле, места себе не нахожу дома, мне все время хочется, да, мне перед женой стыдно, что... (*Григорий, молодой участник лагеря из Москвы*).

Люди в лагере чувствуют себя причастными к героическому и большому делу, они на передовой линии большой битвы, они ведут «войну» с мощным врагом, держат «знамя сопротивления».

> Нельзя сдаваться, пока знамя стоит, да и вообще нельзя, пока знамя. Это уже для меня знамя. Понимаете, как часть вот... часть не просто леса, а часть чего-то большего. Ну вот он для страны стал символом — значит, сдаваться нельзя. Представляете, какое будет сообщение, если химчане и экологи сняли лагерь в Химкинском лесу? Все, это будет конец (*Сергей Агеев*).

[12] Зимой 2012 года лагерь продолжал существовать, но только в виде дежурства -- громкие акции сопротивления прекратились. Летом того же года деятельность лагеря активизировалась, но без прежнего общественного резонанса.

Понятно, что в таком деле далеко не все могут участвовать. Поэтому Женя однажды сказала соратникам: «Похоже, пассионарный запас мы исчерпали в ближайших окрестностях». Зато те, кто постоянно дежурит (есть даже такие, кто уволился с работы, чтобы посвятить себя лагерю), держатся вместе «как кулак» и формируют особенно крепкое сообщество, в какой-то мере закрытое для тех, кто не готов рисковать так же, как они. В интервью прослеживается даже некоторое презрение к обывателям. Но, с другой стороны, нельзя не отметить толерантное отношение к тем, кто впервые присоединился к лагерю: их сразу воспринимают как ценных помощников и соратников.

Из записей социолога:

> Вечером 12 мая (2011) приехал в лагерь. Предварительно созвонился с Никитенко. Очень приятное впечатление. Как будто меня только и ждали))) Поблагодарил за поддержку, попросил купить сока для участников.
> Прибыл в 20 часов. В лагере минимум людей (5). Остальные повели группу НТВ по вырубке. Один уборку делает. Лагерь хорошо обустроен. Есть кухня, туалет, газ-баллон, заграждение по периметру из веток. Еще двое парней (в полувоенной форме) рубят дрова и подтаскивают новые ветки к заграждению. Две девочки идут играть в волейбол. Настроение хорошее у всех. Шутят.
> Вечером вокруг костра до 4 утра идет дискуссия о политике, лесе, национальном вопросе (есть левые и националисты). Тон дружелюбный. Без оскорблений.
> Дежурства как таковые к утру, по-моему, прекратились, но точно не могу сказать. Лег спать, просил меня разбудить для дежурства в 5 утра, но никто не будил.
> Утром ушел на станцию.

Из этих наблюдений видно, что лагерь — это тоже сложившийся образ коллективной жизни, со своими бытовыми

заботами (готовить, топить, убирать...), со своими видами отдыха (играть, проводить журналистов по лесу, дискутировать) и со своим основным видом активистской деятельности (дежурить, ложиться под бульдозеры...). «Мы привыкли, понимаете, нам пару в день бульдозеров не тормознуть — это уже значит: день пропал» (Сергей Агеев).

«Костяк» лагеря, его давние обитатели представляют собой довольно сплоченное сообщество со своими понятиями, легендами, привычками, духом товарищества. Цементируют это сообщество идейные соображения (в меньшей мере) и «общая борьба» с «общим врагом» (в большей мере). Внимание же идеологической ориентации защитников лагеря не уделяется. В их сообществе присутствуют в том числе и крайние националисты (как объясняет Чирикова, потому что «настоящих бойцов мало»), и большинство «постояльцев» не видит в этом ничего плохого. Наоборот, гордятся тем, что у них — территория «взаимного уважения» и «толерантности», ценят, что «люди совершенно разных взглядов, вместо того чтобы драться, объединены вокруг общего дела» (Сергей Агеев). Однако, как нам кажется, укрепление сообщества по принципу общего боевого духа и без каких-либо идейных ограничений происходит в ущерб расширению рядов.

7. Время широкой коалиции ушло?

Движение в защиту Химкинского леса стало относительно малочисленным, а в свое время (летом 2010) можно было ожидать формирования достаточно широкой коалиции — не столько вокруг Химлеса, сколько вокруг защиты достоинства граждан перед наглостью и вседозволенностью чиновничества вкупе с властью и бизнесом. В тот момент борьба, достигшая высшего накала, привлекла симпатии наиболее широких кругов активных людей — причем благодаря

не только упомянутому митингу-концерту, но и так называемому погрому химкинской администрации.

28 июля 2010 года около полутысячи молодых активистов из Москвы и Подмосковья (в основном анархисты и антифашисты) прошли от железнодорожной платформы до Химкинской городской администрации; их приветствовали местные жители. Затем они зажгли дымовые шашки, закидали здание камнями и оставили на его стенах несколько надписей в защиту Химкинского леса. Это был протест как против вырубки леса, так и против отказа власти от диалога с экозащитниками, а также против тех методов, которыми рубщики пытались защищаться от общественности (как раз тогда экологов в лесу стали жестко разгонять не только милиция, но и футбольные хулиганы в масках). СМИ окрестили акцию погромом Химкинской администрации, дело стало широко известным и обсуждаемым. Это была своего рода пощечина власти, и, судя по некоторым опросам (в частности, среди слушателей «Эха Москвы»), общественность (по крайней мере, либерально настроенная) акцию поддержала. Сразу были задержаны два подозреваемых в организации «погрома» — Алексей Гаскаров[13] и Максим Солопов, которые отсидели три месяца в ожидании суда. Зато активно шла кампания «За освобождение химкинских заложников», в ходе которой сблизились анархисты, антифашисты, Движение в защиту Химкинского леса, левая и либеральная оппозиция, правозащитники, другие инициативные группы и даже некоторые статусные политики. Дело широко освещалось в СМИ.

На этом фоне Евгения Чирикова стала медиагероиней; творческая интеллигенция провела митинг-концерт 22 августа. А после того, как сам президент был вынужден публично вмешаться и высказался за приостановление вырубки, дело попало в публичную сферу. Тогда, казалось, создавался широкий альянс гражданских инициатив, Движения в защиту

[13] Алексей Гаскаров, между прочим,— сотрудник ИКД.

Химкинского леса, а также инициатив в защиту леса в других подмосковных городах; более радикальных молодежных движений; интеллектуалов, артистов и музыкантов; неправительственных организаций; оппозиционных политических объединений и части политического истеблишмента. Объединяло всех общее возмущение «произволом и коррупцией власти», которая отвечает на гражданские выступления презрением, насилием и репрессиями.

Способствовать консолидации людей в таком духе и был призван «Антиселигер». Поэтому стоит его проанализировать. Мероприятие прошло с 17 по 20 июня 2011 года в Химкинском лесу в формате (мирного) лагеря, как гражданский форум. Замыслено было, во-первых, собрать всех вместе и предоставить общую площадку для дискуссий, а во-вторых, «популяризировать нормальный гражданский образ жизни»: «Потому что “Антиселигер” — это что такое? Это нормальные выходные с нормальными людьми, в нормальной компании» (Чирикова).

Вторая цель была отчасти достигнута. Из записей социолога:

> Радостная атмосфера праздника. Многие приехали семьями. Говорят между собой далеко не только о политике, знакомятся с детьми знакомых. Гуляют, слушают музыку, стихи. Солнце светит, каша вкусна. Люди улыбчивы и приветливы. Приятно. Как говорится, может, у девушки ноги и кривоваты, но такая обаятельная, что невозможно не влюбиться.

Правда, на «Антиселигер» приехали в основном активисты и так или иначе ангажированные люди, которые едва ли нуждаются в популяризации «нормального гражданского образа жизни». Однако праздник и для них оказался далеко не лишним: слишком редко удается им обычно выезжать на природу, слушать хорошую музыку, имея при этом возможность общаться с коллегами и участвовать в интересных дискуссиях.

А вот первая цель оказалась даже не до конца сформулированной. «Собрать всех вместе», конечно, удалось: в выходные дни съехались 2–2,5 тыс. человек: артисты, художники, либералы, националисты, правозащитники, руководители крупнейших НКО, известные блогеры, журналисты и политики (даже Сергей Миронов[14] неожиданно зашел на второй день). И все эти люди прекрасно уживались друг с другом — хотя бы в течение нескольких дней. Не хватало только левых активистов (их было очень мало, и они почти не принимали участия в дискуссиях) и рядовых гражданских и социальных инициатив. Из записей социолога:

> Единственным семинаром, проведенным социальными активистами и затрагивающим социальные вопросы, был семинар, организованный журналом «Председатель ТСЖ» и движением «Жилищная солидарность» по вопросу о жилищном самоуправлении. Несмотря на то что организаторы пытались увязать этот вопрос с вопросами демократии политической, мероприятие не вызвало большого ажиотажа. Большинство участников лагеря предпочли семинары «звезд» типа Навального или других известных блогеров.

Если же говорить о консолидации, то непонятно, в чем она проявилась, поскольку не обсуждались ни декларации, ни совместные планы, ни сетевые координационные структуры. Да и настоящих дискуссий было мало (когда не один человек вещает, а другие слушают, а когда тема общая и все присутствующие ее обсуждают на равных). Из записей социолога:

> Семинары скорее представляли собой некие «мастер-классы» или пресс-конференции каких-то «звезд» блогосферы и общественной жизни. Среди таких были: известный

[14] Председатель партии «Справедливая Россия» и бывший спикер Совета Федерации.

фотограф и блогер Илья Варламов, руководитель «РосПила» Алексей Навальный, основатель Клуба блогеров им. Канта Александр Морозов, один из «химкинских заложников» корреспондент ИКД Алексей Гаскаров и т.д.

Тем не менее многим мероприятие понравилось — именно тем, что столь разные люди смогли мирно общаться.

...Я поняла, что это такое — когда очень разные люди, да, вместе собираются, это детонирует сразу. ...Наконец-то нам удалось в одном месте... Чего нам не хватает, я считаю, в России? Нам не хватает способности друг друга слышать, услышать и вместе куда-то идти. Основная проблема русских, как говорила писательница Толстая, — они ненавидят друг друга. Я говорю не о русских как национальность — ну, россиян. Ненавидят друг друга, не в состоянии договориться друг с другом, не в состоянии куда-то дойти вместе и чего-то там вместе добиться, они обязательно разругаются по дороге. Как в фильме «Гараж»... И мне очень понравилось, честно говоря, то, что это было мероприятие прежде всего культурного протеста (*Чирикова*).

Форум готовили в основном четыре человека: Евгения Чирикова, уже известный нам Олег Мельников, Петр Верзилов (активист художественной и скандальной группы «Война»[15]) и Олег Козырев (известный блогер, культурный и общественный деятель). И готовили они скорее развлекательно-культурное мероприятие в духе «Пикника

[15] Современная арт-группа, действующая в области протестного уличного искусства. Получила известность благодаря нескольким скандальным художественным акциям. Одна из них — «Хуй в ПИПу у ФСБ!» — прошла в ночь на 14 июня 2010 года в Санкт-Петербурге. Активисты группы нарисовали гигантский фаллос на Литейном мосту, и ночью при разведении моста рисунок поднялся прямо напротив здания ФСБ.

"Афиши"», с которым его сравнила Чирикова. То есть ориентир для организаторов — модное культурное мероприятие столицы, место встречи «продвинутых» горожан. И совсем не в духе активистской традиции «социальных форумов» – всемирных и европейских, связанных с так называемым «антиглобалистским движением», но также и российских, поскольку подобные форумы проводились в России начиная с 2005 года. Организаторы их даже не вспоминают, если вообще о них знают. А ведь социальные форумы, при всех изъянах, предполагают организацию мероприятия коалицией общественных организаций и движений и длительное предварительное согласование программы, что позволяет привлечь широкий круг заинтересованных лиц и организаций, а также провоцирует дебаты по существу уже в процессе подготовки — с возможным выходом на совместный план действий.

В отличие от соцфорумов, четко фиксирующих левый, непартийный и интернационалистский формат своих мероприятий, «Антиселигер», по мысли организаторов, вполне способен принимать не только либералов, но даже националистов и непонятно откуда взявшихся «нашистов». Из записей социолога:

> В этом и сила, и слабость «Антиселигера». Но, по субъективному ощущению, даже слабости в данном случае содержат потенции к развитию, а не деградации. Кажущаяся «всеядность» (по другой версии — политическая наивность) организаторов — от трогательного опасения оттолкнуть кого-то, не успев разобраться, что из себя он (она, они) представляет. Из-за этого иногда есть ощущение некой «разрухи в головах» (и в программе), но, с другой стороны, это трогательное стремление всех понять и полюбить (кроме, разумеется, врагов Химкинского леса!) подкупает, кто бы и как бы его ни обсмеивал.
>
> Кроме того, такая незатейливая оппозиция «все вместе за лес против лесорубов» рождает такой огромный запас

моральной правоты, который позволяет снисходительно пожалеть даже нагло расставивших палатки у сцены провокаторов из «Наших».

...Ложкой дегтя второго дня стало присутствие на территории лагеря лидера националистического движения ДПНИ Александра Поткина. Более того, каким-то образом ему удалось завладеть микрофоном на одной из периферийных дискуссионных площадок и в течение получаса развивать свои идеи перед группой не слишком доброжелательных слушателей. Еле-еле обошлось без побоища.

В итоге «Антиселигер» скорее подтолкнул движение к развитию гражданской составляющей его деятельности в ущерб социально-экологической. Но в любом случае это было последнее массовое мероприятие, организованное Движением в защиту Химкинского леса. Последующие акции малочисленны и уже не привлекают столь же широкую коалицию различных общественных сил. Почему? Ниже изложены причины, которые, на наш взгляд, не позволили Движению в защиту Химкинского леса укрепляться, развиваться и укореняться в местной почве:

• Под влиянием руководства Движение постепенно смещается в сторону радикально оппозиционную и все больше удаляется от местной, близкой рядовым гражданам. Наверное, свою роль сыграло решение Медведева разрешить все-таки вести автостраду через лес: после этого лидеры Движения объявили о недоверии власти и о переходе в публичную оппозицию. Оппозиционность демонстрирует, например, участие лидеров Движения в таких акциях, как «Стратегия-31»[16], а также проведение, по инициа-

[16] Акции протеста каждое 31 число месяца в защиту свободы собраний (ст. 31 Конституции РФ). Первая акция (в июле 2009 года) состоялась по инициативе лидера оппозиционной коалиции «Другая Россия» Эдуарда Лимонова.

тиве Движения, оппозиционных мероприятий, таких как «Антиселигер».

• Недостаточно внимания уделяется внутренней структуре собственной организации. Напомним, в интервью активисты Химкинского движения не могут четко сказать, как и кто принимает решения; нет даже понятия членства, вместо правил — много личных договоренностей и допущений.

• Не лучше обстоят дела и с оформлением партнерских отношений: как правило, сотрудничество с другими организациями держится на личных связях и договорсиностях. В установлении партнерских отношений упор делается на известные личности типа блогера Навального, оппозиционного либерального политика Немцова, музыкального критика Троицкого и проч. Преобладает логика «звезд».

• Деятельность движения все больше подчиняется логике создания «информационных поводов» (хотя признаем, что поводы постоянно дают и сами строители и чиновники), а не задаче вовлечения в движение массы рядовых жителей Химок.

• Не слишком ясна и проговорена общая цель движения в защиту Химкинского леса (за пределами незатейливой и всеядной оппозиции «все вместе за лес против лесорубов»), а также его позитивная программа.

В итоге осенью 2011 года Химкинское движение больше напоминало отлично работающую команду пиар-менеджеров и одержимых лагерных бойцов, нежели социальную инициативу с перспективой превращения в массовое движение. Преобладала скорее не логика движения или организации, а логика «тусовки». В качестве иллюстрации приведем цитату из комментариев ко второму гражданскому форуму («Последняя осень»[17]):

[17] Форум «Последняя осень» проходил 1--2 октября 2011 года в Подмосковье (уже не в лесу) с участием лидеров Движения в защи-

По сути, люди решили организовать свою партийную тусовку. Ну пожалуйста, мало ли кто какие тусовки по интересам устраивает. Но эти решили позвать на свою зрителей и журналистов — наверное, чтобы те подивились их мудрым мыслям. И тут они совершили ошибку, пригласив в качестве массовки представителей общественности, которые вполне способны мыслить самостоятельно. И их трындёж ни на кого ровным счетом не произвел никакого впечатления. Но поход наш имел смысл. Вся наша оппозиция была как на ладони, вернее, ее авангард. И что она из себя представляет? Да ничего. Я не знаю, кем и для каких целей они были созданы, но к нашей жизни они имеют очень маленькое отношение (*Рядовая активистка московского социального движения «Моссовет», активно участвовала в битве за Химкинский лес*).

Хотя эта цитата содержит осуждение скорее либеральной «несистемной» оппозиции, нежели собственно экологических активистов, она хорошо иллюстрирует опасности, которым подвергается Движение в защиту Химкинского леса (и анонсирует опасности, которым подвергалось общегражданское движение «За честные выборы» зимой — весной 2012 года).

8. Выход на общегражданскую платформу

Если рассмотреть «Антиселигер» апостериори, напрашивается сравнение с 10-тысячными гражданскими митингами «За честные выборы» на Болотной площади

ту Химкинского леса и был призван повторить «Антиселигер». Однако он собрал меньше народу и проходил под эгидой праволиберальной оппозиции.

(10.12.1011) или на проспекте Сахарова (24.12.2011), как будто «Антиселигер» — прообраз этих событий: те же сильные стороны, те же изъяны. Праздничная атмосфера, радость оттого, что мы — замечательные люди — здесь собрались; сосуществование либералов, левых и националистов; организаторами (без широкой дискуссии) выступают несколько человек; одни вещают со сцены, другие безучастно слушают; основная идея — «мы все вместе против общего врага»; гражданские, моральные или культурные ценности преобладают над политическими. Более того, даже круг лиц на первых ролях во многом повторяется: Немцов, Навальный, Троицкий, Чирикова...

Особенно примечательно, что химкинские активисты так или иначе уже провозглашали (летом 2011 года) гражданские идеалы как приоритетные. Для многих из них главная ценность на уровне принципов — не сохранность своего двора, не защита леса, а именно гражданственность. Многие говорят, что борются скорее уже не для достижения конкретной прагматической цели (хотя это и важно), а для утверждения собственной гражданственности и для того, чтобы развивать ее в других.

> Но наша основная проблема — это не лес и не власть, а то, что у нас народ негражданский. Вот у нас нету граждан — у нас гряда овощная, люди — они абсолютно позволяют делать с собой все, что угодно, им не обидно, им не стыдно. Вот у них отнимают, а они лапки складывают. Вот это нежелание сопротивляться хоть чуть-чуть, когда тебя обижают, оно меня просто угнетает. Вот я хочу, чтобы у нас было больше в гражданах чувства собственного достоинства и гражданства, поэтому я считаю, что вот это и есть миссия, к этому надо стремиться: будить в гражданах их гражданские ощущения и чувства (*Чирикова*).

Евгения Чирикова прогнозирует:

Эта ситуация достала всех — что с нами не считаются, что нас не уважают как граждан, что с нашим мнением не считаются. Потому что мы уже немножко переросли вот эту стадию гламуризации, когда мы после вот этой нищей советской жизни немножко насытились, да, и нам уже хочется... Базовые потребности мы свои насытили, теперь у нас другая потребность уже — теперь нам хочется уважения. И наиболее, мне кажется, умные люди, да, из нашего российского общества, они к этому приходят.

Что такое для Чириковой гражданин?

Это человек, который взаимопомогает. Еще правильная очень тенденция: сейчас очень много защитников Химкинского леса идут к Соловецкому камню спасать Тосю, ну, Таисию, и на Козихинский. Вот этот момент... Да, завтра мы едем в Солнечногорск помогать. Вот что такое гражданское общество — это когда ты помогаешь другим просто так, без надежды, что тебе там кто-то поможет. Просто помогаешь — это твоя внутренняя потребность.

У других активистов, во всяком случае самых вовлеченных, тоже звучит тема возрождения гражданственности:

Я рассматриваю свою борьбу не просто как борьбу за экологию, а как борьбу гражданина. Скажем так: в этой борьбе я становлюсь таким, как я хотел быть всегда, и вытравливаю из себя то, что не хочу... (*Сергей Агеев*).

Когда возникла ситуация с Химкинским лесом, туда пришли многие люди, которые тогда ничего не делали, просто они уже стали к этому готовы. Так же я, в общем-то...

Социолог: К чему готовы?

К каким-то действиям гражданским. Я тоже как бы долгое время не участвовал в каких-то инициативах, но потом про-

сто однажды пришел вот. Я думаю, что это просто все как бы созревает в обществе (*Ярослав Никитенко*).

Что активисты из Химок понимают под словом *гражданин*? Если обобщить их высказывания, гражданин — это человек неравнодушный. Он действует, борется, когда попирают его права; его нельзя обмануть, «напудрить мозги»; он не дает себя обижать; у него есть чувство собственного достоинства. Кроме того, он готов оказать помощь другим гражданам. То есть *гражданственность* — это скорее гуманистическое или этическое понятие и в меньшей степени — политическое; гражданин — неидеологизированный человек и непартийный. Партии и различные идеологии считаются лишними, а то и вредными, поскольку «разделяют граждан». Активисты, как правило, убеждены, что главное — быть солидарными, объединиться против общего врага, который истребляет гражданское чувство в обществе.

То есть я хочу, чтобы граждане становились гражданами, при этом необязательно даже иметь какие-то политические убеждения, на мой взгляд. Вот у меня их нет, например. У меня просто очень простые требования: я хочу, чтобы с нами считались, вот в простых маленьких вопросах... Я не знаю, как называется эта политическая платформа. Я считаю, что вообще сейчас вот эти все споры: левые, правые, либералы — это споры XIX века. Это уходит, вот на мой взгляд, это уходит, это неактуально. Сейчас актуальны такие темы, как права человека, защита окружающей среды, защита планеты — вот это наши актуальные темы. Все остальные темы, ну, на мой взгляд, они носят уже какой-то... ну, по крайней мере, с моей точки зрения, может, я ошибаюсь, конечно, они носят уже какой-то надуманный характер, это что-то старое, таких проблем нет (*Евгения Чирикова*).

Вы знаете, я считаю, что мне не нравится, что у нас политические взгляды должны зацикливаться на какую-то политическую партию. Вот я антипартийный человек, но я за человека. Я не могу, меня это коробит...
Социолог: А идеология не нужна?
Я считаю, что не нужна. В нашем размытом мире идеология, мне кажется... Это просто зеленая планета и просто выживание человечества. И по-большому, это борьба добра и зла, вот так вот. А партии... партии, как бы это сказать... это такая форма, которая объединяет людей по каким-то причинам, и, так сказать, они проводят свою политику. Потом эту политику они должны отрабатывать членскими взносами, лоббированием интересов каких-то... Меня это коробит (*Наталья Алымова, ИГ ул. Дружбы*).

Разумеется, среди активистов Химок есть люди с различными идеологическими склонностями, «скорее» считающие себя условно «левыми», условно «националистами» («патриотами», как они уточняют), условно «либералами». Но и среди них большинство уверено, что идеологическая позиция не должна мешать сплочению всех достойных граждан.

В целом такая акцентированная гражданская позиция и отвержение идеологических и партийных споров довольно точно соответствуют доминирующим идеям общегражданского движения «За честные выборы» зимой—весной 2012 года, по крайней мере в начале его развития.

Итоги

Благодаря Движению в защиту Химкинского леса тема социальных движений и борьбы «простых людей» за общественно значимые блага получила широкую огласку. Это результат грамотной информационной политики активистов-химчан, продолжительного и мужественного

физического сопротивления вырубкам, а также возникшей общей симпатии к яркой личности лидера движения. Данный пример показывает, что низовые социальные движения способны прорвать информационную блокаду. Однако не стоит забывать о географической близости к столице — столь широкий резонанс едва ли был бы возможен где-нибудь на Алтае или Дальнем Востоке (если, конечно, речь не идет об уникальных объектах типа озера Байкал).

Движение в защиту Химкинского леса стало символом борьбы простых граждан с произволом власти и поэтому — знаменем для многих гражданских инициатив и движений по всей стране. Символом федерального масштаба — по смысловой нагрузке и по уровню оппонентов. Однако импульса к формированию федерального социального движения оно не дало и само по себе массовым социальным движением не стало.

Главная проблема состоит в том, что пока Химкинское движение приобретало федеральное символическое значение и перемещалось в сторону политической оппозиции, ослабла его привязка к локальной среде, к близким и понятным рядовым жителям темам.

В итоге Движение в защиту Химкинского леса во многом влилось в общегражданское движение зимой—весной 2012 года. Главная фигура «Химкинской битвы» Евгения Чирикова вошла в координационные органы движения «За честные выборы», что, однако, не продвинуло экологические вопросы в основную повестку дня. По настоянию экологических и гражданских активистов она также во второй раз участвовала в выборах мэра Химок, состоявшихся 14 октября 2012 года, после ухода В. Стрельченко в отставку. Несмотря на широкую поддержку известных оппозиционных политиков, деятелей культуры и независимых наблюдателей, Евгения получила лишь 17,6% голосов, уступив кандидату от партии власти Олегу Шахову (47,6%). Тем

не менее участники экологического лагеря все еще держат имя защиты Химкинского леса, а сама Евгения Чирикова активно занимается развитием экологического движения уже на федеральном уровне.

Ольга Мирясова

Движение за экологическую безопасность города Сасово и Сасовского района. «Жить, чтобы бороться. Бороться, чтобы жить»

«По ком звонит колокол? Он звонит по нам».

Девиз Комитета «За экологическую безопасность г. Сасово и Сасовского района»

Предыстория

Кампания против строительства завода по производству фенолформальдегидных смол в Сасовском районе Рязанской области — редкий случай успешной экологической кампании, большинство активистов которой проживает на селе. Безусловно, в ней были задействованы и городские жители — прежде всего, из районного центра Сасово (население 28 тыс. чел.), а также симпатизирующие рязанцы и москвичи.

Сасово является центром Сасовского района, в нем находятся районная и городская думы, суды, офисы партий и местных СМИ. Сельское население в полтора раза меньше и рассеяно по территории всего района, поэтому неудивительно, что в основном события происходили именно в городе.

Завод, ставший камнем преткновения, строился в селе Нижнее Мальцево — в 15 км от города Сасово, в 2 км от села Колдыино, в 5 км от поселка Сотницыно и в 20 км от села Любовниково. (В окрестностях Нижнего Мальцева есть и другие села, но активными участниками стали жители Сасова и перечисленных сел.)

Летом 2008 года экологическое движение «Хранители радуги» по просьбе лидера инициативной группы жителей Веры Дронник организовали лагерь протеста. Я принимала участие в его работе и одновременно занималась включенным наблюдением. Наблюдение изнутри за повседневной работой лагеря, общение с жителями, экологами и представителями властей, участие в протестных акциях и заседаниях Комитета «За экологическую безопасность г. Сасово и Сасовского района» позволили собрать первичную информацию о проблеме и об экологической кампании против завода. В декабре 2011 — январе 2012 года я провела десять полуформализованных фокусированных интервью с жителями Сасовского района и двумя активистами из Москвы. Одиннадцатое интервью вылилось в коллективную дискуссию с участниками кампании, которую я решила не прерывать; в итоге состоялась спонтанная фокус-группа. В качестве вспомогательного материала использовались публикации в СМИ и наброски для книги Веры Дронник, посвященной борьбе с химзаводом.

В первую очередь меня интересовало, каким образом оказался возможным успех кампании: в конце 2000-х общим местом стало признание слабости гражданского общества в России. А тут село, провинция, глубинка (впрочем, по российским масштабам 350 км до Москвы — это почти рядом); сельские жители (поначалу) без какой-либо поддержки экологических организаций выступают против промышленного предприятия, которому региональные и районные власти должны были давать (и давали) «зеленый свет». Во-вторых, я хотела понять, какое влияние оказала эта

борьба на мировоззрение ее участников и на общественно-политическую жизнь района, а также осталось ли что-то от того объединения, которое сложилось в ходе борьбы.

Несколько слов о социально-экономическом контексте сасовского противостояния. Сасовский район не слишком сильно удален от крупных городов, областной центр (Рязань) находится в 180 км от центра района — города Сасово. Несмотря на плодородные почвы, сельское хозяйство в упадке и дает очень незначительные доходы для бюджета района. Еще в 1928 году в селе Нижнее Мальцево был построен небольшой химический завод, который производил технический спирт, эфиры, растворители, валерьянку. Он был основным местом работы для местных жителей (примерно 150 работников в 1990-х — начале 2000-х годов при населении села около 1000 человек), как бы «градообразующим» предприятием села — источником официальной социальной поддержки и неформальных материальных благ.

> Этот завод, например, был не частный, а государственный, и они с этого завода... например, нужно штакетник — им штакетник давали, нужен там чего-то материал какой-то — им материал давали, а которые приближенные — они всем пользовались. Они думают и сейчас: «Вот этот завод, без завода мы пропадем (*Виктор Коломенский, 54 года, активист села Нижнее Мальцево*).

Оборудование и цеха химзавода, многие годы не обновлявшиеся, обветшали и пришли в упадок, технологии использовались примитивные, отходы сливались в ближайший пруд без всякой очистки. По словам активистов, в 2000-х годах на предприятии стали производить более опасные химические вещества, поскольку изменилась технология производства растворителей — она была заменена на более дешевую, но более «грязную»; и выбросов в окружающую среду тоже стало больше.

Новое производство фенолформальдегидных смол (владелец — ООО «Новое») должно было разместиться на промышленной площадке действующего предприятия (владелец — ООО «Химический завод Нижне-Мальцево»), всего в пятистах метрах от окраины села. Как утверждают активисты-экологи, владельцы планировали создать мощный химический комплекс на нескольких гектарах земли. Но сбыться этим планам не было суждено.

Географическая локальность проблемы сложна для однозначного определения. В наибольшей степени проблема затронула село Нижнее Мальцево. Администрация занимала нейтральную позицию по отношению к действиям экологов, а мнения населения разделились. Многие поддерживали выступления против строительства завода по производству фенолформальдегидных смол, но когда Комитет «За экологическую безопасность...» стал бороться за закрытие старого химзавода, симпатии общества оказались скорее на стороне заводчиков.

Второй уровень локальности — ближайшие сёла Аладьино и Сотницыно, расположенные в 2–3 км от старого и нового заводов. Сотницыно гораздо крупнее остальных сел (около 2000 жителей) и при этом подвержено влиянию еще двух предприятий-загрязнителей. Именно в Сотницыне зародилось экологическое движение. Село Любовниково и город Сасово расположены еще дальше (в 15–20 км), но их жители полагали, что влияние строящегося завода распространится и на них. Кроме того, Сасово — безусловно, центр общественной и политической жизни района.

Значительная часть населения проживала вдалеке от нового химического производства, но все-таки высказалась против его строительства. И на этапе проведения референдума решающую роль сыграло мнение жителей всего района, так как Сасовский район был административной единицей, где шел подсчет голосов.

Город Сасово и ближайшие села стали основными территориями для агитации населения и публичных акций. В Рязани располагались оппоненты экологов: губернатор и его аппарат, а также надзирающие инстанции, областные суды, редакции СМИ, представительство партии «Единая Россия» и т.д. Поэтому протестующие и там проводили публичные акции и круглые столы, вели активный поиск сторонников.

Основным лоббистом строительства нового производства стало руководство Рязанской области. Какие у него имелись мотивы — можно только предполагать. Публично высказываемых аргументов «за» было два: предприятие должно обеспечить дополнительные поступления налогов в бюджет области и дать новые рабочие места. В 2007 году между губернатором Рязанской области Георгием Шпаком и руководством Нижнемальцевского химического завода было подписано соглашение, в котором власть обязалась содействовать появлению нового предприятия. И два следующих года областные власти делали для этого все от них зависящее. Только в январе 2009-го, под влиянием широкой публичной кампании экологических активистов, новый губернатор Олег Ковалёв расторг это соглашение.

К 2007 году значительную часть производств на старом химзаводе свернули: по всей видимости, его хозяева собирались получать прибыль от нового производства фенолформальдегидных смол. Надеялись устроиться туда и многие уволенные работники. Однако, по утверждению экологов, надежды эти не могли оправдаться, так как новое производство — высокотехнологичное и автоматизированное, оснащенное современным оборудованием — требовало специальных знаний, которыми местные сельчане не обладали. Экологи были уверены, что на новом предприятии станут трудиться вахтовым методом рабочие из Нижегородской области, и использовали это как аргумент против его пуска. На старом химзаводе к 2007 году

работало всего около двух десятков местных рабочих; их зарплаты составляли 5000–6000 рублей, и вклад его в районный бюджет тоже был символическим. Большинство жителей трудоспособного возраста были заняты либо в сфере обслуживания, агрофирмах района и промышленных предприятиях Сасова, либо работали вахтовым методом в других регионах России.

Руководители и формальные владельцы нового и старого химзаводов с 2007 по 2011 год менялись примерно семь раз. Кто является реальными хозяевами, активистам установить так и не удалось. Эти предприятия были зарегистрированы как разные юридические лица, но по одному адресу и работали в тесной связке: оборудование перемещалось из старого цеха в новый и обратно, их соединял трубопровод для перекачки химических веществ. А смена руководства и собственников требовалась для того, чтобы уйти от ответственности, запутать экологов и следственные органы при рассмотрении дел в судах.

Кампания против химзавода: основные вехи

Высокой гражданской и политической активностью Сасовский район не отличается, активисты не упоминают даже о протестах во время монетизации льгот 2005 года, когда во многих российских регионах отмечался подъем протестного движения. Небольшие уличные акции прошли в 1999 году, когда жители одного из микрорайонов Сасова выступили против строительства бензоколонки. Кроме того, до конца 2000-х в районе довольно активно действовало отделение КПРФ.

Кампания против пуска производства фенолформальдегидных смол стала ключевым событием в общественной жизни района. Местные жители узнали об этих

планах в июле 2006 года, когда решение уже было принято «в верхах». Инициаторами борьбы стали жители поселка Сотницыно и лично Вера Дронник, будущий лидер экологической кампании. О намеченном строительстве ей рассказала дочь — сотрудник фирмы в Рязани, выполняющей экологические экспертизы проектов. А к активным действиям людей подтолкнули несколько случаев смерти от рака молодых жителей Сотницына и обнаружение рака 4-й степени у двенадцатилетней девочки, соседки Дронник. В Сотницыне расположены сахарный и дрожжевой заводы — они небольшие, но с устаревшим оборудованием (и практически без очистных сооружений). К их негативному влиянию добавлялось воздействие Нижнемальцевского химзавода.

Кампания началась в феврале 2007 года со сбора подписей. Вера Дронник рассказывает:

> У нас в селе возник штаб, где писались листовки, составлялись обращения к гражданам, разрабатывался подписной лист для выражения протеста против строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол.

Одновременно шел сбор денег для лечения заболевшей раком девочки, но спасти ее не удалось.

За два месяца активисты собрали и передали в органы власти около пяти тысяч подписей, но никакого понимания у районных властей они не встретили. В апреле 2007 года по инициативе городской Общественной палаты была создана экологическая комиссия, куда кроме членов палаты вошли депутаты гордумы, а позже и районной думы. Однако работа комиссии никаких результатов не дала. Тем временем наиболее активные жители создали общественное движение «За экологическую безопасность жителей г. Сасово и Сасовского района»; его исполнительным орга-

ном стал Комитет с тем же названием[1]. Первым публичным мероприятием, на котором была поднята тема нового химзавода, стал традиционный митинг КПРФ в Сасове 1 мая 2007 года.

Описание всех перипетий, перенесенных жителями и химзаводом, заняло бы десятки страниц, поэтому мы обозначим только основные вехи.

С весны 2007 по декабрь 2011 года активисты организовали десятки публичных акций, пресс-конференций, круглых столов; вели разъяснительную и агитационную работу среди населения; привлекали экспертов; подали десятки (если не сотни) исков в суд, заявлений и обращений в прокуратуру, Ростехнадзор, Президенту и в другие инстанции. 2 марта 2008 года в Сасовском районе состоялся референдум о строительстве нового производства — событие уникальное для современной России! Как правило, власти создают непреодолимые препоны для проведения каких-либо референдумов по инициативе жителей или общественных организаций. 6 марта 2008-го Сасовский районный суд вынес решение о запрете строительства нового завода. (Правда, его строительство было успешно завершено, и еще два года понадобилось на то, чтобы добиться демонтажа оборудования и полного сноса зданий.)

Пик протестных действий пришелся на лето 2008 года, когда рядом со строящимся химзаводом в Нижнем Мальцеве был выставлен экологический лагерь движения «Хранители радуги». Самый массовый митинг жителей около предприятия собрал тогда около 700 человек. Церковная община организовала крестный ход вокруг завода. Участники митинга прорвались на его территорию и с крыльца выступали с речами.

---

[1] Далее Комитет «За экологическую безопасность жителей г. Сасово и Сасовского района» мы будем называть «Комитет», общественное движение «За экологическую безопасность жителей г. Сасово и Сасовского района» — «экологическое движение».

Важным фактором в пользу экологической кампании оказалось то, что эти химические производства окружены со всех сторон активно используемыми землями сельхоз назначения. А на расстоянии менее одного километра находится крупный элеватор со стратегическим запасом зерна. Руководство сельхозпредприятий и собственники земельных долей опасались, что в случае пуска нового завода по производству фенолформальдегидных смол спрос на их продукцию существенно сократится.

Активисты сделали все возможное, чтобы вынести проблему на федеральный уровень — учитывая значимость влияния вышестоящих (федеральных) структур на нижестоящие (областные). Вера Дронник выступала на заседании профильного Комитета в Госдуме; участники движения «Хранители радуги» провели в Москве две акции на тему химзавода. Сочувствующие нашлись среди известных экологов: академик Алексей Яблоков и доктор химических наук, председатель Союза за химическую безопасность Лев Федоров. Проблемой заинтересовались федеральные СМИ; начали помогать юристы из «Гринпис» и правозащитной организации «Экоюрис». Планировалось при необходимости выйти и на международный уровень — в частности, обратиться в Страсбургский суд по правам человека. По мнению активистов, именно освещение конфликта в федеральных СМИ вынудило рязанские власти отказаться от поддержки строительства завода по производству фенолформальдегидных смол в Нижнем Мальцеве.

После демонтажа здания нового предприятия (2010) начался второй этап кампании — за закрытие старого химзавода. Экологи добиваются этого до сих пор, так как уверены: в его цехах предпринимаются попытки выпускать формальдегид (безусловно, в меньших масштабах, нежели планировалось), так как производство растворителей (чем химзавод занимается официально) уже нерентабельно. Возможности

контроля над производством отсутствуют не только у общественности, но и у надзорных органов: сменяющиеся с калейдоскопической быстротой директора завода не выполняют предписаний Ростехнадзора, не пускают его инспекторов на территорию. Суд уже признал грубейшие нарушения требований промышленной безопасности, санитарных и экологических норм на предприятии, но добиться его закрытия активистам пока не удалось.

> В день последнего судебного заседания областной инспектор Ростехнадзора прислала акт проверки, указав на тринадцать нарушений. Причем таких нарушений, при которых нельзя вообще работать. Железнодорожная эстакада — это место, куда привозят промышленный яд — метиловый спирт. Там должна быть обеспечена полнейшая безопасность. Однако в акте содержится информация, что эстакада построена самовольно, никаких разрешительных документов нет. Место, где готовая (взрывоопасная!) продукция сливается, также является самовольной постройкой. Полбеды, если бы спирт у них был пищевой. А то ведь яд... Перепугавшись нашего суда, инспектор по своей инициативе на шестьдесят дней закрыла эстакаду. Но они не обращали внимания на запрет, продолжали работать. Затем она пыталась в суде приостановить все производство. Хотя ей суд и отказал (там какие-то формальные зацепки: не так она протокол составила), она нам очень помогла... (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Второй этап кампании не получил столь же массовой поддержки. Во-первых, к старому химзаводу местные жители привыкли, и он не кажется им таким опасным, как новый (совсем другие масштабы). Далеко не все согласны с мнением активистов, что на нем производят формальдегид, так как считают это технически невозможным.

Во-вторых, около десяти жителей Нижнего Мальцева, работающих на заводе, обвиняют экологов в попытках лишить их рабочих мест. В-третьих, общее снижение интереса к проблеме и активности с течением времени вполне закономерно.

Сейчас кроме судебных дел по старому химзаводу сасовские активисты занимаются и другими местными экологическими проблемами: дрожжевым и сахарным заводами в Сотницыне, загрязнением реки Сасовки. А в конце 2011 года они начали собирать информацию о строительстве в городе Сасово дата-центра компании «Яндекс», в безопасности которого также сомневаются.

Люди и цели: мотивации и мобилизации

> Самое в нашей истории удивительное и ценное, что мы узнали друг друга, и теперь мы уже не можем спокойно и равнодушно жить друг без друга.
>
> (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*)

Понятие *люди* — одно из самых употребляемых сасовскими активистами. Это понятие они используют, и когда говорят о том, ради чего борются с заводом, и когда называют наиболее важных акторов всех процессов (люди — в противовес структурам, формальным правилам, государственным институтам). Участники движения нередко рассказывают об уникальных личностных качествах отдельных персоналий, подчеркивая значимость вклада каждого заинтересованного человека.

Люди, их здоровье, возможность растить здоровых детей, дышать чистым воздухом — вот цель кампании.

Все люди-то все больные в деревнях. Уж здорового человека-то никого нету. А смертность какая! (*Лидия Илюшина, 62 года, участница экологического движения*).

Люди, с точки зрения сасовских активистов, могут многое сделать, если захотят. Эта уверенность — основная движущая сила кампании. Ее участники воодушевляют друг друга на действия, помогают морально в трудных ситуациях. Что неудивительно: в российских условиях, когда система принятия решений во властных инстанциях только формально предполагает участие населения, когда отсутствует инфраструктура для самоорганизации и публичной деятельности гражданских инициатив, главным «ресурсом» общественных кампаний становятся люди.

Я очень рада что со всеми этими митингами я встречалась так много с людьми — со светлыми умами встречалась (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладыне*).

У них там химические отходы где-то там захоранивали... с кем-то там, с немцами или с кем-то. И ничего не могли сделать. Я рассказываю, как мы организовали на три района. Он не верит. Я говорю: у вас просто таких людей не было. Вы организовали 10-тысячный митинг и остановились. Мы-то не останавливались (*Виктор Коломенский, 54 года, активист села Нижнее Мальцево*).

Кузьмина, она возглавляет Общественный центр независимой экологической экспертизы. Сначала все законы по референдуму... они нам были нужны: мы же ничего не знали. Митинги организовывать, пикеты; она подавала заявки в администрацию. Мы только приезжали (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Люди противопоставляются бездушным *структурам*, которые ограничивают действия активистов. Какую бы должность ни занимал человек, каким бы «статусным» ни был — ему приходится делать выбор: кто-то помогает движению, а кто-то становится его противником. Зачастую активисты, упоминая ту или иную организацию, сразу говорят о конкретном человеке, с которым им пришлось столкнуться.

> Про ЛДПР я не сказала. Возглавляла Королева, она всегда нам помогала деньгами. А сейчас там бывший директор химзавода. Тут дело не в партиях, а в людях, которые в партиях (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

> Замечательная женщина была, Серафима Михайловна, в избирательной комиссии; она нас так выручала. Мы же этой всей процедуры не знаем, она нас предупреждала: вот тут, девочки, аккуратнее, вот здесь можно неправильно заполнить. Там ведь можно забраковать на любом этапе наши подписные листы (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

> Нам благоволили. Потому что одно дело начальнику сказать, что «я против того, что мы делаем», допустим... Ну, их заставляли просто всех... Заставляли либо молчать, либо нам отказывать, нигде не выступать, в общем, нос не высовывать. Ну, они нам все равно все помогали так, неофициально, так, потихонечку (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

Более того, действия в соответствии с определенными правилами или законодательными нормами часто противопоставляются поступкам «по совести».

> Как там фамилия нашего судьи? Корбусов. Его мать умерла от рака. Он бы хоть памяти матери был бы верен. Если он

боится, что его снимут с работы, — хоть бы нейтральную позицию держал (*Татьяна Индеева, 62 года, участница экологического движения*).

Татьяна считает, что районный судья выносил необъективные, явно «спущенные сверху» решения по заводу. Она понимает, что судья (вопреки декларируемой независимости судебной системы) зависит от руководства и не хочет потерять работу, но все же уверена, что он обязан делать все возможное в рамках своих полномочий. То есть, с одной стороны, судья — это человек-функция и обязан выполнять указания начальства. С другой — он должен оставаться человеком и даже в неблагоприятных условиях действовать по совести. В качестве главного аргумента активистка использует эмоционально нагруженную тему — память матери.

Активисты используют также понятия *народ, горожане, сельчане, жители, малая родина, свои*. Очевидно, что это — синонимы понятия *люди*, которые используются для расстановки тех или иных акцентов. *Народ* означает сообщество, сплотившееся ради определенной цели, и предполагает некоторый пафос высказывания. Понятия *сельчане, жители* используется либо нейтрально, для обозначения живущих в отдельном селе или вообще в районе, либо для противопоставления местных и приезжих (в нашем случае это особенно актуально, так как руководство завода и рабочие на его строительстве не были местными). Еще один вариант их употребления: необходимость подчеркнуть, что совместно выступили обычные люди, не вовлеченные ни в какие структуры.

Народ может все, если захочет. Воля сельчан и горожан была просто поразительная, это уникальный случай в современной России (*Владимир Хомяков, 56 лет, участник экологического движения*).

Татьяна у него благословение взяла, они ходили крестным ходом каждый день вокруг Сотницына целый год, а она там со своими целый год ходила. Они денно и нощно читали Псалтырь. Не только за людей, а, как говорится, и за нашу малую родину (*Татьяна Индеева, 62 года, участница экологического движения*).

Ну и вот началось тогда вот под моим руководством, со стороны депутатов. Вот и Людмила Григорьевна Мусариева тогда мне впервые и сказала, что этим вопросом на том уровне, на уровне жителей, тоже давно уже занимаются. Там занимается этим Дронник Вера Михайловна (*Людмила Белихина, 59 лет, член Комитета*).

Если рассуждать теоретически и попытаться применить концепцию Лорана Тевено, то активисты Сасовского движения, очевидно, находятся в режиме близости, т. е. активизируются, исходя из особенного отношения к одомашненному и близкому окружению. Это замечание может быть верным для большинства участников движений, описываемых в этой книге, однако еще ярче привязанность к близкому миру выражена в случае именно с сельскими активистами. Природа намного ближе сельскому жителю, чем городскому, чей окружающий мир состоит в основном из объектов промышленного производства. Поэтому покушение на природу (загрязнение окружающей среды или его угроза) чувствуется на селе острее и вызывает больше возмущения и опасений, а это, в свою очередь, может привести к поломке в режиме близости и вовлечь человека в общественную деятельность (публичный режим, в терминах Тевено). Неприятный запах в воздухе, неестественно пенящаяся вода в речке, визуально наблюдаемые сливы промышленных отходов — эти явления наблюдаются лично, о них известно от соседей и родственников.

Они ж куда сливают! Я ехала... Это когда еще начиналось. Охранником он работал. Нинки, что ли, Безруковой дочка говорит: он там охранником работал. Стали пробовать, и рыба сразу вверх брюхом. Спускали же они. Кто знает, там что. ...Весна, например: листочки, ягоды, земляника, смородина... Всё! Всё нам [природа] дает. Ну как же мы хотим все это уничтожить? Все прекрасное. Своими руками! (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*)

Еще одна поломка происходит в случае возникновения проблем со здоровьем — у себя, у близких, у соседей. Стремление оградить себя от негативного воздействия загрязнений усугубляется негативным опытом получения медицинской помощи, уровень которой на селе очень низок.

А я третий год, не имея здесь никаких автомобильных магистралей и химических заводов, болею бронхитом. И когда я пошла в прокуратуру, они такую там фигню написали, что с 1928 года этот завод действует, и все расписали. А вот я нигде не учитываю свою болезнь. Конечно, я лечусь частным образом, знаю, что меня не вылечат (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

На формирование костяка экологического движения ушло около года. Большинство участников уже не могут не помнить, как они узнали о строительстве завода по производству фенолформальдегидных смол. Очевидно, это «узнавание» было многоступенчатым: например, сначала увидели котлован, потом услышали от соседей, потом прочитали постовку на митинге. И те, кого эта новость зацепила, включились в протестную кампанию.

Наиболее деятельным (тем, кто и пять лет спустя поддерживает движение) свойственно экологическое мировоззрение: оно строго индивидуально, но у всех ярко выражено и построено прежде всего на негативном личном опыте,

на опасениях за своих детей и внуков, на несомненной, с точки зрения активистов, связи между выбросами и плохим здоровьем. В каком-то смысле их цели можно считать прагматическими. Но нередко люди называют такие ценностные основания, которые не имеют никакого прагматического смысла. В большинстве случаев прямо говорится о необходимости защиты природы как самодостаточной ценности и отстаивании общего блага.

> Сахарный завод. Нет, ну там стоят какие-то очистные у нас, но насколько они уж работают хорошо, я не знаю, а вообще-то стояли. Сахарный завод — пожалуйста, дрожжевой завод — пожалуйста. Вот уже сколько! А она, речка, здесь только началась. А что дальше? Она впадает в Оку. А по Оке сколько городов стоят и пьют эту воду! ...Я, например, против даже того, что вот ёлки рубят — мне жалко. Ставят на Новый год. Для чего, зачем губят? (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

> Ну а по стечению обстоятельств встретилась здесь с такими же инициативными людьми, которые так же относятся к своему краю: с любовью, с бережным отношением, ради поколений грядущих, я только так это понимаю (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

Некоторые участники кампании были раньше знакомы (вместе работали или учились, жили неподалеку и т. п.), другие познакомились, только начав заниматься проблемой завода. Судя по всему, с установлением контактов проблем не было: люди на селе больше общаются, круг их знакомых шире, чем в городе (видимо, в том числе потому, что там нет такого типичного для города времяпрепровождения, как посещение кино, концертов, спортивных мероприятий и т. д.). На селе до определенной степени сохранилась культура «соседства и общинности», когда здороваются

друг с другом и знакомые и незнакомые, двери в домах не запираются и повседневная жизнь протекает на виду у соседей. Относительная малонаселенность деревень приводит к тому, что интерес и внимание вызывает каждый человек, и, как следствие, информированность об образе жизни и интересах каждого выше, чем в городе. Это способствует большему социальному контролю и более доверительным отношениям на селе: общеизвестно, что доверие выше к члену того же коллектива, чем к индивиду, с которым человек не связан никакими социальными отношениями.

В инициативную группу противников завода вошли прежде всего образованные люди, интеллигенция: в интервью упоминаются учителя, врачи, лаборант больницы, депутаты, предприниматели. Среди жителей, до сих пор участвующих в деятельности Комитета, есть как пенсионеры (бывший ветеринар, бухгалтер, журналист, учитель, работница химзавода и др.), так и работающие (охранник, учитель, библиотекарь, экономист). Очевидно, что по сравнению с необразованными жителями сельская интеллигенция обладает бóльшими ресурсами для того, чтобы инициировать общественную кампанию: прежде всего это навык работы с информацией и документами, представления о структуре власти и инструментах влияния на нее, способность освоить новую сферу деятельности («бумажная война» с чиновниками, обращения в суд, взаимодействие с журналистами).

Активисты почти сразу стали испытывать давление «сверху» (от работодателей, милиции, муниципальных и областных властей). Им угрожали увольнением, нанесением ущерба имуществу, физическим насилием; их пытались опорочить в глазах населения. Для одних это стало причиной ухода из движения. Другие продолжали ему помогать, стараясь не афишировать свою поддержку. Третьи были менее уязвимы в силу статуса (пенсионеры или работающие за пределами района). Четвертые решили для себя, что проблема

химзавода для них важнее, чем опасность потерять работу или подвергнуться другим формам давления.

> Социолог: А вам грозили увольнениями?
> Да, много раз. Я очень благодарна директору нашему, который с пониманием относится к моей деятельности (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

> На радио Вера Михайловна постоянно выступает. И давят сейчас меньше, видят, что все мы это озвучиваем. Нам угрожают, а мы не стесняемся про это сказать. А в открытую они не хотят... (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

> Сплетни, конечно, были: что мы за плату работаем, что Вере Михайловне вообще миллионы платят, что она дочери квартиру в Рязани купила и два магазина ещё в придачу. ...Тогда это было, когда лагерь стоял. Бандитов [привезли], и драка была[2] (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

На примере Сасовского движения хорошо видно, что для вовлечения индивида в активную деятельность требуются два условия. Во-первых, личная заинтересованность в проблеме, вовлеченность в нее; во-вторых, ощущение «уполномоченности» на ее решение[3].

В сасовском случае проблема значима для тех, кто любит природу, заботится о своем здоровье и испытывает чувство «приверженности» своей малой родине. Здешние активисты не рассматривают возможность смены места жительства

---

[2] Подобных примеров достаточно много, но привести их в этом тексте мы не можем, так как активисты опасаются возобновления давления.

[3] *Уполномоченность* в смысле англоязычного понятия *empowerment* (*букв.* — придание внутренней силы): чувство наделённости властью, правом что-то делать, на что-то влиять.

в принципе. Это не значит, что все «неприверженные» собираются уехать. Но активисты выражают в интервью особенно теплое отношение к окружающему их миру, природе, селу, людям, которые живут рядом. И поражаются, если кто-то относится ко всему этому безразлично.

> Я хочу тут жить, мне некуда бежать. ...Охота, чтобы мои внучатки тут жили. Они тут родились. На них, как видишь... они хорошо бегают, играют. Охота, чтобы они жили, были здоровенькие. Не болели (*Лидия Илюшина, 62 года, участница экологического движения*).

> Уезжать? Но почему мы должны сниматься с насиженных мест, как сказал муж? Здесь — наша родина. Как это бросить всё, что нажито, сделано своими руками? Возраст уже не позволяет начать с нуля. Так никакой жизни не хватит (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

> Этих нижнемальцевцев [владельцев завода] сколько гоняли — с Мордовии, с Касимова. Почему те любят свои места, почему те любят свое население — почему наши [власти] настолько продажные?! (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

Уполномоченность, так же как и *приверженность*, — исключительно субъективное ощущение, обусловленное особенностями личности и биографии человека. Запросто ответить, почему у одних людей есть эти чувства, а у других нет, невозможно. Анализ биографических интервью в рамках исследований социальных движений позволяет сформулировать ряд гипотез, но, в силу сложности темы, они так и остаются гипотезами.

Уполномоченность участников сасовской кампании, большинство из которых женщины, проистекает прежде всего из чувства ответственности за детей: за своих и за детей

вообще. Материнство — социальная роль, однозначно признанная в российском обществе как наиболее важная для женщины и даже в определенном смысле «обязательная», – создает условия для возникновения сообществ «матерей». (В данном случае это слово взято в кавычки, потому что дети активистов могут быть уже взрослыми и даже жить в другом регионе; но так как сообщество играет роль «коллективной матери», личная семейная ситуация конкретного человека становится неважна.)

> Строят у нас ледовый комплекс, бассейн — это все на радость людям. А какая радость, если в семье дети болеют! Если люди, не дожив до пятидесяти лет, умирают... (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

> Мы не можем дать детям такого уж ахового образования. Впрочем, вот старший в Москве учится, нормально поступил. Мы хотели дать хотя бы чистый воздух. И тут какие-то приехали и отнимают его у наших детей! Вот это для нас стимул мощный (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Значимой причиной для участия в протестной кампании становится опасение за свое здоровье в сочетании с опасением остаться без адекватной медицинской помощи.

> Кому-то деньги, а кому-то здоровье. Нам лечиться... По нашей пенсии только йод можно купить и зеленку (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

Важно и упоминавшееся выше экологическое мировоззрение, в том числе образ села как экологически чистого, красивого и приятного для проживания места.

> Как это — «лично почему»? Да потому, что живём в деревне, и вдруг вот так — ни подышать свежим воздухом, ни воды

чистой нет, ни искупаться летом. За детей страшно, за будущее страшно (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

Кроме того, обостренное чувство социальной несправедливости (точнее, трактовка определенной ситуации как несправедливой) и последующая социальная активность нередко возникают в связи с резкими изменениями в жизни человека, вызванными внешними факторами. Некоторые участники кампании упоминают о своем переезде в Сасовский район из других регионов бывшего СССР как о значимом событии. Среди наиболее активных трое — переселенцы. Переезд сформировал у них особое отношение к новой родине, преимущества которой они оценили и с недостатками которой им пришлось свыкаться уже в зрелом возрасте. Это событие продолжает влиять на их мировоззрение даже десятилетия спустя. Среди основных тем интервью с этими активистами присутствуют две: защита малой родины и противопоставление себя местным, которые не хотят бороться с химзаводом.

Приехала сюда из Баку в девяностом году. И полюбив этот край как свое родное... Наверное, это чувство меня и подтолкнуло на то, что я видела, как люди, в том числе руководители, чиновники, каждый из них вносит продажную лепту в то, чтобы загадить это место, которое меня приютило. Оно для меня дорого (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

Для лидера инициативной группы Веры Дронник, ветеринара по профессии, переломившим жизнь событием стало отравление на рабочем месте параформом, который по чьей-то ошибке оказался не той концентрации.

У меня вторая группа инвалидности, я отравлена параформом, формальдегидной группой, десять лет на группе. Я долго не могу говорить — сухость в горле. Два раза был отек глотки.

Социолог: А ветеринар — вредная профессия?
Да, до старости не доживают или инвалиды. В основном у всех рак (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Еще одним событием, превратившим эту пожилую женщину, любительницу вязания крючком, мастера художественного творчества, в активистку, стала трагедия с соседской девочкой Машей Татьяниной, которая заболела раком.

Социолог: А когда начали экологическими проблемами заниматься?
Когда начали дети от лейкоза умирать, в 2007 году с зимы, примерно январь—февраль.
Социолог: Откуда вы узнали о проблеме рака?
Вот через стенку, у соседки внучка заболела бластомикозом, рак, онкология, 4-я степень. Это все от грибка. В двенадцать лет заболела. И еще трое детей умерли от рака крови в Нижнем Мальцеве (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Несмотря на плохое состояние здоровья, Дронник создала инициативную группу под названием «Защитим будущее наших детей», чтобы собрать деньги на платные медицинские услуги. Речь о полностью платной операции даже не шла — на сбор таких денег активисты не надеялись, но они рассчитывали отправить Машу Татьянину в московский онкологический диспансер. Девочка оказалась в очереди на получение высокотехнологичной медицинской помощи, на которую в России выделены квоты, и их часто не хватает. Видимо, поэтому она так и не попала в Москву.

Мы оформили кучу документов и отправили [Машу] в Москву. Требовался ещё один — направление в Москву от областного отдела здравоохранения. И здесь — отказ! Сказали, что нужно ждать своей очереди. А счет уже шел

на дни. Вот уж правда: где начинается чиновник, там начинается бездушие (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Вскоре после этого Вера Михайловна узнала от своей дочери о планах пуска опасного химического предприятия и стала искать тех, кто готов помогать ей в борьбе. Так был создан Комитет «За экологическую безопасность г. Сасово и Сасовского района». Уже более пяти лет Дронник — благодаря своему неиссякаемому оптимизму, упорству и вере в собственные силы — остается его бессменным лидером и главным «мотором».

Однако вклад других участников кампании тоже велик. Значительную часть бумажной работы (запросы, иски, переписку с экспертами) взяла на себя Екатерина Арутюнян — завуч сельской школы и учитель русского языка и литературы. Ее деятельности бывшее руководство района пыталось препятствовать через угрозу увольнения. Самый активный мужчина в Комитете — Виктор Коломенский, житель Нижнего Мальцева. С самого начала сасовской кампании он агитирует жителей села, участвует в судебных заседаниях и акциях протеста. Работой с населением и организацией мероприятий занимаются и многие другие активисты: жительница Аладьина Абидат Колебаева, библиотекарь из села Любовниково Наталья Баканова, поэт-сасовчанин Владимир Хомяков, жительницы Сотницына Татьяна Индеева, Наталья Широкова и Лидия Шишкарёва, депутат городской думы г. Сасово Людмила Белихина.

Важную роль для включения индивида в социальную активность играет предыдущий опыт — неважно, в рамках «официальных» общественных структур (профсоюзов времен СССР, комсомола, партийных организаций постперестроечной России и т.д.) или в неформальных инициативных группах (протестных, благотворительных, соседских сообществах, кружках по интересам). И что тут

первично — ценности и установки, которые притягивают человека к любой доступной ему форме активности, или уже полученный опыт, который задаст определенную линию поведения на будущее, — сказать сложно.

В середине 2000-х в селе Любовниково действовала инициативная группа, которая добивалась приватизации ранее предоставленного совхозом жилья. Две активистки Сасовского экологического движения — Екатерина Арутюнян и Наталья Баканова — принимали участие и в деятельности этой группы.

Большинство сасовских активистов в последние годы не занимались никакой общественной деятельностью, однако тот или иной активистский опыт имеется у многих: один был секретарем комсомольской организации, другой — председателем профсоюзной ячейки, кто-то пел в хоре или отстаивал интересы семьи еще при советской власти. Например, Вера Дронник в 1980-е годы, до болезни, была секретарем партийной организации сельхозпредприятия.

> Где я только не работала. И всё на общественных местах. Бухгалтером была, председателем профсоюза была в хозяйстве, когда ещё работало. А так, ну, все общественные мероприятия на мне были, практически на мне были официально и неофициально. До профсоюза — неофициально: все вот эти новогодние огоньки, ещё что-либо организовывали. А потом председателем выбрали (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

> А внутри сидит с детства. Я не люблю, когда нас обманывают, когда считают за дураков. Я в профкоме работала в университете, я студенткой уже привыкла: вот это наши права — выпь да положь нам эти права. (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*)

Репертуар коллективных действий Сасовского движения

Борьба с химзаводом велась преимущественно по двум направлениям (таким образом действуют активисты практически всех движений), причем у каждого появился свой лидер. Правовыми вопросами занялась Екатерина Арутюнян, агитацией населения и публичными акциями — Вера Дронник. Кроме того, они привлекали экспертов, чтобы придать больший вес своим заявлениям — как в ходе публичных акций, так и в суде, и вообще всех возможных союзников: местных жителей, органы власти, общественные и политические объединения.

Установка на открытость и сотрудничество — одно из самых ярких впечатлений от общения с активистами. С одной стороны, у них была уверенность, что им все должны помогать: проблема-то общая, касается каждого жителя района.

> Я задумала создать движение, работающее по типу лавины: вокруг основного костяка активистов собирать и собирать людские силы, а когда их будет достаточно, обрушить всю мощь на головы химических бизнесменов, региональную и районную власти. Против лавины не устоит никто (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

С другой стороны, инициаторы борьбы прекрасно знали, насколько пассивно население района, и потому массовая поддержка, которую они получили, заставляет их удивляться до сих пор. Отчасти победа над химзаводом воспринимается как чудо.

Общность жителей, выступающих против строительства завода, решено было назвать движением. К нему причисляются все, кто разделяет цели этой общности; как такового членства или процедуры приема не существует. Фактически активисты называют движением совокупность

тех, кто поддерживает их в той или иной форме. Наиболее активные жители входят в Комитет «За экологическую безопасность г. Сасово и Сасовского района», который считается исполнительным органом движения. Однако ни конференций, ни съездов, ни других мероприятий, на которых движение могло бы нечто делегировать Комитету, выработать цели или принять какие-либо решения, никогда не было. Ни движение, ни Комитет не зарегистрированы как общественные объединения, хотя у движения есть устав, легитимирующий его существование. А Комитет, по сути, является постоянно действующей общественной организацией — с фиксированным членством, процедурой принятия решений, сформулированными целями и публичным представительством.

Сначала в Комитет входили двенадцать человек, и среди них были представители городской и районной дум. Участия местных органов власти в деятельности экологического движения добивались сами активисты — в самом начале, в 2007 году, это было основное направление их деятельности. Однако представители власти лишь формально присутствовали на заседаниях и в конце концов просто перестали их посещать. Численность Комитета уменьшилась до девяти человек и с тех пор не меняется (хотя его состав за прошедшие пять лет частично изменился). По словам Дронник, если Комитет расширить, слишком сложно станет собирать кворум и принятие решений будет затруднено.

В борьбу с химзаводом вовлечено множество акторов, однако говорить о существовании в Сасовском районе коалиции (организаций, инициативных групп, органов власти, отдельных граждан и т.д.) не приходится. В 2008 году активисты попытались создать коалицию из органов власти и руководства сельхозпредприятий трех соседних районов, но это содружество просуществовало недолго.

На всех этапах кампании центральную и принципиально важную роль играл Комитет: объединял вокруг себя

заинтересованных лиц, был получателем помощи, вел организационную работу. Заметим, что лидер Комитета Вера Дронник отрицает значение своего вклада в организацию массовых акций.

> Я даже ничего не организовывала, сами люди. Сельхозпредприятия, школьные автобусы. Партии приезжали: «Единая Россия», «Молодая гвардия» и КПРФ.
> Социолог: А как они узнавали? Из листовок?
> Да (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

На самом же деле активисты Комитета вели огромную и постоянную работу.

> Если будет фенолформальдегидное производство, сельское хозяйство почти что уничтожается, потому что у нас производят свеклу и сахар, а тут зона — 5 километров — отчуждения. Никто бы не стал брать продукцию. Элеватор вообще 500 метров. Всё поля. Только рапс какой-то, технические культуры. Директора совхозов не захотели менять севооборот. Они еще не поняли, какой это смысл для человека, что будешь умирать, но ущерб для хозяйства... Что будут неудобными огурцы, помидоры, картошка.
> Социолог: Директора были на вашей стороне?
> Не сразу. Не понимали. Их тоже агитировала. Говорили: у них же будут очистные, должны. Вот я им доказала, что никакой защиты нет. Вот с этим проектом, который нам выдали, я ездила самолично к Федорову... (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Все активисты очень быстро освоили доступные для современных социальных движений практики (мобилизацию населения, акции протеста, суды, жалобы и обращения, привлечение союзников и т.д.), а также выяснили методом проб и ошибок, — какие из них эффективны,

а какие — пустая трата времени. Поняв, как власти реагируют на те или иные акции, они начали давить на болевые точки. Например, одним из самых уязвимых мест противника — представителей органов власти — являются публичные конфликты.

> Все на цырлах прыгают, боятся, как бы я чего не вытворила. А больше всего боятся пресс-конференций открытых митингов — до заикания (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).
>
> Социолог: А «Хранители радуги» какую роль играли?
>
> Они... именно были «трибуной». Озвучивали, вот, что в Сасовском районе проводится лагерь протеста совместно с экологическим движением, что такое движение есть, что́ оно требует, за что борется. И всё это они озвучивали (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

> Они ещё боятся выступлений народа. А мы — сколько там митингов! Один вообще очень крупный был митинг. Человек 700 тогда было (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*)

Самый массовый митинг экологического движения (около 700 человек) состоялся в июле 2008 года. Это было уникальное и впечатляющее событие. Митинг проходил рядом с территорией старого химзавода, на окраине деревни, на узкой асфальтированной дороге, а фактически, из-за недостатка места, в «чистом поле». Примерно в 500 метрах располагался лагерь «Хранителей радуги»: несколько палаток, стол под навесом, флаги на шестах и склад транспарантов. Примерно за час до начала акции совершенно безлюдная местность стала заполняться микроавтобусами и частными автомобилями: их некуда было ставить, и они растянулись длинной вереницей по обочинам дороги. Из автобусов вылезали тетушки в платочках, многие с детьми, заводили оживленные разговоры. Мужчины

собирались небольшими группами в сторонке, тоже о чем-то степенно разговаривали. Подъехали две милицейские машины и встали поблизости.

Вдруг откуда-то появилась группа пожилых женщин с огромными крестами и иконами в руках. Как выяснилось, это приехала православная община. Православные отправились вокруг завода крестным ходом, распевая псалмы. У организаторов митинга даже возникло опасение, не заберут ли их в милицию за несанкционированное шествие, но потом решили, что все обойдется. Тем более что участники крестного хода не собирались ни с кем советоваться.

Вела митинг Вера Дронник. Она бойко и громко произносила первую речь и начала предоставлять слово другим. Выступали с помоста, для которого была использована грузовая «газель», с помощью двух мегафонов. Слышно было далеко не всем, поэтому около «газели» сосредоточились две-три сотни человек, а остальные стояли вокруг и общались между собой. Те, кто слушали ораторов, активно их поддерживали, кричали «Правильно!», хлопали. Поэт Владимир Хомяков прочитал свои стихи, выступали эколог из «Хранителей радуги», местные политические активисты, активисты экологического движения.

Как рассказывала Дронник, значительная доля участников митинга была мобилизована лидерами партийных структур, а также по месту жительства активистами Сасовского экодвижения. Главным вопросом был транспорт: если его не предоставят, то приехать смогут лишь те, у кого есть свои автомобили. Пешком в состоянии добраться только жители Нижнего Мальцева и соседней деревни Аладьино; общественный транспорт (кроме электрички, которая останавливается примерно в 2 км от завода) к месту митинга не ходит. Часть плакатов привезли с собой участники митинга, часть — сделали активисты «Хранителей радуги» в лагере. Члены партий своих транспарантов не держали, но были одеты в майки с партийной символикой.

(После митинга Вере Дронник предъявляли претензии лидеры «Единой России»: она не предоставила им возможности выступить, а КПРФ предоставила. Дронник утверждает, что для всех желающих просто не хватило времени.)

Митинг продолжался около часа. Примерно в его середине активисты «Хранителей радуги» залезли на трубу стоящей рядом котельной и вывесили огромный транспарант. Милиция сочла это нарушением общественного порядка, и несколько сотрудников отправились к трубе с намерением задержать молодых людей. Вместе с ними пошли несколько десятков участников митинга, и как только началось задержание, стали всячески ему препятствовать. «Хранители...» сцепились руками и сели на землю; местные жители, преимущественно пожилые женщины, тоже ухватились за них, начали кричать на милиционеров и т.д. Эта «свалка» продолжалась минут пятнадцать; к месту событий подтягивалось все больше народу, и милиция пошла на переговоры, пообещав не задерживать «хранителей» в обмен на гарантию порядка.

> А они вцепились, они хотели их разъединить и забрать. В машину тащить. В милицию. Там человек десять. ...Ну и Люся, значит, это, сестра, кому это там попала, не по тому месту, милиционеру. Он как толкнет, а она вверх ногами... Но они не смогли эти... не разъединились, молодцы. Они легли, легли... Легли прямо на полу, их раздирали человек десять. Прям их раздирали вот таким образом. Ну мы, значит, это, орали, и конечно, как резаные, я аж охриплая была, вот. И «убийцы», и все, и я говорю, и белые тапочки вам оденут (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

В конце митинга выступающие стали призывать людей идти на завод и лично поговорить с руководством. Этот поход был заранее запланирован «Хранителями радуги»,

которые считали, что нужно не откладывая переходить к радикальным акциям (используя тактику ненасильственного сопротивления)и что только страх перед таким сценарием может заставить власти запретить строительство завода. Мнения митингующих разделились, но все же примерно половина собравшихся направилась вслед за «хранителями» к заводу.

Поскольку территория предприятия была огорожена только символическим забором, пройти на него оказалось несложно. Человек семь охранников пытались этому воспрепятствовать, встав цепью на единственной асфальтовой дороге, ведущей к цехам. Противостояние продолжалось минут десять. Участники митинга кричали на охранников, пытались протиснуться между ними, какая-то старушка одному за другим предлагала им поцеловать икону, которую несла в руках (потом она рассказывала, что в конце концов один из охранников пропустил ее вместе с иконой). В итоге кто-то из «хранительского» лагеря прорвал цепь и с помощью транспаранта, один конец которого он держал, вытащил за собой еще несколько человек; в образовавшуюся «прореху» ринулись остальные. Часть толпы обошла заслон по полю с кукурузой; двое охранников побежали было туда, но мужчина средних лет стал кричать: «Это моя земля, уходите отсюда, я на вас в суд подам за ущерб частной собственности!» Милиция в этот конфликт предпочла не вмешиваться.

Преодолевшие сопротивление охранников жители прошли несколько сотен метров до главного корпуса, скандируя требования закрыть завод. Двери, конечно, были закрыты, хотя по убеждению жителей начальство находилось внутри. Здесь состоялся еще один короткий митинг, причем слово брали в основном обычные люди, а не лидеры партийных организаций или активисты экодвижения. На окно корпуса прикрепили бумажный плакат «Хранителей радуги», который назвали «черной меткой» руководству завода.

Этот митинг запомнился людям прежде всего массовостью, яркими ораторами и противостоянием с милицией и охраной. Около завода состоялись еще две акции, но они получились менее многолюдными. Экологическое движение провело также несколько митингов в Сасове (обычно вместе с другими организациями) и пикеты в Рязани. «Хранители радуги» летом 2008 года устроили акцию в Москве, около Роспотребнадзора. Основной ее темой стала опасность загрязнения одного из крупнейших элеваторов, расположенных в двух километрах от завода. Экологи утверждали, что на этом элеваторе находится хранилище со стратегическим запасом зерна, которое используется в том числе для жителей Москвы. Этот тезис позволил активистам повысить значимость сасовской проблемы и апеллировать к интересам жителей столицы. Акция в Москве привлекла большое внимание журналистов и доставила много неприятностей областным чиновникам — лоббистам завода.

Отдельно нужно остановиться на референдуме, поскольку это уникальный случай для современной России. Инициативной группе жителей не только удалось добиться его проведения, но полученный результат вступил в силу и стал важным аргументом и в последующих судах, и в публичной кампании. В 2000-х годах российские граждане несколько раз пытались организовать референдумы. Но в одних случаях они не были согласованы с органами власти, в других — состоялись, но суды впоследствии отменили их решения. Российское законодательство создает множество препятствий для организации референдумов, процедура эта настолько сложна, что ее избегают даже те организации, которые обладают финансовыми ресурсами. Согласование потребовало значительных усилий и от активистов Сасовского экологического движения.

Никто не верил, включая моего мужа, что мы сможем референдум провести и выиграть результат. «Да вас не поймут, вы

чего там написали, это людям непонятно. Кому это нужно?» (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*)

Есть несколько версий возникновения самой идеи референдума. Кто-то из активистов говорит, что ее им подали местные коммунисты; кто-то — что упоминание о праве проведения референдума содержалось в ответе из прокуратуры. Третья версия: проводить референдум предложила Галина Кузьмина, глава рязанского Общественного центра независимой экологической экспертизы. Как бы то ни было, идея показалась жителям очень логичной, и они взялись за ее осуществление, не подозревая, насколько это сложно.

У нас как в кино иногда бывало. Вот для референдума надо было открыть счет. Вроде бы простая процедура. Но у нас в законодательстве Рязанской области не прописано, как это делать. Значит, надо запретить. И вот первый отказ, второй отказ, третий отказ. Мы в банке уже подали полный пакет документов, и перед новогодними праздниками остается полчаса до закрытия банка. И выходит эта женщина, которую мы мучили я не знаю сколько дней, усталая выходит и говорит: «Вам откроют счет, вам в области уже сделали пакет документов». Мы ее воспринимали как препятствие, исчадие ада на своем пути, но она настолько измученная... И потом, когда мы встречались, она каждый раз спрашивала: «Ну, как у вас дела?» Она стала нашей сторонницей, видя наше упорство, с которым мы движемся (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Счет мы открыли, думали, появятся деньги или нет. Появились! Первый положил деньги... Сидел в банке человек: «Это что за референдум вы проводите?» Заглянул, ушел. Я говорю: какой-то подозрительный человек. А он, оказывается, деньги хотел положить. Он когда-то хотел в городе

провести референдум по другому поводу, у них не получилось. Он решил помочь нам (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Три тысячи давали «Молодая гвардия», позвонили мне, сказали: мы ездили на конкурс, выиграли там три тысячи, можно мы переведем на референдум? Я сказала: не можно, а нужно! (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

В библиотеке давали 50 рублей, 100 рублей: передайте, мы же не пойдем в банк. Это очень приятно было (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

Сколько у нас техслужащие получают в школе? 4430 руб. И вот она получила и несет. Вот эти деньги были самые дорогие. Из четырех тысяч, на которые жить нельзя, она еще 100 рублей выделяет на наш референдум, чтобы мы его провели (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Деньги, поступавшие через официальный счет на проведение референдума, использовались для тиражирования листовок и оплаты статей в местных частных СМИ, прежде всего в газете «Призыв из Сасова».

Подготовка референдума и предвыборная активность кандидатов в главы района в 2008 году активисты использовали для широкого информирования людей и агитации против завода. Лидер инициативной группы жителей Дронник выступала на встречах кандидатов с населением, рассказывала об опасности производства фенолформальдегидных смол, о высокой заболеваемости раком жителей района, критиковала позицию главы района Рыбина, который преподносил новое производство как благо. По убеждению активистов, это сыграло ключевую роль в избрании главой другого человека — заместителя Рыбина Александра Анохина.

Социолог: А вы вели агитацию перед референдумом?
Конечно, ездили целый месяц. Я пыталась попасть на все встречи кандидатов с населением — тогда выборы были главы района. Особенно Рыбина, действующего главы (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Вера Дронник и другие члены инициативной группы активно распространяли листовки, лично общались с людьми, обращались к предпринимателям, к работникам библиотек, школ, сельхозпредприятий — с просьбами о поддержке. Специфика села позволяла вести агитацию лицом к лицу, а также через лидеров общественного мнения: учителей, врачей, руководителей. Поэтому общественное мнение почти однозначно было сформировано против пуска химического предприятия.

Не было дома ни в Аладьине, ни в Нижнем Мальцеве, где бы я не ходила, не открывала двери, не говорила с людьми, насколько это опасно (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладьине*).

Районная дума дважды отказывалась согласовать проведение референдума, и инициативная группа была вынуждена менять формулировку. По мнению Веры Дронник, на положительное решение повлияло активное участие в заседании думы руководителей сельхозпредприятий.

Когда я уже собрала председателей колхозов, совхозов, они приехали и разнесли думу в клочья. Мы два раза формулировку меняли референдума. Там одно слово не так, уже кричат: «Так нельзя, нам прокуратура не разрешит» (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

В итоге 2 марта 2008 года в Сасовском районе состоялся референдум по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым

размещение производства фенолформальдегидных смол на территории Сасовского района?» Подавляющее большинство — 92,5 % проголосовавших — высказалось против. Руководители ООО «Новое» уже на следующий день подали исковое заявление в Рязанский арбитражный суд о признании районного референдума незаконным (один из их аргументов — нарушение прав на предпринимательскую деятельность). Однако иск был отклонен. Арбитражный суд Рязанской области признал вопрос размещения цеха по производству фенолформальдегидных смол вопросом местного значения. Требования местных жителей, напротив, нашли поддержку. 6 марта Сасовский районный суд вынес решение о запрещении строительства. И хотя уже через два месяца Санкт-Петербургский филиал ФГУ «Главгосэкспертиза России» выдал положительное заключение на строительство цеха, владельцам химзавода не удалось переломить ситуацию.

Попытались провести референдум и в соседнем районе — Чучковском. Была создана инициативная группа, но поскольку химическое предприятие находится на территории Сасовского района, решение этого референдума не имело бы юридической силы, и от этой идеи отказались. Но в ходе предвыборной кампании активисты Чучковского района активно агитировали против химзавода, и в результате был выбран новый глава администрации.

Впоследствии к сасовским активистам не раз обращались активные граждане из других регионов — с просьбой поделиться опытом организации референдума.

> Вот с Обнинска недавно звонил мужчина: мы хотим провести референдум, расскажите как. По Интернету мои телефоны натыканы везде, наверное. Говорит, вы посмотрите в Интернете, наш адрес... Я говорю: у меня не только нет Интернета, но и компьютера, я бабушка, живу в деревне (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Вера Михайловна лукавит, говоря о своей «дремучести» и оторванности от современных технологий. Конечно, активисты используют Интернет — для поиска и распространения информации, контактов со СМИ и с союзниками из других городов. За информационный обмен отвечает другой лидер Комитета, Екатерина Арутюнян. Но здесь, в отличие от протестных движений больших городов, Интернет действительно не играет никакой роли в мобилизации и информировании населения. Интернетом в Сасове и районе пользуется преимущественно молодежь, а она в экологическом движении представлена в наименьшей степени. По словам Екатерины Арутюнян, экологи сознательно не стремятся привлекать молодежь, считая, что это дополнительная ответственность: молодые люди могут поплатиться за свою активность возможностью получить образование. Жители среднего и старшего возраста получают информацию либо по «сарафанному радио», либо из листовок и местных газет. Материалы по экологическим проблемам района активисты распространяют в первую очередь по библиотекам (на селе и в малых городах они продолжают играть роль культурных центров), передают в местную газету «Призыв из Сасова». Редакторы единственного местного информационного интернет-портала по каким-то причинам с самого начала приняли сторону владельцев химзавода, но активисты считают, что на мобилизации населения это не сказалось.

Участие жителей района в экологической кампании было разным по форме и объему, но активисты Комитета ценят вклад каждого.

> И вот один раз я сказала: ой, наверное, нас тысячи. Сказала и спохватилась: так и есть, получается, что идет цепочка, и каждый делает, насколько он может. Где-то подписаться на обращении, приехать на митинг. Это не значит, что все время в равных условиях все работали. Но каждый вносил свою лепту (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Мобилизовывать население на массовые акции протеста Комитету удавалось примерно в течение полугода (весной—летом 2008) — на этом этапе экологов поддержали все районные политические организации и сам новоизбранный глава района Александр Анохин. Затем активисты Комитета сосредоточились на борьбе в правовом поле (судах, жалобах в надзорные инстанции) и на привлечении союзников из других городов. Все происходящее экологи старались освещать в СМИ, их тесное сотрудничество с районной газетой «Призыв из Сасова» продолжалось. Поддержка населения сохранялась, но перешла в другую фазу: люди охотно ставили подписи, распространяли информацию, помогали материально; наиболее деятельные участвовали в пикетах и судебных заседаниях.

Экологи перестали проводить акции протеста уже с осени 2009 года, понимая, что теперь мобилизовать людей будет крайне сложно: борьба перешла в стадию судебных дел, пуск завода не состоялся, и опасения жителей утихли. А заметный спад интереса к проблеме химзавода произошел в середине 2010 года, когда только что построенный цех снесли. Экологи сосредоточились на борьбе против существующего химзавода, продолжавшего работать и загрязнять окружающую среду. Кроме того, они подозревали, что фенолформальдегидные смолы теперь нелегально выпускают на старом предприятии. Хотя эта — менее очевидная — угроза не нашла большого отклика среди населения, в целом Комитет сохранил его доверие и поддержку и продолжает получать небольшие пожертвования от убежденных сторонников. Это помогает вести дела в судах, оплачивать дорогу экспертам и многочисленные телефонные разговоры, тиражировать материалы.

В 2012 году в Сасовском районном суде возобновилось рассмотрение иска экологов о приостановке деятельности старого химзавода до устранения всех нарушений, выявленных Ростехнадзором. Тщательной и беспристрастной

проверки экологи добивались несколько лет, и она была проведена — но лишь после освещения проблемы в СМИ и многочисленных жалоб в вышестоящие инстанции, когда сотрудники надзорной организации сами начали опасаться привлечения к ответственности за бездействие. Приостановка завода фактически будет означать его закрытие: его оборудование и здания настолько устарели, что их модернизация едва ли возможна. К июню 2013 года, когда вносились последние поправки в этот текст, судебная тяжба вокруг химзавода была еще далека от завершения.

Лидер Комитета Вера Дронник уже около шести лет регулярно принимает участие в экологических конференциях, поддерживает связи с активистами и экспертами из других городов. Несколько раз она выступала на заседаниях Общественной палате РФ, тесно сотрудничает с рязанскими НКО — Центром общественной экологической экспертизы и «Мемориалом».

Кроме того, Комитет начал заниматься и другими экологическими проблемами района. Во-первых, вернулись к самой актуальной проблеме для поселка Сотницыно — загрязнению воздуха, воды и почвы выбросами дрожжевого и сахарного заводов. Эти предприятия играют значимую роль для занятости местного населения, поэтому экологи требуют не закрытия, а экологизации производства, установки нового очистного оборудования.

В 2011 году активисты собрали подписи и направили обращения в органы власти по поводу дрожжевого завода, но ответов не получили. Директор от контактов с экологами отказывался. Однако зимой 2012 года Комитет получил предложение от Общественной палаты РФ войти в программу «Экоответственность»: палата старается помочь общественным организациям наладить общественный контроль за деятельностью предприятий-загрязнителей. Запросы Общественной палаты чиновники проигнорировать не смогли, и экологи получили важную для них

информацию о состоянии дел на дрожжевом заводе. В июне 2012 года в Сасове состоялся круглый стол, в котором приняли участие представитель Общественной палаты, чиновники из областных природоохранных структур и директор завода. Обсуждалась возможная модернизация предприятия. (Надо подчеркнуть, что только с помощью организации федерального уровня, имеющей официальный статус посредника между общественниками и властями, обладающей соответствующими полномочиями и имеющей определенный вес в глазах власти, активистам удалось заставить чиновников и предпринимателей сесть за стол переговоров.)

Экологи признают, что ситуация с сотницынскими заводами более сложная и потенциально конфликтная. Строящийся химзавод в Нижнем Мальцеве еще не стал местом работы для местного населения, не платил налогов в бюджет и при этом воспринимался (благодаря агитации Комитета) как реальная угроза здоровью. А дрожжевой и сахарный заводы играют довольно важную роль в экономике района. На них работают около двухсот человек, и аграрные предприятия поставляют туда сахарную свеклу, которую выращивают на окрестных полях. Директора заявляют, что им проще закрыть заводы, чем их модернизировать. Получат ли в таких условиях экологи массовую поддержку населения – вопрос открытый. Вполне вероятно, что мнения разделятся в зависимости от личной заинтересованности людей.

Еще одна актуальная для района проблема — очистка реки Сасовки, долгие годы загрязнявшейся бытовым мусором и поваленными деревьями. В 2010–2011 годах реку чистили на бюджетные средства, но с точки зрения экологов проведена она была крайне неудовлетворительно. Вода в реке застаивается, заиливается, идет подтопление ближайших домов. Весной 2012 года Вера Дронник выступила по этому поводу на заседании районной думы, но никакой поддержки не получила.

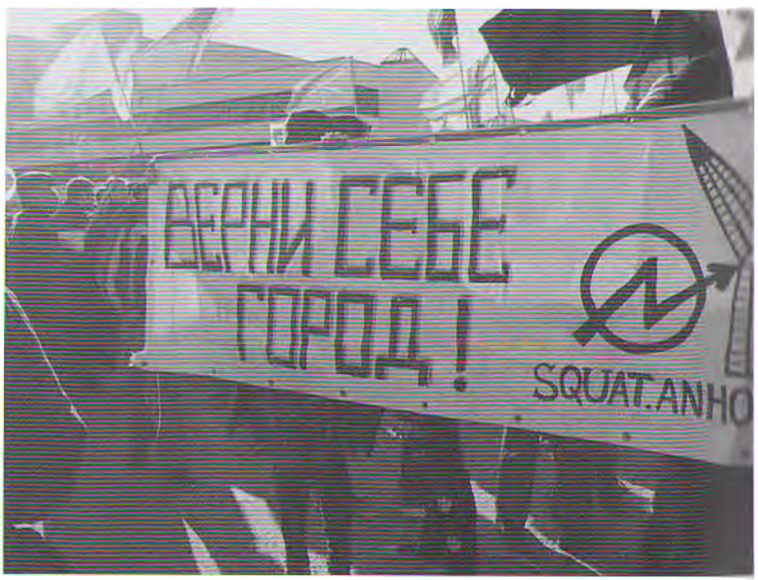
«Группа Спасения». 1987

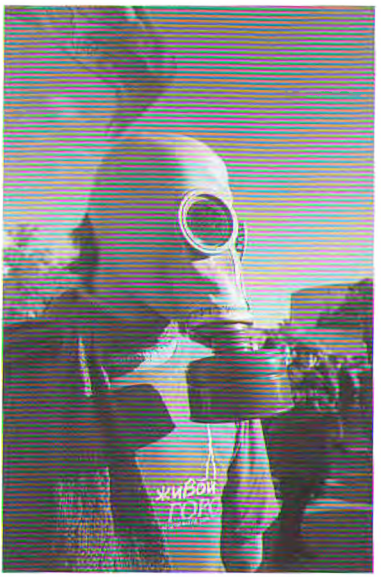
«День горожанина» на Владимирской площади. 1988

Акция «Аларм» Интерьерного театра. 2008

«Верни себе город». 2009

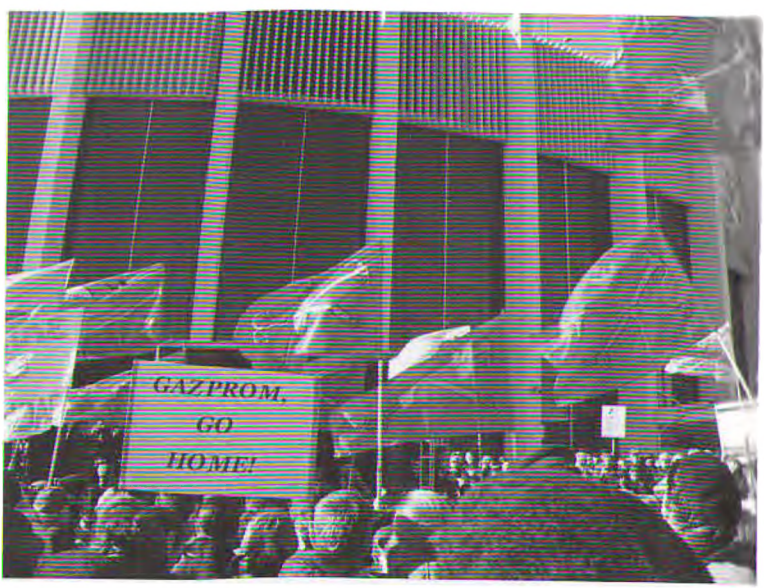
Активист ЖГ против Газпрома. 2009

Коалиция в защиту Петербурга. 2009

Митинг в защиту Петербурга. 2009

Митинг в защиту Петербурга. Переломный момент. 2009

Народный агит-арт. 2009

Один из плакатов митинга. 2009

Живая цепь Охтинской дуги. 2009

Марш в защиту Петербурга. 2010

Охраняемое чоповцами место вырубки. 4.05.2011

Подмога на место вырубки. Евгения Чирикова (в центре) участвует в акции по блокировке техники. 4.05.2011

Коллективный рейд активистов на место вырубки.
Акции по блокировке техники противодействуют чоповцы. 4.05.2011

Сбор активистов перед очередной акцией
по противодействию незаконным вырубкам.
Слева направо: Е. Чирикова, С. Удальцов, Я. Никитенко. 4.05.2011

Народный сход защитников Химкинского леса в центре города, разогнанный ОМОНом. 8.05.2011

После разгона схода в центре Химок.
Поход к месту расположения лесного эколагеря. 8.05.2011

Эколагерь. 8.05.2011

Митинг в защиту Химкинского леса в Москве на Чистых прудах. 16.08.2010
Фото: Евгения Демина

Митинг в защиту Химкинского леса в Москве на Чистых прудах. Фестиваль Евгения Чирикова. Символ акции – цифры 67. (По результатам опроса общественного мнения, 67% жителей Химок высказались против прокладки трассы через Химкинский лес.)
16.08.2010. Фото: Евгения Демина

Митинг-концерт в защиту Химкинского леса в Москве на Пушкинской площади. 20.08.2010. Фото: Экологическая оборона Московской области

К главе: Ольга Мирясова
ДВИЖЕНИЕ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОРОДА САСОВО И САСОВСКОГО РАЙОНА.
«ЖИТЬ, ЧТОБЫ БОРОТЬСЯ. БОРОТЬСЯ, ЧТОБЫ ЖИТЬ»

Плакат против строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол в деревне Нижнее Мальцево на митинге КПРФ. Сасово. 1 мая 2008

Митинг около химического завода в деревне Нижнее Мальцево. Июль 2008. Фото: Михаил Дементьев

Митинг около химического завода в деревне Нижнее Мальцево.
Июль 2008. Фото: Михаил Дементьев

Крестный ход вокруг химического завода перед митингом.
Деревня Нижнее Мальцево. Июль 2008. Фото: Михаил Дементьев

Экологи Вера Дронник и Вячеслав Ферапошкин вручают «черную метку» правительству Рязанской области. Рязань. Июль 2008.

«Хранители радуги» вешают плакат «Нет значит нет!» на трубу котельной около химзавода. Деревня Нижнее Мальцево. Июль 2008.
Фото: Михаил Дементьев

Перформанс «Хранителей радуги» на пикете против строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол. Рязань. Июль 2008

Пикет против строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол в деревне Нижнее Мальцево. Рязань. Июль 2008

Экологи Вера Дрониик и Вячеслав Ферапошкин выступают на пикете против строительства цеха по производству фенолформальдегидных смол в деревне Нижнее Мальцево. Рязань. Июль 2008

Первая массовая голодовка работников «Алтграка» (АТЗ).
Начало акции — в палатках. Фото: алтайское отделение КПРФ. 17.05.2010

Первая массовая голодовка работников «Алтграка» (АТЗ). Участники голодовки переместились в актовый зал совета ветеранов тракторного завода. Фото: алтайское отделение КПРФ. 20.05.2010

Вторая массовая голодовка работников «Алттрака» (АТЗ). 10.06.2010

Сергей Юрченко на массовом митинге в центре Рубцовска против завышенных тарифов на жилищно-коммунальные услуги. Фото: алтайское отделение КПРФ. 20.06.2011

Массовый митинг в центре Рубцовска против завышенных тарифов на жилищно-коммунальные услуги. Фото: алтайское отделение КПРФ. 20.06.2011

Главное здание Алтайского тракторного завода. 05.06.2011

Астрахань. Массовое стихийное шествие по центральным улицам. Начало сбора людей у штаба голодающих на ул. Советской. 14.04.2012

Астрахань. Массовое стихийное шествие по центральным улицам.
Люди начинают движение по ул. Советской. 14.04.2012

Астрахань. Массовое стихийное шествие по центральным улицам.
Люди движутся к Кремлю. 14.04.2012

Астрахань. Массовое стихийное шествие по центральным улицам.
Люди вернулись к штабу голодающих на ул. Советской.
Олег Шеин обращается к собравшимся. 14.04.2012

3-й день голодовки. 18.03.2012.
Фото: Сергей Кожанов, участник голодовки, фотограф-блогер

[illegible] голодовки. Сидят слева направо: Олег Шеин, Петр Шкуматов, [illegible] Парфенов, «Доктор Лиза». Вокруг них — участники голодовки и местные активисты. 06.04.2012. Фото: Сергей Кожанов

Олег Шеин на стихийном митинге, 25-й день голодовки. 10.04.2012. Фото: Сергей Кожанов

Астрахань. Массовое стихийное шествие по центральным улицам.
Люди вернулись к штабу голодающих на ул. Советской.
Олег Шеин обращается к собравшимся. 14.04.2012. Фото: Сергей Кожанов

Астрахань. Массовое стихийное шествие по центральным улицам. Митинг
в Братском саду у памятника борцам за установление Советской власти.
14.04.2012. Фото: Сергей Кожанов

Сергей Клеман
ГРАД: МАССОВОЕ ПРОТЕСТНОЕ
ДОБИЛОСЬ ОТСТАВКИ ГУБЕРНАТОРА.
ЧТО ДАЛЬШЕ?

Массовый митинг у Дома совстов в Калининграде.
Выступает Константин Дорошок. 30.01.2010. Фото: Руслан Иманов

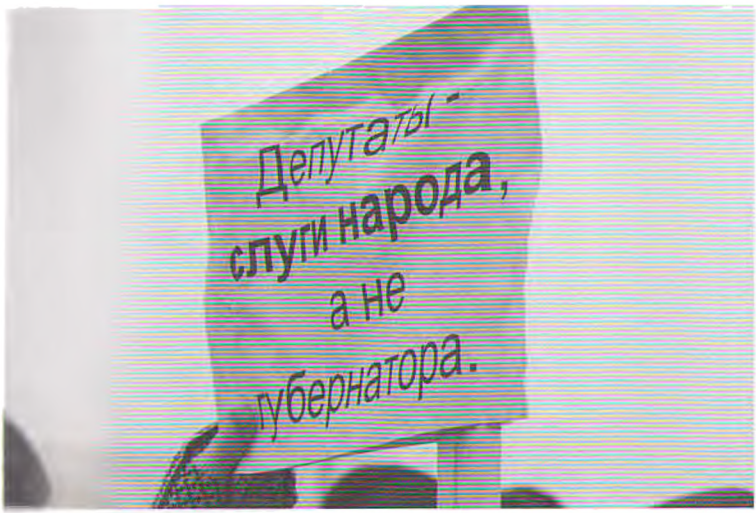
Массовый митинг у Дома совстов в Калининграде. 30.01.2010.
Фото: Руслан Иманов

Массовый митинг у Дома советов в Калининграде. Выступает Михаил Чесалин. 30.01.2010. Фото: Руслан Иманов

Массовый митинг у Дома советов в Калининграде. 30.01.2010. Фото: Руслан Иманов

Массовый митинг у Дома советов в Калининграде. 30.01.2010.
Фото: Руслан Иманов

Массовый митинг у Дома советов в Калининграде. 30.01.2010.
Фото: Руслан Иманов

Массовый митинг у Дома советов в Калининграде. 30.01.2010

Массовый митинг у Дома советов в Калининграде. 30.01.2010

50-й пикет в защиту закрытой властями больницы рыбаков и всего калининградского здравоохранения. 13.11.2009

62-й пикет в защиту больницы рыбаков и всего калининградского здравоохранения. 26.02.2010

76-й пикет в защиту больницы рыбаков и всей калининградской медицины, у стен областного правительства. 13.08.2010

Вы же общественники, вот и делайте на общественные средства — такой был ответ. Да я бы на тот миллион, что они выделили, наняла мужиков безработных, они бы каждую соринку из реки вынули, а эти потратили его неизвестно куда — с одного берега покопали экскаватором, с другого, а посерединке все осталось (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Лидер Комитета с помощью местной жительницы день за днем обращается к предпринимателям района за помощью. Кто-то выделяет технику, кто-то — рабочих, кто-то — небольшие средства. Чтобы прекратить засорение, Дронник организовала вывоз мусора на ближайших улицах частного сектора — жители начали платить по 36 рублей в месяц, что не слишком обременительно. До нее просто не находилось человека, который бы организовал заключение договоров с мусоровывозящей компанией, и люди два десятилетия выкидывали мусор в реку.

Устойчивость и долгосрочность существования экологического Комитета стали возможны благодаря оптимизму активистов, их уверенности в собственной уполномоченности и готовности идти до конца. Комитет превратился в сплоченную группу единомышленников, которые морально поддерживают друг друга. В коллективе сложилась частичная специализация: люди делают то, к чему у них больше способностей, и в зависимости от наличия свободного времени. Екатерина Арутюнян составляет исковые требования, а пенсионерки приходят в суд, чтобы просто поприсутствовать там и тем самым оказать поддержку. Одни собирают подписи в своем селе, другие ездят на конференции в Москву, третьи печатают речи для «некомпьютеризованной» Веры Дронник.

Активисты отмечают, что их не разочаровал спад поддержки со стороны населения: «близость к народу» позволяет им правильно оценивать возможности простого человека и не ожидать от него слишком многого.

Каждый человек по мере своих сил и ума должен заниматься тем, к чему у него способности. И знания. Для этого нужны специальные знания. А откуда у нас у людей специальные знания? Они, может, и рады вникнуть, но если нет знаний ты ничего не можешь понять и судить. Катя говорит, нас могут полностью понять только Яблоков и Фёдоров. Поэтому обижаться, что люди не могут... Конечно, не могут. Они могут только посочувствовать (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Строительство коалиций и солидарные практики

С самого начала сасовские экологи обращались за помощью к широкому кругу лиц. На пике экологической кампании (2008) Комитету помогали почти все политические организации района, местные органы власти, депутаты, активные жители района, предприниматели, руководство предприятий. Вообще предприниматели в современной России довольно редко участвуют в протестных кампаниях, так как это чревато испорченными отношениями с органами власти. Однако на начальном этапе сасовской кампании местные власти сами поддерживали экологов. Кроме того, значительная часть предпринимателей связана с сельским хозяйством, и они опасались, что сбывать продукцию из «экологически неблагополучного района» станет сложнее. Свою роль сыграла и успешная агитационная работа (активистам удалось убедить население в опасности нового предприятия), и широкие социальные контакты между представителями разных слоев общества.

Для российских движений и инициатив типично использование личных финансовых ресурсов активистов и ресурсов дружественных общественных организаций. Но в Сасовском движении наиболее существенный вклад

был получен из среды материально обеспеченных жителей. В основном деньги требовались на поездки, оплату телефонов, издание печатных материалов, аренду помещений для круглых столов. Во многом за счет местного населения (собираемых Дронник денежных пожертвований и продуктов, которые приносили сами жители) три недели работал лагерь «Хранителей радуги» в 2008 году.

Тогда же экологи предприняли попытку объединить усилия руководства Сасовского и двух соседних районов против химзавода.

> Мы собирали в администрации городской вот такую вот коалицию. Хотела создать ее из трех районов.
> Социолог: В том числе с представителями органов власти?
> Да, да. Глава города, глава района, председатель думы — и чучковский, и наш. А у них председателя думы не было, приезжал глава сельхозуправления и глава администрации, все подписывали прошения, постановления, бумаги совместно (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Александр Анохин, после его избрания главой Сасовского района, около года выступал против нового завода, но на него постоянно оказывалось давление из области. Вера Дронник предполагает, что ему угрожали возобновлением уголовного дела, открытого ранее, в его бытность заместителем главы. Чиновники соседних районов тоже довольно быстро отказались от сотрудничества, поняв, что их деятельность идет вразрез с политикой областной власти. Кроме того, к 2010 году проблема нового химзавода была решена, и экологи занялись закрытием старого. Общественное мнение разделилось: кто-то поддерживал Комитет, утверждавший, что на старом химзаводе производятся фенолформальдегидные смолы, кто-то считал, что такого быть не может. К старому заводу жители района привыкли, он стал как бы частью пейзажа; несмотря на неприятный запах

в ближайших окрестностях, масштабы его загрязнения оказались незначительными. Кроме того, на предприятии работали от десяти до двадцати жителей Нижнего Малыгино. На этот раз Александр Анохин занял другую позицию: старый завод трогать нельзя — это рабочие места, налоги.

В 2007–2008 годах помощь Комитету оказывали также отдельные депутаты городских и районных дум Сасовского и Чучковского районов, областного Законодательного собрания.

> Нина Дмитриевна, депутат Чучковской думы от «СР», она тоже с первого дня, она была организатором этого документа про референдум. Они на выборах тоже своего главу района прокатили. У них Карпунина не избрали. Он сидел у них чуть не двадцать лет, советская власть.
> Социолог: Они умудрились такую мощную агитацию устроить?
> Да, против завода, за референдум, против Карпунина (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

На разных этапах своего существования Комитет сотрудничал с разными политическими структурами, но сам старался всегда оставаться «вне политики». В уставе движения декларируется его аполитичность. Активисты могут быть членами политических партий, но обязаны уведомлять Комитет о своей деятельности. По общему убеждению, прочная связь с одной из партий принесла бы больше вреда, чем пользы. Политические партии представляются активистам некими корпорациями, действующими в чьих-то интересах в зависимости от позиции лидера или под давлением сверху, и потому они относятся к ним преимущественно как к инструменту и источнику ресурсов. Некоторые упоминают о своих политических взглядах, но поддержка конкретной партии, членство в ней с убеждениями связаны очень слабо. Например, Виктору Коломенскому членство в «Единой

[illegible] не мешает голосовать на выборах за КПРФ. В «ЕР» [illegible] вступил, чтобы получить возможность агитировать против химзавода на партийных мероприятиях.

> Ну вот, мы боролись с заводом, мне предложили [вступить], я даже и не знал... «А в какую партию,— потом я, говорю, спросил.— А в какую?» — «Да в "Единую Россию"».— «А, давай, фиг с ним, пускай я там буду в этом». Самое главное — с населением, да, когда... И там вот эти вот... они выбирают от населения, самое главное мне — там участвовать, в этом, а от какой партии — мне все равно. Я все равно свои идеи-то толкаю, мне от любой партии, безразлично. Я все равно против завода, и все.
> Социолог: А в выборах вы участвовали? Вот которые только что были?
> Да, да. Участвовал.
> Социолог: Ну, за кого голосовали, если не секрет?
> Я — за КПРФ (*Виктор Коломенский, 54 года, активист села Нижнее Мальцево*).

> Вообще ненавижу «Единую Россию». В душе как бы коммунист, в душе просто. Не то что... Люблю справедливость. А нам и не надо, нам нельзя вступать в какую-либо партию. Потому что, если вступишь, тут же сейчас начнут, да, скажут: «Вот они там очки зарабатывают» (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

Летом 2008 года, на пике кампании, все местные отделения партий («Единой России», КПРФ, ЛДПР, а также рязанские активисты «Яблока» и движения «Молодая гвардия») поддерживали кампанию против завода и принимали участие в митингах. В некоторых случаях экологи обращались к лидерам партийных ячеек за поддержкой, в других — они сами узнавали о деятельности Комитета из СМИ или листовок и предлагали свою помощь.

Три тысячи давала «Молодая гвардия». Позвонили мне, ска зали: мы ездили на конкурс, выиграли там три тысячи, мо но мы переведем на референдум? Я сказала: не можно, а ну но! (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

До этого от ЛДПР которая была, Королева Ирина они ездили на митинги, покупали бумагу, на бензин давали Средства небольшие, две-три тысячи, но они всегда были во время. Потому что были против этого завода (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Листовки мы оплачивали, статьи из фонда, потому что га зеты у нас частные. Это основное.
Социолог: А клеил кто?
Единороссы, комсомольцы, «Молодая гвардия», верующи (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Активнее и дольше других Комитету помогало мест ное отделение КПРФ, которое в 2007–2009 годах возглав лял Александр Тарасов, депутат областной думы. Он хо рошо был известен в районе как отзывчивый человек, ис кренне пытавшийся помочь всем, кто к нему обращал ся. Некоторые активисты общались с Тарасовым еще до на чала экологической кампании, и, по их мнению, именно благодаря ему КПРФ пользовалась в районе поддержкой населения.

Мы ходили к коммунистам... Мощный политический лидер Тарасов, благодаря ему Сасовский район красный до сих пор. Но в чем корень этого явления? Он все делает, что обе щает, он лидер от природы. Не потому, что партия так хо роша, а он как человек. ...А как к функционерам к ним об ращаться бесполезно (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Я не то уверен, что активная помощь партий экологам обусловлена желанием продемонстрировать поддержку популярной в районе теме и набрать дополнительные политические очки. Другие говорят, что партийным лидерам, у которых в районе живут их собственные дети и внуки, эта проблема важна просто по-человечески. В любом случае сотрудничество экологов с партиями продолжалось недолго. Всего несколько месяцев спустя «Единая Россия» уже не проявляла никакой заинтересованности; вместе с активистами, их позиция изменилась под давлением областного руководства. Местное отделение ЛДПР, уверяла Дронник, в 2010 году было захвачено представителями власти: один из директоров завода с помощью интриг стал председателем отделения. И сторонники Жириновского, которые помогали экологам в течение трех лет, вышли из партийной организации.

«Единая Россия» сначала рыпнулась в нашу сторону — помочь, а потом на митинге мы написали резолюцию, все партии подписали, а «единороссы» не стали подписывать. Все отказались: и городские, и остальные. Сами себя, можно сказать, выдали с головой. А больше мы к ним никогда и не обращались.
Социолог: Ну, то есть вы поняли, что они слишком зависимы от администрации там, от губернатора?
Да, да. Им приказали с области — и все (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

На «ЕР» надавили Дятленко, Ковалев. Не дружите с Дронник, а то вам будет ай-яй-яй. Не будет ни денег, ни бюджета, ни на школы, ни на детсады, ни крыши не будут делать, ни лавочки, ни карусели. Как будто без каруселей жить никто не может (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Сотрудничество с КПРФ прекратилось в 2010 году — после ухода Александра Тарасова с должности секретаря горкома

КПРФ. Новое руководство КПРФ уже не пользовалось дове рием населения, не вело такой активной работы, как раньше. Кроме того, после жалоб жителей села Нижнее Мальцево на то, что экологи лишают их работы, партия вспомнила о своей приверженности «рабочему вопросу» и стала относиться к экологам гораздо холоднее. Лидер Комитета Дронник склонна объяснять разрыв исключительно личным фактором: новый секретарь начала «плести интриги», не выполня ла обещания. На словах КПРФ еще декларировала поддержку экологической кампании, но реальной поддержки больше не оказывала (например, не предоставила на митинге слово лидеру Комитета, которая собиралась призвать собравших ся продолжать выступления против завода). И если раньше многие экологи голосовали на выборах за КПРФ (им казалось, что эта партия наилучшим образом представляет интересы простого человека), то теперь стали поддерживать «Яблоко».

> Видите ли, у нас раньше не было так много «Единой России», у нас было раньше засилье партии этой, КПРФ. А сейчас Гнускина (новый секретарь отделения местного КПРФ. — *О.М.*) как вышла на эту должность, так она ее сдала, можно сказать, в аренду этой Рубцовой из «Единой России», все ей докладывает, сдала ее, можно сказать... И нас хотела сдать с потрохами, но, знаете, хрен мы ей дались. Вот, и мы стали — наше движение — стали голосовать за «Яблоко». То есть до этого никто не видел и не знал, а теперь 200 человек в движении проголосовали за «Яблоко», а до этого голосовали за КПРФ (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Несмотря на то что уличные акции проводились движением только в 2007–2009 годах, незадолго до парламентских выборов декабря 2011 года местные власти с опаской интересовались, кого активисты намерены поддержать на выборах на этот раз.

На областном уровне помощь сасовским экологам оказывали рязанское отделение правозащитной организации Мемориал», Общественный центр независимой экологической экспертизы, активисты движения «Солидарность», сочувствующие журналисты. Вместе с движением в защиту музея-заповедника «Рязанский кремль»[4] сасовцы проводили один из митингов в областном центре. Статью о возможной экологической опасности строительства нового завода опубликовала нижегородская экологическая газета «Берегиня».

Понимая важность актуализации проблемы на федеральном уровне, активисты привлекли в качестве экспертов известных экологов из Москвы: доктора химических наук Льва Федорова и академика Алексея Яблокова. В июне 2009 года председатель партии «Яблоко» Сергей Митрохин поднял проблему химзавода на встрече лидеров непарламентских партий с президентом Дмитрием Медведевым. Депутат Госдумы от КПРФ Владимир Федоткин помог организовать выступление на эту тему в Государственной думе — на круглом столе, посвященном экологической безопасности. Сасовскую проблему, среди прочих проблем Рязанской области, кратко осветил Иван Хренов, депутат Рязанской областной думы, но Вера Дронник тоже потребовала дать ей слово, заявив, что на круглом столе дискриминируют женщин». Активно помогали сасовской кампании юрист «Гринпис» Ольга Блатова, сотрудник московского «Мемориала» Вячеслав Ферапонткин и «Хранители радуги».

Экологическое движение «Хранители радуги» с конца 1980-х годов устраивало в разных регионах России и на Украине ежегодные протестные лагеря около опасных объектов. В 2000-х кампании с палаточными лагерями проводились уже не каждое лето. Большинство участников лагеря в Сасове либо были анархистами, либо сочувствовали

[4] Движение за сохранение музеев Рязани как просветительских учреждений и против передачи их зданий РПЦ.

анархистским идеям, так как «Хранители...» создавались именно как экоанархистское движение. Но участники сходовского лагеря не использовали политическую символику и свои политические взгляды не афишировали. В глазах местного населения они так и остались «экологами», «грибописом» или «студентами», приехавшими им помочь.

Лагерь около химзавода был выставлен в июле 2008 года и действовал в течение трех недель. Добирались туда участники (в основном москвичи) за свой счет, никаких денег им не выдавали, но питание и наглядная агитация обеспечивались за счет средств, которые собирал Комитет. Жители ближайших сел приносили в лагерь овощи со своих огородов и молоко, а администрация района прислала рабочих, которые построили деревянный туалет и стол с навесом, провели электричество. (Такая поддержка государства для экоанархистов была в диковинку: обычно местные власти или занимали нейтральную позицию, или терроризировали участников с помощью местной милиции — проверками документов и задержаниями по любому поводу.)

Почва для напряженных отношений с населением (особенно с молодежью) была изначально: на селе подозрительно относятся к «чужакам», особенно если они не совсем соответствуют местным представлениям о правильном внешнем виде и поведении. Но наученные предыдущим опытом «хранители» вели себя максимально дипломатично, демонстрировали исключительно дружеские намерения, по вечерам устраивали многочасовые посиделки с задушевными разговорами и игрой на гитаре. Люди среднего и старшего возраста относились к ним либо с симпатией, либо нейтрально. Лагерь на окраине деревни никому не мешал (за исключением некоторого шума по вечерам, но исходил он не только от приезжих), а против строительства завода на этом этапе были настроены практически все. С некоторыми жителями у «хранителей» сложились даже дружеские отношения: они с их помощью выходили в Интернет, советовались, как

...проводить кампанию протеста, как информировать ...ение и т.д.

В работе лагеря принимали участие адвокат и левый ...ист Станислав Маркелов и анархистка и журналист ...ия Бабурова, которые полгода спустя были рас... в центре Москвы. Многие жители запомнили ...ислава по выступлению на митинге и множество раз ...минали его в интервью словами благодарности.

Сотрудничество с такими разными организациями ста... возможным благодаря открытости и явному бескоры... активистов, а также конкретности поднимаемых ими ...блем и убежденности в их значимости, которая вольно ...вольно передается собеседникам. Экологи прямо заяв... о своей политической неангажированности, деклари... приверженность единственной идеологии — эко... ...ической. А значит, оставались вне конфликтов на почве ...нкуренции за избирателя (или конкуренции политиче... ...идей). «Кто нам помогает, с теми мы и сотрудничаем. ...хочешь помогать, интриги плетешь — до свидания» — вот ...авная установка Веры Дронник. Активисты убеждены, что ...кологические проблемы касаются каждого — ведь каждый ...жет стать жертвой; это придает их деятельности некий ...адыдеологический характер. Нормальная экология как ...снова самой жизни — это то, что неизбежно должно объ...динять людей, остальное вторично. Зарплата может быть ...льше или меньше, можно иметь парк с каруселями в цен...ре города, но если в семье заболеет ребенок, то станут ...ужны ни зарплата, ни карусели.

Еще одно направление коалиционного строительства Комитета — объединение инициативных групп из других регионов, столкнувшихся с той же проблемой: функционированием предприятий по производству или с использованием фенолформальдегидных смол. Лидер Комитета Дронник активно взаимодействовала с представителями таких групп из Шуи (Ивановская область) и Шарьи

(Костромская область). Однако некоторое время спустя со трудничество свелось к обмену информацией — судя по все му, из-за того, что деятельность этих инициативных групп стала более пассивной.

> Коалицией мы выступали на конференции, на заседани ях круглых столов, выступали коалицией в Думе — по госу дарственной безопасности было заседание круглого сто ла. ...Потом мы сотрудничали, переписывались, приезжа ли на всякие конференции, документы подавали. ...Эти у них заводы — «Кроношпан» и «Кроностар» — они у них ав стрийские, их трогать нельзя, они инновации, инвестиции, они благодать, и их нельзя трогать, и наше коррупционное государство, совершенная власть и весь ее строй, и систе ма непробиваемая, она ничего не дает, ничего не добились. Они просто сейчас добиваются того, чтоб они поставили эти, значится, фильтры. ...В Шарье там тоже они собирались, они приезжали к нам за опытом в проведении референду ма. Они собирали там референдум, тоже по строительству этого цеха ...Не дошло у них до референдума, хотя и приез жал какой-то там генерал по какой-то государственной без опасности, из ФСБ или откуда там, вызывали они всякие ко миссии, и ходили они тоже везде, во все инстанции, и до говорились они до «нулевого цикла», то есть они не строят, а те — референдум не делают. Ни туда, ни сюда. Баланс сил (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Но самым важным направлением деятельности экологов на всех этапах существования движения оставалось вовлечение в него местного населения — для участия в митингах, информирования соседей, финансовой и другой помощи в самых разных формах. На подъеме борьбы против химзавода активисты печатали многотысячные тиражи листовок и распространяли их с помощью своих сторонников — через библиотеки, школы, больницы; писали статьи в местные

областные газеты, собирали подписи, обходили жителей. В итоге в движение так или иначе были вовлечены сотни, если не тысячи жителей района.

> Мы народ предупреждали, в каждый дом ходили, говорили: так-то и так-то, выходите, если жить хотите, если хотите, чтобы все росло, как раньше (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладьине*).

В 2008 году широкая местная коалиция (экологов, партий, органов власти) сложилась благодаря общенародной поддержке. Позднее, после демонтажа здания нового химзавода, состав коалиции изменился: сасовский Комитет за экологическую безопасность при поддержке местных предпринимателей и активных жителей сотрудничает с объединениями регионального и федерального уровней. Но, несмотря на помощь внешних акторов, движение по-прежнему базируется прежде всего на местных ресурсах. Экологи продолжают информировать население об актуальных экологических проблемах и, теряя одних активных сторонников, приобретают новых.

Городское движение в сельской местности

Сасовское экологическое движение можно рассматривать как городское (в том понимании, которое легло в основу этой книги), несмотря на то что многие его участники — сельские жители. Во-первых, грань между сельскими и городскими жителями России все больше размывается: кто-то лето живет в селе, зиму — в городе; кто-то каждый день или эпизодически (вахтовым методом) ездит из села в город на работу; в село пришли мобильные телефоны и Интернет, которые существенно изменили структуру коммуникаций. Во-вторых, Сасовское движение в активной

стадии его существования было общегородским (общерайонным), представляя собой коалицию самых разных акторов районного (и не только) уровня. В процессе развития движения происходило расширение территориального и тематического охвата: от проблемы конкретного завода — к другим опасным объектам и экологической проблематике вообще, от одного села — к району, от нескольких активистов-инициаторов — до широкой социальной поддержки.

Сасовское движение оказалось по многим параметрам похоже на другие известные мне экологические движения, подавляющее большинство которых действует в городах. (Понятие *экологические* используется здесь в широком смысле слова: к ним мы относим движения против уплотнительной застройки, загрязнения воздуха и водоемов, строительства опасных промышленных объектов, за сохранение скверов, парков и других зеленых зон в городах.) Сходство есть и в мотивациях и ценностях активистов, и в социально-демографических характеристиках участников, и в механизмах мобилизации.

Казалось бы, для многих людей вынужденное проживание в загрязненной окружающей среде стало привычным, связанные с этим риски уже осмыслены ими и отчасти потеряли свою актуальность. Но вот находится группа граждан, которая в конкретном объекте видит дополнительную угрозу и решает: всё, это уже слишком. Такая схема и сработала в Сасовском районе. Жители сёл Нижнее Мальцево и Сотницыно давно привыкли к существованию рядом заводов-загрязнителей, но угроза появления еще более опасного предприятия мобилизовала наиболее активных по своим установкам граждан. Стимулом для тех, кто проживает относительно далеко от действующих предприятий, стало опасение потерять те немногие преимущества, которые дает человеку сельская жизнь: чистый воздух и чистую воду, экологически безопасные овощи со своего огорода.

Экологические движения в городах обычно основаны на тех же ценностях, какие мы увидели в Сасове: сохранение окружающей среды, благоприятной для человека с точки зрения здоровья и социального комфорта, а также сохранение среды как эстетической ценности, места отдыха и общения с природой. Особенность сельского экологического движения только в том, что жители опасаются гибели урожая на своих огородах или загрязнения выращиваемых ими овощей и фруктов до состояния несъедобности. У сельхозпроизводители боятся трудностей с реализацией своей продукции. То есть в их экологическом мировоззрении присутствует еще и этот, более «приземленный», мотив.

В экологических движениях независимо от их локализации обычно участвует много женщин. У женщин понятие *дом* (места, где проходит большая часть жизни) чаще распространяется не только на квартиру или дом в буквальном смысле слова, но и на двор, микрорайон, район или на весь город. Для женщин окружающая среда — это место обитания их детей и внуков, которое позитивно или негативно может сказываться на их здоровье. Материнство (и, в более широком смысле, родительство) оказывается значимым фактором вовлечения людей в гражданскую активность. Именно материнство — социальная роль, безусловно одобряемая в российском обществе, — уполномочивает женщин на социальную и гражданскую активность в случае возникновения экологических проблем.

Особенность сасовской кампании в том, что ее лидерами являются женщины. Мужчины в движении есть, но они не пытаются доминировать, никак не подчеркивают свою исключительность и не требуют для себя особого положения. Зачастую они помогают (берут на себя хлопоты по хозяйству, возят на машине, помогают привлечь административный ресурс) и вполне довольствуются этой ролью. Активность женщин может быть причиной семейных

конфликтов, но активисты об этом упоминают редко (все-таки это сфера личного).

> Вот муж недавно говорит: «Ты клялась: вот закончится история с заводом, и ты вернешься в семью». — «Клялась!» — «Какой "Яндекс", какое тебе дело до "Яндекса"!» — «Да нет, я ничего делать не буду». Наступает вечер, он говорит: «Неси будьте в "Призыв" написать, чтобы собирались, пусть эти сволочи знают, что вы не спите!» (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

В одном из интервью замечательным образом проявились традиционалистские ожидания активного участия мужчин в решении общественно значимых проблем. Когда Екатерина Арутюнян узнала, что некто занимается химзаводом, она сразу подумала, что это мужчина (поскольку в фамилии Дронник пол никак не выражен). Но выяснилось, что проблема волнует в первую очередь женщин...

> Потом я уже стала следить по газетам: какой-то Дронник уже этим занимается. Угу, думаю, ну мужик занялся, чего мне лезть. Я еще подождала, пока этот мужик будет разбираться. А потом прочитала, что они приглашают каждую пятницу в МКЦ (досуговый центр — *О.М.*) в Сасово, что они заседают. Я решила приехать и посмотреть, что там. И сразу Вера Михайловна Дронник посвятила в эту проблему (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Специфика села в том, что там намного реже встречается такой свойственный городу феномен, как «молодые пенсионерки», то есть женщины, которые уже не работают, но имеют еще достаточно сил, чтобы заниматься общественной деятельностью. На селе наличие свободного времени меньше привязано к пенсионному возрасту: многие женщины, пока есть силы, продолжают держать приусадебное хозяйство,

занимаются внуками и т.д. В то же время сельский тип занятости (неформализованный, менее обязывающий определенные часы присутствовать на рабочем месте, не требующий временных затрат на дорогу) дает больше возможностей для совмещения общественной активности и работы. Возраст сасовских активисток и активистов — старше сорока лет, среди них много пенсионеров, но немало и работающих.

При изучении Сасовского движения бросаются в глаза большие изолированность и закрытость местных сельских сообществ по сравнению с городскими. Активисты используют свой социальный капитал, сложившиеся сети доверия, ресурсы уже существующих сообществ, которые сформировались по месту работы, вокруг библиотек, школ, церковной общины. Агитация чаще ведется при личном контакте — обход посещения на дому, и разговоры на автобусных остановках, в магазинах и т.д. (для города больше свойственны опосредованные контакты: листовки на подъездах и столбах, статьи в СМИ, Интернет). Правда, активисты отмечают, что некоторые представители сельского сообщества совсем не хотят общаться, а другие (и их значительное количество) отказывают в поддержке — из-за недоверия или страха негативных последствий. Однако в ходе кампании постепенно часть жителей проникалась к активистам доверием и начинала открыто их поддерживать.

> Я любой, вот это, митинг, я всё село один прохожу, всем вот лично, не то что там объявление какое-то, а по всем квартирам, и объясняю, что вот... Например, девушка выходит: «Ну чего я поеду?» Я говорю ей: «Ты выйди хоть, красавица, тебя за всю жизнь хоть народ посмотрит. Чего ты тут сидишь, в этой берлоге?» (*Виктор Коломенский, 54 года, активист села Нижнее Мальцево*).

> Я прям высказывала. Ну что же! Такая пассивность. Ну, говорю: и не то что... это не для Дронник надо, это для тебя надо,

для меня надо и для нас самих. Я говорю: как? Молодые. Вы строитесь. И как? Ну пусть там один куст розы завянет или там, корова один раз останется. Притом транспорт предоставляется (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

Я боялась, что ни одного человека не найду, кто бы подписал. Смотрю — подписывают. Кто-то объясняет: «Вот мне нужно будет направление брать для дочки, к нему идти. А плевать на направление, я подпишу». Вот это мне очень было приятно, что люди не боялись, не хотели от них завесть. Легче было махнуть на свои проблемы, но подписаться. Чем дальше, тем больше (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Неудивительно, что лоббисты завода пытались разрушить доверие к экологам, чтобы лишить их массовой поддержки. В частности, их обвиняли в преследовании корыстных интересов (работу на конкурентов завода, врагов России и т.д.). В рязанских СМИ было опубликовано несколько откровенно заказных статей, где именно экологические активисты обвиняются в нечестности: «Заказные политики. Заказные академики наук. Заказные экологи. Слово "заказные" в наши дни становится самым ходовым. Почему? Да потому, что сегодня это новый вид бизнеса» («Вечерняя Рязань», № 30, 31 июля 2008). Возможно, кто-то сомневающийся после этих публикаций и утратил доверие к активистам, но большинство жителей продолжали их поддерживать.

Интересно, что у сасовских экологов есть четко сформулированная стратегия в отношении тех, кто сомневается в их искренности или находится по другую сторону «баррикады». Их объявляют либо врагами (при этом активисты предпочитают открытый и активный конфликт на публичном поле — Вера Дронник всегда прямо критикует чиновников,

...оценки в интервью СМИ категоричны и безапелляционны), либо находящимися вне поля взаимодействия.

> Принцип такой: всем баранам я оставляю ихние ворота — пусть бодаются. Я иду дальше по своим делам. Я не выясняю никаких отношений, кто что сказал, сделал, подумал. Я делаю дело (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Еще одна особенность Сасовского экологического движения — активное использование материальных ресурсов, полученных от различных акторов местного уровня (преимущественно от экономически активного населения — предпринимателей, а также от руководства сельхозпредприятий, партий, органов власти). Причем значительная часть этих ресурсов предоставлялась в натуральной форме: транспорт, бензин, размножение печатных материалов, помещение, продукты питания для экологического лагеря и т. д. Никакой финансовой помощи из благотворительных фондов движение не получало. В городских движениях, как правило, жертвуют деньги сами активисты (или люди из определенной среды, уже мотивированные на поддержку конкретной деятельности). Скорее всего, это различие объясняется также более высоким уровнем доверия на селе, который снимает опасения по поводу нецелевого использования средств или прямого мошенничества. Кроме того, в большинстве случаев просьбы о помощи имели личный характер, что переводило их из безличной формы в персонифицированную, и доверие к неким «экологам вообще» трансформировалось в доверие лично к Вере Дронник или другому активисту движения.

В ходе сасовской кампании сформировалось сообщество активистов (лишь частично пересекающееся с кругом формальных членов Комитета), которые связаны не только деловыми отношениями, но и дружескими. В сообществе отношения теплые и доверительные, сильна ориентация

на взаимную поддержку и поиск компромиссов. Так, при с принимателя, который не хочет рассказывать о своей помо щи кампании, опасаясь давления властей, морально подде живают другие активисты, подчеркивая его большой вклад в общую деятельность без конкретизации. В Комитете ес критически настроенная «оппозиция», но с ее существова нием мирятся, чтобы не проявлять «авторитаризма». Не все действия лидеров движения единодушно принимаются, но взаимное доверие тем не менее сохраняется, что позво ляет группе эффективно работать уже на протяжении ше сти лет.

> Лидер у нас — дай ей Бог крепкого здоровья — Вера Михайловна Дронник. Ее светлая голова, ее светлый ум Екатерина Хаджиевна Арутюнян. Коломенский Виктор Иванович еще раз — светлые головы. Дай, Господи, им креп кого здоровья (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициатив ной группы в Аладьине*).

> [В. М. Дронник] — это самый скромный человек из нашей кампании, который всегда держится в тени, но который обе спечивает связь между нами всеми (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Базовые понятия в языке сасовских активистов замет но отличаются от тех, что используют участники движений, существующих в крупных российских городах. В нем почти полностью отсутствуют понятия из «гражданского словаря»: *права*, *граждане*, *конституция*.

Понятия *граждане* и *конституционные права* в трехчасовом интервью с завзятой активисткой Верой Дронник встречаются только трижды. Один раз — в ее ироничном высказывании по поводу вызывающего поведения односельчанок, которые продолжают мусорить, несмотря на все ее просьбы.

Как наши Гришины. Дронник обсуждали: какая она хреновая, нарушает их конституционные права. Не дает им семечки щелкать (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Второе употребление также отчасти ироничное: Вера Михайловна отмечает «наивность» владельцев завода, которые обжаловали решение референдума, утверждая, будто нарушены их права на ведение бизнеса.

После референдума они подали в суд, что он неправомочно прошел. Что в Сасовском районе притесняют бизнесменов, нарушают их права конституционные и всякие разные. И не читая закон дальше, как там идет: «если это не нарушает права граждан и интересы». В суде им дочитали, и — пошли вон (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

И еще раз Дронник называет жителей района *гражданами*, но только чтобы подчеркнуть большую ценность их мнения в этом качестве, чем от имени *просто людей*.

Люди написали тут же им заявление, граждане, и им подали заявление, что нужно выявить, что на нашей территории незаконно производят смолы (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Всерьез упоминание конституции встречается только в одном из тринадцати интервью — с жительницей города Сасово и депутатом городской думы Любовью Белихиной, человеком, больше других опрошенных включенным в политические процессы. Понятие *право* в смысле гражданских прав используют только Екатерина Арутюнян и правозащитник Вячеслав Ферапошкин.

Можно предположить, что столь низкий уровень освоенности гражданского языка говорит о его малой значимости для активистов. Взаимодействие с судами, переписка

с органами власти в Сасовском движении почти полностью возложены на одного человека — Екатерину Арутюнян. Это безусловно, этот язык хорошо знаком и понятен, но это язык общения с чиновниками, формальный, казуистичный и мало пригодный для обсуждения сути проблем с товарищами по движению. Вера Дронник невольно дает понять, что конституционные права существуют только на бумаге и всерьез говорить о них просто смешно. И если некоторые активисты социальных движений активно используют «гражданский словарь», ожидая, что он повысит значимость их публичной деятельности, выведет их из тесного закутка частной проблемы в широкое пространство «отстаивания гражданских прав», то сасовские активисты предпочитают общаться на образном языке, апеллирующем к таким простым и очевидным ценностям, как здоровье, любовь к своей малой родине, заботы о будущем детей.

Слова *земля*, *край* используются во многих интервью в связи с разной проблематикой, и это существенное отличие от крупного города.

> Столько народу было! Одних рабочих совхоза — пятьсот человек было. А сейчас вот смотрю, список привезли. Там земля пустая. Человек, наверное, триста. Земли невостребованные (*Лидия Илюшина, 62 года, участница экологического движения*).

> И сады у нас, и зелень, деревня красивая, поля, всего бы этого не было, все это уничтожилось бы, если бы этот завод сейчас работал. Все в этом абсолютно уверены, все разумные люди выходили и стояли за свою землю (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладьине*).

> Вот сегодня утром я... Смотришь в окно и думаешь: ну как нас земля-матушка терпит? (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

Так же актуально для участников сасовской кампании *мой народ.*

По-то, что вот такой вот человек непросвещенный... жалко таких людей, жалко такой народ, который дальше своего носа видеть не желает. Что творится на самом деле — ни во что не собирается нос свой сунуть... Я спросила: а что, если завтра все вымрут оттого, что народ был бездейственным? «Ну и что, все помрут, и я помру!» — говорит (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладьине*).

Они ещё боятся выступлений народа (*Наталья Широкова, 56 лет, член Комитета*).

Я говорю: что вы сидите? Выделяют автобусы, бывало, едем два-три человека, народ очень активный, может, деревенские мы это, как говорится (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

Я даже не знаю, что сейчас нужно сделать, чтобы услышали народ. Ведь выходил же уже народ! Неужели разума не хватает сообразить, что история поворачивается вспять, что революция неизбежна, ведь жареный петух так же клюнет, ведь выйдут же люди, выйдут (*Татьяна Индеева, 62 года, участница экологического движения*).

Сельских жителей отличает не только эмоциональность высказываний, широкое использование образов, но и стихийная религиозность. Мало кто из них является активным прихожанином церкви, но упоминание Бога и потусторонних сил встречается в большинстве интервью. Где-то это просто фигуры речи, но часто — вполне осознанные высказывания: сложность задачи, а также скрытые от постороннего глаза механизмы, которые стоят за принятием решений, заставляют людей обращаться к высшим силам.

Эта ложь [владельцев завода] была настолько длительной и упорной, что иногда, кажется, поверишь в чудо. Что это [закрытие завода] — воля Господа (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

Я очень рада, что со всеми этими митингами я встретилась так много с людьми, со светлыми умами встречалась. Я очень благодарна Богу и судьбе, что я таких людей узнала (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладьине*).

Более того, в ходе дискуссии активисты приходят к выводу, что некие силы наказывали владельцев завода и всех, кто им помогал: дорожными авариями, болезнями, гибелью детей и т. д. В этом слышны отзвуки языческих верований, сохранившихся в сознании современного человека.

Когда Рыбин был главой администрации и продал землю а вместе с землей воздух, воду и людей на этой земле... Он это не осознавал. Но погиб его сын, и мне все говорили: это его Бог наказал. Сказал Бог, что будет до седьмого поколения истреблять его род.
Жуткая история. Это не Бог. Это, похоже, люди. Даже на митингах были бабушки и говорили что-то про его сына...
Вот в Касимове было... Женщина-предприниматель.
Эта другая история, что-то с заводом...
У нее погибли двое детей (*Коллективная дискуссия*).

Сасовское экологическое движение и власть

Участники Сасовского движения все как один отрицают, что занимаются политикой. За понятием *политика* в России закрепилось узкое значение, подразумевающее

...ную конкурентную борьбу нескольких персон или партий на выборах. Неудивительно, что общественные активисты стремятся дистанцироваться от негативно окрашенной политической сферы. Но фактически Сасовское экологическое движение стало постоянно действующим актором политической жизни района и — до определенной степени — Рязанской области.

Отношение к власти в среде активистов характеризуется: 1) недоверием к властным институтам, чиновникам; 2) верой в личностный фактор — в неравнодушных людей в органах власти; 3) прагматическим, инструментальным подходом к тем возможностям, которые предоставляют властные институты; 4) ожиданием выполнения властными органами их обязанностей.

Инструментальный подход типичен не только для Сасовского движения. Активисты пытаются использовать любые возможности для решения проблем, в том числе те, которые связаны с обязанностями органов власти (например, с контролирующими функциями Роспотребнадзора), а также предоставляются законодательством. Значительное время сасовские экологи тратят на то, чтобы принудить различных чиновников к исполнению их прямых обязанностей: дать необходимую информацию, исполнить решения суда, составить акт о нарушении экологического законодательства и т.д. Активно пользуются участники кампании и таким инструментом, как суд, что стало возможным только после освоения непростых судебных процедур.

Отсылая к утверждению Бориса Гладырева о наличии «шизофренического недоверия государству вкупе с глубинным патернализмом[5]» среди активистов питерского движения в защиту архитектурных памятников, отмечу: среди

[5] *Гладарев Б.* Петербургское движение защитников историко-культурного наследия: от дома Дельвига до небоскреба «Охта-центра». Текст для семинара, состоявшегося в Центре франко-российских исследований 16 февраля 2012 года.

сасовских активистов я не заметила никакого патернализма. То, что Гладырев относит к патернализму, я считаю вполне оправданным ожиданием, что государственные органы будут выполнять те обязанности, которые возложены на них законодательством и исполнительной властью. Экологи много лет добивались от надзорных государственных инстанций заключения по поводу выбросов и технологических нарушений на химическом заводе, но получали только отписки; приставы стремятся как можно быстрее сложить с себя обязанности по контролю над происходящим на заводе и т. д.

На всю Рязанскую область четыре поста Росгидромета, которые должны воздух проверять. В Рязани. А здесь вообще никто ничего не замеряет. Пошла от нас волна, они приняли эту передвижную лабораторию, сделали серию заборов. А вот чтобы на уровне государства это все делалось — мы до этого, наверное, не доживем. Поэтому получается, что мы должны все это контролировать: делают — не делают, вывозят — не вывозят. На государство надеяться не приходится (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Вот эта дама, она нам очень в судах помогла. Она очень волнуется — она главный инспектор Ростехнадзора регионального. ...В день суда последнего она прислала ответ, что у них тринадцать нарушений. Причем таких нарушений, при которых нельзя вообще работать. ...Десятилетия они не видели — и тут прозрели. Суд начался, и они прозрели. Этого нет, этого нет, здание вообще с 1929 года никто не проверял (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Официально сейчас приставы еще контролируют этот завод, поскольку запрет на производство смол еще действует. Но они уже пытались три раза отбрыкаться. Они прекращают исполнительное производство, мы подаем в суд.

Они возбуждают, суд отменяет. Мы третий раз пытаемся до конца дойти (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Я не поддерживаю потому, что такой строй. Это сейчас анархический строй примерно. Ну, проверять [предприятия надзорным органам] нельзя три года. Мы вот удивляемся: предприятие нельзя три года проверять! (*Виктор Коломенский, 51 года, активист села Нижнее Мальцево*).

Недоверие к власти декларируют многие участники движения. При этом в описании конкретных ситуаций каждый орган власти рассматривается как отдельный актор; большинство из них получают критические отзывы, но они связаны с той позицией, которую заняло это ведомство (или чиновник) в вопросе с заводом. Есть и обобщения по поводу «системных явлений» в сфере государственного управления (коррупция, безразличие к проблемам населения, ложь, активное противодействие участию людей в принятии решений), но очевидно, что эти выводы сделаны на основе собственного опыта взаимодействия с чиновниками. Люди живут с чувством, что они никому не нужны, не интересны и не имеют никакого влияния на происходящее. Власть и ее проекты прочно ассоциируются у них с желанием наживы.

Сейчас уже дошли до такого уже... все переведено на деньги. Взять деньги, деньги, деньги... квартира, машина, две, три, четыре... у жены, у дочерей, у матерей, у всех квартиры, по двадцать пять. Сколько квартир? Ну, сколько предел? (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

Мы не верим ни власти, ни думе, ни [губернатору Рязанской области] Шпаку (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

Против правительства, против их писанин дурацких о вранья, что они людям все мозги заколупали, врут по о му заводу, а на самом деле ничего не изменилось. Пишо про нас, что социальное напряжение создаем, чтобы пош ряла власть доверие (*Вера Дронник, 60 лет, председат Комитета*).

Вызывала неприятие наглость заезжих химикаторов и по творствующих им властей — областного руководства и ста шего руководства района (*Владимир Хомяков, 56 лет, участник экологического движения*).

Понимаете, будет вторая революция, если наше правите ство будет так относиться, будет сквозь пальцы смотреть на все это дело и поддерживать власть имущих и богатых (*Татьяна Индеева, 62 года, участница экологического дви жения*).

По конституции статья — сейчас я уже не помню какая — го ворит, что защищать. Значит, вы имеете право жить в бла гоприятной окружающей среде. Поэтому если референдум, если на референдуме основная масса людей скажет: не нуж жен нам этот цех, — то власти должны были этому решению народа подчиниться. Мы тоже на это решение очень надея лись (*Людмила Белихина, 59 лет, член Комитета*).

Несмотря на общую негативную установку, у Сасовского движения есть опыт успешного сотрудничества с районными властями. В 2007 году обеспокоенные экологической ситуацией жители начали с подачи обращений в органы власти с просьбой учесть их мнение и отказаться от строительства завода. Не будучи услышанными, они перешли к активной критике действующих муниципальных властей во время предвыборной кампании и сыграли существенную роль в смене руководства двух районов. Сами экологи не выступали

...ержку никого из кандидатов, но один из претендентов ... Александр Анохин — включил отказ от строительства завода в свою предвыборную программу.

...пыталась попасть на все встречи кандидатов с населением, ... выборы были главы района. Особенно Рыбина, действующего главы. Он выступал, какой он хороший, пахал ..., проводил газ. ...Какой он хороший завод строит. Как ... ездил в Орехово-Зуево на экскурсию, там ему выдали ... рекламный ролик такого же завода. ...Выступает, ему все хлопают. Потом выступаю я. Так ему подсыпаю! Сначала так ... ядчиво говорю, тихо: «Уважаемый Алексей Алексеевич, ... вас так любила, так уважала, два срока вас избирала, вы ... мпозантный мужчина. Но вы не оправдали моего доверия!» И давай его честить. Он в ауте. Весь красный, как помидор. Хотел все возражать, но не получилось (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

С новым руководством района экологи попытались выстроить коалицию, но она быстро прекратила существование по инициативе чиновников. Тем не менее экологи пользовались поддержкой главы Сасовского района Александра Анохина более года, что породило противостояние районных и областных властей. Отказ Анохина от дальнейшего сотрудничества частью активистов трактуется как предательство, частью — как вынужденный шаг человека, не обладающего достаточной властью, чтобы продолжать сопротивляться давлению сверху.

> Вот разбили мы недругов — Рыбина. Держался-держался Анохин, пока мы новый завод не развалили: старый завод трогать нельзя — рабочие места, налоги (*Вера Дронник, 60 лет, председатель Комитета*).

> Что им люди? Я просто не знаю, что и делать. Ну кто должен заставить людей идти законным путем — я не знаю. Только

власть имущие. Но наш Анохин только козыряет областному правительству. А областное наше правительство козыряет этому самому (*Татьяна Индеева, 62 года, участница экологического движения*).

Несмотря на то что участники движения активно подавали иски и выиграли большую часть судов, отношение к этому инструменту разрешения конфликтов в основном скептическое. Участие в судебных процессах требует компетентности и немалых временных затрат; победа в правовом поле стала возможна только благодаря титаническим усилиям активистов, в особенности Екатерины Арутюнян, и помощи московских юристов из общественных организаций.

Что меня раздражает, как они говорят: иди в суд. Ну, ты не будешь работать, а только в суд, в суд, в суд. По любому делу — иди в суд. Ну что ж такое! Если бы в суд: сегодня к тебе пришёл бы вот так, написал, а завтра вынесли решение. Ну а суд — это может годами. ...Надо сначала еще разобраться с этими судебными делами. Это туда же надо адвоката нанимать, сам ты чего там сделаешь? Ничего не сделаешь (*Виктор Коломенский, 54 года, активист села Нижнее Мальцево*).

Когда не вмешивалась власть в дела судьи, тогда — да, в нашу пользу. И Рязань — в нашу пользу была, а вот последнее время они... Знают — документы все налицо, — что противозаконно все это, однако ж все равно (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

Очень... у них силы-то больше. Как «с сильным не дерись, с богатым не судись». У них же деньги (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

Действия чиновника, с точки зрения активистов, зависят прежде всего от его личностных качеств. Его

...ответственные обязанности и возможности лишь задают ...ницы, но поступать в отведенных ему рамках он может ...ному. Здесь очень четко проявляются специфичные ...ставления об органах власти: в глазах участников дви... это не набор институций, действующих по фикси... ...ным правилам, а совокупность людей, приобретших ...деленные полномочия.

...всем, кто к нам приезжал по этому вопросу, у нас была ...а просьба: по возможности хоть как-то вы нам помоги... ...Каждому говорили: помогите хотя бы строчкой в своем ...чете, чтобы это пошло нам на пользу.
Социолог: Ну, и помогали?
Да, кто-то пришлет вдруг письмо с Министерства эколо... ...Кто-то, например, какое-то письмо напишет куда-то. И по крупицам мы собирали информацию, на кото... ...могли основываться (*Наталья Баканова, 51 год, член Комитета*).

...., который говорил, что люди устанут, он тоже сыграл свою ...оль. Он в областной думе. Мы выходили на него, и он тоже ...мог пакет документов сделать. Чтобы мы могли этот счет ...открыть (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Принуждение органов власти к выполнению своих обя...анностей — основная составляющая деятельности многих ...циальных движений. В то же время все активнее проявля... ...бя движения, которые берут на себя функции государ...ства — как в сфере управления и контроля («Роспил», «Синие ...едерки» и т.д.), так и там, где для решения социально зна...имой проблемы требуется привлечение ресурсов. (У всех ...а слуху движения волонтеров, занимающихся поиском ...павших детей, тушением пожаров и помощью постра...давшим во время стихийных бедствий.) Так, в Сасовском ...йоне экологический Комитет организовал очистку реки

Сасовки от мусора силами сочувствующих местных жителей. К этой форме экологи перешли после того, как отчаялись добиться решения проблемы от местных властей

Факторы успеха

Что же обусловило успех Сасовского экологического движения в борьбе против химзавода? Общего мнения у активистов по этому поводу так и не сложилось. Это неудивительно: в ходе кампании они добивались множества локальных и временных побед, власти и владельцы завода то наступали, то сдавали позиции, и ключевых моментов можно назвать несколько.

Одни активисты среди главных факторов успеха отмечают вывод проблемы на федеральный уровень и привлечение внимания федеральных СМИ.

> Вот пока мы не вышли на Госдуму, Федоров нам, конечно, очень хорошо помог. Пока в Москву... не достучались до Москвы, в области вообще никакой реакции не было. Никакой абсолютно. Пишешь, допустим, в прокуратуру - идёт просто отписка: да, строят, да, штраф присудили.
> Социолог: «На момент проверки не строят».
> Да, «на момент проверки не строят». И так везде, во всех организациях — одни отписки (*Наталья Широкова, 55 лет, член Комитета*).

> А почему снесли, до сих пор загадка. Мы сами до последнего не верили. Внутри была у нас уверенность, что раз мы делаем, значит, не зря мы это делаем. Но почему, что стало последней каплей — не могу даже сказать. Есть одна версия: все-таки лично президенту в руки, кажется, Митрохин передавал текст такого содержания — «провели референдум и наплевали». Одна из версий. Если бы просто было это

обращение и не было всей предыдущей работы... Мы сде-
ли так, что нельзя было не услышать. Вот самое главное.
Нужно было добиться — чтобы нас услышали (*Екатерина Арутюнян, 44 года, член Комитета*).

Другие обращают внимание на значимость массовых протестов и уличных акций, а также на опасения властей по поводу выхода проблемы на международный уровень.

Во-первых, массой. Во-первых, они не знали, они столкнулись с такими людьми, например, вот как вы, как ещё другие... Такая информация пошла по всей стране, что... А во-вторых, может быть, еще и связано с «Гринписом»... Они, скорее всего, побоялись Страсбургский суд. Потому что они видят, какое настроение у людей, что они куда хочешь дойдут (*Виктор Коломенский, 54 года, активист села Нижнее Мальцево*).

Третьи называют настойчивость активистов кампании и заинтересованность многих жителей района.

Я не ошибусь, если я скажу, что Вера Михайловна Дронник, Екатерина Хаджиевна Арутюнян — это два главных ведущих звена... Молодцы, просто молодцы, столько духа в них, столько силы, они нам дали веру, и с этой верой мы шли дальше, всех уговаривали, всех поднимали, всем пытались доказывать, открывали глаза (*Абидат Колебаева, 47 лет, лидер инициативной группы в Аладьине*).

Но все равно, видишь. И судьи, они немножко соображают. Скажут, у нас тоже. С Мальцева до Сасова не так уж и далеко. Видишь, они поддерживали экологов (*Лидия Шишкарёва, 55 лет, участница экологического движения*).

Надо отметить, что сасовские активисты провели референдум, выиграли множество судов, но не могли добиться

сноса предприятия, пока на это не было «политической воли» губернатора. Это очень типичная ситуация для России: формально последней инстанцией считается суд, но это справедливо до тех пор, пока в события не вмешивается вертикаль власти.

Что повлияло на решение губернатора Рязанской области расторгнуть соглашение о сотрудничестве с владельцами нового химзавода, мы можем только предполагать. Система принятия решений во властных инстанциях в современной России полностью закрыта для постороннего: причины изменения позиции региональных властей доподлинно неизвестны. Скорее всего, ущерб имиджу из-за постоянных критических публикаций перевесил в его глазах экономическую выгоду от пуска предприятия.

Активистов различных движений нередко упрекают в нежелании вести переговоры с оппонентами, искать компромиссы. Сасово не исключение: и сами активисты, и журналисты описывают кампанию против нового химзавода как борьбу, противостояние, войну. Позиция лидера Комитета Веры Дронник была всегда однозначной: ни о каком компромиссе с представителями завода не может идти речи. Другие активисты в интервью говорили, что они могли бы пойти на обсуждение и компромиссный вариант – например, на установку фильтров и очистных сооружений, если бы верили в то, что эти фильтры действительно будут установлены и заработают.

Переговоры имеют смысл, если партнеры равны хотя бы по ряду позиций. Российские чиновники не воспринимают людей как субъект отношений в принципе и часто не отвечают за свои слова (ввиду практически полного отсутствия санкций в случае невыполнения обязательств). Выборы могут быть инструментом влияния только в короткий период предвыборных кампаний; привлечение чиновника к ответственности или увольнение крайне маловероятно.

Сасовская кампания явилась наглядным примером безответственности госслужащих: несмотря на многочисленные решения судов в пользу активистов, ни один чиновник за всю историю борьбы так и не был привлечен к ответственности (ни за согласование строительства завода, ни за попустительство загрязнению окружающей среды и т.д.). Наказание постигло только одного из директоров завода — суд наложил на него штраф около 100 тысяч рублей. В такой ситуации предлагаемый властью переговорный процесс в форме различных «согласительных комиссий» оказывается уловкой, имитацией, попыткой «вымотать» протест. И наиболее дальновидные активисты это понимают.

Заключение

Участники Сасовского движения декларируют свое нежелание заниматься политикой: в их глазах это грязная борьба за власть, которая сводится к соперничеству кланов за привилегии. Фактически же они, безусловно, занимаются политикой: они успешно «вторглись» в систему принятия решений и представляют интересы населения в тех сферах, которые так или иначе касаются экологии. Эта «альтернативная политика» существует параллельно официальной (столько в некоторой степени пересекаясь с ней) и продвигает в жизнь иные правила игры и ценности: открытость, честность, солидарность, объединение усилий ради общего блага. В этом смысле Сасовское экологическое движение имеет политическую составляющую.

Комитет «За экологическую безопасность г. Сасово и Сасовского района» на начальном этапе своей деятельности создал масштабную коалицию из властных и партийных структур, экономических акторов локального масштаба, активных жителей района, лидеров общественного мнения. Все они объединились против строительства

нового химического предприятия. Эта коалиция просуществовала недолго: давление «властной вертикали» вынудило многих уйти с поля конфликта. В последующие годы Комитет и его ближайшие сторонники из числа жителей играли основную роль в противостоянии с заводом, но активно привлекали других акторов (предпринимателей, общественные организации, журналистов, оставшихся сочувствующих в партийных структурах). Коалиция продолжила свое существование, хотя и в значительной степени изменила конфигурацию. Поэтому мы можем отнести Сасовское движение 2008–2010 годов к городским движениям, которые понимаются как объединение социальных движений, политических структур, индивидов, действующее на определенной территории и отстаивающее интересы населения в одной или нескольких социально значимых сферах (в нашем случае — экологической). В последующие годы, несмотря на спад активности, у движения сохранился значительный мобилизационный потенциал.

Благодаря вере в свои силы, упорству и доверию, активисты экологического Комитета смогли мобилизовать все возможные ресурсы и довести до победы кампанию против завода по производству фенолформальдегидных смол. Региональные власти не учли «прорехи» во «властной вертикали»: на местных выборах победил независимый от них кандидат, поддержавший экологов в ходе предвыборной кампании. В итоге региональным властям, продвигавшим новое производство, полтора года противостояли экологически ориентированные жители, глава района и экономические акторы локального уровня. Конфликт между региональной и местной властью способствовал их успеху. Активистам также удалось вывести проблему на федеральный уровень, где у владельцев завода не было своих лоббистов.

Российская судебная система не признается активистами независимой, но она (так же как и надзорные государственные инстанции), по их мнению, может быть

использована в интересах населения. Несмотря на резко критичный настрой по отношению к власти, у активистов не сформировалось никакой программы по реформированию политической системы или переустройству общества.

Сасовское экологическое движение, по сути, осталось локальным движением, но его цели претерпели определенную эволюцию: от предотвращения пуска конкретного химического предприятия до улучшения экологической ситуации в районе в целом и формирования устойчивого общественного контроля над всеми проектами, затрагивающими экологические права граждан. Выходить за рамки экологической проблематики сасовские активисты сознательно отказываются, поскольку уверены, что на это у них не хватит ресурсов.

После полной победы над проектом строительства предприятия по производству фенолформальдегидных смол активисты-экологи уже более трех лет добиваются контроля над деятельностью старого химзавода в Нижнем Мальцеве, так как полагают, что производство смол частично перенесено туда. В ходе судебных разбирательств было обнаружено множество нарушений законодательства об охране окружающей среды. В июне 2013 года судебные слушания по поводу полного закрытия старого химзавода еще продолжались. Кроме того, активисты Комитета и сочувствующие внимательно отслеживают новые промышленные проекты в Сасовском районе, анализируют их на предмет опасности и пытаются решать актуальные экологические проблемы района.

Карин Клеман
(в сотрудничестве
с Андреем Демидовым)

Рубцовск. Низы общества в борьбе за самовыживание

У нас дела в принципе до простых рабо-
чих вообще никому нет.

Людмила Попугаева
формовщица завода «Алтграк»
лидер инициативной группы
по проведению голодовки
в июне 2010 года за выплату
зарплаты

Бывший флагман тракторостроения на востоке страны, Рубцовск сегодня — умирающий город. Большинство его жителей выживает за счет пенсий, мелкого бизнеса, неформальных или случайных заработков, вахтовой работы на выезде, подсобного хозяйства и т. п. Одним словом, каждый «выкручивается» как может. Основное градообразующее предприятие — Алтайский тракторный завод («Алтграк», бывший АТЗ) — закрыто, грузовики вывозят металлолом с его огромной территории, помещения сдаются в аренду. Жители тоскуют по прежнему индустриальному величию города.

Рубцовск — один из нескольких сотен моногородов, переживающих упадок. Местные жители болеют за судьбу родного города, но они не сумели привлечь должного внимания к своим проблемам. Как, например, жители Пикалева

...нинградской области, перекрывшие в июне 2009 года ...ральную трассу и вынудившие Путина вмешаться в их ...фликт с собственниками градообразующих предприя... Почему в Рубцовске не последовали этому примеру? ...чему работники предпочли голодовки массовым уличным действиям? Почему не сложилось солидарное движение за спасение города? И в чем выражается сегодня борьба людей за выживание? Есть ли у этой борьбы общественно-политическая составляющая?

Ответы на эти вопросы мы пытались найти в ходе полевого исследования (1–7 июля 2011). Хотя этот город был нам ...ше знаком[1], чем другие, где у института «Коллективное действие» уже имелись сети контактов с местными активистами, работать оказалось несложно. Люди охотно шли на общение (всего было взято двенадцать интервью на разные темы, ...новном по проблемам ЖКХ и трудовым вопросам), показывали свои рабочие места и свои дома. Помогли нам местные отделения двух партий — КПРФ и ЛДПР, вокруг которых в городе разворачивается общественная активность.

1. Борьба за выплату зарплаты

Если массового движения за спасение города и не возникло, то конфликтов вокруг банкротства на «Алттраке» и, в частности, невыплаты заработной платы было множество. Задержки зарплаты начались уже в 2002 году, а в 2008-м завод был объявлен банкротом. Однако самая острая фаза социально-трудового конфликта пришлась на 2009–2010 годы и выразилась в серии локальных забастовок (в виде приостановки работы), пикетов, митингов

[1] Если не считать того, что один из авторов текста, Андрей Демидов, родом из соседнего села. Кроме того, собирая информацию для сайта ikd.ru, мы несколько раз звонили ключевым фигурам голодовок 2010 года во время их протестных действий.

(в том числе в Барнауле у здания администрации Алтайского края и в Новосибирске у офиса собственника завода — компании РАТМ). То есть работники АТЗ протестовали неоднократно, но разрозненно и хаотично (отдельными цехами и по мере того, как из-за долгов «лопалось терпение» то у одних, то у других). Усложнило процесс консолидации разделение огромного завода на несколько юридических лиц.

Работники «Алттрака» — вслед за пикалевскими событиями — угрожали перекрыть федеральную трассу и железную дорогу. Звучали такие угрозы, в частности, на пикете 18 июня 2009 года в Барнауле, напротив здания администрации Алтайского края, когда ожидался приезд Владимира Путина. Там собралось около тридцати работников сталелитейного производства с плакатами: «Заводы без работы — Рубцовск без будущего», «Рубцовск — столица безработных», «Путин, как нам жить?» После вмешательства сотрудников милиции акция была прекращена, но власти не боялись применить репрессии и не только выплатили часть задолженности, но и постарались обеспечить завод заказами хотя бы на первое время.

В итоге, хотя до перекрытия трассы дело не дошло, протест вылился в две коллективные и довольно массовые голодовки весной—летом 2010 года. Завод был уже наполовину закрыт, работающих оставалось совсем мало, и боролись за свою зарплату уже уволенные люди. Всего их было около 5000 человек, а общая сумма задолженности составляла порядка 60 млн руб.

1.1. Первая голодовка: 17–21 мая 2010 года

Первую голодовку работники начали 17 мая в палатках, затем переместились в актовый зал совета ветеранов тракторного завода. Одновременно голодали восемьдесят человек; когда кто-то по состоянию здоровья выбывал, другие приходили на смену. В предварительном списке участников

...ородовки значилось 172 фамилии. Акция закончилась ...ой победой голодающих — всем 172 участникам пол... ...ностью погасили задолженность по зарплате, выходным по... ...ским и компенсациям. Кроме того, между администраци... ...Алтайского края, руководством «РАТМ Холдинга» и соз... ...данным голодающими «рабочим комитетом» было подпи... ...сано соглашение о графике последующих выплат остальным тракторостроителям, которые в акции протеста участ... ...вовали не принимали.

Конкретной организационной работой по первой голодовке занималось по просьбе инициативной группы местное отделение КПРФ. С его же подачи возник «рабочий комитет» — неформальный орган, созданный работниками завода и местными активистами компартии и координирующий протестные действия. До этого никакого коллективного органа представительства или координации у рабочих не было. Были различные инициативные группы, которые собирали подписи под петициями или коллективными обращениями, в том числе под открытым заявлением о намерении перекрыть федеральную трассу или железную дорогу. Кроме того, делегации рабочих обращались за помощью в разные инстанции. Их везде принимали с пониманием, но обычно дальше утешительных слов дело не шло. А вот руководитель местного отделения КПРФ Сергей Юрченко предложил конкретную помощь в организации протеста. От планов перекрыть трассу он уговорил рабочих отказаться, ссылаясь на уголовную ответственность («Я им сказал: "Ребята, мы можем перекрыть — нас разгонят, и на этом все закончится. Поэтому давайте начнем, так скажем, как сейчас принято говорить, целевым методом"»), и взялся за организацию голодовки.

По словам рабочих, входящий в ФНПР[2] заводской профсоюзный комитет, который на первом этапе пытался быть

[2] Федерация независимых профсоюзов России (ФНПР) — самое крупное профсоюзное объединение страны, возглавляемое

посредником между собственником и работниками, утра
тил их доверие, поскольку выступил против акций проте
ста, предлагая, по сути, ждать милости от владельцев заво
да. «У нас профком под властью руководства» (Василий, быв
ший работник завода, ныне старший по дому); «Да. У нас
все продажные» (женщина, участница первой голодовки
«Она, эта Маслова [председатель профкома], сама боялась
чтобы ее не выгнали» (женщина, бывшая работница завода
ныне член домкома). Бездействие профкома или, по край
ней мере, недоверие к нему — одно из главных отличий меж
ду Рубцовском и Пикалевом, где заводской профком, тоже
относящийся к ФНПР, выступил координатором протеста.

Первая голодовка дала пусть ограниченные, но все же
результаты. Относительную успешность этой акции объяс
няют несколько обстоятельств. Во-первых, вмешательство
статусной партии и статусных политиков (на тот момент
Сергей Юрченко был депутатом краевого Законодательного
собрания от КПРФ). Во-вторых, накал недовольства после
многочисленных и безрезультатных акций достиг пре
дела, а местные власти, так же как и собственник, попы
тались утихомирить уступками хотя бы часть протестую
щих. В-третьих, широкое освещение в прессе и вмешатель
ство федеральных властей (возможно, вызванное собы
тиями в Междуреченске[3], которые наложились по време
ни на рубцовскую голодовку и наделали много шума, в том
числе в Рубцовске). Поскольку рабочие «Алтграка» уже угро
жали перекрыть проходящую через город железную дорогу,
власти, видимо, решили не подталкивать их к повторению
акции шахтеров Междуреченска.

Михаилом Шмаковым. Являясь наследницей советских профсою
зов, Федерация унаследовала от них склонность к сотрудничеству
с работодателями и правительством, а также настороженное отно
шение к низовым акциям протеста.

[3] 14 мая 2010 года, после взрыва на шахте «Распадская», они пе
рекрыли трассу Новокузнецк—Абакан.

1.2. Вторая голодовка: 10–11 июня 2010 года

Однако работники, не участвовавшие в голодовке, не поверили обещаниям и решили не ждать, пока с ними рассчитаются. Они тоже стали готовить голодовку. Тем более что некоторые из них в свое время тщетно пытались записаться для участия в первой голодовке. Организаторы столкнулись тогда на нехватку мест: список был жестко ограничен, а желающих оказалось гораздо больше 172 человек. И тут же возникли слухи о договоренности между КПРФ, собственником и местной властью о выплатах ограниченному количеству пострадавших. Поэтому на сей раз инициативная группа, которую возглавила работница-формовщица сталелитейного цеха Людмила Попугаева, обратилась за помощью не к КПРФ, а к местному отделению ЛДПР. После некоторого колебания (и после того, как Жириновский дал добро) ЛДПР согласилась помочь. Коммунисты, помогавшие организовать первую голодовку, заявили, что не поддерживают новую акцию, так как она «ставит под удар» достигнутые договоренности с властями и собственником предприятия.

1 июня более трехсот рабочих «Алттрака» заявили, что готовы начать новую голодовку, если в течение текущего месяца не будет произведен полный расчет. Инициативная группа начала сбор подписей за участие в новой голодовке. В итоге подписались 1086 человек.

> Объявили людям, всех обзвонили, и по телевизору говорили, и в газете писали, что идет запись на голодовку, кто согласен идти на голодовку — приходите! Люди приходили, записывались... Адрес, кабинет и номер телефона давали. И люди шли, шли и шли. Мы там дежурили чуть ли не с 6 утра, и до 10, до 12 ночи мы там дежурили, и люди шли, писали, писались (*Людмила Попугаева*).

Вторая голодовка началась 10 июня возле помещения ЛДПР и завершилась уже вечером 11 июня. Сотрудники милиции оценили площадку, на которой находились участники голодовки, заявив, что якобы в дежурную часть поступило анонимное сообщение о заложенном на данной территории взрывном устройстве. Началась «эвакуация» людей, довольно жесткая. Участники голодовки упоминают многочисленные факты давления на них со стороны сотрудников силовых органов и чиновников, которые запретили им разместиться в палатках (в частности, были звонки с угрозами, «случайные» нападения и т. д.).

> Голодовку прервали почти насильно, сотрудники правоохранительных органов буквально выжили людей с места проведения акции. ...Голодовка вызвала большой резонанс и, судя по столь оперативным действиям милиции, — большой страх. Акция все-таки подтолкнула руководство завода к ускоренной выплате долга (*Глава Рубцовского отделения ЛДПР, депутат горсовета Ирина Шудра*).

Еще одна причина большого резонанса второй голодовки, по версии ее инициаторов (которые сами не сразу поняли, почему чиновники так упорно добивались ее переноса), состоит в том, что приближалась символически важная для властей дата — 12 июня (День России). Вот местный политический истеблишмент и засуетился, чтобы этот праздник не был омрачен акцией протеста: «Представляете, День России, а тут в центре города лежат люди!» (Людмила Попугаева).

Акция напугала власти и наделала много шума — своей массовостью и неконтролируемостью (видимо, первую голодовку Юрченко организовал так, чтобы она оставалась в рамках дозволенного). Со всего города, особенно из соседних домов голодающим шла поддержка: люди приходили, оказывали помощь, знаки внимания, приносили воду.

В итоге долги были оплачены быстро и полностью всем работникам «Алтрака». Однако предотвратить распад предприятия не удалось. Впрочем, особых надежд на это у голодающих не оставалось. Большинство сокращенных работников либо уже вышли на пенсию, либо устроились на другую работу, либо уехали на заработки в соседние регионы (в том числе и в Кузбасс).

1.3. Голодовка вместо перекрытия: сопоставление с Пикалевом

Сравнение с событиями, развернувшимися за год до этого в Пикалеве[4], кажется нам плодотворным для понимания логики социальной мобилизации и расширения протестного движения. Почему в Пикалеве люди прибегали к перекрытию трассы, а в Рубцовске — к голодовкам? Почему рубцовские рабочие предпочли отчаянный, но оборонительный образ действия? И почему, несмотря на помощь и сочувствие местного населения, в Рубцовске не было по-настоящему массовых солидарных действий, объединяющих рабочих, их семьи и просто жителей во имя спасения завода и города?

Мы уже упомянули — и это существенно — о различиях в позициях традиционных (входящих в ФНПР) профсоюзов: в Рубцовске профком не стал координировать протест, в отличие от Пикалева, где он играл центральную роль в протестном движении. Есть и другие интересные черты. Рабочие «Алтрака» сразу после «примера Пикалева» несколько раз

[4] Напомним, что Пикалево — моногород в Ленинградской области, где 2 июня 2009 года жители перекрыли движение по федеральной трассе Санкт-Петербург—Вологда, требуя погашения долгов по заработной плате и запуска предприятий. Это привело к демонстративной реакции Путина (перед телекамерами он грозно приказал собственникам предприятий, в том числе олигарху О. Дерипаске, оперативно решить проблемы, вызывавшие недовольство людей).

угрожали перекрыть трассу или железную дорогу и писа ли об этом угрожающие письма. Однако до реальных дей ствий не дошло. Почему? И почему, в отличие от Пикалева поддержка со стороны жителей осталась скорее пассивной

Для начала уточним[5]: в городе Пикалево проживает гд много меньше народа, чем в Рубцовске (примерно 22 тыс против 147 тыс.), что сильно облегчает взаимодействие меж ду рабочими градообразующих заводов и остальным насе лением. И информация там легче распространяется — досто точно прямого канала «из уст в уста». Кроме того, в Пикалеве буквально весь город, в том числе и инфраструктура жизне обеспечения, зависит от работы трех предприятий, которы осенью 2008 года остановили производство.

Безусловно, отчаяние охватило людей и там и там (не по лучившие зарплату рабочие примерно в одинаковых тер минах описывают свое бедственное положение: «нечем кормить (не во что одевать) детей», «работали за булку хле ба»). Общим было и ощущение безвыходности (все сред ства, в частности письма и обращения, митинги и пикеты, уже опробованы и не дают результатов). Однако жителей Пикалева заботило еще и состояние самого города: в середи не мая 2009 года остановилась поставка газа в город, жители лишились горячей воды, могли начаться сбои с электроснаб жением и холодной водой. Это во многом и стало последней каплей, которая переполнила чашу терпения.

Кроме того, местные власти и собственники в Пикалеве вообще не занимались проблемами города, нагло, на взгляд жителей, бездействуя. Оставалась возможность докричать ся до федеральных властей, а именно до Путина. Люди

[5] Наши выводы основаны как на источниках ИКД, так и на ис следованиях П. Бизюкова и Б. Максимова. См.: *Бизюков П.* Какую роль играют трудовые протесты в регулировании трудовых отно шений? http://trudprava.ru/index.php? id=1896; *Максимов Б. И.* Яв ление России в Пикалево//Социологические исследования. 2010. № 4. С. 42–53.

были уверены, что требовалось именно его вмешательство, и до сих пор убеждены, что именно Путин разблокировал ситуацию. О приезде Путина в Санкт-Петербург было известно заранее, идея перекрытия витала в воздухе — вот и люди самоорганизовались, чтобы привлечь к себе внимание, преодолели страх перед разгоном и репрессиями[6]. Можно добавить, что вмешательство Путина обеспечило перекрытию федеральное значение и широкий общественный резонанс[7].

---

[6] Б. Максимов анализирует этот процесс: «Предпосылкой случило упомянутое доведение людей до крайности, состояние, когда "достаточно поднести спичку". Сформировался образ действий. Идея выхода на дорогу "витала в воздухе", о ней говорили на последнем митинге, в текущем общении. Такую акцию "ждали", наличествовал широкий психологический настрой. В предыдущих акциях работники прошли своего рода тренировку, обучение. В этих условиях людей не надо было организовывать, они знали, что надо делать. Далее сработал спусковой механизм (повод), в котором свою роль сыграли современные средства коммуникации. В Интернете появился сигнал, поданный неизвестно кем. Плюс к этому по городу были разбросаны листовки, тоже безымянные, ну и, разумеется, переговоры по мобильникам. Добавилось отключение горячей воды и приезд Путина в Петербург. Из интервью: "Все уже знали, что в 8 часов мы отмечаемся (на заводе, как находящиеся на простое), собираемся и идем. Прихожу... действительно, люди не расходятся, а когда накапливается много — отходит волна. Потом еще одна, следующая. Так отошло три волны. Никаких организаторов не было. Люди сами знали, что идем трассу перекрывать. Шли долго... Потом переходили даже на другое место — оказалось, что наш участок можно объехать. И все делали сами. И на дорогу выходили без всякой команды. Это потом уже подъехали наши профсоюзные лидеры... чтобы резолюцию составлять. И всякие другие деятели. Искали зачинщиков... с кем переговоры вести. А их нет. Все кричали» (*Максимов Б.* Явление России в Пикалево. С. 51).

[7] «Эпизод вполне можно было бы назвать "Явлением Путина в Пикалево", ибо это была главная его (эпизода) мета. Не выход работников на автотрассу и создание пробки в 400 километров, а именно спускание с неба Путина выделило эпизод, сделало его достоянием общественного внимания, СМИ, определенной славы

В Рубцовске местные власти все же пытались демонстрировать заботу о ситуации на «Алттраке», а долги по зарплате частично и разным группам работников медленно погашались. Правда, не без акций протеста; в частности, работники сталелитейного цеха с 2002 года регулярно проводили так называемые забастовки[8]:

> Вот мы сегодня утром написали заявление на забастовку, что мы не приступим к работе, пока нам не выплатят деньги. Мы сели и сидим. ...Это было часто и густо. Каждые почти три четыре месяца. Как только деньги не дают, мы утром пишем заявление, все вот, весь цех, что мы садимся на голодовку, мы не будем работать... на забастовку, пока вы нам не выдадите всю зарплату. Утром написали, в 3 часа дня нам деньги дают. ...Нам сразу выдавали деньги, не все, конечно, но хотя бы за месяц нам давали деньги. А без стальцеха они не могли обойтись, без наших деталей (*Людмила Попугаева, инициатор второй голодовки*).

И — основная разница — Путин не приехал в Рубцовск разбираться с голодовкой, поэтому не было уверенности, что он приедет по поводу перекрытия. Правда, идею перекрытия рабочие высказывали неоднократно — как после пикалевских событий, так и после междуреченских[9]. Но не нашлось

(правда, как всегда, мимолетной)» (*Максимов Б.* Явление России в Пикалево. С. 43).

[8] В частности, речь идет об использовании ст. 142 Трудового кодекса РФ, согласно которой в случае задержки заработной платы на срок более 15 дней работник имеет право, известив работодателя в письменной форме, приостановить работу на весь период до выплаты задержанной суммы. Формально это не считается забастовкой, поэтому работодатель не может подать иск о незаконной забастовке.

[9] В ночь с 14 на 15 мая 2010 года шахтеры Кузбасса в г. Междуреченске перекрыли железную дорогу Новокузнецк–Абакан в районе станции «Городская». Они потребовали встречи с премьер

инициаторов, и не было общей уверенности, что только это поможет; наоборот, люди были скорее напуганы, неопытны, не были лидеров и помощников на стороне: «Разогнать милиция может, и все прочее. У нас еще пока люди законопослушные, поэтому стараемся» (*Василий, старший по дому, бывший рабочий «Алттрака»*).

Да и мало было надежды на кардинальное улучшение. «Шесть заводов было вот в городе, все промышленные, сельского хозяйства — ни один не работает, все разорили, обогатились, миллиардерами стали» (пенсионерка, бывшая работница «Алттрака», подрабатывает, член домкома); «Рубцовск сегодня — это город призраков» (пенсионерка, бывшая работница «Алттрака»); «А теперь я вообще не знаю, куда наш город катится, как он дальше будет жить» (Людмила Попугаева, формовщица, инициатор второй голодовки);«Все разворовали. Уже никому не верим» (пенсионерка, бывшая работница «Алттрака»); «А кто приедет к нам сюда из Москвы? Я не думаю, что кто-то приедет» (участница первой голодовки). К тому же люди сомневались, что завод может быть рентабельным (в отличие от пикалевцев, уверенных, что три их самых крупных предприятия — рентабельны, а доводят их до банкротства собственники, прервавшие единую технологическую цепь).

Наконец, практически все наши собеседники — и представители партий, и рабочие, и жители — описывают длительное умирание города и его промышленности, начавшееся еще в 2001 году, если не раньше. (А в Пикалеве, жители которого привыкли к стабильности, три основных

министром Путиным. По сообщению участников акции протеста, взрывы на шахте «Распадская» в ночь с 8 на 9 мая, а главное, реакция властей (умалчивание и пренебрежительное отношение) на эти события стали той самой каплей, переполнившей чашу терпения шахтеров. Как убеждены протестующие, количество погибших гораздо больше, чем об этом сообщали СМИ, — погибло не менее 150 человек при официальных данных о 66 погибших.

предприятия остановились внезапно.) Проблемы с задержкой зарплаты на АТЗ начались уже тогда, в 2001-м, и люди к ним постепенно привыкали. Увольняли не всех и не сразу. Многие успевали где-то устроиться, многие, по словам наших респондентов, от отчаяния и невозможности принести деньги домой «напились»; все, кто могли, уехали из города. А основная масса просто пыталась выжить. Люди «надеялись», что рано или поздно заплатят, что власть что-то предпримет... «Дураки были», — признается постфактум Людмила Попугаева.

1.4. К вопросу о лидерах и организациях

Проанализировав события и круг участников конфликта, мы заключаем, что общегородского движения во имя спасения завода не было. Были хаотичные и спорадические всплески протеста, которые раз за разом утихомиривали, выдав деньги тому или другому цеху, той или другой команде.

Главным образом консолидации и расширению протеста помешала слабость его организационной базы, а также нехватка лидеров. Не было организации, способной координировать протест, аккумулировать требования, вовлекать людей в более-менее продолжительную общественную деятельность. Не оказалось лидеров общегородского (даже общезаводского) масштаба. Из существовавших тогда организаций ни одна не могла послужить опорой для развития городского рабочего движения.

Активных и дееспособных профсоюзов в городе мы не обнаружили. Рабочие, с которыми мы беседовали, тоже о них не слышали, а существующие профсоюзы не считают инструментом для защиты своих прав, тем более для социальной мобилизации.

«Рабочий комитет», созданный с подачи Юрченко, — это очень узкий орган для координации первой голодовки

находят в него семь человек). Он до сих пор вяло существует, в основном помогая в организации протестных мероприятий типа митингов (его члены распространяют листовки, обзванивают). Да, напомним: Комитет возглавляет Юрченко, который жалуется на отсутствие желания у простых рабочих, да и у жителей в целом стать во главе общественной организации.

Политические партии — КПРФ и ЛДПР — помогли организовать протест, однако лишь к концу конфликта (когда спасти завод уже было нельзя). И не позволили развиваться самоорганизации. Глава ЛДПР Ирина Шудра вообще заявляет, что является противником создания партией общественных организаций: «Создать какую-то конкретную, как Юрченко, организацию... я считаю, что это PR, что это под выборы... Я сторонник реальных дел — не всей этой шумихи, а сторонник реальных дел». Судя по разговорам с членами городского руководства ЛДПР, партия скорее занимается благотворительностью и оказывает социальную помощь нуждающимся. Что касается Юрченко, он пытается содействовать самоорганизации людей и их активизации, однако главное для него все-таки не рабочее или социальное движение, а партия:

> Из 5000 [человек], которые получили деньги благодаря Юрченко и коммунистам (т.е. благодаря первой голодовке. — *К.К., А.Д.*), вступили в партию всего четыре человека. И меня это не обижает. Но они сегодня сторонники, они сегодня вместе со мной, и они знают, как добиваться своих прав (*Сергей Юрченко*).

Фактическим лидером первой голодовки стал именно Сергей Юрченко, тогда депутат алтайского краевого Заксобрания и председатель горкома КПРФ, человек не с завода, который при этом обидел более тысячи заводчан, отказав им в участии в голодовке. При этом из бесед с ним,

а также с рабочими и жителями (за исключением тех, кто не попал в подготовленный им список голодающих) вырисовывается фигура политика довольно открытого, очень активного, отзывчивого, желающего и побудить людей к самозащите, и помочь им. Он бывший учитель истории («Я двадцать пять лет проработал в школе, они все у меня сегодня либо предприниматели, либо рабочие, либо бомж, либо наркоман»). Много читал Владимира Ильича Ленина и в том числе из-за этого, по собственным заверениям, убежденный коммунист. С 1992 по декабрь 2011 года он был депутатом то горсовета, то заксобрания. С 2004 по 2008 год даже работал в городской администрации, когда мэр был коммунистом, — в комитете по социальной защите. Поэтому Юрченко одновременно и системный человек (действующий реалистично и в рамках дозволенного), и правозащитник («Я не правозащитник, но тем не менее приходится выполнять эту роль»; «Там, где есть необходимость в моей помощи, я стараюсь помочь, ни больше ни меньше»), и борец (выступает организатором различных протестных акций). Более того, он пытается на каждом направлении (закрытие заводов, невыплата зарплаты, ЖКХ...) создать какую-нибудь организацию. При этом лично возглавляет все общественные структуры, созданные с его подачи.

> К сожалению, приходится возглавить... Пока нет желающих... Их же надо готовить, людей. А пока этих людей у меня, к сожалению, [нет] возглавить кто бы мог... И они мудрые все. У нас же как? Счетный комитет: кого-то, лишь бы не меня (*Сергей Юрченко*).

При этом — хотя бы на словах — Юрченко не пытается оседлать протест ради набора «очков» или кадров в пользу партии (полевое исследование подтверждает: далеко не все, с кем он взаимодействует, — члены КПРФ). На массовом митинге 20 июня 2011 года по проблемам ЖКХ, который он

помог организовать, выступали в основном непартийные. Среди жителей, активно взаимодействующих с ним и Советом собственников жилья, — большинство тоже непартийное. (Юрченко так об этом Совете отзывается: «Это актив сегодня беспартийный совершенно, который отстаивает свои экономические интересы».) Среди руководителей КПРФ он, кажется, выделяется отсутствием бюрократизма и догматизма:

> Сегодня нельзя жить тем запасом, которым мы жили. Это же безусловно... Я не был никогда, извините, функционером партийным. Выше, чем секретарем партийного бюро школы, я не был, на общественных началах. А на освобожденной основе никогда не работал — мне проще. Я убежденный коммунист, несмотря на то что партия занимается не тем. ...А то, что партия сегодня занимается многим не тем, у меня нет сомнения. Но пока я член партии, я буду в силу своих возможностей вот здесь делать. Потому что Владимир Ильич Ленин говорил: «Лучше маленькое, но практическое дело, чем трескотня, коммунизм». А мы пока трещим в большинстве своем. Хотя и мы же учимся, мы же никогда не работали в этих условиях (*Сергей Юрченко*).

Тем более удивительно, что федеральное руководство КПРФ допустило Юрченко в свой список на парламентских выборах декабря 2011 года. Более того, допустило, чтобы он стал депутатом Госдумы РФ. Наверное, его активность и компетентность (да и упорство) за него агитировали. Добавим последний штрих к портрету: он явно болеет за свой город. И в этом, наверное, сильный стимул к активной политической и общественной деятельности:

> Мне предлагали в свое время уехать в Барнаул — я не поехал, работать в администрации края. Я здесь родился, я тут нужен, и я тут сделаю больше, чем в Барнауле, хотя бьют и красные, и белые (*Сергей Юрченко*).

Лидером второй голодовки стала Людмила Попугаева, формовщица из сталелитейного цеха (с подстраховкой в лице профессионального политика, депутата горсовета от ЛДПР Ирины Шудры). В феврале 2008 года, после банкротства АТЗ, Людмила пошла устраиваться на китайский рынок. И мы там с ней встретились: она получает примерно 5000 руб. в месяц (100 руб. за выход и 2% от продажи притом что работает каждый день с 9.00 до 17.00, практически без выходных: «В отдел чужой зайти нельзя, в туалет — только по разрешению. Тут тоже не мед, но куда деваться?» Плюс пенсия — 5700 руб. со всеми добавками (горячий стаж и проч.). Муж, со своей стороны, зарабатывает около 4000 руб. на «Алтайсельмаше». У них нет своего жилья (Людмила родом из соседнего совхоза, вернулась в Рубцовск после смерти первого мужа — из Краснодара), и около 5000 руб. уходит на жилищно-коммунальные расходы. Трое детей. Два сына живут отдельно: один работает в «Алтайвагоне», другой на шахте проходчиком. Младшая дочь уже два года не может устроиться по специальности после окончания техникума и живет с Людмилой. Три дня в неделю она работает кондуктором, что приносит семье 3000 руб. Есть маленькая внучка, «искусственница», «которую надо кормить». Судя по тому, что нам рассказывали наши собеседники, большинство простых людей так и живут в Рубцовске. Пенсия спасает от бедственного положения. Но и работать приходится — много и за бесценок. Понятно, почему Людмила не может взять на себя бремя лидера, по крайней мере на длительное время (во время второй голодовки и ее подготовки за Людмилу на рынке три недели работала ее дочь, пока муж оставался дома с внучкой). Вот как она реагирует, когда ее называют лидером:

> Ну, я как-то не любитель такие роли играть. Мне вот работать и работать. Меня не трогай, и я никого не трогаю. Но если уж

...о они сидели, то я все равно своего не отдам. Я любыми путями вырву свое. Так что не знаю... (*Людмила Попугаева*).

После завершения голодовки Людмила не отказывается помогать людям с завода, когда к ней обращаются. У нее появился выход на представителей местной власти, и она заступается за людей, которым нужно решить проблемы социальной защиты, например с выплатой детских пособий, и за своих товарищей-рабочих — «по большому счету, никому нет дела до простых рабочих». Но на постоянную общественную деятельность времени совсем нет. Она пассивно участвует в политике: стала членом ЛДПР (еще до голодовки, после знакомства с Ириной Шудрой, которую «очень уважа(ет) как человека и депутата») и «по мере возможности» читает новости, старается быть в курсе политической ситуации в городе и стране. В коллективные действия не верит, несмотря на собственный опыт результативной голодовки.

Ведь мы не спасли завод, его нарочно погубили. Мне нравится наш город. Просто сейчас его загадили, что он грязный, страшный — раньше он у нас очень был красивый, даже такой, я его все равно люблю. Не знаю почему. Я очень много ездила по стране по молодости и видела много городов, все равно, хоть где я была, все равно меня тянуло домой, мне казалось, что лучше нашей Рубцовки ни одного города нет. ...Я даже, когда муж был живой первый, я всегда говорила: «Если я умру (когда на Кубани жили), ты меня только в Рубцовск увезешь, я тут лежать не буду» (*Людмила Попугаева*).

2. Нынешняя волна протеста: ЖКХ

Что осталось от этих всплесков протеста? Остались рабочие с опытом борьбы. Некоторые (кто может чуть

отвлечься от борьбы за выживание) проявляют свою активность в сфере ЖКХ, выступая против управляющих компаний (УК), поделивших между собой город (по всей видимости, при содействии главы города — все-таки отправленного в отставку в сентябре 2011 года) и уже начавших творить произвол. Сергей Юрченко и здесь пытается формировать общественные организации. С его подачи в сентябре 2010 года был создан Совет собственников жилья и старших по домам. В него входят пятнадцать человек, и возглавляет его опять-таки Юрченко. Однако, в отличие от Рабочего комитета, эта организация дееспособна, более самостоятельна (член Совета на замечание социолога о том, что митинг 20 июня организовала КПРФ, возразил: «Организовали митинг мы») и вовлекает в свою деятельность гораздо больше людей. Так, обучающие семинары Совета посещали полторы сотни активных жителей; в учредительном собрании участвовало около тысячи человек. Да и в целом сеть старших по дому (активных и избранных жильцами) достаточно обширна и продолжает расширяться по мере того, как растет недовольство «беспределом» со стороны управляющих компаний и их покровителей-чиновников.

Совет решает общегородские вопросы в ЖКХ, в первую очередь борется против так называемых «корректировок». С 2009 года управляющие компании решили, что жильцы должны компенсировать им некоторые неучтенные затраты («внутридомовые потери горячего водоснабжения» — на сумму от 1200 до 7000 рублей), что увеличивает суммы в некоторых квитанциях более чем в два раза. Жилищные активисты обращаются к властям и в прокуратуру, судятся, а также проводят митинги. Эти митинги, кстати, для 150-тысячного города оказались вполне массовыми: до трех тысяч 20 июня 2011 года (2% от общего числа жителей города — уровень мобилизации, не отмечавшийся с начала 1990-х), более тысячи 24 сентября того же года.

К сожалению, хотя в мировом суде жильцы выиграли дела по «корректировке», суды апелляционной инстанции приняли сторону управляющих компаний. Последовали пикеты «против произвола управляющих компаний и бездействия городских чиновников», по протест пошел на спад. Возрастающей динамики, на которую надеялись члены Совета и сам Юрченко, не произошло, хотя крупный митинг 20 июня 2011 года внушил надежду, что «люди поднимаются» (*Юрченко*):

> Какой блеск — я не видел таких людей за двадцать лет (*Юрченко*).

> Был у нас митинг, митинг был большой (*Людмила, старшая по дому*).

> Последний раз вот какая забастовка, около четырех точно было тысяч!
> Да, вот такие снимки в газете!
> Не считая того, что люди подходят-уходят, подходят-уходят, люди с домиков приезжали — вот с того конца города, вот Черемушки, а это вот. У меня даже адреса есть: Пролетарская, 100 с чем-то, дома. Ой-ой-ой, отовсюду! (*Коллективный разговор с членами домкома*).

> Ну что, пришли мы, покричали, повыступали, а босс, он и ныне там — ничего не меняется. Но была принята резолюция, что если тридцать дней нам не дадут конкретный ответ — отправляем мы в Москву, и тогда уже будем переходить, наверное, на лежачие какие-то забастовки, на голодовки или что, я не знаю уже, на что переходить. А пока ничего (*Людмила, старшая по дому*).

Почему не расширились ряды протестующих? Наверное, сыграли роль проигранные суды. Может быть,

повлияло также намерение Юрченко создать движение «народного ополчения», причем не только в Рубцовске, но по всей России. С этой идеей он обратился к председателю КПРФ Геннадию Зюганову[10]. Кроме того, на митинге 24 сентября 2011 года Юрченко выступил с идеей акции «гражданского неповиновения»: с 1 октября собственникам перестать платить за все коммунальные услуги и содержание жилья. Как известно по опыту, на призыв бойкота оплаты услуг ЖКХ отзываются немногие, боясь стать должником. Лидеры делают акцент на протесте в ущерб самоорганизации людей в своих домах, и в этом слабость жилищного движения в Рубцовске. Там, где старшие действительно пытаются контролировать деятельность управляющей компании (а не только протестовать), они наталкиваются на стену. «Старшие по домам... их [управляющие компании] просто посылают» (рабочий водоочистной станции, участник митинга 20 июня). В домах, где побывали социологи, активные жители выражают желание выйти из-под контроля управляющей компании и попробовать другие формы: либо ТСЖ, либо непосредственное управление (НУ)[11]. Сам факт, что о такой малоизвестной форме управления домом, как НУ, знает довольно большое количество наших собеседников, говорит о том, что жители серьезно пытаются разобраться в вопросах управления и контроля.

> Они [жильцы] мне говорят: «Давай, берись, вот, председателем или давай на непосредственное управление переходить» (*Людмила, старшая по дому*).

---

[10] Не исключено, что это было частью предвыборной тактики Юрченко — для укрепления своих позиций внутри КПРФ в преддверии парламентских выборов (хотя это всего лишь предположение социологов).

[11] Подробно об этой форме управления и о том, как она применяется активными жителями, см. в главе 5 об Астраханском движении.

...14 ноября 2009 года тут больше половины [жильцов] вышло, где-то пятьдесят три человека. Это когда выбрали контролирующий орган — мы решили: раз не признают меня за старшего, решили выбрать контролирующий орган.
Социологи: Это что за орган?
Ну, инициативная группа — назвали контролирующим. ...У нас есть контролирующий орган, я лучше, считаю, групповая, групповая компания. Когда руководитель — один старший по дому — решить вопросы с такими людьми, как управляющая компания «Наш дом», не смог. Мы когда приходили втроем, вчетвером туда, в управляющую компанию, они... отфутболить нас никак не могли. Одного они всегда могут отфутболить, вот поэтому я считаю, лучше управление коллегиальное — не один, а коллегиальное (*Брагин, старший по 96-квартирному дому*).

Как выясняется из интервью, активные жители нуждаются в действенных способах освобождения от гнета управляющих компаний. В 70-квартирном доме Ирины управляющая компания выставляет счета за работы, которые либо не выполнены, либо выполнены некачественно. На общем собрании в конце мая 2011 года, где присутствовали представители почти от каждой квартиры, люди выразили УК недоверие, однако продлили договор управления еще на один год. «Интересные вы люди, конечно», — иронизируем мы.

Да, интересные. (*Смеется.*) А куда бежать? Нам пока бежать некуда. Вы думаете, так просто уйти от управляющей компании? Тоже надо опять судиться, только через суды. Ну а что вы думаете, где-то лучше? А если все управляющие компании, все вот так вот работают, в сговоре? (*Ирина*).

В доме Брагина ситуация примерно такая же: людям хочется уйти от управляющей компании, чье управление

они с большим трудом пытаются контролировать. «Но уйти уйти — тут, с одной стороны, у нас политика администрации такая: уходите. Но как уходить, тут они все...» (Брагин)

Есть желание у активных жителей попробовать другие формы управления, но НУ пугает:

> Непосредственно тут навряд ли кто возьмется: я лично не буду браться и т. д. Тут, видите, дело с финансами и т. д. это морока. ...Но у нас есть ТСЖ, хороший. ТСЖ себя зарекомендовали сейчас, вновь созданный ТСЖ и занимается. Мы в ихние можем компании, они предлагают... Вот перешли эти, они же тоже перешли в другое ТСЖ, и все (*Брагин*).

> А нам надо честных грамотных людей научить, чтобы они могли быть председателями ТСЖ. Чтобы вот взять три дома, и человек уже грамотно где-то бы обучился и работал, не боялся бы взять вот это. ...Мы часто собираемся, мы часто объединяемся, если какие-то вопросы у нас нарастают, если какие-то недовольства, мы все это обсуждаем. Собираемся старшими... Ну, у нас инициативные есть, и старшие по домам, такие, которые собираются, дают такой клич, и где мы уже там рассматриваем, что делать дальше, какие меры принимать. Социолог: То есть это не обязательно инициатива Юрченко? Нет-нет, это уже помимо него все собирается, помимо него все делается (*Людмила*).

И действительно, в создании широкой сети старших по домам и советов домов могла бы открыться перспектива для городского жилищного движения.

К различным направлениям деятельности, связанным с ЖКХ, с марта 2011 года добавилось новое — борьба против закрытия комплекса водоочистных сооружений Рубцовска, подготавливающих питьевую воду для северной части города и ТЭЦ «Алттрака». Опять-таки координирует эту деятельность коммунист Юрченко — он один отозвался на просьбу

инициативной группы рабочих, которые обращались за помощью к представителям политических партий и ко всем ветвям власти. Обслуживало станцию семьдесят три человека, осталось шестеро — они еще несколько месяцев контролируют оборудование. В коллективной встрече с нами, которая прошла на самой станции, участвовали десять человек. Кроме писем и обращений (в том числе видеообращения к Президенту РФ) рабочие провели пикеты у здания городской администрации (как они утверждают, «вышел весь коллектив») и участвовали, в частности, в массовом митинге по ЖКХ 20 июня 2011 года.

Подавляющее большинство из уволенных на момент интервью (4 июля 2011) не смогло трудоустроиться и осталось без работы. Однако инициативная группа борется не столько за занятость, сколько за судьбу Рубцовска.

> В городе остался только «Водоканал», который уже сейчас работает на пределе. Пока воды хватает, поскольку конец отопительного сезона. Но что будет зимой? Городские сети изношены на 85%. В любое время может произойти авария, и северная часть города, ТЭЦ останутся без воды. А население Рубцовска еще и без тепла...
>
> А сейчас вообще... Но дело не в том, что семьдесят три человека выгнали за территорию — частично уже устроили, конечно... Здесь вот ребята, шесть человек, работают, присматривают за станцией. А иначе ее здесь разграбят, и все. Мы в набат бьем почему? Мы же о городе заботимся, да.
>
> Это в общем, в общем сказали, а по большому счету мы на данный момент боремся вот именно за наш город, чтобы наш город не пострадал в следующий отопительный сезон.

Есть в этой группе очевидный лидер мнений, назовем его Игорем. Он инициативный, грамотный, но считает инициативу наказуемой, а объединение рабочих в профсоюз для защиты своих прав — невозможным.

Да. Допустим, когда меня это касается — да, и все, или [не] моей семьи. А когда один-второй меня не поддерживает ты сказал, а он промычал (я уже просто знаю, на Севере по работал)... Я языком поговорил — мне больше всего и до сталось, вот и все, я пошел работать на другую работу. А м они как жили, так и живут нормально. Страдает у нас кто Кто больше всех говорит.

Когда один из рабочих сказал, что весь город должен вос стать против закрытия АТЗ, Игорь резко перебил абстрак ный разговор:

А кто бы его поднял? Я же говорю, в первую очередь нуж но что у нас? Профсоюзы! ...Вот слушайте меня опять, на счет профсоюза: профсоюз, который, допустим, в этом управлении, да, он защищает — защищает! — чьи вопросы Именно своего предприятия, но никак [не] работника, вот и все. Если даже профсоюзы, они должны быть независи мые. Допустим, профсоюзы водителей, профсоюзы шах теров, профсоюзы вот наши, примерно говорю, трудящих ся какой-то отрасли. А профсоюз, в котором, извини меня за выражение, нищий и пан... Я вообще не слышал, чтобы у нас были какие-то независимые профсоюзы.

Это главная проблема, препятствующая социальной мо билизации: отсутствие независимых и дееспособных про фсоюзов. Впрочем, как выяснилось в разговоре, рабочие не готовы взяться за создание своего, настоящего, профсоюза.

Другие общественные организации в городе действуют. Одна из них борется за признание жертв ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне и выделение им компенса ций; ей помогает ЛДПР. Деятельность ограничивается юриди ческой помощью и индивидуальными консультациями. Есть родительский комитет, борющийся против поборов, но он

не выходит за рамки своей узкой задачи. Остальные общественные организации и инициативные группы также не выходят в общегородскую публичную сферу.

Поэтому мы и пришли к выводу о том, что самое перспективное социальное движение города, которое на момент несогласованного митинга 20 июня 2011 года оказалось способным к развитию и вовлечению большого числа жителей, — жилищное. Оно тем более актуально для города, что дома заселены бывшими рабочими обанкротившихся заводов, которые, потеряв общее место работы, сохранили общее место жительства. То есть жилищное движение здесь кажется логическим продолжением неудавшегося рабочего движения в условиях упадка промышленности, когда фигура активного жильца приходит на смену фигуре уволенного рабочего.

3. Мировоззрение и социальное самоопределение

3.1. За социальную справедливость

В целом, как по оценкам политиков, так и по разговорам с людьми, общий настрой в Рубцовске таков: всю промышленность города распродали; заводы, в том числе и самый крупный, закрылись, следовательно, людям некуда устроиться на работу; ЖКХ (во многом зависящее от градообразующего завода) разваливается; город приходит в упадок. Отсюда упаднические настроение, «безнадега», обида на свой город. Отсутствие надежды на лучшее — вот основное отличие от девяностых. Тогда тоже месяцами не выплачивали зарплату, однако оставалась надежда, что тяжелые времена пройдут, и главное, как говорили многие респонденты, «была работа».

Кроме общего пессимистического настроя у людей есть чувство беспомощности: да, в 2010 году они добились

выплаты задолженности, но спасти завод не удалось, несмотря на многочисленные письма, акции протеста и голодовки. А теперь к этому разочарованию добавились проигранная борьба по «корректировке» тарифов в ЖКХ и закрытие водоочистной станции.

Да, в Рубцовске нет общегородского социального движения, нет массовой и более-менее устойчивой общественной активности. Однако есть потенциал участия в протестных действиях, который может быть реализован в случае организации общегородских акций по социально значимым для большинства вопросам, как, например, проблемы ЖКХ. Так, в митинге 20 июня 2011 года участвовали все ячейки социально активных жителей города, с которыми мы столкнулись в ходе полевого исследования, в том числе и партии КПРФ и ЛДПР.

Кроме того, атмосфера «безнадеги» не исключает критического мышления и социального или мировоззренческого позиционирования, которые могут обеспечить идейные мотивы для потенциального социального движения. Люди имеют свое представление о том, что хорошо и что плохо для города и для страны, а также о том, что справедливо и что — нет. «А сегодня ... уже понятие “нищета” перерастает в понятие “справедливо — несправедливо”» (Юрченко).

Во дворе дома, где старший — Брагин, активные жильцы собрались для общения с социологами. Временами присутствовали более пятнадцати человек — то с социологами беседовали, то между собой. Разговор довольно быстро перекинулся — по инициативе самих жильцов — от состояния дома и воровства управляющей компании к социальной справедливости как таковой.

Мужчина № 1: Кто плотит — тот и...

Женщина № 1: ... заказывает музыку.

Женщина № 2: Нужны законы.

Женщина № 3: Законы есть, ими надо уметь пользоваться, законами.

Женщина № 2: Справедливые законы.
(*Говорят хором, сложно разобрать реплики.*)
Женщина № 3: Должны быть, как тебе сказать, для всех приемлемы, не только для меня и для тебя, что меня можно судить, тебя можно, а их — нельзя.
Женщина № 2: Миллиардами ворочают...

На водоочистной станции чувство социальной несправедливости еще более четко выражено. Причем социальная несправедливость понимается как вертикально (мы, рабочие люди, здесь, внизу, одновременно лишены власти, материальных ресурсов и уважения), так и горизонтально (мы — где-то отдаленная глубинка, нас эксплуатирует центр).

Дело не в этом: за того мэра или за этого мэра — у нас на данный момент мэра скоро, по-моему, губернатор будет выбирать, а губернатора выбирает президент, вот и все. И мы, значит, слова-то вообще не будем иметь никакого. И где у нас, получается, какое-то правовое государство? Да, у нас не правовое государство — у нас вообще ничего. У нас сейчас, получается, Россия — это Москва, это Москва, это смешно. Россия — это Москва, других нету, всё, городов, областей, ничего там. Нет, они есть, в плане того, чтобы платить налоги, — тогда все есть. А в плане социального обеспечения нас нет, вот и все. Так же и здесь к нам относятся ...Как сейчас делают: возьмут что-нибудь старенькое, по дешевочке купят, последнее с него высосут (вот результат — вот этот вот завод), и всё, и это люди лишились и мест, и денег. Наш человек социально не защищен (*Игорь, лидер мнений*).

Остальные подхватили тему унижения рабочего человека и противостояния богатых и бедных:

Рабочий № 1: ...Просто отношение поменять, и все...
Социолог: Отношение?

Рабочий № 2: Отношение к людям, да, к рабочему человеку к крестьянину, хоть к рабочему. ...У нас вот даже эти подрастают, ну, новые русские, уже второго поколения которые
Рабочий № 1: Откуда они взялись у нас?
Рабочий № 2: Нашего брата они даже не считают за людей. Мы так, как вот...
Рабочий № 3: ...Муравьи в рабочем муравейнике.

В целом активным рубцовчанам свойственно развитое социальное сознание. Наши собеседники судят о политических партиях с точки зрения того, чьи интересы они защищают, а отнюдь не по пропагандистскому имиджу партии или ее лидеров. И у них, например, нет доверия к «новой партии Прохорова» (поразительно, что люди вообще знали об этом — речь шла о переходе «Правого дела» под контроль Прохорова), потому что «у олигарха не может быть дела до простого народа». А компартия, наоборот, вызывает симпатию — она защищает «народ». Тем более доверительное отношение к местному отделению КПРФ во главе с Юрченко, поскольку оно оказывает помощь активистам. Но опять подчеркнем: далеко не все наши собеседники, даже охваченные сетью социальных инициатив, которую выстроил Юрченко, являются членами КПРФ (а среди тех, кто в ней состоит, многие вступили недавно). Для наглядности приводим фрагмент разговора о КПРФ в ходе встречи с активными жильцами дома Брагина (разговор состоялся во дворе, люди постоянно подходили и отходили):

Социолог: А бывшие участники голодовки до сих пор встречаются?
Женщина № 1: Мы встречаемся до сих пор, созваниваемся с некоторыми... В КПРФ ходим, в их приемную, там встречаемся.
Мужчина № 1: Сейчас у нас доверие только к компартии.

Социолог: А идеология КПРФ вас устраивает?
Женщина № 3: Устраивает.
Брагин (старший по дому): А потому, что они за народ.
Социолог: За народ?
Брагин: За тех, которые вот так вот, низы народа. Любой вопрос, и все.
Женщина № 1: Медицину бесплатную, образование бесплатное, не как сейчас вот: не знаешь, как детей лечить и как самой вылечиться, если...

Среди рабочих водоочистной станции тема КПРФ вызывает больше споров:

Рабочий № 3: Да так: пока к власти рвутся, золотые горы обещают, как дорвались, так — до свидания...
Игорь, лидер мнений: Ну как? Так много чего... Ну, что-то есть — да, что-то можно и вернуть, что было, допустим, что-то можно, а что-то, я думаю, нельзя.

Самая устойчивая ассоциация с компартией — бесплатные общественные услуги и наличие работы: «И учились бесплатно, и медицина была бесплатная, и работа была — и три смены работали» (Людмила, старшая по дому). В этой фразе заключены мировоззренческие идеалы активных рубцовчан.

Понятно поэтому, что самое большое недовольство и возмущение вызывают «Единая Россия» («партия воров») и власти в целом, в первую очередь за то, что преследуют только свои узкокорыстные интересы, и им наплевать на простой народ, особенно на простых рабочих.

Фрагмент разговора во дворе дома Брагина:

Женщина № 3: «Единая Россия» — там одни олигархи. Что они, за нас, что ли, будут?
Женщина № 4: Там все воры.

Размышление на водоочистной станции (лидера мнений Игоря):

> То, что у нас, допустим, партия «Единая Россия», — это получается то же самое, как было при коммунистах: что хотят, то и вертят, а потом говорят: «У нас многопартийная система». Какая она многопартийная? О чем вообще говорят? Это смешно!

А вот высказывание старшей по дому Людмилы:

> А сейчас всё это [заводы] остановлено — это кому сказать спасибо? «Единой России» только сказать за это спасибо, что все заводы закрыты, люди-то безработные в основном.

Общее мнение четко выразила Людмила Попугаева, формовщица на АТЗ, инициатор второй голодовки:

> Жалко просто людей, людей наших жалко, всех российских людей жалко. А наш город, я не знаю вообще, очень жалко. Как мы живем — это вообще кошмар: у нас дела в принципе до простых рабочих вообще никому нет.

3.2. «Мы заботимся о своем городе»

Главный мировоззренческий принцип тех активных рубцовчан, с кем мы беседовали, — возмущение социальной несправедливостью. Есть и другая значимая ценность, сильно выраженная привязанность к «родному городу». Именно этим — заботой о своем городе — объясняют свою борьбу рабочие водоочистной станции. Эта забота во многом служит стимулом к общественной деятельности для других активных жителей Рубцовска. Причем у людей есть ощущение, что, кроме них, никому нет дела до их города — ни местной власти, ни федеральной, ни, тем более, частным

...ошникам. Этот заброшенный «город призраков» ну-...только коренным рубцовчанам. И во многом активность ...ной рабочих, о которой мы рассказали выше, основа-...их привязанности к месту.

...вопрос социологов, любят ли они свой город, члены ...ома во дворе дома Брагина ответили хором: «Любим, ...конечно». Одна из активных женщин продолжи-...Поэтому никуда не уезжаем. Лучше нашего города ...А потому что у нас вот все родное и знакомое для ...

...в качестве доказательства показали двор и то, как ...его обихаживают. На вопрос социолога о том, мож-...назвать их патриотами своего города, они ответили: ...если бы мы не были патриотами, мы бы здесь не сиде-...Уже давно где-нибудь бы... И не боролись» (женщина, ...домкома, участница первой голодовки бывших ра-...ников АТЗ).

Им не все равно, что будет с городом, где «я всю жизнь ...прожила, училась, замуж вышла, как же его не любить?» ...арщая по дому Людмила). Поэтому они пытаются предот-...ратить его дальнейший распад — каждый как может. Важно ...при этом отметить, что начало распада датируется 2000-ми ...годами. А ситуация девяностых — даже когда зарплата меся-...ами не выплачивалась, даже когда люди бедствовали — ка-...тся им лучше нынешней:

> А теперь я вообще не знаю, куда наш город катится, как он дальше будет жить. Ни один практически завод не работает — один «Алтайвагон», но он же не резиновый, он не может все население города трудоустроить. Вот отсюда у нас алкаши, отсюда у нас наркоманы, бомжи. У нас по городу... у нас после восьми часов вечера зимой, после шести страшно в город выйти. ...Даже такой, я его все равно люблю (*Людмила, бывшая формовщица АТЗ*).

Итоги

В Рубцовске нет городского движения, которое аккумулировало бы притязания и требования различных инициативных и протестных групп и ставило бы общую цель: спасение промышленного достояния, например, или вообще спасение города. Социальные инициативы остались низовыми и локальными — за исключением непродолжительного протестного движения в течение лета 2011 года по теме ЖКХ.

Хотя интервью с участниками различных инициатив свидетельствуют, что их заботит судьба города в целом, они не чувствуют в себе сил на нее повлиять. Есть потенциал для разового протеста, но рядовые активистские ячейки (или самоорганизующиеся сообщества) слабы, нет ни координации, ни полноценной сети самоорганизующихся граждан.

Координацией и налаживанием связей между протестующими ячейками в городе занимаются только местные отделения политических партий ЛДПР и КПРФ. Само по себе это неплохо: политические партии могут и должны играть такую роль. Плохо то, что нет других — социальных или общественных — организаций, а также то, что забота о влиянии партии часто преобладает над заботой о потенциале самоорганизации граждан, особенно в предвыборное время. Это сильно препятствует становлению более-менее устойчивых социальных движений, в частности развитию самого перспективного из них в городе — жилищного.

Среди прочих осложняющих обстоятельств необходимо учесть, что рубцовчане довольно сильно подавлены, они вынуждены тратить уйму сил и времени на простое выживание. Однако это не мешает мыслящим людям хотя бы абстрактно оценивать общеполитическую ситуацию, как в городе, так и в стране. И эта оценка крайне негативна: издевательство над народом (особенно над «низами») и власть воров.

Хотя социальное сознание (речь идет об активистах) не привело к возникновению общего движения, все

респонденты поразили нас своей проникновенностью и глубиной в вопросах о социальной справедливости. Люди среди них четко ориентируются и ассоциируют себя с «низами» общества, как в социальном плане (противопоставляя себе «олигархов» и «воров», в том числе во власти), так и в территориальном (противопоставляя себе далекую и презираемую глубинку Москву). В Рубцовске часто (по крайней мере, намного чаще, чем в других городах) звучали слова «работяга», «рабочий человек». Но произносились они не гордо, а оскорбленно. Люди возмущены презрением и наглостью тех, кто распродает и скупает по дешевке заводы, кому наплевать на судьбу провинциального промышленного города, кто эксплуатирует дешевую рабочую силу, не боясь рабочего восстания — из-за огромной безработицы (по данным Ворсенко, от 30% до 40% трудоспособного населения — безработные). Налицо предпосылки к формированию коллективной идентичности, чувства принадлежности к определенной социальной группе, к утверждению местоимения «мы» — против «они». Это и есть важное условие выхода протеста и общественной деятельности на более общий уровень, на общую цель и более широкие солидарные действия, это важная составляющая социального движения. Поэтому перспективы остаются открытыми.

Тем более что привязанность к родным и близким местам, чувствительность к узким и конкретным проблемам не ослабевают в процессе расширения кругозора. Самое широкое общее место, которое потенциально можно отвоевывать, — город. Но кроме города есть и дворовые территории, и заводы (даже закрытые, они продолжают служить референтом: бывшие товарищи по работе общаются, иногда собираясь относительно большими коллективами). Судя по всему, есть также приемные депутатов и партий — многие жильцы или рабочие говорили о них как о местах проведения коллективных встреч и собраний. Есть общая (и гордая) история промышленной мощи. Есть общие

места проживания: как правило, в своих домах люди жил
всю жизнь, а многие дома — заводские, т.е. возникает со
ственная перекрестная связь между жильцами и рабочим

В общем, у людей существует возможность причислит
себя одновременно и к патриотам любимого Рубцовск
и к презираемым и эксплуатируемым рабочим, и к обма
нутым жильцам. И они постоянно делают это в интерви
Добавим сюда их четкое понимание того, что социальн
справедливо, а что — нет. Все это позволяет сказать: в пер
спективе возможно достаточно мощное социальное движ
ние, если найдутся лидеры и возникнут дееспособные орга
низации. Правда, есть еще одно условие: если люди смогу
поверить в свои силы.

Карин Клеман

Астрахань: социальные движения и «партизанская война»

У нас началось освободительное движение.

Олег Шеин,
политический и общественный
деятель, экс-кандидат в мэры
Астрахани (14.04.2012,
на 30-й день голодовки)

Тысячи ликующих астраханцев шествуют по центральным улицам и гордо скандируют: «Мы здесь власть!» Радость и эйфория. Время от времени люди останавливаются — послушать речи идущих впереди участников голодовки и приехавших поддержать их москвичей. Машут прохожим и проезжающим машинам, растерянных полицейских приглашают «быть с народом». Возмущенно обсуждают друг с другом «беспредел» на выборах, оживленно звонят родственникам и знакомым и зовут присоединиться, радуясь, что их так много — тех, кто не побоялся заявить свою гражданскую позицию, свой протест. Все так неожиданно. Невиданное дело для Астрахани.

Это было 14 апреля 2012-го, на 30-й день коллективной голодовки против фальсификаций на прошедших 5 марта выборах мэра.

Я находилась там в качестве и социолога, и активистки. И наблюдала, как во главе демонстрантов идет лидер местной оппозиции Олег Шеин — вместе с героем «Болотного»

движения и непримиримым оппонентом власти «жуликов и воров» Алексеем Навальным, а также с федеральными руководителями «Справедливой России», представляющей системную оппозицию. Я видела, как журналисты из центральных СМИ и зарубежные коллеги охотились за информацией, жадно брали интервью у Шеина и других местных активистов, открывая для себя этот маленький провинциальный город. Я общалась со старыми знакомыми из среды общественных и политических активистов: они были воодушевлены неожиданной поддержкой со стороны VIP-оппозиционеров из Москвы и массовым выходом астраханцев. Чувствовалось столько энергии, столько энтузиазма — как будто глоток свежего воздуха, свет в конце туннеля. «Нас так много», «мы смогли», «весь город гудит», «астраханцы вышли», «вся страна узнала» — вот что они постоянно повторяли.

Их энтузиазм передался и мне, тем более что у меня тесная эмоциональная связь с местным активистским движением. На то есть причины. Личные: я не понаслышке знакома с главным героем Олегом Шеиным, за которым была замужем восемь лет. Профессиональные: я провела в Астрахани много социологических исследований. Политические: в те дни воплощались мои давние надежды — наконец-то в публичное пространство прорвалась реальная — низовая, трудящаяся, негламурная — Россия. Борющаяся, несмотря ни на что, Россия, восставшая против беспредела и унижения.

Вернувшись в Москву, я скорректировала акцент в анализе астраханских социальных движений: да, они в осаде, да, они подавлены и раздроблены, но в то же время способны к консолидации и совместным наступательным действиям. Во имя смены власти в городе, во имя освобождения города и горожан от «бандитской коррумпированной власти».

Почему стала возможной столь массовая мобилизация? Почему стало возможным образование единого социального, гражданского и политического городского движения?

Здесь я попытаюсь ответить на эти вопросы, в том числе анализируя предысторию и структуру развития социальных инициатив в городе.

Общественно-политическая ситуация в Астрахани отличается (во всяком случае, до массовой мобилизации весны 2012 года отличалась) от других (от химкинской, например, или калининградской) более выраженным локальным характером. Основные астраханские социальные движения сосредоточены именно на городских проблемах и во многом игнорируют федеральный центр (по крайней мере, «Путина долой!» обычно не является любимым лозунгом местных активистов) и социальные движения общероссийского масштаба. Астраханские общественники рассматривают федеральную власть в качестве возможного (хотя они все меньше в это верят) арбитра в разрешении городских конфликтов. Кроме того, хотя в Астрахани явно преобладает борьба по социальным вопросам (жилищным, трудовым, пенсионным), практически все социальные инициативы упираются в антисоциальную и коррупционную политику городской администрации.

Основной конфликт происходит между мэрией Астрахани (во главе с Сергеем Боженовым, избранным в октябре 2004-го и переизбранным в 2009-м от «Единой России»[1]) и сетью общественных и профсоюзных организаций, завязанных на местное отделение партии «Справедливая Россия» и его лидера Олега Шеина.

[1] После федеральных выборов 4 декабря 2011 года Сергей Боженов перешел в Госдуму РФ. 17 января 2011-го стал и.о. губернатора Волгоградской области, а 2 февраля был подтвержден в должности губернатора голосованием депутатов Волгоградской думы. После его ухода в соседнюю область и.о. мэра Астрахани стал преемник Боженова Михаил Столяров. 4 марта 2012 года, одновременно с президентскими выборами, состоялись досрочные выборы мэра Астрахани, на которых победил Столяров — с помощью тех же фальсификаций, что и Боженов двумя годами ранее.

Сергей Боженов обвиняется активистами[2] в установлении в Астрахани «воровской диктатуры». Его оппоненты приводят множество примеров беззакония и сращивания власти и криминала: поджоги в 2005 году (за 8 месяцев уничтожено 60 жилых домов в центре города, погибли 28 человек; земля погорельцев была переоформлена — либо на родственников Боженова, либо на близких к нему городских чиновников и бизнесменов); новая волна подозрительных пожаров в 2010 году; наличие чиновников с уголовным прошлым в команде мэра; «осваивание» средств, выделенных федеральным и областным бюджетами на подготовку 450-летия Астрахани (2008); заказные убийства и сфальсифицированные уголовные дела; насильственный захват рынков с привлечением бандитов; преступный (бандитский) способ фальсификации выборов и избавления от нежелательных наблюдателей — в выборах мэра 11 октября 2009 года (где Боженов «победил» Шеина), а затем в парламентских выборах 4 декабря 2011 года (где «Единая Россия» получила один из самых высоких процентов по стране — 60,17%). В результате Олегу Шеину, главе списка «Справедливой России» (основной оппозиционной партии в регионе), не хватило голосов (он получил 14,56%), чтобы остаться депутатом федерального уровня)[3]. В «благодарность» за свои услуги

[2] Я опираюсь на изложенные активистами факты и подозрения. Многие из них подтвердились, в том числе в суде: арестованы несколько близких соратников мэра, но сам он остается пока недосягаемым для правосудия. Кроме того, мнения активистов подтверждаются редкими репортажами независимых журналистов. См., напр., статью известной (и трагически убитой) журналистки Анны Политковской «Выжигание по живому» (http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/54 n/n54 n-s00.shtml); а также: http://www.novayagazeta.ru/data/2011/038/23.html (11/04/2011); http://antibojcnov.livejournal.com/1989.html (6/08/2009).

[3] По данным ассоциации «Голос», на выборах в Государственную думу по Астраханской области результаты «Единой России» были сфальсифицированы как минимум на 20%.

[illegible] был назначен губернатором Волгоградской обла[illegible] городом управляет — теми же методами — Михаил [illegible]ров, который победил (60% «за», 30% «против») на до[illegible]рочных выборах мэра 4 марта 2012 года, обойдя опять-таки [illegible] опять с массовыми фальсификациями (переписью [illegible]токолов, удалением наблюдателей, отсутствием подсче[illegible]голосов, отказом демонстрировать наблюдателям отмет[illegible] бюллетенях и т. п.)[4].

Олег Шеин был депутатом Госдумы РФ от Астраханской области с 1999 по 2011 год. Дважды избирался по одномандатному округу (пока выборы по одномандатным округам не были отменены) в качестве независимого депутата. Затем, в 2007 году, стал депутатом по списку «Справедливой России», набрав самый высокий процент (20, 2%) по стране из всех кандидатов от оппозиции. В октябре 2009 года принял участие в выборах мэра Астрахани против действующего мэра Сергея Боженова. Шеин шел на выборы при поддержке широкого спектра местных социальных движений, активисты которых агитировали за него и подписались под его программой преобразования города. Однако, как я уже сказала, в результате подтасовок и уголовного террора (все интервьюированные единодушны в этом) Боженов был объявлен победителем (с 65% голосов против 27%). Затем на выборах 4 декабря 2011 года, вследствие массовых фальсификаций, Шеин не смог набрать достаточного количества голосов, перестал быть федеральным депутатом и перешел в областную думу руководителем фракции. Его вторая попытка стать градоначальником на досрочных выборах марта 2012-го закончилась таким же поражением в нечестном бою.

Шеин впервые попал в Думу РФ на волне палаточных лагерей рабочих за выплату задолженности по заработной

[4] Видеоматериалы о фальсификациях см.: http://oleg-shein.livejournal.com/542994.html*cutid1; сводный отчет по фактам фальсификаций на выборах в г. Астрахань 4 марта 2012 г.: http://escoman.livejournal.com/6534.html.

плате весны–лета 1998 года именно как кандидат от «трудящегося народа»: он возглавлял тогда профсоюз «Защита труда» — ведущую силу местного палаточного городка. С тех пор он постоянно взаимодействует с социальными движениями, порой создает их сам или содействует их созданию.

Три краеугольных камня, на которых строится общественно-политическая деятельность Шеина: социальные движения, гражданская активность и самоорганизация людей. Он считает, что партия должна служить инструментом для развития низовых гражданских и социальных инициатив. Его цель — социальная справедливость для «простых трудящихся», «простых жителей» и особенно «простых астраханцев». Уже много лет Шеин является сопредседателем межрегионального профсоюза «Защита труда», в 2007 году он инициировал (и является его сопредседателем) межрегиональный Союз жителей.

В Астрахани за годы депутатской деятельности Шеина создана широкая коалиция общественных и политических организаций разного профиля. И его роль в развитии местных социальных движений нельзя недооценивать. С одной стороны, доминирование одного лидера ставит проблему зависимости общественных активистов от него, с другой — в отсутствие безличной координационной структуры он обеспечивает возможность консолидации различных низовых инициатив.

Я проанализировала различные местные социальные движения и инициативы, а также роль в них Олега Шеина и его партийной структуры, чтобы ответить на вопрос: а можно ли увидеть в активистской сети Астрахани признаки общегородского движения, способного как-то повлиять на политическую повестку дня в городе?

Данные почерпнуты из самых разных источников: из полевого исследования, проведенного в рамках данного проекта в две первые недели сентября 2011 года (11 интервью и 4 наблюдения активистских мероприятий); из постоянных

2000 года) телефонных разговоров и регулярных встреч с отдельными местными активистами; из регулярных посещений города и постоянного обмена информацией[5].

1. Обширная сеть социальных движений

Какими бы слабыми ни были социальные движения Астрахани, следует отметить их разнообразие и живучесть. Если некоторые (как, например, движение мелких предпринимателей-арендаторов) распались после решения проблемы (в данном случае — после принятия достаточно выгодного для предпринимателей закона о преимущественном праве аренды), то большая часть остальных действует уже много лет, переживая фазы относительного спада и относительного подъема.

1.1. Профсоюз «Защита труда»

Вероятно, ветераном постсоветских форм общественной деятельности является рабочий профсоюз «Защита труда», а шире — местное рабочее движение. Во второй половине девяностых, на волне протеста против закрытия заводов и невыплаты зарплат, в Астрахани развернулись довольно массовые коллективные действия — вплоть до перекрытия улиц и постоянного протестного лагеря под окнами губернатора. Во многом эти действия были инициированы и скоординированы новым профсоюзом «Защита труда», организованным командой рабочих и представителями рабочей интеллигенции с четкими левыми убеждениями. Спасать заводы удавалось редко, зато по части выплаты задолженности

[5] Часть данных опубликована в виде публицистических статей на странице «Астраханская область» на сайте ИКД: http://www.ikd.ru/taxonomy/term/47.

и развития самого профсоюза был достигнут успех. На этой волне депутатом Государственной думы по одномандатному округу и был избран сопредседатель профсоюза Олег Шеин.

С тех пор судьба профсоюза складывалась по-разному, но общее количество членов остается примерно на одном уровне, несмотря на растущее (со второй половины 2000-х) давление со стороны как работодателей, так и власти. Сейчас «Защита...» в Астрахани самофинансируется (членских взносов хватает для оплаты юриста). В профсоюзе около сорока первичных организаций и примерно 2000 членов. Профсоюзные ячейки на разных предприятиях ведут активную деятельность по защите прав трудящихся, есть конкретные победы в вопросах о зарплате, об условиях труда и проч. Так, астраханский профсоюз «Защита...» в МУП «Коммунэнерго» добился увеличения зарплаты сотрудникам, в ООО «Газэнерго» (одной из астраханских дочек «Газпрома») — восстановления надбавки рабочим за вредность, а в МУП «Водоканал» — дважды привлек к ответственности за нарушение прав рабочих директора и успешно сдерживает приватизацию предприятия. На ОАО «Астраханьэнерго» профсоюзным активистам удалось добиться дополнительных отпусков для работников предприятия (это еще примерно 12 дней в году) и улучшения положения самого профсоюза. На этом же предприятии «Защита...» борется также за повышение зарплаты и увеличение времени отдыха «вышкарям», поскольку эти специалисты совмещают две функции: чинят линии электропередач и работают машинистами автомобильных кранов.

То есть на отдельных предприятиях профсоюз действует достаточно успешно, проблема — в координации его деятельности на уровне города. Да и вообще, по сравнению с 1990-ми годами картина изменилась: ослабли связи между различными ячейками, почти не бывает общих собраний, профсоюзные лидеры поглощены борьбой на собственных предприятиях. «Некому нас собирать», — признаются они.

У Олега Васильевича [Шеина] куча других забот, а Яровой [бывший региональный руководитель профсоюза] ушел. Он-то имел время — он был освобожден, поскольку вышел на пенсию,— и обладал нужным опытом (*Ольга Чугунова, бывший руководитель, сопредседатель «Защиты...» на «Астраханьэнерго»*).

Бо ли из-за отсутствия лидера-координатора, то ли из-за роста напряжения на предприятиях («профсоюз душат на предприятиях», говорит Чугунова) о профсоюзном движении в целом говорить нельзя, а тем более о рабочем движении (его существование затруднено еще и промышленным спадом в регионе). Зато существует сеть более или менее активных и боевых первичных ячеек профсоюза, соединенных личными отношениями между лидерами и общим юристом.

1.2. Союз жителей

Наиболее массовое — движение жителей, организовавших самоуправление в своем доме. Это особенность Астрахани: во многом благодаря поддержке и информационной деятельности депутата Шеина, распространению газеты «Житель», а затем — благодаря агитации уже перешедших на непосредственное управление (НУ)[6] жилищных активистов, свыше 600 многоквартирных домов (около трети жилого фонда города) вышли на НУ. Конечно, не повсюду самоуправление «настоящее»; во многом это зависит от добросовестности уполномоченного, есть и «липовые», насажденные чиновниками из мэрии или бывшими ЖЭКами. Но критическая масса достигнута: жители передают друг

[6] Эта форма управления предусмотрена новым Жилищным кодексом, по которой собственники квартиры сами управляют домом через общее голосование, общее собрание и выбор уполномоченного дома.

другу информацию, занимаются пропагандой этой формы управления в своем окружении, опытные уполномоченные помогают «новичкам» советами. В целом, даже если многие жалуются («мало делается», «никто [из властных структур] нам не помогает»), жители домов с непосредственным управлением довольны: «хотя бы что-то делается, а раньше — ничего». Здесь надо учесть плачевное состояние большинства домов в Астрахани и особенно наглое бездействие жилищных контор. Скептикам сторонники НУ объясняют, что за те же деньги, которые раньше шли «в никуда», теперь они постепенно приводят дом в порядок. И для этого достаточно найти «добросовестного и активного уполномоченного с пятью-шестью помощниками».

Основной груз управления, конечно, лежит на уполномоченных (в большинстве случаев это женщины, но далеко не только пенсионерки или домохозяйки). Они жалуются на огромную нагрузку, на недостаток помощи от других жильцов; многие грозят «все бросить», но все-таки держатся: дом преобразуется, люди постепенно активизируются. Есть и гордость от того, что деньги не идут в карман коррумпированных руководителей жилищных контор, что «сами можем», «делаем сами и для себя», «спасаем наш дом». Безусловно, за исключением небольшой группы активных помощников, жильцы оказывают пассивную поддержку, а помогают, только если «попросит» уполномоченный (который там, где восстановление дома уже началось, пользуется большим авторитетом).

В 2007 году был создан Союз жителей — для объединения домов, перешедших на НУ. Основная цель этой общественной организации — отстаивать права жителей на самоуправление своими домами и земельными территориями. Для этого используются самые разные инструменты: консультации специалистов Союза, более или менее регулярные собрания уполномоченных для обсуждения текущих проблем, информационные или просветительские

компании, взаимопомощь жителей, переговоры с представителями власти и предприятиями ЖКХ, вплоть до протестных акций.

На сентябрь 2011 года в Союз жителей входили представители около двухсот домов. Точную цифру указать невозможно, поскольку членство не совсем четко фиксируется. Вроде бы членами ассоциации считаются жильцы тех домов, которые платят взносы (символические: одна копейка с квадратного метра). Однако многие платят нерегулярно (обычно — только когда нужна консультация специалиста), а многие совсем не платят, но при этом так или иначе взаимодействуют с активистами Союза.

Основной формой деятельности Союза стали почти ежедневные консультации. В помещении, бесплатно предоставленном фракцией «Справедливая Россия» в областной думе, людей принимают добровольцы — жилищные активисты, имеющие опыт непосредственного управления или ТСЖ. Принимают абсолютно всех, хотя сплошь и рядом люди приходят «с улицы» и их вопросы касаются не жилищных проблем, а трудовых, пенсионных и проч. Количество консультантов менялось со временем, но в среднем это человек десять, которые распределяют между собой дни недели и имеют разную специализацию. Консультирование добровольное, так что его вполне можно считать общественной деятельностью. Однако отсутствие денежного вознаграждения все равно затрудняет мотивацию, особенно если приходится решать сложные юридические вопросы или вести дела в судах. Некоторые «общественники» устают. Так, летом 2011 года бóльшая часть команды консультантов (ставших практически профессионалами) вместе с тогдашней председательницей Союза жителей Ириной Амбурцевой перешла в сферу оказания платных услуг. Татьяна Кулешова, заменившая Амбурцеву (и сама уже пять лет дающая бесплатные консультации), их не осуждает: по ее мнению, ставшие профессиональными юристами жилищные активисты

заслуживают оплаты или, по крайней мере, какой-то формы признания своих заслуг.

- Кроме консультаций Союз организует совещания, приглашая на них чиновников или представителей жилищных или коммунальных предприятий. В совещаниях участвуют обычно 100–200 человек, и, по их собственному признанию, они довольны и той информацией, которую получают, и тем, что там удается поднять волнующие всех вопросы, напрямую переговорить с официальными лицами, оказать на них коллективное давление.

Союз жителей ведет судебные дела. Особенно «урожайным» был тот период (весна 2010 — лето 2011), когда во главе команды квалифицированных юристов стояла Ирина Амбурцева. Так, в августе—сентябре 2010 года была выиграна серия судебных процессов против энергосбытовой компании, навязывавшей незаконные договоры на оплату освещения мест общего пользования (подъездов и т.д.). В октябре 2010-го был выигран важнейший суд против «Лукойл-ТТК» и восстановлено отнятое было у жителей с НУ право на прямые договоры и опломбировку индивидуальных счетчиков.

Пожалуй, самым «общественным», публичным и протестным направлением деятельности Союза стало проведение кампаний против попыток властей ликвидировать непосредственное управление. Один из главных инструментов борьбы — газета «Житель» (формально печатный орган местного отделения «Справедливой России», фактически - рупор социальных движений города); она выходит раз в месяц тиражом 100 тыс. экз. (когда находятся деньги) и распространяется силами активистов. Как показали интервью с жителями, газета пользуется популярностью и считается вполне достоверным источником информации, по крайней мере для части населения, и по жилищным вопросам. Очень эффективным способом агитации и помощи считаются квартальные встречи, на протяжении уже нескольких лет регулярно организуемые местными активистами. Объявления

с повесткой дня вывешиваются заранее у подъездов. К назначенному времени жители (от 30 до 100 человек) выходят во двор. Народу собирается больше, если встреча проходит с участием депутата Госдумы или местного депутата. Сначала главный эксперт по теме выступает с небольшим докладом, а затем жители задают вопросы, на которые отвечают докладчик и активисты со стажем. Нередко именно так выявляются проблемные точки квартала, а также, что особенно важно,— самые активные жители, которые затем продолжают контактировать с активистской сетью и/или берут на себя инициативу в доме.

С момента принятия нового Жилищного кодекса, вступившего в силу в марте 2005 года, было сделано несколько попыток (как федеральными властями, так и местными) ликвидировать НУ или препятствовать его осуществлению. Каждая такая попытка вызывала (в той или иной степени) мобилизацию Союза жителей. Последняя из них произошла весной 2011 года: в Госдуме РФ обсуждали поправки в Жилищный кодекс, угрожающие НУ. В ответ силами активистов Союза в Астрахани была организована массовая кампания по отправке факсов. В результате (и также благодаря мобилизации жилищных активистов других регионов) НУ удалось отстоять.

Конфликт с мэрией Астрахани имеет, похоже, другую природу. Мэрия обвиняется в бездействии (ЖКХ, и в частности жилищный фонд в городе, приходит в упадок[7]) и в давлении на жителей (чтобы те выбирали иные формы

[7] Город стоит на болоте, теплосети (трубы) лежат на поверхности, улицы (а порой и дома) затапливаются, многие дома, в том числе в центре, разваливаются. Процент ветхо-аварийных домов очень высокий — 14%. Создается впечатление, что в ЖКХ города практически ничего не делается уже много лет. Ремонт домов и инженерно-технического оборудования (даже текущий), судя по откликам жителей (до принятия дома в самоуправление), почти не проводится. Самая обычная картина для Астрахани: ржавые трубы и стояки, затопленные подвалы, вонючие подъезды и сломанные лифты.

управления домом, более выгодные управляющим компаниям и прочим жилконторам, находящимся под контролем местных чиновников).

Кто входит в Союз жителей? В основном уполномоченные дома и председатели ТСЖ. Однако большинство из них не чувствуют себя причастными к деятельности Союза, а просто потребляют предоставляемые им услуги (юридические, информационные, представительские). Возглавляют Союз формально три сопредседателя, на самом деле тот, кто проявляет наибольшую активность. Коллективный орган руководства — правление, куда входят 10–12 человек. Высшая инстанция — съезд, который проводится (сейчас, после переформатирования Союза жителей в 2010 году) четко раз в году. Кроме того, большую роль играют активисты, проводящие консультации. Хотя устав у Союза существует, с 2007 по 2009 год он функционировал преимущественно по неформальным правилам — в соответствии с личным вкладом и инициативой самых авторитетных личностей. В 2010 году была сделана попытка формализовать деятельность, членство и структуру Союза жителей. Однако на практике по-прежнему доминируют стиль управления и предпочтения ключевых лидеров.

Многие из самых активных членов (в особенности те, кто проводит консультации) — идейные люди (как правило, это женщины). Они хотят помочь людям самим управлять своим домом, поскольку убедились на собственном опыте в эффективности и выгоде такого подхода. Я смогла убедиться в их преданности делу и ответственности во время очередной поездки, когда шла бурная подготовительная работа к всероссийскому съезду Движения жилищного самоуправления, организованному в Астрахани 28–30 сентября 2007 года. Каждый день в маленьком помещении Союза жителей собирались 10–15 активистов; они обзванивали людей, готовили папки, тиражировали материалы, распределяли между собой задачи. Каждый приносил с собой что-нибудь вкусное, и время от времени там устраивались

дружеские чаепития. Помнится характерный инцидент. В день до приезда иногородних муж той женщины, которая должна была встречать людей на вокзале (кажется, как раз Татьяна Кулешова, третья руководительница Союза), попал в больницу с инфарктом. Она никому ни слова не сказала и на следующий день в 6.00 была на своем посту с табличкой — и встречала всех улыбкой.

Трудно сказать, что объединяет всех этих людей. Очевидно, чувство солидарности при спасении своих домов от упадка и от захвата со стороны городской администрации играет большую роль. Разговоры постоянно вращаются вокруг уловок мэрии и вокруг разных способов ее саму похитрить. А на индивидуальном уровне чувствуется значимость самоутверждения. Каждый делится опытом, каждый может ощутить собственную полезность. Наконец, Союз жителей — это место постоянного общения единомышленников, где царит дружелюбная атмосфера (что тоже очень привлекательно). Меньше разговоров, больше профессионализма — это, кстати, один из призывов, адресованных Союзу командой покидавших его юристов.

Поскольку структура Союза жителей, так же как стиль его деятельности очень зависят от руководителей, остановимся на некоторых из них. Первой была Валентина Воронина, уполномоченная по дому на улице Софьи Перовской, 105, пенсионерка, занимающаяся мелким бизнесом. Ее больше интересовала политическая деятельность, и Союз она развивала скорее по принципам «тусовки» и благотворительности (приятно общаться, помогать хорошим людям). Вторая руководительница, Ирина Амбурцева, уполномоченная по дому на Советской, 2, училась на юриста и делала упор на оказание грамотных юридических услуг, рассматривая членов Союза как получателей помощи. Третья руководительница — Татьяна Кулешова, уполномоченная по дому на улице Бориса Алексеева, 49, пенсионерка — хотела бы придать деятельности Союза общественный характер (больше

собраний, обмена опытом, мобилизующих мероприятий), но у нее не хватило времени: в начале 2012 года она уехала из Астрахани.

Воронину исключили из Союза жителей (официально, на очередном съезде). В подоплеке — личная ссора между ней и Олегом Шеиным, случившаяся после выборов мэра города в октябре 2009 года. Точно назвать причины ссоры трудно. Воронина обвинила Шеина в неблагодарности и непризнании ее заслуг, а также в том, что он якобы не хочет защитить ее сына от уголовного преследования[8]. Шеин, со своей стороны, обиделся на несправедливые обвинения и на клевету, которую распространяла Воронина. Но конфликт был далеко не только межличностным. Возникли разногласия относительно направления работы Союза жителей. Многие жилищные активисты полагают, что Воронина слишком рьяно ориентировала эту организацию на поддержку «Справедливой России» на выборах. Людям также не нравилось, что встречи в кругу «своих» (попить чаю, «приятно поболтать») сменились серьезными делами, в фактическом руководстве Союза оказались люди, которые не имеют отношения к теме, зато находятся в дружеских отношениях с Валентиной. Кое-кто подозревает ее в желании использовать Союз для построения своей политической карьеры. Сама Воронина утверждает, что всегда работала самоотверженно и бескорыстно, тратила уйму энергии, сил и даже денег на поддержку Союза жителей. Она подозревает, что против нее интриговали и выгнали несправедливо. В данном случае вынести однозначное суждение невозможно, поскольку конфликт не был публичным, а разговоры и объяснения велись за кулисами.

[8] Сына В. Ворониной, который во время выборов был наблюдателем от «Справедливой России», обвинили в избиении председателя ТИКа Советского района. Хотя на самом деле все произошло совсем наоборот: его пытались насильственно отстранить от наблюдения.

О втором конфликте — с покинувшей Союз Ириной Амбурцевой и ее командой юристов (летом 2010) — известно еще меньше. Публично — их пути просто разошлись: одни занимаются профессиональным юридическим консультированием за деньги (но с энтузиазмом), другие ведут дела Союза жителей по-прежнему. Однако здесь тоже называются разные причины: конфликт личного характера между командой юристов и некоторыми руководителями местного отделения СР; обвинение юристов в корысти, а некоторых партийных деятелей — в продажности и предательстве дела жилищного самоуправления; желание более четко дистанцироваться от партии (хотя почти все члены команды юристов — члены «Справедливой России»); обида на непризнание заслуг и непроявленное уважение. К сожалению, конфликт развивался подспудно, порождая все эти домыслы, а когда дело дошло до открытых обсуждений, раскол фактически уже состоялся.

Нестабильность в руководящем органе свидетельствует о преобладании личностных моментов в организации, а также об отсутствии четких ориентиров: чем должен заниматься Союз, какова его конечная цель? Олег Шеин (который номинально тоже является руководителем Союза, но вмешивается в его деятельность только в кризисные моменты) стремится к созданию полноценного общественного движения. Другие лидеры вроде бы не против, хотя «пусть занимаются общественным делом общественники, мы не можем всем заниматься» (из интервью с Амбурцевой и командой юристов).

В итоге Союз жителей не может быть признан полноценным общественным движением[9]. Знают о его существовании и взаимодействуют с ним только уполномоченные и их помощники. Да и уполномоченные видят в нем юридическую контору или защитника, но не чувствуют себя

[9] Подробнее о проблеме «общественного» в Союзе жителей см. с. 345—363.

причастными к большой общественной силе (хотя объективно это так и есть: сеть уполномоченных и активистов НУ очень широка и охватывает почти все кварталы). Низовое звено жильцов об этой организации практически не знает. Кроме того, за некоторыми исключениями Совет редко мобилизует жителей для коллективных действий, сосредоточившись на оказании бесплатных консультаций.

1.3. Движение маршрутников

Более самостоятельно, стабильно и уже давно (с 1998 года) действует в Астрахани движение маршрутников (местные индивидуальные перевозчики объединены в Региональную ассоциацию автоперевозчиков — РАСА). Они проявляют большую активность и сплоченность, в первую очередь потому, что их бизнесу (как правило, семейному) угрожают планы мэрии по преобразованию рынка транспортных услуг. По мнению лидера движения Дамира Булатова, принятие новой маршрутной сети означает ликвидацию 90% индивидуальных перевозчиков, поскольку ставка делается на укрупнение и создание монополии. «Это смерть для индивидуальных предпринимателей», — возмущались участники очередной конференции маршрутников (она прошла 8 сентября 2011 года, и на ней было принято решение готовиться к забастовке). Вдобавок к этой проблеме возникла угроза раскола ассоциации — усилиями мэрии, создавшей подконтрольную ей гильдию автоперевозчиков. Поэтому на упомянутой сентябрьской конференции призывы к сплоченности звучали чаще и громче.

> Мы действовали и действуем как один кулак, нам надо дальше держаться вместе! Надо быть едиными, мы будем вас поддерживать. В семье не без уродов, давайте составим список тех, кто перешел в гильдию, подготовьте эти списки по каждой линии, будем проводить воспитательную работу. Пока мы едины — мы непобедимы! (*Дамир Булатов*)

Перевозчики отличаются большой мобилизационной способностью: с 2007 года они регулярно выходят на акции протеста: то против слишком низких тарифов, то против состояния дорог, то против проведения конкурсов. Причем каждый раз собирается несколько сот человек, способных прорваться в любой кабинет для переговоров. Бывали и совместные акции с другими социальными инициативами, в частности в конце 2010 года они выступили вместе с пенсионерами, добивающимися сохранения льготного проезда.

Судя по разговорам с рядовыми членами ассоциации, у них две основные темы: защита личных интересов («я работаю со своим мужем, что с нами станет, если дело наше закроют?») и возмущение городской властью («выиграет конкурс тот, кто платит мэрии»; «они перекраивают рынки для продвижения "своих"», «им наплевать и на нас, и на пассажиров»; «нас замучили штрафами по любым поводам, но мы отбиваемся в суде»; «они никогда к нам не пойдут — это не по-барски, но мы сами прорываемся, не боимся»).

На конференции в сентябре 2009 года маршрутники приняли коллективное решение поддержать на выборах градоначальника главного врага мэра — Олега Шеина. (Они знали Шеина уже много лет: он помогал с помещением для собраний, служил посредником при встречах с чиновниками, «покрывал» своим статусом несанкционированные митинги или шествия.) Более того, было решено принять действенное участие в предвыборной кампании, размещая, например, на принадлежащих членам ассоциации «газелях» агитационные материалы, чтобы, как сказано в резолюции, «противостоять установленной в местных СМИ тотальной цензуре». В результате начались репрессии: у многих прокололи шины или сняли номера, были случаи избиения водителей (при попытках сорвать плакаты) и даже поджогов машин.

Конечно, не все перевозчики участвовали в предвыборной кампании, но эффект массовой агитации получился.

В итоге многие понесли солидные потери и держат злость на Боженова и, как ни странно, иногда на Шеина. «Мы тогда пошли за Шеина, нас избили, прокололи шины, а он потом отстранился и оставил нас на растерзание» (здесь стоит повторить, что многим активистам присуща иллюзия о всемогуществе Шеина). Тем не менее два года спустя, в сентябре 2011 года, Шеин выступил с трибуны на конференции маршрутников, а их взаимодействие с фракцией «Справедливая Россия» было зафиксировано в резолюции. Однако после выборной кампании 2009 года перевозчики стали более настороженно относиться к политической борьбе и на последующих выборах уже не афишировали свои политические симпатии столь открыто.

Несмотря на это, в апреле 2012 года они участвовали в массовых выступлениях против фальсификаций на мэрских выборах. Более того, в это время они как раз бастовали (забастовка, запланированная на декабрь 2011 года, была перенесена из-за обещания, данного мэрией, оставить их в покое). К 12 часам дня 13 апреля, на 28-й день коллективной голодовки против фальсификаций, на площадке у городского стадиона собралось около восьмидесяти машин, несколько сот водителей и членов их семей. Забастовщиков приехали поддержать Олег Шеин и несколько голодающих, а также оказавшиеся тогда в Астрахани депутат Госдумы РФ от «Справедливой России» Дмитрий Гудков[10] и герой антикоррупционной борьбы Алексей Навальный[11].

---

[10] 13 марта 2013 г. он исключен из партии «Справедливая Россия» за отказ подчиниться решению партии о выходе членов руководящих органов СР из Координационного совета оппозиции.

[11] Автор одного из самых рейтинговых общественно-политических блогов в «Живом журнале». Известен своей борьбой с коррупцией в России и лозунгом «Против партии жуликов и воров». Создатель и руководитель антикоррупционного проекта «РосПил». Один из лидеров движения «За честные выборы». В апреле 2013 года начался суд над ним с обвинением в хищении имуще-

Перевозчики выступали против планов мэра города Столярова передать городские маршруты волгоградским предпринимателям, заменив маршрутки большими автобусами. В разговорах с протестующими выяснилось, что они связывают действия мэрии с ощущением безнаказанности, которое появилось у Столярова и его команды после «шестящей» победы на выборах. Толчком к протесту послужило то, что накануне предприниматели девяти маршрутов получили из мэрии письма о расторжении с ними контракта. По мнению Дамира Булатова, в городе «из 1460 "газелей" должно остаться всего 166 машин». Однако, кроме того, газельщики демонстрировали свою поддержку Олегу Шеину. «Ведь человек тоже хочет справедливости, то же самое, что и мы», — объяснил свою позицию один из бастующих; а прошедшие мэрские выборы он оценил так: «Все по-черному было, весь город это знает». Другой забастовщик уточняет: «Скорее чем за Шеина, мы протестуем против мэрии, которая лишает народа возможности честно работать». В любом случае водители маршруток не побоялись выразить поддержку голодающим. Плакаты, вывешенные на маршрутках, гласили не только «Дайте нам работу!», но и лозунг предвыборной кампании «Олег Шеин: городу нужны перемены!».

1.4. Движение пенсионеров-льготников

Другое направление социальной борьбы — за сохранение льгот. Со времен первых массовых выступлений против монетизации льгот в Астрахани почти каждый год проходят кампании за сохранение отвоеванных (сохраненных) льгот (2006–2007 — против угрозы отмены льготного проездного;

ства КОГУП «Кировлес» — по инициативе Следственного комитета России, который возобновил это дело в мае 2012-го, сразу после «Марша миллионов». Навальный — член Координационного совета оппозиции и выдвигает свою кандидатуру на выборах мэра Москвы, которые состоятся в сентябре 2013-го.

2009 — против монетизации льгот на ЖКХ; 2010 — против угрозы отмены льготного проездного по пригородным направлениям). Каждый раз борьба заканчивалась победой — благодаря нескольким факторам. Во-первых, кампании были последовательными (ветераны по несколько раз выходят к областной думе или обращаются к губернатору, вынуждая рассмотреть их требования, отслеживают результаты, снова собираются). Во-вторых, помощь кампаниям оказывали Шеин и фракция «Справедливой России» в облдуме. Наконец, происходила массовая мобилизация (от 500 до 3000 человек), особенно в 2006–2007 годах, когда акции протеста несколько раз выливались в стихийные перекрытия центральных улиц.

Однако полноценного движения пенсионеров в Астрахани не существует: кампании протеста продолжаются ровно столько, сколько нужно для решения проблемы. Кроме того, на волне протеста не создается никаких организаций или координационных органов. Ветеранские же организации крайне пассивны и зависимы от местных властей. Лишь в ходе кампании 2010 года была создана неформальная сеть Союз дачников. Она объединяет представителей около тридцати садоводческих товариществ, которые проявили наибольшую активность в борьбе за сохранение «дачного проездного». Руководящих и координационных органов нет и у этого Союза, есть просто неформальная инициативная группа. Конечно, структуризации помогло существование дачных сообществ (товариществ и проч.). Но опять-таки не обошлось без предложения Олега Шеина создать хотя бы неформальную организацию, которая бы продолжала отслеживать ситуацию и поддерживала контакты со всеми дачными сообществами. Союз дачников действует до сих пор. Его ключевые активисты помогли кандидатам от «Справедливой России» в кампании декабря 2011 года (на федеральных и региональных выборах), а также участвовали в мэрской кампании марта 2012-го и в последующей волне протеста.

1.5. Жители общежитий

По сравнению с общероссийской волной мобилизации жители общежитий в Астрахани активизировались позже, когда накопились серьезные проблемы, в основном связанные с аварийным состоянием зданий, большая часть которых к этому времени уже находилась на балансе муниципалитета. Детонатором стало обрушение 22 июля 2009 года общежития по улице Савушкина, 39/2, унесшее жизнь пяти человек. После трагедии люди несколько раз выходили на акции протеста, большинство из которых отказалась согласовать мэрия и пыталась пресечь милиция. Разогнать акцию хотели даже 4 августа, когда около 200 человек разбили палатки у развалин общежития — в знак протеста против бездействия мэрии, которая не только не расселяет людей, но и отрицает всякую ответственность за трагедию (хотя суд постановил иначе). До сих пор, несмотря на следующие акции протеста, судебные тяжбы и выход проблемы на федеральные телеканалы, люди так и живут — кто в больнице, кто в маневренном фонде («вот так и к нам относятся, как к баранам каким-то»). До обрушения жители вели себя довольно пассивно, ограничивались письмами и обращениями, где предупреждали об угрозе трагедии. Лишь когда трагедия все-таки произошла, возникла инициативная группа. В нее входят четыре-пять человек, которые ведут судебные дела и держат связь с остальными жителями. По словам лидера группы Габиля Джавадова, целью инициативной группы стало не столько расселение людей, сколько посадка мэра Боженова (пока пострадал лишь заместитель): «хочешь не хочешь, надо бороться, чтобы его посадили». На митинги после обрушения люди из этого общежития выходили с лозунгом «Убийц к ответу!».

Несколько стихийных выступлений жильцов из других общежитий (в виде перекрытия крупных магистралей) были связаны с регулярным отключением электроэнергии

по вине управляющих компаний, в частности в октябре 2010 года. Акции заставили городскую администрацию реагировать, и свет включили.

Общая проблема большинства общежитий — их аварийное или полуаварийное состояние. Тем не менее в июле 2010 года с легкой руки мэрии 67 общежитий были переведены из маневренного в жилой фонд, что сразу породило новые проблемы: отказ муниципалитета от ответственности за состояние зданий и навязывание жильцам не выбранных ими управляющих компаний. Однако пока активные коллективные действия предпринимают только в тех общежитиях, где есть инициативные группы (они, например, пытаются добиться капремонта за счет бюджетных денег). Основная масса жильцов — пассивна, во многом из-за того, что люди с трудом сводят концы с концами. Живут в общежитиях маневренного фонда (несмотря на формальные уловки мэрии, большинство зданий фактически относится к этой категории) люди бедные, многие из них потеряли прежнее жилье или работу. Есть часть совсем пролетаризированных людей, живущих в нищете и потерявших надежду на лучшее. Они думают лишь о том, чем кормить, во что обуть и одеть свои семьи, если вообще не опустились на дно.

> Люди неграмотные... не знают свои права. Когда они знают свои права, они начинают требовать. А если не знают, они как слепые, не знают, что делать... Да еще надо, чтобы люди имели хотя бы самый минимум — чем одевать, кормить детей... (*Габиль Джавадов*)

И все-таки (снова с подачи Олега Шеина) летом 2010 года активистские ядра объединились в неформальный Союз жителей общежитий. Степень координации в нем крайне слаба, но в кризисные моменты люди могут проявлять активность и оказывать друг другу поддержку, в первую очередь для решения судебных задач. Кроме того, жители разных

общежитий, в частности с улицы Савушкина, участвовали в митингах протеста против фальсификаций на выборах мэра Астрахани, как в 2009-м, так и в 2012 году.

Однако о движении жителей общежитий можно говорить лишь с натяжкой. О его политизации говорить и вовсе не приходится: кроме некоторых индивидуальных исключений, активисты Союза жителей общежитий далеки от политики. Они принимают помощь, откуда бы она ни исходила, считают Боженова врагом, но не ввязываются — по крайней мере, коллективно — в политические конфликты.

1.6. Работники рынков

В Астрахани, где промышленность (рыбкомбинат, судостроительные и судоремонтные, сельхозперерабатывающие предприятия) уже в девяностые годы почти вся развалилась, многие, оказавшись выброшенными с заводов, перешли работать на рынки. Но и здесь начались проблемы... Они связаны как с общей федеральной политикой (по новому федеральному закону о розничных рынках уличные рынки должны быть переведены в капитальные здания), так и с земельными аферами мэрии. Как правило, мелкие торговцы — как наемные работники, так и владельцы маленьких ларьков — активизируются под угрозой закрытия рынка.

Довольно мощная волна протеста прошла в 2007 году, когда как раз принимался областной закон о «перепрофилировании» рынков. С января по май люди приходили к Государственной думе Астраханской области — требовать сохранения своих рабочих мест. Наиболее массовая акция (около 3000 человек) прошла 31 мая в виде несанкционированного шествия и перекрытия дорог. В итоге срок осуществления «перепрофилирования» был перенесен.

Надо понять: те, у кого собираются отобрать бизнес (и единственный источник доходов), настроены весьма

радикально. На митинге 31 мая 2007 года я познакомилась с женщиной, которая в качестве наемного работника зарабатывает на рынке от 5000 до 6000 рублей в месяц (процент от торговли). Кажется, копейки, но без них она не сможет выжить:

> Кто меня в таком возрасте возьмет на работу? Спасибо, хоть рынок выручил. С тех пор как трикотажный завод закрылся, я работаю на рынке, вот уже девять лет. Я бы с удовольствием работала на заводе по специальности, да все заводы закрылись. Куда мне идти, если еще закроют рынок? Я одна меня никто не накормит! [Я] готова стоять до конца. ...Если надо, будем ночевать на рынке, но не дадим снести наши ларьки! (*Лена, 54 года*).

В 2012 году мало что изменилось, по крайней мере в настроениях. Мелкие торговцы все еще боятся за свои места, все так же мало зарабатывают и всеми силами держатся за эти заработки. Но нажим со стороны местной администрации усилился, и ради выживания многие отказались от борьбы, соблюдая осторожную лояльность. И если в 2007 году профсоюз мелких торговцев (входящий в «Защиту...») рос, то сейчас тенденция переменилась. Сохранились очень небольшие профсоюзные ячейки на считанных рынках. В основном они занимаются защитой рабочих мест — не без некоторых успехов. Так, после двух лет судов и десятков депутатских запросов на рынке «Большие Исады» все члены профсоюза (их примерно шестьдесят человек, а всего там работают несколько тысяч) сохранили свои рабочие места.

Однако было и громкое поражение, которое еще долго может тормозить мобилизацию. В ночь с 31 августа на 1 сентября 2010 года рынок «Селенские Исады» был разгромлен силами милиции и криминальных группировок — вопреки

предостережению прокуратуры[12]. Проблемы у работников рынка начались уже в 2005 году, с приходом к власти новоиспеченного мэра Боженова. Предприниматели (в основном женщины) в течение трех лет проводили круглосуточное дежурство, ночью дежурили по два-три человека, в том числе семьями. Несколько раз они «живой стеной» преграждали дорогу стройтехнике. Но 30 августа 2010 года включилась «тяжелая артиллерия». Появились приставы, чтобы отобрать у людей палатки. В первые два дня женщинам удавалось отстоять свое имущество. А 31 августа, к шести утра, на рынок заявились бойцы «Русского клуба», «Татарского профсоюза» и др. По словам очевидцев, им помогали милиционеры (которые в предыдущие дни вели себя пассивно). Весь день шло противостояние работников и «братвы», дважды вспыхивали драки. Были избиты несколько женщин, включая лидера профсоюза мелких предпринимателей Марию Кочетову. Одной предпринимательнице пришлось вызвать «скорую помощь». В результате бандитам пришлось отступить. Люди их оттеснили, а прокуратура внесла предостережение о незаконности действий захватчиков рынка. Но 1 сентября все повторилось. Сопротивление оказали около семидесяти работников и активистов, количество нападавших бандитов и милиционеров было вдвое больше. В ходе столкновений в депутата Олега Шеина, поддержавше-

[12] За несколько дней до этого мэрия выиграла суд первой инстанции по вопросу о сносе рынка, однако предприниматели не были извещены, и им не дали времени ни на оспаривание, ни на исполнение судебного решения. После разгрома рынка мелкие предприниматели подали иск в арбитражный суд с оспариванием законности конкурса по передаче земельного участка под рынок частной фирме. Начались судебные тяжбы, дважды прошедшие по лестнице инстанций Астрахань—Саратов—Казань и обратно. 28 августа 2013 года Федеральный арбитражный суд (ФАР) Поволжского округа в Казани вынес окончательное решение по скандальному делу о Селенском рынке, и оно — в пользу предпринимателей: участок будет выставлен на повторные торги.

го мелких торговцев (он все три дня ночевал на рынке вме сте с ними), кто-то бросил бомбу с дерьмом.

Они все разграбили, все расхитили. Я до сих пор не могу найти свой прилавок. Забрали всех по милициям Представляете? Только меня и еще пяти человек не смогли забрать, Олег Васильевич не дал. Вы же знаете, если лидеров заберут, то все уже... Это был ужас! У одной женщины из-за стресса случился выкидыш...

Социолог: А журналисты были?

Мэрские СМИ засняли только тогда, как мы били, а ведь сна чала нас били. И разбили наши камеры. И потом все это вра нье показывали по телевизору. Жители окрестных домов все видели, были в шоке, они звали милицию, а милиция была уже на месте... заодно с бандитами (*Мария Кочетова*).

На рынке «Селена» много лет (с 2005 года, как только ста ло известно об угрозе продажи земли) действовала сильная профсоюзная ячейка. Сегодня насильственный снос рынка признан судом незаконным, но рабочие места (около пятисот) не восстановлены, профсоюз фактически погиб, хотя инициативная группа продолжает борьбу — за возврат земли торговцам, которые ее арендовали, и, конечно, за посадку Боженова. Эта история, хотя финал ее плачевен, показывает: когда речь идет о защите последнего источника доходов, люди способны на отчаянную борьбу, на эффективную и длительную самоорганизацию и даже на противостояние милиции вкупе с бандитами. К сожалению, перед грубой силой люди беззащитны.

Большую роль в самоорганизации играла лидер профсоюза Мария Кочетова. При том что она мать троих детей, Мария нарочно пока не устраивается на работу («живу благодаря мужу») и продолжает бороться: «Я не успокоюсь, пока не добьемся наказания виновных и не восстановим рынок». Она борется не за себя: сама уже не собирается на рынок

(«не хочу, чтобы это вдруг повторилось при очередном муже»). И постепенно расширяет сферу своей общественно-политической деятельности: в 2009 году Мария участвовала в предвыборной кампании кандидата в мэры Олега Шеина (чуть ли не с грудным ребенком на руках), а затем, в 2012-м, в различного рода общественных мероприятиях: «Я везде участвую, во всех этих общественных делах». Да, бывает, муж не очень доволен (тем более что он милиционер и заработал себе проблемы на работе из-за активности жены), но она ему объясняет: «без этого спать не смогу».

> Борюсь за других, особенно за тех, кто влез в кредиты... Мы до сих пор держимся в тесном контакте, мы отмечаем вместе все праздники. Как одна семья, горе нас объединило (*Мария Кочетова*).

Горе и «общий враг» — в лице Боженова... Большим стимулом и образцом для подражания для нее служат действия и гражданская позиция Олега Шеина.

> После этого я стала очень сильно уважать Олега Васильевича. Он как родной. Он с нами ночевал, с нами дрался. ...Лет восемь уже общаемся. И вот по выборам работаем вместе, и все это безвозмездно. Надо ему помочь.
> Социолог: А как вы относитесь к его политической деятельности?
> Мне его политика нравится. Справедливая у него политика. Для народа. А не для отдельных лиц — как у «Единой России» (*Мария Кочетова*).

О выборах в Астрахани Кочетова говорит: «Это стресс, унижение».

> Так я в ленинский ТИК попасть не могла, блокировали проход. Во время подсчета голосов я была в участке, где учится

мой сын. Страшно ругалась с директором. Оглашали: вот за Боженова, это за Боженова. Я говорю: как за Боженова? Это за Шеина! Звала прокуратуру. Они пришли. Мы с Каманиным [тогдашним председателем фракции СР в областной думе] писали кучу жалоб. И что вы думаете? Спустя месяц мне звонили из прокуратуры, сказали, что на меня жалобы!...Я не пойму, почему же его [Шеина] не поддержали в Москве? ...Наверное, им такие люди, как Олег Васильевич не нужны (*Мария Кочетова*).

Сама Кочетова стала самостоятельным лидером, причем общественного типа. Как от защиты рынка она перешла к борьбе за смену власти в городе? Ее ответ на этот прямой вопрос только кажется наивным и неприципиальным «Олег Васильевич попросил». На самом деле, если никто из авторитетных лидеров не вытаскивает активных людей из болота, не воодушевляет и не ценит их, то им трудно подняться выше непосредственных прагматических интересов. А тут еще и люди с других рынков начали к ней обращаться. Так что волей-неволей она превратилась в общественно-политическую фигуру в городе. В голодовке протеста против фальсификаций в апреле 2012 года Мария не участвовала (все-таки мать троих детей), но принимала самое активное участие в подготовке и проведении всех протестных мероприятий той мобилизационной волны.

Хотя нельзя сказать, что Кочетова политизирована или придерживается какой-то идеологии, она движима уже далеко не только своим корыстным интересом и мыслит в категориях общественного.

...Нужно побольше общественных организаций, нужен общественный контроль, что ли[13]. Но вообще, я думаю, скоро

[13] Это ответ Марии Кочетовой на провокационный вопрос социолога (вызвавший ее смех): настанет ли рай, если Боженова не будет?

возьмем вилы и грабли. Ну сколько можно терпеть? Они постоянно грабят, едят в один рот. Все себе. Почему мой ребенок должен посещать школу для бедных, а они там живут? Почему мы не можем получить место в детском саду без взятки? А материнский капитал! Мне предлагают участок там, где ничего нет — ни школы, ни инфраструктуры, ничего. А вот мы вынуждены так и жить в трехкомнатной квартире — мы с мужем и тремя детьми, мой папа, моя сестра с мужем и тоже тремя детьми! От этого государства мы бесплатно ничего не получим. А давать взятку мы не имеем возможности (*Мария Кочетова*).

Эта цитата интересна тем, что показывает, насколько люди стеснены в средствах и жизненном пространстве, как страдают от коррупции и прессинга со стороны властей. А также свидетельствует о том, что активист способен вполне легко и гармонично перейти от личных соображений к общественно-политическим. Личный опыт дает сильный эмоциональный толчок к коллективным действиям, а эти коллективные действия, в свою очередь, могут превратить некоторых их участников в общественных деятелей. Может быть, Марии не хватает ясной политической позиции — идеологическая картина мира у нее довольно смутная. Но она и сама в этом признается и хотела бы «больше политически-общественных дискуссий».

Кочетова — одна из редких здешних активистов, мыслящих шире местного масштаба, она считает, что стране необходимо общефедеральное социальное движение. А говоря о самой Астрахани, сожалеет о том, что «нет общей динамики». По словам Марии, Олег Шеин пытается всех собрать, но общего движения все равно нет, его не ощущают. Поэтому она бы приветствовала создание координационного совета с участием представителей всех местных социальных инициатив.

1.7. Другие социальные инициативы

Я не стану подробно описывать и анализировать остальные социальные инициативы, поскольку их слишком много. Для полноты картины приведу лишь несколько примеров ассоциаций, проявивших общественную активность, но державшихся скорее обособленно.

В 2009 году возникла экологическая сеть; формально она не структурирована, но экологические активисты и неравнодушные к этой проблеме люди хорошо знакомы между собой и помогают друг другу. Проводили они и успешные коллективные действия. Так, в результате совместно проведенной кампании удалось заставить правительство Астраханской области отменить ранее принятое постановление, разрешавшее геологоразведку и добычу полезных ископаемых на территории Богдинско-Баскунчакского заказника.

В 2011 году более или менее сложились взаимоотношения между четырьмя общественными организациями родителей. С подачи Олега Шеина они объединились в Союз родителей, который имеет, правда, весьма условный характер. Его функция сводится к минимальной координации и обмену информацией. «Руководители совещаются скорее по электронной почте», — говорит о Союзе родителей одна из его координаторов. Однако и здесь есть пример успешной совместной кампании — против попытки мэрии закрыть школу № 65. Но вообще родительские организации в Астрахани далеки от протестных действий (они предпочитают просветительские и информационные кампании через распространение листовок), причем в них преобладают влияние православной церкви и консервативный взгляд на семейные проблемы. Хотя Союз в целом взаимодействует с депутатами от «Справедливой России» (в частности, когда речь шла о закрытии школы), одна из союзных организаций входит в «Народный фронт» Путина и находится в орбите влияния власти.

Проблема обманутых дольщиков в Астрахани существует — как в большинстве крупных городов страны. Отдельные инициативные группы время от времени проводили переговоры с властями, однако активизировались и вышли на улицу относительно недавно. 4 июня 2011 года состоялась их первая более-менее крупная акция протеста: под окнами администрации области собралось около двухсот протестующих. Они даже подняли плакаты об отставке премьера Путина и губернатора Жилкина. Правда, эффекта пока нет, да и акция такого масштаба пока не повторялась.

Достаточно активно и массово проявляют себя защитники бездомных животных. В частности, они провели совместную кампанию против решения мэрии Астрахани отстреливать бездомных собак; удача их сплотила и привела к созданию в октябре 2010 года общественной организации «Верный друг». Этой организации в сотрудничестве с другими защитниками животных в начале 2012 года удалось открыть общественный приют.

2. Проблема «общественного» в социальных движениях Астрахани: анализ Союза жителей

На примере Союза жителей особенно хорошо видно, как труден переход от частных к общим и — далее — к общественным делам. Слово *общественные* означает здесь коллективные действия, развивающиеся в публичном пространстве и имеющие целью воздействовать на социальные отношения в этом пространстве. Иными словами, *общественное* проявляется там, где люди действуют как публичные акторы, пытаясь влиять не только на ближайшую и привычную среду, но и на положение дел в своем «поли-

се» (обществе граждан)[14]. Но *общественная* деятельность ориентирована не столько на власть, сколько на общество на достижение положительного отклика со стороны хотя бы части общества. Она также ориентирована вовнутрь — что бы «скрепить» какой-то коллектив людей, активизировать их и вовлечь в общее дело.

Как проявляется *общественное* в действиях жилищных активистов Астрахани?

2.1. Забота об общих местах

У подавляющего большинства жителей первая мотивация для принятия дома в непосредственное управление не допустить безудержного роста цен на ЖКХ и получить за те деньги, которые они в любом случае платят, реальные и качественные услуги. Это чисто прагматические и частные соображения.

Но у тех, кто начинает заниматься управлением (уполномоченных и группы поддержки, инициаторов процесса и т.д.), возникают более общие соображения — ведь они занимаются всем домом, общей придомовой территорией и местами общего пользования: подвалами, лифтами, подъездами, чердаками, крышами и т.п. Причем многие из них жалуются на то, как трудно внушить жителям, что общие места — общая забота.

> Мне захотелось делать что-то хотя бы для своего дома. Так как я человек маленький и на город не могла повлиять, я пыталась хотя бы для своего дома что-то делать. Объяснить, что мы люди культурные, что мы имеем право на лучшее. Что общие места — это наше общее, а не что-то чужое. И наша

[14] Это понимание близко к предложенному в кн.: От общественного к публичному: Коллективная монография/О. Хархордин, науч. ред. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

территория — тоже наша общая. Какие-то люди восприняли это, но мало. Люди в целом очень пассивны. Мне мало кого удалось убедить. Это меня огорчает. Хотя есть жильцы, которые ведут общественную работу [убирают лестничную площадку, пилят сухие деревья...] (*Татьяна Кулешова, уполномоченная*).

Однако, по общему ощущению, сочувствие и симпатия со стороны жителей укрепляются по мере достижения наглядных результатов (когда подъезды ремонтируются, подвалы сушатся, стояки меняются...). Сами активисты делят жильцов на «равнодушных» и «сочувствующих».

Вот отрывок из разговора:

У нас мало активных людей, мы не получили ничего от администрации. Мы почувствовали большой вклад этой женщины [уполномоченной]. Она одна борется. Сочувствующих много, конечно, весь дом сочувствующих, но помогать!..

Социолог: А вы бы как себя представили?

Я? Активный жилец, доброволец, сочувствующий (*Активная пенсионерка из 216-квартирного дома в НУ*).

Понятно, что наиболее сочувствующие — уполномоченные дома. Они же противостоят безразличию и со стороны государства.

Социолог: Что подтолкнуло вас взять такой огромный дом в управление?

Подтолкнуло государство — оно нас бросило. А в этом доме живу я, живут мои дети и будут жить мои внуки, и мне совсем небезразлично, что будет с моим домом (*Уполномоченная того же 216-квартирного дома*).

Несколько обобщая, мы можем назвать тех, кто уже продолжительное время занимается управлением домом

и благоустройством общего пространства в доме и во круг него, «завзятыми» активистами[15]. Сами себя они назы вают «активистами», иногда даже «бойцами».

2.2. Сеть активных жильцов самоуправляющихся домов

Далее некоторые «завзятые» активисты начинают дей ствовать не только в масштабе своего дома: они выходят на связь с жителями других домов, иногда включаются в ра боту общественной организации Союз жителей. Те жилищ ные активисты, с которыми я беседовала, практически все общаются с активистами из других домов. Они распростра няют информацию об эффективности НУ, пропагандируют эту форму управления, делятся опытом, сами ищут полезную информацию, в первую очередь касающуюся обслуживаю щих фирм, которые где-то уже зарекомендовали себя с луч шей стороны.

> Мне удалось убедить другие дома перейти в НУ, причем не только нанять подрядные организации и контролиро вать, а самим заниматься самоуправлением, вести дом пол ностью. Десятки домов, и люди довольны, говорят даже спа сибо (*Татьяна Кулешова*).

> Мы помогаем друг другу все три дома. Рассказываем друг другу, что мы слышали. ...Даже занимаем деньги друг у дру га, но несистематически. Иначе жильцы будут обижаться (*Коллективное интервью на ул. Нариманова, 2-Д, с представителями трех домов в НУ*).

---

[15] О процессе укрепления и «рутинизации» вовлечения людей в коллективные действия мы писали в: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам: рождающиеся социальные движения в нынешней России. М.: Три квадрата, 2010.

Мы всем объясняем, что НУ, что сами себя обслуживаем, это даже очень выгодно. Если будете честно и добросовестно работать, у вас все получится... Да, некоторые дома перешли в НУ по нашим советам (*Коллективное интервью на ул. Бориса Алексеева, 43, с представителями четырех домов в НУ*).

Отсюда можно сделать вывод, что фактически существует неформальная сеть активных жильцов самоуправляющихся домов, направленная в первую очередь на взаимопомощь и на обмен информацией. Не факт, однако, что эта сеть может полноценно трансформироваться в общественное движение. Личные взаимоотношения редко приводят к коллективным действиям ради достижения общей цели.

2.3. Слабая мобилизационная способность Союза жителей

По идее, функцию мобилизации должна бы взять на себя общественная организация Союз жителей, однако она слабо занимается консолидацией активных жителей. Начнем с того, что за исключением уполномоченного и его ближайших соратников люди редко знают, что их дом входит в Союз жителей и платит туда взносы. А неравнодушные жильцы рассматривают Союз либо как орган юридической помощи, либо как центр обмена информацией.

Вот что ответили уполномоченные и их помощники на вопрос о том, что для них Союз жителей:

Я бы сказала, это друзья по несчастию, наверное.

Общее какое-то скопление, куда можем прийти, и все вопросы там решаем. Все выходим — ура! И опять за дело.

Союз жителей нас [представителей четырех домов] объединил, между прочим (*Из коллективного интервью на ул. Бориса Алексеева, 43, с представителями четырех домов в НУ*).

Была недавно в Союзе жителей. Мне не понравилось. Очереди огромна. Мы не нищие такие, чтобы сидеть часами под их дверьми. А мы платим взносы. Пользы от них не получаем. Сразу начинается беллетристика. Нет никакой конкретики. (Имеется в виду тот период, когда в Союзе была сильная команда юристов и доминировал юридический уклон. — *К.К.*) Не то что раньше, при Валентине [Ворониной]. К ней мы приходили как к себе домой. Все нам объясняла.
Я хочу сказать, жалко, что Союз не дает такую информацию, какая бригада лучше, что делает... Они могли бы создать или держать при себе обслуживающую фирму, это бы помогло. [В Союзе проходят] собрания только тогда, когда выборы и надо поддержать (*Из коллективного интервью на ул. Нариманова, 2-Д, с представителями трех домов в НУ*).

В общем, Союз воспринимается — в негативном или позитивном ключе — как организация, у которой можно получить помощь или информацию, а также как место, где можно встретить соратников по общему делу и с пользой общаться. Однако мало встретилось людей, которые видели бы в Союзе общественную силу, объединяющую активных жильцов и способную повлиять на ситуацию в жилищной сфере в целом, например по городу. Четко по этому поводу выразилась женщина, обеспокоенная тем, что до сих пор не может заставить «Лукойл-ТТК» признать показания своего индивидуального счетчика по горячей воде (в ответ на вопрос социолога, ощущаете ли вы за собой какую-то силу, поскольку в городе много домов в НУ):

Нет, ощущаю только свой подъезд и свой дом. И вот говорю, два года уже пробиваю свой счетчик. Я не чувствую большую армию, живу своим мирком. Но интересуюсь, что происходит в городе (*Интервью с двумя женщинами средней активности во дворе дома в НУ, где проживает активистка Союза жителей Лариса Ковалева*).

Воспринимают Союз как общественную организацию, в деятельности которой можно и нужно участвовать, в основном люди, дающие консультации на добровольной основе (это десятки людей за весь период существования Союза). В интервью они признают, что у большинства жителей не хватает активности и движение пока слабо, но при этом не видят в Союзе инструмента активизации. Во времена Ворониной главным было человеческое общение (предоставить место, с чаем и печеньем, где люди, занятые жилищными проблемами, могут общаться и знакомиться). Во времена Амбурцевой — профессионализм (предоставить качественные юридические услуги). Во время короткого переходного периода при Кулешовой речь шла в первую очередь о выживании Союза, лишенного своей команды юристов. Татьяна Кулешова по темпераменту, скорее, общественник, и в Союзе пыталась как раз развивать общественное, но вскоре переехала в Москву.

> Я пыталась донести до людей то, что они внутри организации. Я, когда звонила, напоминала, что вы — член Союза жителей, поэтому вы должны... Например, если звонила пригласить на какой-то общегородской митинг, я объясняла, что в вашем доме живут пенсионеры, а ведь мы все пассажиры, поэтому вы должны принять участие в акции против отмены льготного проездного и как представитель своего дома вы должны представлять интересы своих жильцов на этой акции. Это моральная такая обязанность. [... Но] у нас пока нет движения. Если бы получилось так, что на митинг я приглашаю и вместе со мной бы пошли двадцать–тридцать человек (из своего дома), тогда да. А так — у кого внуки, у кого дача, у кого-то все (*Татьяна Кулешова*).

2.4. Так больше нельзя, а как иначе?

При этом все жители, с которыми я беседовала, интересуются общегородскими делами и обеспокоены как

состоянием ЖКХ, так и другими значимыми проблемами (ликвидацией зеленых зон, нехваткой мест в детских садах, низкими зарплатами, коррупцией, да и в целом тем, что «власть против народа»). Однако они не видят способов повлиять на что-либо за пределами своего дома.

Самая очевидная форма влияния — через выборы, однако после последних случаев массовых фальсификаций люди утратили к ним доверие. Татьяна Кулешова на выборах октября 2009 года была членом участковой комиссии с решающим голосом. Она до сих пор с ужасом вспоминает, как ее насильственно удалили с места подсчета голосов, оттащив от стола с бюллетенями за волосы:

> Мне противно и мерзко на душе, жутко до сих пор. Я разуверилась и разочаровалась. Многие говорят, что больше никогда не будут участвовать в выборах, у меня тоже мало желания. Только вот я понимаю, что все равно это нужно (*Татьяна Кулешова*).

> Выборы? Нет никаких выборов, это подтасовки, драки, они даже вытащили женщину за волосы. Боженов сам себя выбрал (*Из коллективного интервью на ул. Нариманова, 2-Д, с представителями трех домов в НУ*).

> Выборы — большая игра. Но хожу, как бы мой долг, что ли (*Из интервью с двумя женщинами средней активности во дворе дома в НУ, где проживает активистка Союза жителей Лариса Ковалева*).

> Выбираем? А думаете, чистые выборы? Знаем мы, какие сборы, подтасовки. Страшное дело! Мы голосовали за «Справедливую Россию», но она не прошла, а прошел Боженов, но почему? Потому, что подтасовали. Это ясно самому последнему человеку в городе. Что мы можем де-

лать? Несправедливые выборы! Только для галочки! Кого захотели продвинуть, они продвинут! Хоть убей!
А были бы нормальные выборы, Боженова бы не было, был бы Шеин или другой человек, но точно не Боженов.
Мы сами страдаем от этого, весь дом страдает от этого (*Из коллективного интервью на ул. Бориса Алексеева, 43, с представителями четырех домов в НУ*).

Если выборы не помогут, поскольку они ненастоящие, может быть, поможет социальная мобилизация снизу? Так как люди сомневаются в том, что социальные движения могут повлиять на состояние дел в городе, они серьезно и с некоторой надеждой рассматривают вариант бунта (по их словам — «социального взрыва» или «революции»).

Чтобы в целом улучшить ситуацию в городе, нужно ломать все, не просто чтобы несколько человек. Но народ накален, вот ЖКХ, эти непомерные тарифы, эти непомерные низкие астраханские зарплаты, и везде стена, беспредел! [А как?] Протест должен расти и расти, а потом взорваться (*Ирина Амбурцева*).

И все равно, я считаю, восстание рано или поздно будет. Все это ячейки революции. Русские народ — он таков, долго терпит, а потом кулак зажмет и вперед (*Из коллективного интервью на ул. Бориса Алексеева, 43, с представителями четырех домов в НУ*).

Другими словами, крупные социально-политические изменения в городе если и случатся, то не вследствие кропотливой общественной работы команды единомышленников по активизации и координации коллективных действий жителей, а когда терпение лопнет и толпа бросится на баррикады. Такое видение, может быть, и совпадет с реальным развитием событий, но оно исключает само понятие *общественного* или общественной деятельности.

2.5. Общественники: активисты, «тусовщики» или профессионалы?

Здесь необходимо остановиться на том, как жилищные активисты воспринимают *общественное*. Начнем с того, что практически все активные жители, с которыми мы беседовали, называют себя «общественниками», а свою деятельность «общественной». И гордятся этим. При этом для них «общественное» не предполагает ни обязательных публичных коллективных действий, ни даже работы с людьми. «Общественной» может быть работа добровольца в своем доме (даже самая мелкая помощь — скажем, пилить высохшее дерево). «Огромная нагрузка» уполномоченных домов — «общественная». И многое другое: консультации, обмен информацией, общение, пропаганда НУ — все это, в словах жилищных активистов, имеет отношение к общественному. Гораздо реже кто-то из них упоминает об уличных акциях, о борьбе (кроме как о борьбе «из кабинета в кабинеты» или «за наше существование»).

В понимании *общественного* у активистов доминирует идея помощи людям, социально полезной деятельности. При этом идут дебаты относительно вознаграждения. Большинство уполномоченных получает — по решению общего собрания жильцов — лишь символическую сумму, призванную возмещать их расходы; это не вызывает вопросов у проинтервьюированных жилищных активистов. Вопрос стоит об оплате добровольцев Союза жителей, которые проводят консультации.

> Олег Васильевич [Шеин] не понимает, что люди не все фанаты, не все на добровольной основе хотят участвовать в общественных делах, что не все могут месяцами работать бесплатно. А юристы хотели хоть что-то заработать, это естественно. ...Я пять лет ходила... пока есть убеждения, пока есть моральная потребность. ...Для того чтобы бескорыстно оказать помощь, человек должен быть очень идейным или

фанатичным. А таких мало. Стимулы должны быть. Хотя бы возмещение затрат. И моральные стимулы. Проблема в том, что активисты Союза жителей стали уже специалистами, а многие уже не черпают информацию для себя в Союзе, они от себя только дают, вот и устают. ...Я вот бескорыстно, потому что я хочу помочь народу (*Татьяна Кулешова*).

По признанию Кулешовой, основные ее стимулы — «хоть что-то делать для своего дома», привязанность к персоналиям (особенно к Олегу Шеину) и желание помочь людям:

Я сначала пришла сюда, потому что очень уважала Олега Васильевича. И доверяла ему. Только потом я поняла, что... научившаяся многому полезному, я поняла, что сама могу помочь людям, и это стало второй потребностью. Но первично было доверие Олегу Васильевичу (*Татьяна Кулешова*).

Спор о деньгах возник на почве конфликта между командой юристов во главе с Ириной Амбурцевой и руководителями местной «Справедливой России»: вторые обвинили первых в корысти, первые вторых — в презрении к их вкладу в общественное дело.

Нельзя наших юристов назвать наемниками — это тоже энтузиасты, только с глубоким знанием[16] ...Раз мы не соратники, не бойцы — указали нам наше место...
Мы не адвокатская контора, мы общественная организация по защите прав потребителей. Если нужна поддержка масс, если видим необходимость резонировать, тогда поднимем людей, а они поднимутся. Но лишний раз мы их не трогаем, ведь уполномоченные перезагружены.

[16] Намек на то, что Олег Шеин в разгаре конфликта не принял их сторону и назвал юристов наемниками, это вызвало огромную обиду.

Чего не хватает общественникам — глубокого знания законодательства. У нас пошли дела именно на правовой основе, выиграли суды, грамотное оформление документов, тогда и пошли люди. ...У нас общественники — больше их интересовала другая сторона работы — общение, даже не столько помочь людям, а общаться, получить заряд энергии, более обывательское общение.
Есть видимые энтузиасты, которые ничего не делают, есть мы, которые тащат рутинную работу (*Ирина Амбурцева и двое других юристов, которые создали АРОО по защите прав потребителей «Народный союз потребителей»*).

Надо сказать, в этом интервью поднята реальная проблема, связанная с доминирующим авторитетом единоличного лидера Олега Шеина, по крайней мере в общественной среде города. Некоторые активисты, зная о его приверженности общественному делу, действительно предпочитают реальным делам создание образа бескорыстного борца за справедливость. По словам юристов, они «берут его лестью».

В итоге Ирина Амбурцева признает, что реальных «общественников» не хватает, особенно если иметь в виду общественников-активистов (т. е. тех, чья деятельность направлена в первую очередь на мобилизацию людей). При этом она добавляет, что члены ее команды являлись, скорее, не общественными активистами, а общественными юристами: они в Союзе жителей брали на себя всю юридическую работу (что уже достаточно трудоемко), но «никто не брал на себя направление работы, связанное с выходом масс».

2.6. Трудности перехода от локальной активизации к общегородской мобилизации

В самом Союзе жителей *общественное* — проблематичное понятие и слабо развитая практика. Тем более

проблематично подключение их активистов к общегородским общественным делам. Участвуют в них в основном уполномоченные, и то далеко не все, поскольку и нагрузка огромная, и первоочередная задача другая: спасти свой дом. Вместе с ними на общегородские мероприятия из каждого дома приходят от силы по два-три человека. При этом городскими проблемами они интересуются, но не считают возможным на них повлиять, по крайней мере иначе, чем через выборы, а поскольку выборы — это подтасовка... И т. д.

Другое дело, что возможен (и более распространен) переход на квартальный или районный уровень. В интервью приводятся примеры успешного взаимодействия между домами для благоустройства общего двора. Кстати, когда речь идет о политике, жители часто имеют в виду в первую очередь районного депутата. Вот, например, представители трех домов в НУ возмущаются тем, что их депутат ничего не делает и никогда не бывает на месте, к нему нельзя попасть на прием. Такова их реакция на вопрос о возможной помощи со стороны депутатов: они сразу подумали о своем районном депутате — из «Единой России». При этом гордятся: «В наших трех домах наш кандидат прошел, мы все проконтролировали» (коллективное интервью на ул. Нариманова, 2-Д, с представителями трех домов в НУ). Когда речь зашла о возможных действиях самих жителей по улучшению обстановки в городе, те же представители подумали в первую очередь о своем квартале:

> Например, подростковый клуб здесь у нас рядом. Они могли бы нам предоставить это помещение по вечерам, чтобы бабушки смогли собираться, общаться. Мы бы купили самовары. Но не дают. Было время — они давали ключ, чтобы провести собрания. А потом, как началась война с Шеиным, сказали: все, мы больше не даем помещение. Это все эта «Единая Россия!»

...Это «Единая Россия» — вся борьба идет против народа... Наши дома, нет, не голосуют за «Единую Россию», мы контролируем ситуацию (*Коллективное интервью на ул. Наримановая, 2-Д, с представителями трех домов в НУ*).

Здесь маленький партизанский отряд из трех домов, пытающийся улучшить жизнь у себя в районе и поэтому противостоящий «Единой России» (которая олицетворяет городскую администрацию). Но когда речь идет о городе в целом, жители, даже самые активные, не видят перспектив. «Город — это не дом. Нужно иметь хорошую команду», — возразила на неудачное предположение социолога уполномоченная 216-квартирного дома (из коллективного интервью на ул. Бориса Алексеева, 43, с представителями четырех домов в НУ). Они слабо верят и в то, что можно контролировать выборы. Из этих четырех домов на ул. Бориса Алексеева мало кто участвовал в акциях протеста против фальсификаций октября—ноября 2009 года. Почему?

Не было веры, что что-то изменится. Вот митинговали — и что? Что-то изменилось? (*Человек из числа тех, кто не принимал участия в акциях протеста*)
Потому что мало народу (*Человек из числа тех, кто принимал участие в акциях протеста*).
А даже если тысяча и две тысячи — все равно, раз они решили продвинуть этого Боженова, они продвинут! (*Человек из числа тех, кто не принимал участия в акциях протеста*)
Нет, если бы вышли тысячи!!! (*Человек из числа тех, кто принимал участие в акциях протеста*)
Ну, если тысячи, тогда да, конечно... (*Человек из числа тех, кто не принимал участия в акциях протеста*)

Два года спустя мобилизационная волна была более массовой, и в апреле 2012 года против фальсификаций вышли тысячи (в шествии 14 апреля в поддержку голодающих

и «За честные выборы» участвовали до 8000 человек, как отмечают независимые наблюдатели). Жилищные активисты пришли на протестные акции, но больше по личному зову, чем по линии Союза жителей.

В итоге анализ случая с жилищными активистами в Астрахани показывает, насколько труден и маловероятен переход от локальных и общих дел к общегородским и *общественным* (публичным). Среди множества факторов, препятствующих этому переходу, я бы выделила два.

Во-первых, общегородская организация жителей домов в самоуправлении, которая по идее призвана придавать деятельности активистов общественную динамику и более широкий размах, почти не занимается ни обобщением опыта и притязаний активных жителей, ни их активизацией и консолидацией в динамичное городское жилищное движение.

Во-вторых, в руководстве Союза жителей — и вообще среди жилищных активистов — не хватает лидеров именно общественного или активистского профиля. Где взять энтузиаста общественного дела? Того, кто занимается, конечно, своим домом, помогает жителям других домов и мобилизует жилищных активистов (не только во время выборов), но — главное — целенаправленно развивает организацию, расширяет ее ряды и делает из формальных членов реальных активистов жилищного движения?

2.7. Общегородские фигуры-символы: против Боженова, за Шеина

Единственные — но существенные — благоприятные факторы для выхода на общественную (или) публичную городскую сцену: наличие единого оппонента, признанного таковым практически всеми активными жителями, а также наличие единой альтернативной общественно-политической фигуры. То есть общегородская мобилизация

(если она в принципе возможна) начинается с мобилизации против Сергея Боженова (либо его преемника), в поддержку Олега Шеина. Мы как раз это увидели — как в октябре—ноябре 2009 года, так в апреле 2012-го.

Олегом Шеиным восторгаются далеко не все жилищные активисты, но все признают его роль в переходе рекордного (по сравнению со страной) количества домов на непосредственное управление. И все отмечают, что получили информацию об изменениях в жилищном законодательстве, об угрозе, исходящей от управляющих компаний, и о возможности перейти на самоуправление именно от Шеина — либо через газету «Житель», либо на одной из дворовых встреч, которые он регулярно проводит. Некоторые признают, что решились на столь опасный шаг именно благодаря ему, его дару убеждения и советам. Самые благожелательные активисты, без конца повторяя слова благодарности в адрес Шеина, выражали ему полное доверие и представляли чуть ли не народным героем (причем высказывались они спонтанно, без каких бы то ни было наводящих вопросов со стороны социолога).

Спасибо Олегу Васильевичу за то, что в свое время ходил по дворам и разъяснил Жилищный кодекс... Да, мы все узнали об этих формах от Олега Васильевича.

Олег Шеин у истоков этого нашего массового народного движения.

Он единственный народный депутат, не то что те, кто ходит перед выборами и вешает лапшу на уши. Он единственный, кто что-то делает, у него нет денег, но он работает с народом. Ходит пешком без охраны.
Конечно, мы ему поверили, он же депутат, он ясно и по полочкам все объяснил. Но, конечно, один он не может все разрушить и строить, один в поле не воин.

А вы понимаете... Вы когда-нибудь были на нашем месте? Вот ЖЭК нам объясняет: мы возьмем ваш дом на обслуживание, но надо будет поднять тарифы, вот и бегаем, ищем информацию, как не допустить этого. И никто ничего. Только Олег Васильевич давал информацию... И всегда доступен — как ему не поверить? И ведь это работает, он дает ценные консультации!

Нужно по одному Шеину в каждом городе, и тогда все получится (*Из интервью с жилищными активистами города, сентябрь 2011 года*).

О мэрии и Боженове мнение противоположное (есть только одно исключение, и то в устах не очень активной жительницы): он противник непосредственного управления. Вот цитаты (опять-таки без прямых подсказок социолога):

Они непосредственное управление, наоборот, тормозят. А ТСЖ... в ТСЖ они тоже насаждают своих людей. Они против движения НУ. НУ невыгодно Боженову.

А вот администрация нас пригласила, уполномоченных. Когда выборы были. Вот тогда дали кофе, конфеты. А я не взяла, так как знаю, что это «Единая Россия»!

Боженов сказал, что НУ — это форма... Надо искоренить: она якобы себя не оправдала. Как себя не оправдала?!
(*Из интервью с жилищными активистами города, сентябрь 2011 года*)

Оценки политики и личности Боженова в целом еще более жесткие, часто — на грани ругательства.

2.8. Эмоциональный шок

Как на теоретическом языке объяснить переход (или не переход) от близкого и знакомого к общественной сфере? Больше всего рассуждений на этот счет мы находим у Лорана Тевено, на которого ссылается Борис Гладарев в своих исследованиях[17]. Процесс перехода он называет композицией общности и касательно России предполагает, что общность конструируется через близкое, через общие места (от близкого к близкому). Однако в нашем случае с Союзом жителей обобщения или расширения вовлеченности не происходит ни автоматически, из умножения общих мест, ни даже из установления связей между ними. То есть, несмотря на то что критическая масса домов в непосредственном управлении достигнута, несмотря на то что активные жители многих домов между собой сотрудничают, лишь малая их часть выходит за пределы своего дома (или «дружеских» домов), чтобы попытаться влиять на общегородскую ситуацию. То, что люди борются за контроль над своими домами и помогают другим делать то же самое, отнюдь не означает, что они автоматически будут пытаться контролировать положение дел в городе. (Скорее, наоборот: многие считают, что поскольку в городе они не в силах ничего менять, то хоть дом-то надо пытаться спасти.)

Но если категории близкого придать не только пространственное, но и эмоциональное значение, то она лучше подойдет для понимания того, как «борец» за свой дом превращается в «борца» за благо города. Эмоциональные отклики об электоральных битвах часто так и передаются в Астрахани — от дома к дому, от двора ко двору. Массовые фальсификации на выборах 2009-го, а затем 2012 года

[17] *Гладарев Б.* Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // От общественного к публичному. С. 71–304.

обсуждали жители во дворах, соседи по дому. Таким образом передавалось и росло возмущение. Один или несколько жильцов стали свидетелями грубых фальсификаций, подтасовки, наглости со стороны избирательных комиссий или администрации, и их рассказ тут же распространялся по дому. А уж после самого массового протестного мероприятия постсоветской Астрахани (14 апреля 2012), по словам многих активистов, «город весь гудел».

Другими словами, *общее* может перерасти в *общественное* или *публичное*, *локальное* — в *общегородское*, но в исключительных случаях и под воздействием сильного эмоционального шока, испытанного многими жителями. Поэтому общегородское социальное движение в Астрахани если и реализовалось, то на непродолжительное время, поскольку каналы организационной поддержки общественной активности слабы, общественных лидеров мало, житейских и прагматических проблем, которые отнимают у активных жителей почти всю силу и энергию, много.

3. «Справедливая Россия»

Отдельно стоит сказать о роли местного отделения «Справедливой России», поскольку оно во многом выступает оператором горизонтальных связей и аккумулятором требований различных социальных инициатив, организаций и движений. Скорее даже не СР в целом, а отдельные ее лидеры.

Предварительно уточним: в других регионах эту роль могут играть местные отделения других партий, а служение социальным движениям — отнюдь не монополия, не специфика «Справедливой России» в целом. Но в Астрахани, бесспорно, она является политическим инструментом социальных движений, во многом под влиянием его руководителя (который и до создания партии, и под другими знаменами

уже занимался тем же — условно говоря, борьбой за справедливость).

Здесь необходимо подчеркнуть: в Астрахани «Справедливая Россия» и социальные движения — не одно и то же. В интервью даже члены этой партии, являющиеся лидерами социального движения, подчеркивают, что далеко не все участники их движения или организации — члены СР (хотя многие вступают в ее ряды). Полного симбиоза нет. По словам лидеров, совмещающих общественную и партийную принадлежность, они особенно тщательно стараются разделять их, чтобы люди не испугались, не увидели в общественной организации лишь политический инструмент.

Почему именно СР выступает в такой роли в Астрахани, почему она приобрела самую большую популярность среди местных активистов? Не из-за прелестей федеральной партии «Справедливая Россия», не из-за популярности федерального лидера Сергея Миронова, не из-за ее программы (хотя, надо признать, социал-демократическая программа СР наиболее близка, по крайней мере на бумаге, к идеалам социальных движений).

А во-первых, потому, что это партия Олега Шеина. А Олег Шеин — «за народ» (Ольга Чугунова, профсоюз «Защита...»). Примерно такого же мнения придерживаются другие активисты: «Я за "Справедливую Россию" именно потому, что это партия Олега Шеина. А потому что он не пойдет в партию, которая... не народную, которая не за народ, не за рядовых граждан» (Татьяна Кулешова, Союз жителей, член партии СР); «Справедливая у него политика. Для народа» (Мария Кочетова, рынок «Селена», член партии); «Справедливая Россия? (Ответ на вопрос социолога. — *К.К.*) Олег Васильевич помогает, с Каманиным (депутатом областной думы от СР. — *К.К.*) тоже познакомился после этого, он тоже помогает. Грамотные люди, порядочные, помога-

вот...» (Габиль Джавадов, общежитие на ул. Савушкина, 39/2, не член партии).

Есть еще несколько объяснений, почему активисты поддерживают «Справедливую Россию»: это «партия патриотов», «народная партия», партия (чаще — отдельные конкретные люди), которая «нас защищает», «помогает».

Но, разумеется, поддерживают СР не все жилищные активисты. К партии есть претензии, в том числе к ее лидеру.

Относительно партии выдвигаются две основные претензии: наличие в ней неидейных и неискренних активистов и депутатов, инструментализация общественных организаций ради победы на выборах. Наиболее критично высказываются те, кто так или иначе вышел или был удален из состава руководства общественных организаций, на которые СР оказывает большое влияние.

> В наших коррумпированных городах в думе нечего делать. Даже СР — стена. ...Конфликт [который привел к расколу Союза жителей] развивался еще на основе... ради самой организации, или организация — предвыборный плацдарм. ...Партия нужна, но чистить надо ее (*Бывшие активисты Союза жителей во главе с Ириной Амбурцевой*).

> Я вступила в партию. Есть люди, которые мне не нравятся, но в семье не без уродов (*Мария Кочетова, рынок «Селена»*).

К Шеину основные претензии таковы: не умеет окружать себя порядочными и истинными соратниками, не занимается конкретными делами. Вторая претензия во многом — следствие пропаганды местных властей, которые обвиняют оппозиционного депутата в том, что он мало выбивает денег для региона, не оказывает реальной помощи (например, по версии Габиля Джавадова, жителям общежития объясняют, что Шеин ничего на самом деле для них не сделал — «он же квартиры вам не дал!»). Есть и еще одна

претензия. Хотя напрямую ее почти никогда не высказывают, она прочитывается в словах тех активистов, которые отошли от Шеина: Олег Шеин не проявил человеческого внимания, не выразил благодарность, недостаточно оценил заслуги. Это скорее свидетельствует о чересчур больших ожиданиях, связанных с одним лидером.

Социальные движения выигрывают от сотрудничества со «Справедливой Россией». Главный плюс — возможность участия в выборах (как правило, по списку СР выдвигаются многие социальные активисты). Еще один — возможность достучаться до федеральной власти через федеральную партию и федеральное руководство (особенно в бытность Миронова председателем Совета Федерации). Отметим, что СР не выступает как инструмент для оживления политических дискуссий (кроме темы выборов) внутри социальных движений. Партийная программа на местном уровне во многом просто суммирует их требования.

Минусы тоже есть. Поскольку СР — политическая партия, то вопрос о власти и выборах стоит для нее на первом месте. Отсюда обычные интриги, конкуренция («грязь», по оценке некоторых социальных активистов, в том числе членов СР). Отсюда же наличие в партии, иногда в руководящих органах, «случайных», «неидейных» партийных активистов, «непринципиальных» сторонников социальных движений.

Высокий (и явно преобладающий) авторитет Олега Шеина тоже трудно оценить однозначно. С одной стороны, в данном случае сеть социальных движений оказывается зависимой от просчетов и слабостей одного человека. Действительно, Шеина (за редкими исключениями, к которым относится голодовка весны 2012 года) не хватает для поддержания и мобилизации всей сети и потенциального общегородского движения. С другой стороны, Шеин служит образцом для подражания и подталкивает обывателей к общественной деятельности. Он много делает для

объединения и координации различных социальных движений, способен выступить в роли центрального лидера перемен, за которым пойдут люди (и не только активисты). Об этом пойдет речь, когда мы будем рассматривать «голодную революцию» марта—апреля 2012 года.

4. Движения сопротивления в осаде, или Партизанская политика

Формируют ли все вышеописанные социальные движения и их союзники общее движение? Что общего между ними, солидарны ли они? Есть ли у них общие принципы или общая цель? Ведут ли они общую кампанию или борьбу? Чтобы ответить на эти вопросы, надо проанализировать взаимоотношения между социальными движениями и инициативами, а затем — мировоззрение активистов.

Перекрестные связи между этими социальными движениями и инициативами существуют, но они скорее проходят через руководителей и конкретно через посредничество Олега Шеина. Не хватает горизонтальных связей; в любом случае, они не носят ни системного, ни организационного характера. Исправить этот недостаток был призван Астраханский социальный форум, прошедший 2 июля 2011 года и собравший свыше 150 делегатов от различных движений:

> ...Чтобы жилищники, рабочие активисты, малые предприниматели, экологи, пенсионеры, селяне и многие другие смогли обсудить как свои специальные проблемы, так и увидеть друг друга, воспринять движение столь широко, сколь оно масштабно существует (*Олег Шеин*).

Цель форума была достигнута лишь отчасти. Правда, все, с кем удалось побеседовать, остались им довольны (они познакомились с интересными людьми, получили полезную

информацию), но считают, что от таких мероприятий должно быть больше пользы.

Во-первых, «нужно гораздо больше таких общих мероприятий» — так говорили многие, не уточняя при этом, кто должен их организовать, и не выражая особенного желания за это взяться. Во-вторых, были сожаления о том, что заседания проходили в основном по секциям (жилищные проблемы, мелкий бизнес и проч.), а пленарных заседаний почти не было; не обсуждалась ни общая программа, ни общая стратегия. В-третьих, благодаря форуму знакомства завязались, но скорее в личном плане («я знаю теперь, кому звонить, если...»).

В целом же связи между организациями, инициативами и движениями — это связи между личностями (между руководителями, между ними и Олегом Шеиным или другими депутатами СР). Кроме того, один и тот же активист может оказаться членом сразу нескольких организаций, что происходит сплошь и рядом. Однако координационной структуры нет (ни координационного совета, ни любого другого постоянно действующего органа), а штаб «Справедливой России» не может считаться удовлетворительной заменой.

Объединяют все движения, пожалуй, две фигуры: Боженов (а ныне заменивший его в должности мэра Столяров) — в качестве общего врага и Шеин — в качестве общего помощника и/или вдохновителя. Вне этих фамилий общая программа или общие принципы вырисовываются слабо. В интервью люди, даже лидеры, крайне прагматичны; а в рассуждениях о более глобальных материях используют размытые категории и всеобъемлющие термины. Например, высказываются за «народную политику», «народную партию», «справедливость», определяют себя как «патриоты», «сторонники Шеина», противники «власти воров». Но планов по преобразованию города, а тем более страны не имеют. У большинства организаций есть предложения по изменению положения дел в собственной сфере деятельности

(в жилищной, транспортной политике города, в политике поддержки малого бизнеса и т.д.). Но нет представлений, как эти предложения должны воплощаться в жизнь (кроме замены «плохой власти» «хорошей») или как они сочетаются друг с другом.

Среди основных препятствий для консолидации сил и развития общегородского движения — нехватка *общественного* в социальных движениях. Мы уже подробно анализировали эту проблему и ее причины на примере Союза жителей. Добавим, что слишком много держится на одном лидере — Олеге Шеине. Кроме него, нет человека с подобным авторитетом, с таким же непрерывным стремлением (по выражению профсоюзника Ольги Чугуновой) «привить искру, любовь к общественному делу». Не хватает самостоятельных лидеров общественного или активистского профиля.

Явно не хватает принципиальных — идеологических, политических или мировоззренческих — фундаментов для общей динамики. Сумма специфичных требований отдельных социальных движений — это еще не общая платформа и тем более не вдохновляющая идея, которая может стимулировать людей на борьбу и удерживать их вместе длительное время.

В общем, участники движений мало политизированы, слабо ориентируются в политической картине мира. Во-первых, политика их не интересует или отталкивает (это «интриги», «грязь»), а во-вторых, сводится к личностям. Поэтому, кстати, несмотря на уговоры, многие общественные активисты отказались выдвинуть свою кандидатуру на выборах в областную думу (в декабре 2011-го, одновременно с федеральными парламентскими выборами):

> Последнее время мы больше стали видеть в политике грязь — бои за места депутатские, не хочется в этом участвовать. ...Я сразу сказала, что в депутаты я не пойду.

Я не вижу себя там. Мы больше дел здесь делаем. Мы хорошо, уютно себя ощущаем. В думе отдельная жизнь, чиновничная. А даже если попаду, меня съедят, поскольку я неконфликтный человек, а один в поле не воин. Туда невозможно попасть нормальным людям, а если отдельные — сожрут (*Ирина Амбурцева, бывший председатель Союза жителей*).

Но нет, я не иду кандидатом. Это не мое, не смогу молчать. И еще, если честно, после мэрских выборов... это такой стресс, унижение (*Мария Кочетова, рынок «Селена»*).

Большая проблема с точки зрения общей динамики развития движения: активисты не видят возможности для себя повлиять на общий политический курс городских властей. (Что уж говорить о федеральных: «Ой, мы даже на этом уровне не мыслим», — из интервью с двумя «умеренными активистами» во дворе дома в НУ.)

У них своя политика, совсем другая политика, понимаете. Наживаться и изжить все человеческое (*Уполномоченная 216-квартирного дома на ул. Бориса Алексеева, 43*).

Социолог: А вы не считаете возможным повлиять на ту политику?

Нет, конечно, это настолько непрозрачно (*Пенсионерка, помощник уполномоченной, ул. Бориса Алексеева, 43*).

Более того, активисты — за редкими исключениями — не мыслят себя потенциальными носителями общественной силы, частицей власти. Напомним слова женщины средней активности во дворе дома в НУ: «Я не чувствую большую армию, живу своим мирком».

Для большинства единственная возможность воздействия на власть — участие в выборах. Была надежда поменять городскую мэрию, но почти растаяла после «бандитских

выборов» октября 2009 года. А возродилась весной 2012 года, благодаря скорее не самим выборам, а последующим массовым протестам против фальсификаций и общероссийскому резонансу, вызванному этой борьбой.

Усиливает отчуждение людей от власти еще одна особенность астраханских движений: их относительная оторванность от федеральной политики и событий общественной жизни страны. Вернее, федеральная власть видится многими как потенциальный спаситель, защитник от местных диктаторов и беспредельщиков. Особенно большие надежды возлагались на нее во время мэрских выборов октября 2009 года. Они не оправдались, и после этого иллюзий стало гораздо меньше, хотя «островной» синдром мышления многих активистов кардинально не изменился. Местные активисты очень мало знают об общероссийских движениях, даже в своих собственных сферах деятельности. Кроме того, они редко принимают участие в общероссийских кампаниях или акциях протеста. Справедливости ради стоит добавить, что астраханское движение почти отсутствует в федеральном медийном пространстве: в городе почти нет корпунктов крупных СМИ, редко о каком-то регионе так мало слышно (вплоть до того, что многие журналисты путают его с Архангельском). Правда, такой «отрыв» от федеральной политики и федеральных общественно-политических движений сильно сократился после массового протестного движения апреля 2012 года, получившего поддержку активистов всей страны. С тех пор местные активисты намного больше общаются с товарищами из других регионов, а на столичный «марш миллионов», организованный 6 мая 2012 года лидерами «Болотного движения», в Москву приехала довольно большая астраханская делегация (особенно если считать тех, кто был задержан по дороге).

Ознакомившись с рассуждениями местных активистов, можно подумать, что главный их стимул — спасти от врагов свой дом, свое рабочее место, свое дело, себя, в конце

концов. Часто я слышала: «борьба» с чиновниками, «войны» с представителями власти, как будто город на военном положении. Но общественная активность — не выбор этих людей, не стиль жизни, не следствие гражданской позиции, даже не попытка изменить ситуацию. Это просто вынужденная реакция на конкретную угрозу жизни (разваливающийся дом, разгон рынка, ликвидация маршрута, потеря подсобного хозяйства), и, наверное, поэтому ключевые слова интервью — «защитить», «спасти», «сопротивляться». «Это наша борьба за наше существование», — четко сказала пенсионерка из дома в НУ. Одна из самых политизированных активистов, Мария Кочетова (рынок «Селена»), обозначает свою цель в жизни вне всякой политики: «Я хочу, чтобы у меня был свой бизнес и жилье. И чтобы я могла дать детям что-то. Сейчас не могу ничего им дать».

Напрашивается вывод: в Астрахани нет ни общегородского движения, ни позитивной цели борьбы, а есть мало связанные между собой движения сопротивления воровской и наглой власти.

Казалось бы, полный прагматизм и почти никаких принципов — ценностных, мировоззренческих или политических. Однако при внимательном анализе интервью политическая составляющая обнаруживается. Но эта политика партизанская, оборонительная (защита своего жизненного пространства, даже существования, от покушения со стороны власти). И эта политика «своя», «народная», «снизу», а не та, которая «наверху», «чиновничья», «коррумпированная», «грязная»...

> Скажем так, если выиграет «Справедливая Россия», то это наша политика, если нет, то это неинтересно. Болтовня, вот вся эта политика.
>
> Я считаю, что астраханцы не аполитичны. Вот идут голосовать, и я не считаю, что равнодушны. Но не большая политика. К большой политике мы не имеем никакого отношения.

Мы все простые, простой учитель, простой бухгалтер. Это не просто слова, мы считаем, что наша работа, наше движение — это тоже политика...
Это мелкая политика...
Домашняя политика...
Да, но это наша политика.
Это наша борьба за наше существование. Борьба с «Лукойлом» (остальные: Да, да! — *К.К.*), борьба с лифтовиками — вот это тоже политика. Я считаю, что народ должен делать политику...
Да, политика из этого складывается...
...А вот депутаты наверху, партии — это уже, я считаю, политические интриги. Там уже не политика, там политические интриги. А вот политика — она вся снизу должна быть, от народа ...
У них там своя кухня, у нас своя (*Интервью на ул. Бориса Алексеева, 43, с представителями четырех домов в НУ*).

В рассуждениях четырех женщин четко вырисовывается взгляд, в котором активные жители возвращают себе политику и заново определяют ее для себя. Это, конечно, не четко оформленные взгляды и не дискуссия — политические дебаты почти отсутствуют, как в публичной городской сфере, так и внутри движений или между движениями (даже на городском социальном форуме политические вопросы как таковые не поднимались). Но они утверждают: политика — это то, что делают простые активные люди, и она ничем не хуже «большой» или «верховной» политики. Это «своя» кухня, состоящая из прагматизма, «мелких дел», простого народа, низовых социальных инициатив. И она не хуже «их» кухни, состоящей из грязи, интриг и защиты собственных корыстных интересов.

Отсюда меньше шага до утверждения о том, что настоящая политика — именно та, которой мы занимаемся здесь, внизу. А это создает возможность для развития широкого

и консолидированного социального движения в городе открывает путь к переходу от партизанской политики к власти апательной, освободительной. Именно по этому пути продолжили активисты, участвовавшие в «голодной революции» апреля 2012 года, когда тысячи людей шли по центру города, скандируя: «Мы здесь власть!»

5. Первая попытка прорвать осаду: «Астраханский майдан» октября—ноября 2009 года

Хотя сеть социальных движений в Астрахани обширна и разветвлена, нельзя говорить о существовании общегородского движения с общей целью и координацией деятельности. За двумя исключениями: 1) предвыборной кампании осенью 2009 года и последующего протеста против фальсификаций на выборах мэра, 2) кампании за отмену сфальсифицированных выборов мэра весной 2012 года.

На выборах мэра Астрахани 11 октября 2009 года практически все вышеописанные социальные движения плюс еще некоторые неупомянутые поддержали кандидатуру Олега Шеина. Многие активисты этих движений участвовали в разработке программы (ее основные позиции: развитие жилищного самоуправления, участие квартальных гражданских ассоциаций в принятии решений по благоустройству квартала, борьба с коррупцией и произволом власти, гражданский контроль над властью, активная поддержка малому бизнесу), вели активную агитацию. Немало оказалось и тех, кто стали наблюдателями на выборах.

Поражение Шеина стало неожиданностью для большинства: «У меня в доме все голосовали за него», «Это невозможно: все, у кого я ни спрашивала, все голосовали за Шеина». Независимых опросов не проводилось, поэтому нельзя утверждать, что победа была украдена. Но в любом

случае официальный результат (65,6% за Боженова и 26% — за Шеина) выглядит малоубедительным. На выборах в Госдуму 2003 года Шеин в качестве независимого кандидата набрал по области 35,85%, а по городу — 54% голосов; Боженов, тоже выдвинувший свою кандидатуру, тогда проиграл и в Думу не прошел. Так что популярность Олега Шеина в городе очевидна. Нельзя просто пройтись с ним по городу, чтобы его несколько раз не остановили, не пожелали успехов и здоровья, не расспросили о чем-то. В приемные дни депутата (дважды в месяц) от пятидесяти до ста человек ждут в коридоре; на квартальные встречи с ним приходят от пятидесяти до двухсот человек.

Так что активисты убеждены: результаты мэрских выборов сфабрикованы. «Шеинские» наблюдатели на себе испытали всю мощь машины по обеспечению победы кандидата Боженова: их насильно вытаскивали из помещения, где велся подсчет голосов, кого-то держали под замком в другом кабинете, кого-то избивали. И агитаторы (вывешивая транспарант на фасаде дома, распространяя газеты, украшая свое маршрутное такси листовками) уже сталкивались с жестким сопротивлением со стороны неизвестных лиц бандитского вида или представителей правоохранительных органов. В общем, эти выборы стали синонимом «беспредела» для активистов и получили именование «криминального переворота».

В ночь на 12 октября возмущенные наблюдатели прошли шествием от штаба кандидата от оппозиции к зданию ФСБ — требовать решительного противодействия разгулу бандитизма и фальсификациям. На следующий день возле штаба (в центре города) был разбит палаточный городок (так называемый «Астраханский майдан»). Днем там дежурили в основном молодые активисты из движения «Точка отчета», а каждый вечер на импровизированный митинг собирались люди (от 500 человек поначалу). Самая крупная акция протеста (18 октября) собрала более 2000 человек, которые пошли к местному кремлю. Примечательно, к кому

тогда апеллировали протестующие: они держали портреты Медведева или иконы! На кремлевской площади они зажгли свечки и замолчали. «Это был очень сильный момент, очень эмоциональный, когда все люди соединились единой душой и молились за свой город» (Василий Ворох, активист СР). Были и отдельные стихийные акции движений. Так, 15 октября на улицу вышли торговцы с Кировского рынка под лозунгом «Президент, останови Боженова!».

> Астрахань захвачена бандитами — что нас ждет? Нас продолжат уничтожать? Страшно жить в этом городе (*Один из участников стихийного шествия вокруг рынка*).

Акции протеста продолжались больше месяца. Они становились не такими частыми и многолюдными, а затем постепенно затихли. Потому что люди потеряли надежду исправить ситуацию. Ни обращения в ЦИК, ни массовые заявления о преступлениях, направленные в прокуратуру, не помогли. ЦИК, МВД, ФСБ и Генеральная прокуратура провели проверки, их представители съездили в Астрахань (где были встречены акцией протеста), но ничего незаконного не нашли: выборы признали состоявшимися, а уголовные дела возбуждены не были. (То есть уголовные дела были против самих активистов и наблюдателей от оппозиции, причем потерпевшие вдруг стали «нападавшими».)

Разочарование вызвало некоторое разложение общегородского движения. Одни испугались возмездия со стороны победителей, другие разуверились в возможности законным путем поменять власть в городе, третьи, верившие во всемогущество Шеина, были неприятно поражены, не получив от него абсолютной защиты.

И все же в период предвыборной агитации и «Астраханского майдана» проявилось единство общегородского движения и его способность к мобилизации. Повторю: в той или иной степени в акциях протеста участвовали активисты

всех вышеупомянутых социальных движений и инициатив. Конечно, в большей мере — лидеры, уполномоченные, руководители и проч., но простые жители — по призыву или по собственной инициативе — приходили тоже. Низовая мобилизация, скромная и немассовая, была. А если считать участие в протестном голосовании проявлением активности (пусть требующей меньше мужества и сил), то можно говорить и о массовости протеста на выборах.

Какую цель преследовала эта социальная мобилизация? Самая простая формулировка: выгнать Боженова и прочих бандитов из власти. Ответ на вопрос, что взамен, уже не так однозначен. За что люди боролись? Поднять во власть народного лидера (это, наверное, позиция большинства), самим взять власть (позиция меньшинства) или хотя бы что-то менять во власти.

Главный способ этого добиться — выборы. (Что делать с фальсификациями и насилием — никто не знал.) Поэтому, несмотря на разочарование, на следующих выборах (парламентских — региональных и федеральных — в декабре 2011-го и досрочных мэра в марте 2012-го) большая часть общественных активистов в той или иной степени старались содействовать победе Олега Шеина и СР.

Активисты Астрахани придают такое значение выборам потому, что мало кто рассматривает вариант массового протестного движения или восстания. Такой радикализм пока чужд большинству, и люди движимы в первую очередь прагматичными соображениями; нет у них и ощущения собственной силы и силы движения. Особенно это свойственно рядовым участникам социальных движений и инициативных групп. Напомню: у них скорее оборонительная позиция — спасти хоть что-то. А уж покушаться на сферу власти — немыслимо и бессмысленно (по крайней мере, так было до апреля 2012 года).

Вторая популярная линия действия — пытаться посадить Боженова. Идут всевозможные суды: жителей

общежития с ул. Савушкина, работников рынка «Селена», есть и другие вялотекущие иски. Но и здесь людей охватывают сомнения: пока против Боженова не возбуждено ни одного уголовного дела. «Жертвами» правосудия пали лишь заместители и прочие исполнители, а Боженову, как видят его оппоненты, удается откупаться благодаря влиятельной «крыше».

Скрепы и фундамент общегородского движения октября—ноября 2009 года были довольно слабыми и сводились к двум личностям: одна «черная» (Боженов как глава бандитской власти), другая «белая» (Шеин как спаситель или вдохновитель). Городское протестное движение марта—апреля 2012 года, как мне кажется, гораздо меньше зависит от них. Во-первых, за Боженова выступает малоизвестный в городе серый функционер Михаил Столяров. Во-вторых, далеко не все участники движения протеста поклонники Олега Шеина, который тогда представлялся, скорее, символом борьбы с беспределом.

6. Вторая попытка прорвать осаду: «Голодная революция» марта—апреля 2012 года

«Голодная революция» — условное название для кампании против фальсификаций на выборах мэра Астрахани 4 марта 2012 года, ознаменованной длительной (с 16 марта по 24 апреля) коллективной политической голодовкой и самой массовой мобилизацией местных жителей. Название — условное, «авторское право» на него принадлежит некоторым комментаторам, а я употребляю его лишь для простоты. Сами участники его не используют; они говорят о «голодовке» или «массовой демонстрации 14 апреля» (это для них историческое событие); некоторые предпочитают говорить об «освободительном движении».

Несколько слов о предпосылках. После двух поражений — на выборах мэра октября 2009 года и на федеральных думских выборах декабря 2011 года, а тем более после первой безрезультатной кампании против фальсификаций, разочарованные общественные активисты вышеупомянутых социальных движений и инициатив уже не так активно участвовали в очередной кампании за должность мэра. Их отчасти заменили новые политические активисты, участвовавшие в региональной выборной кампании декабря 2011 года с целью массово пройти в думу Астраханской области по списку «Справедливой России»[18]. Сам Олег Шеин колебался: стоит ли в очередной раз выдвигать свою кандидатуру на пост мэра, если результаты все равно «нарисуют»? Поддержка новых местных политических активистов и федерального руководства «Справедливой России», так же как надежда на более честные выборы после ухода Боженова, повлияла на его решение: идти. Однако на выборах 2012 года фальсификации стали еще грубее. Наблюдателей от оппозиции выгоняли с участков, не показывали им отметки в бюллетенях; иногда протоколы попросту переписывались в ТИКах, а участковые комиссии, даже не посчитав голоса, сразу везли «результаты» в ТИКи; были и избиения. Самый вопиющий случай: в ночь подсчета голосов к ТИКу Кировского района на автомобилях подъезжали председатели и члены участковых избирательных комиссий; с черного хода они поднимались на четвертый этаж, доступ к которому был закрыт для представителей от оппозиции[19]. В результате

[18] В итоге с учетом фальсификаций соотношение сил в региональной думе получается следующее: ЕР — 42 депутата, СР — 6, КПРФ — 5, ЛДПР — 4, самовыдвиженец -- 1.

[19] «В очередной раз, в момент проведения муниципальных выборов, наш родной город Астрахань стал похож на прифронтовой. Чтобы дать нужный процент центру и выбрать “нужного” губернатору мэра, сотрудники ГАИ перекрывают по периметру

за кандидата от «Единой России» и ставленника Боженова проголосовали якобы 60% избирателей, а за Шеина — 30%. Это при том, что по независимым опросам[20] и по результатам КОИБов (на тех редких участках, где их установили) Шеин победил.

В течение последующих дней в штабе «Справедливой России» было многолюдно: наблюдатели и члены комиссий от СР приходили, приносили протоколы и свидетельства. Приходили просто возмущенные избиратели. Многие в интервью говорят: «Весь город знает, что Шеин победил». Так росла эмоциональная волна. Люди хотели что-то предпринять, что-то решительное. В прошлый раз ни уличные протесты, ни обращение в суд не дали результатов — тут и возникла идея о голодовке. Она началась 16 марта. В связи с этим Олег Шеин обратился к сторонникам через свой блог[21]:

> Я прошу о поддержке — информационной. Мы полностью блокированы на местном телевидении. Но социальные сети сегодня сильнее, чем телевидение. Я обращаюсь ко всем,

---

четырех районных администраций движение автотранспорта. Сами главы администраций, в прямом смысле, баррикадируются в своих резиденциях, окружая себя полицейскими, чоповцами. Двери заперты, перед ними нагромождение в виде "ежей", попасть в ТИКи, которые располагаются за этими дверями, невозможно. УИКи, охраняемые полицией и какими-то лицами в черных куртках, начинают подсчет голосов, а заодно в обязанность полицейских входит задача "строить" членов избирательных комиссий и наблюдателей от оппозиции. Любое замечание о нарушении в работе комиссии ею же самой и карается: удаляют кандидатов, доверенных лиц, членов с решающим, совещательным голосом и наблюдателей, заметивших это нарушение», -- написал депутат облдумы от СР Александр Каманин в своем блоге (http://kamanin-alex.livejournal.com/2012/03/06/)..

[20] См. журнал «Форбс»: Шеин победил на выборах мэра Астрахани: http://www.forbes.ru/sobytiya/vlast/81209-sotsopros-oleg-shein-pobedil-na-vyborah-mera-astrahani (18.04.2012).

[21] http://oleg-shein.livejournal.com/2012/03/16.

кто хочет сам строить свое будущее. Уничтожение выборов в Астрахани — это уничтожение права каждого на будущее, потому что власть, назначившая сама себя, ни с какими общественными интересами считаться не будет.

И неожиданно голодовка (обычно — акт отчаяния довольно изолированных, разуверившихся в силе коллективных действий, ущемленных в своих правах людей) стала инструментом солидарности и социальной мобилизации. Штаб СР, где проходила голодовка, превратился в центральную площадку для оппозиционно настроенных граждан любой политической ориентации и граждан без определенных политических предпочтений. Каждый день что-то происходило: то акции протеста, то приезд гостей из Москвы, то сообщения о тревожном состоянии здоровья голодающих, то заявления ЦИКа и других федеральных органов, то задержания и даже избиения, то концерты и праздники. Больше месяца события в Астрахани и действия их главного героя Олега Шеина оставались новостью номер один для СМИ и интернет-сообщества.

Так что же случилось? Была ли реальная массовая мобилизация? Можно ли говорить об общегородском движении? А если да, то о каком — общегражданском, социальном, освободительном?

* * *

Нижеследующие строки я написала уже после проведения основного полевого исследования, по возвращении из короткой поездки в Астрахань 13–15 апреля 2012 года. К тому времени голодовка протеста, объявленная Олегом Шеиным с двадцатью товарищами, продолжалась почти месяц. Она уже освещалась всероссийскими СМИ и получила широкий общественный резонанс. Отчасти благодаря этому астраханцы — общественно-политические активисты

и просто неравнодушные люди — массово вышли на улицу. 14 апреля от 5000 до 8000 человек участвовали в стихийном шествии по центральным улицам города с требованием отмены фальсифицированных выборов и в знак солидарности с голодающими. С описания этого события и началась эта глава. Тогда, «по горячим следам», я попыталась проанализировать и оценить мобилизацию. А позже решила сохранить стиль этого текста. Он написан социологом и человеком, находящимся под сильнейшим впечатлением от того, что он увидел и почувствовал, приняв непосредственное участие в событиях. Скорректированы лишь отдельные сюжеты — ради общей логики повествования.

Голодовка как гражданский и политический вызов

Вообще-то, Олег Шеин противник такой формы протеста, как голодовка. Но ситуация не оставила ему выбора. Соратники требовали: надо что-то делать. Идти в суд без веских доказательств, без поддержки общественной кампании — бесполезно. Обращаться к «демократическому» Медведеву или апеллировать к федеральной власти против местных бандитов, которых она же «крышует», — наивно. Ожидать массовых волнений населения — иллюзорно: после массовых фальсификаций на выборах мэра октября 2009 года активисты вышли на улицу, но мобилизация ничего не дала, и большинство потеряло надежду на что-либо повлиять, выходя на улицы. Так и родилась идея политической голодовки. Участвовать в ней сразу выразили желание многие местные активисты, причем далеко не только члены СР (были члены компартии и беспартийные, бывшие наблюдатели и просто активные жители).

Требования: перевыборы или хотя бы предоставление официальных видеозаписей со всех участков. Голодовка

началась почти незаметно, а затем к акции подключились известные блогеры (Алексей Навальный, а также Евгений Ройзман[22] и «Доктор Лиза»[23]), и информация прошла по сетям. В среднем голодали около двадцати человек — кто-то выходил по состоянию здоровья, кто-то приходил на смену. Олег Шеин вместе с четырьмя товарищами участвовал в голодовке от начала до конца — сорок дней. После 12 апреля, когда Министерство связи наконец-то доставило в Астрахань видеозаписи, голодовка перешла в мягкую форму (многие вышли из нее совсем, остальные продолжили акцию, но стали пить сок).

Важно отметить: голодовка, тем более в знак протеста против фальсификаций, тем более коллективная и тем более такая продолжительная, — необычное дело. И тем не менее десятки людей приняли в ней участие, а выразили желание участвовать еще больше. В ущерб здоровью. Это говорит о том, насколько шокировали людей наглые фальсификации, и о том, что борьба — дело не одного человека. Находясь на месте, я поразилась, как много неравнодушных людей добровольно помогают Олегу Шеину

---

[22] Независимый депутат Госдумы РФ четвертого созыва от Свердловской области, известен как борец с наркоторговлей (основатель фонда «Город без наркотиков»). Активно ведет блог в «Живом журнале». Какое-то время сотрудничал с партией «Справедливая Россия», но после исключения из предвыборного списка СР в 2007 году от участия в партийной политике воздерживался. Вернулся к ней в 2011 году по приглашению М. Прохорова. В 2012 году участвовал в создании новой партии Прохорова «Гражданская платформа».

[23] Елизавета Глинка известна под псевдонимом «Доктор Лиза». Известный российский филантроп, по образованию врач-реаниматолог, исполнительный директор фонда «Справедливая помощь». Ведет популярный блог в «Живом журнале». На учредительном съезде партии «Гражданская платформа», так же как Е. Ройзман, вошла в состав руководящего органа новой партии М. Прохорова.

и голодающим в их борьбе с воровской машиной, захватившей власть в городе. Люди, работающие в неформальном штабе голодовки, представляли самые разные социальные группы и национальности: студенты, школьники, рабочие, служащие, бизнесмены, пенсионеры; русские, татары, дагестанцы, казахи, чеченцы. Все они были объединены одной целью: очистить город от скверны криминальной власти.

И вот случилось неожиданное: благодаря своему упорству, а также общественному резонансу, голодающим удалось изменить соотношение сил в свою пользу: власть стала заложником голодовки. Ведь силой заставить людей выйти из голодовки нельзя. Оштрафовать или посадить за это тоже. Соответственно, Путин и его свита оказались перед выбором: либо игнорировать голодовку (как вариант — высмеивать, поставить под сомнение сам факт голодания), и тогда есть риск трагического исхода, который обязательно взбудоражит общественность, либо идти на уступки. Власть, видимо, выбрала первый — циничный — путь, в надежде на то, что Шеин, как все «нормальные люди», играет. Однако Олег если с чем-то и играл, то только со своей жизнью. Было время, когда я серьезно стала опасаться за него. Я знала: если не будет вообще никаких уступок, он не остановится, поскольку не считает себя вправе предать людей, которые в него верят. После месяца голодовки и потери 14 кг он действительно выглядел неважно и быстро уставал, хотя развивал активную деятельность за счет силы духа и воли, а также благодаря поддержке со стороны все большего количества людей.

Лишь начало судебного разбирательства и некоторые минимальные уступки сделали возможным выход из голодовки. Она завершилась 23 апреля, после того как в ЦИКе наконец просмотрели видеозаписи с участков и глава ЦИКа Владимир Чуров заявил, что закон был нарушен на 129 избирательных участках из 203. А также после того, как Кировский

суд Астрахани принял иск протестующих к рассмотрению. (Хотя ранее другой руководитель ЦИКа, господин Ивлев, рассказывал журналистам, что районный суд не вправе принимать иск по законности выборов по всему городу — это при том, что в Астрахани нет городского суда.)

Не менее удивительно вот что: голодовка — именно потому, что коллективная, резонансная и политическая (т.е. голодающие выступили не только за себя, но за всех свободолюбивых горожан), — стала инструментом для развития солидарности и побудила более-менее активных астраханцев, а также активистов из других регионов, к участию в массовых публичных действиях. Мужество Олега Шеина и героизм остальных участников голодовки привели к важному результату, подтолкнув людей преодолеть страх и апатию и массово выйти на улицу. Как скандировали на улицах города 14 апреля: «Один за всех, и все за одного!»

Московские VIP-оппозиционеры и астраханцы

Перед массовым митингом 14 апреля целый десант известных московских оппозиционеров высадился в Астрахани. Уже упомянутый блогер Алексей Навальный, молодой лидер «несистемной» политической организации «Солидарность» Илья Яшин[24], депутат Госдумы РФ от СР Дмитрий Гудков[25], героиня светской хроники Ксения Собчак. А еще раньше — представители Лиги избирателей: уже упомянутая врач паллиативной медицины Елизавета Глинка («Доктор Лиза»), тележурналист Леонид Парфенов и координатор движения автомобилистов «Синие ведерки»

[24] Ныне член Координационного совета оппозиции и руководящего органа партии «РПР-ПАРНАС»..

[25] Ныне исключен из партии (см. примеч. 10 к наст. статье).

Петр Шкуматов. Все эти и другие герои Болотной площади на месте общались с людьми из местной активистской среды. Уставшие и изможденные, но оптимистически настроенные голодающие. Бастующие и измученные маршрутники. Бедные пенсионеры, до этого не раз выходившие на улицу за сохранение льготного проездного билета, без которого они не могут позволить себе ездить на дачу. Мелкие торговцы уличных рынков, боящиеся за свои рабочие места, но осмеливающиеся иногда публично выражать протест. Работяги с оставшихся после «прихватизации» астраханских предприятий. Боевые тетеньки из жилищных активистов, которые воюют за свои дома. Люди, зарабатывающие от силы несколько тысяч рублей в месяц.

Все эти люди из глуши России, которые обычно вызывают насмешку или презрение у интеллектуальной московской публики. Но которые и есть сердце России, которые и составляют реальную Россию. (В Астрахани как раз эти люди больше всех борются — уже годами — в защиту своих прав и против «беспредела» местной власти.)

Вот это встреча! Московский бомонд и астраханский «простолюдин», бок о бок скандирующие «Мы здесь власть!» и взявшиеся за руки перед наступлением ОМОНа.

Если бы астраханские события привели только к сокращению отрыва столичной оппозиционной или либеральной тусовки от загнанных, но время от времени борющихся «низов» — это был бы уже гигантский шаг в сторону демократизации общества.

Не знаю, как москвичи восприняли эту встречу; надеюсь, что с пользой для дела. А для местного населения «московский» десант возымел огромное значение. В условиях полной информационной блокады на месте приезд знаменитостей, которые публично выражают поддержку голодающим, — огромный ресурс. Даже местным СМИ в конце концов пришлось освещать происходящее (мол, «понаехали» — но уж в каком свете неважно, важно, что заговорили). Кроме того,

Шеин к тому времени стал «потертым» героем — ведь с середины девяностых он регулярно проводит кампании протеста. То палаточный лагерь рабочих против закрытия заводов, то массовые митинги против монетизации льгот, то баррикады на рынках, то марши возмущенных жителей общежитий... Отсюда некоторая шаблонность его имиджа: вечно протестующий оппозиционер (хотя он проводит и огромную «конструктивную» работу по улучшению законодательства и самоорганизации людей), Дон Кихот (хотя обычно он ставит перед собой достижимые цели), болтун (хотя в политике слова у него мало расходятся с делом). В общем, высокие московские гости как раз освежили этот имидж. В том числе для местного населения. Шеин стал олицетворением общероссийской борьбы с узурпацией власти.

Мобилизация на месте

Информационная блокада на месте и неоднозначный имидж Шеина частично объясняют слабость мобилизации местного населения в начале голодовки. Однако есть и другие факторы.

Обязательно надо вспомнить, что в 2009 году люди уже выходили на улицу с требованием перевыборов и ровно ничего не добились. За исключением возбуждения уголовных дел против самих себя. Тогда протестные действия не затихали больше месяца, а в итоге большая часть активных людей просто разуверилась в возможности как-то повлиять на процесс выборов.

Другой важный фактор — прагматизм основной массы активных граждан. Жилищные активисты стремятся спасти свой дом от упадка и контролировать расходы на жилищно-коммунальные услуги. Водители маршруток не хотят, чтобы их вытеснили со своих маршрутов. Торговцы рынков борются за свое рабочее место и за свой кусок хлеба. Жители

общежитий — за крышу над головой. Пенсионеры — за возможность ездить на дачу. Рабочие — за свою зарплату. И, как я не устаю повторять, это уже большой поступок — ведь обычные люди в стране (назовем их без презрения «обывателями») вообще ничего не делают, даже для защиты своего прагматического интереса, или делают, но тихонько, незаметно и индивидуально.

Наконец, но не в последнюю очередь, мобилизации мешает огромное давление, которому подвергается любой, кто попытается не подчиниться местному клану правителей. Криминальные поджоги, угрозы, разгром рынка, отъем бизнеса, увольнения, компроматы, возбуждение уголовных дел, бандитские нападения... Когда большая часть местной экономики зависит от местной власти, люди сильно задумываются, выступить ли им публично с протестом или нет. Некоторые прохожие, встреченные мною в эти дни в Астрахани, прямо говорили: «Мы бы тоже пришли [на митинг], но боимся, честно скажу, люди напуганы». Как бы не потерять последнее, жизнь и так несладкая.

Это все относительно специфичные для Астрахани факторы. Об остальных, общих для всей страны (неверие в свои силы, социальное недоверие, патернализм, склонность «выкручиваться» в одиночку и т.д.), я вообще молчу.

И все равно, даже при таких условиях, астраханцы выходят на улицу, а 14 апреля вышли массово («приезжие», которых местная власть обвинила в дестабилизации ситуации, составили от силы 5% общего числа протестующих). Потому что приезд иногородних активистов легитимировал местную борьбу, потому что длительная голодовка вызвала уважение и заставила вспомнить о своей совести, потому что появилась надежда на победу. Вышли не только сторонники Шеина («дело не в Шеине, дело в том, что я не хочу, чтобы из меня делали быдло!»); вышел не только активистский костяк (кроме маршрутников, пенсионеров, профсоюзников, работников рынков, жилищных

активистов были также профессора, мелкие бизнесмены, работники свободных профессий, молодежь и проч.); вышли члены самых разных политических партий и непартийные люди. Вышел не до конца забитый астраханский народ. Выпрямили спину и гордо пошли по городу, обзванивая знакомых и призывая прохожих и проезжающих мимо автомобилистов присоединиться. Эйфория от коллективного утверждения своего достоинства и гражданственности. «Мы здесь власть!»

При этом хочется подчеркнуть, что не весь город вышел — весь город не выйдет никогда. И это нормально: «весь народ за власть» или «весь народ против власти» — это только в мечтах или кошмарах кремлевских кланов, а реально есть линии разделения. Никогда не пойдут против власти те, кто стал заложником системы, участвуя в ее делишках; кто удовлетворяется теми крошками, которые получает со стола барина. Не пойдут и те, кто не смотрит дальше своего собственного благополучия. Не пойдут те, кто даже не реагирует, когда у них отнимают крышу над головой или последний кусок хлеба. Не пойдут за Шеина те, кто категорически не приемлют его взгляды — социалистические и народнические. И это тоже нормально. Есть разные альтернативы и разные возможные пути развития. Как раз для того, чтобы эти альтернативы были и смогли проявиться без гражданской войны, вышли люди — за право выбора.

Социальные движения и «низовая» политика

Хотя прогнозировать такую массовую мобилизацию никто не мог, потенциально она давно была возможной. Предпосылкой явилась как раз сложившаяся обширная активистская сеть. Напомню: профсоюз «Защита труда», Союз жителей ассоциация маршрутников, движение

пенсионеров-льготников, сеть жителей общежитий, движение работников рынков, экологические, родительские и прочие инициативы.

Несмотря на отмеченные выше слабости этих многочисленных социальных движений и инициатив, они реально существуют и работают, минимально взаимодействуя между собой. Да, активисты этих движений решают в первую очередь прагматическую задачу и, скорее, защищают себя от угрозы, исходящей от властей или подконтрольного ей бизнеса. Но при этом они заботятся о судьбе города, они интересуются состоянием дел в целом. Есть у них ценностные принципы: «справедливость», «народ», «простой народ». И политика им далеко не чужда. Многие состоят в партиях, в первую очередь в «Справедливой России». Многие претендуют на то, что занимаются политикой — только «домашней», «мелкой», «низовой», «народной». Напомним цитату жилищной активистки: «Мы считаем, что наша работа, наше движение — это тоже политика».

То есть политика уже как-то присутствует в мировоззрении общественных активистов, но она не афиширует себя, не стремится завоевать себе публичное пространство: она скорее оборонительная (защитить себя и свое ближайшее пространство от «верхушечной» и «грязной» политики). Однако от партизанской политики до наступательной — всего лишь один шаг при наличии партизанских отрядов. Вот голодовка и другие мобилизационные факторы, с ней связанные, и сделали возможным контрнаступление.

Прорвана осада

В марте—апреле 2012 года, когда тысячи астраханцев пошли по центральным улицам города, скандируя в едином порыве «Мы здесь власть!», «осада», в которой

находились активисты «движений сопротивления», перестала быть сплошной. Наблюдалась двойная встречная динамика: соединение «Болотного» движения с локальными движениями, с одной стороны, и совместная борьба социальных и политических активистов — с другой. На улицах Астрахани 14 апреля шли представители движения «За честные выборы» из других регионов. Шли местные активисты профсоюзных и социальных движений, подробно описанных выше. Шли политически активные люди со стажем. К ним присоединились граждане, активизировавшиеся в связи с последним и вопиющим случаем (даже для привыкшего к этому города) массовых фальсификаций.

Таким образом, в Астрахани появился реальный шанс осуществить прорыв в сторону глубоких преобразований социальных отношений в обществе. Его имя — революция, реальная, глубокая, народная. «Вставай, проклятьем заклеймённый...» — старая песня до сих пор актуальна.

Возвращение к «партизанской войне»

Тот факт, что результаты выборов не отменены, указывает не на слабость мобилизации, а на политическую зависимость судебной системы и на бесперспективность судебного пути в деле о разделе власти.

Так, 15 июня 2012 года Кировский районный суд г. Астрахани принял решение отказать Шеину и его сторонникам в удовлетворении иска об отмене результатов выборов. Абсурдность этого решения состоит в том, что суд, признав наличие нарушений законодательства о выборах, не признал их поводом для отмены результатов выборов.

Голодовка завершилась, общественное внимание к астраханскому делу ослабло, началось судебное разбирательство — и последовал процесс демобилизации. Революции не случилось. Свои порядки диктует прежний

клан нечистоплотных политиков и чиновников. Пошел новый виток наступления на социальные права, а порой и на жизнь людей, возникла новая волна подозрительных пожаров, усилилось давление мэрии на автоперевозчиков. Социальные и политические активисты, вынужденные вернуться к оборонительной и партизанской политике, пытаются хоть как-то себя обезопасить.

Это отнюдь не значит, что политика — «своя», «народная», «низовая» — исчезла. Это не значит, что люди прекратили бороться: пострадавшие от пожаров объединились в Союз погорельцев, жилищные активисты продолжают отстаивать свои дома, маршрутники — свои рабочие места и т. д. Сеть социальных движений не распалась, она пережила подъемы и спады общественной активности, доказав свою живучесть. Так что база для очередной волны социальной мобилизации есть: каналы мобилизации в форме сохранившихся социальных движений, люди с опытом борьбы и контроля над действиями власти, практика самоорганизации и самоуправления.

Поэтому нельзя смотреть на астраханский случай как на полное поражение. Наоборот, «голодная революция» марта—апреля 2012 года показала путь, доказала мобилизационную способность местного населения, открыла горизонт возможностей. Значит, освободительное движение может возродиться и победить.

Итоги

Резюмируя сказанное выше, важно подчеркнуть характерные для астраханского случая сюжетные линии.

— Поскольку сеть социальных движений в Астрахани очень широка и разветвлена, общегородское движение потенциально возможно; выборную кампанию 2009 года можно считать временным его проявлением; «голодная

революция» 2012 года — его самое массовое, радикальное, резонансное и прогрессивное воплощение. Несмотря на плачевный финал «голодной революции», доказано, что в Астрахани есть все условия для массового общегородского социально-политического движения.

— Фундаменты общегородского движения довольно хрупки — многое держится на общем враге в лице Боженова (или его преемника), а также на единоличном лидере социальных движений и оппозиции в лице Шеина. Не хватает ни идейной общности, ни координационной структуры.

— Некоторые движения, входящие в общую сеть, страдают либо от слабого чувства коллективной идентичности, либо от слабой активистской позиции. В социальных движениях города не хватает *общественного*. Не хватает ощущения, что мы, активисты, — часть большой общественной силы, способной влиять на власть и на положение дел в городе.

— Большинство активистов движимо стремлением решить прагматические задачи, а часто эти задачи сводятся к спасению себя, своего дома, своего дела. При этом нельзя однозначно противопоставить прагматизм (конкретные дела для защиты своего ближайшего жизненного пространства) и высокие — мировоззренческие или политические — мотивы. По крайней мере, часть общественных активистов воспринимает свою прагматическую деятельность как ценностную и порой политическую.

— Не хватает чувства общей динамики; каждое социальное движение, каждая инициатива сражается в своем поле, чтобы спасти то, что можно.

— Движения, скорее, ведут оборонительную деятельность в условиях — образно говоря — «партизанской войны».

— При этом созидательная сила существует (она особенно наглядна на примере домов в самоуправлении), и потенциальная общественная сила — тоже (сеть Союза жителей покрывает почти все кварталы, сеть различных социальных движений охватывает почти все сферы

общественно-политической жизни). Чтобы возникло общегородское влиятельное социальное движение, остается «всего лишь» эти силы мобилизовать, консолидировать и вытащить на политический уровень (в смысле политики как дела полиса, общее дело горожан). Это сделала «голодная революция».

— Из выводов, открывающих поле для размышлений далеко за пределами Астрахани, отмечу чрезвычайно большое значение мобилизации весны 2012 года. По моему мнению, в Астрахани тогда произошло невероятное событие — соединение «Болотного» движения и низовых, малоизвестных, местных социальных движений, загнанных, но борющихся из последних сил. Это залог возможности будущих масштабных социальных преобразований.

Карин Клеман

Калининград: массовое протестное движение добилось отставки губернатора. А что потом?

Оппозиция имеет перспективу на поддержку народом только в том случае, если она будет готова предлагать альтернативу.

Константин Дорошок, председатель общественной организации «Справедливость», один из лидеров массовой мобилизационной волны декабря—января 2010 года в Калининграде

В Калининграде общегородское движение заявило о себе на всю страну зимой 2010 года. Самым громким оказался крупнейший в постсоветской России (12 тыс. участников) митинг 30 января, который и привел — исключительный случай на современном этапе — к отставке губернатора Бооса. Что сделало такую массовую мобилизацию возможной? Как прошел сам митинг? Почему после него произошел спад общественной активности, а движение распалось? И какие признаки общественного подъема начала 2010 года наблюдались в конце 2011 года?

Ниже я постараюсь ответить на эти вопросы, основывая свои выводы на материалах полевого исследования,

проведенного во второй половине сентября 2011 года, и на записях многочисленных бесед с участниками событий 2010-го, как во время общественного подъема, так и позже. В ходе основного полевого исследования я провела десять глубинных интервью с активистами и лидерами различных движений, общественных и профсоюзных организаций. Мне удалось стать наблюдателем и участником двух акций протеста, а также просто общаться с горожанами на различных общественных мероприятиях (на собрании блогеров, судебном заседании, стихийных или запланированных собраниях активистов). Кроме того, личные связи с некоторыми активистами города позволили и в дальнейшем актуализировать материалы, в том числе чтобы понять, как мобилизация «За честные выборы» конца 2011 — первой половины 2012 года сказалась на местной общественной ситуации.

1. Предпосылки к массовому митингу 30 января 2010 года

1.1. Рост недовольства широких слоев населения

Фоновая ситуация — накопление социальных и материальных проблем у подавляющей части населения вследствие экономического кризиса и социально-экономической политики региональных властей. И отсюда — рост недовольства и поводов для протестных настроений (активисты, вспоминая этот период, хором твердят: «Лезли людям в карманы»). Причем пострадали все категории населения: пенсионеры (из-за непрерывного роста тарифов на услуги ЖКХ), автомобилисты и перегонщики (из-за резкого повышения пошлины на ввоз подержанных иномарок и увеличения транспортного налога), работники отдельных отраслей, которые стали получать меньше денег, лишились работы или вообще остались без зарплаты (особенно на обанкротившейся «КД

Авиа», в электронной и мебельной промышленности), мелкие предприниматели (из-за угрозы сноса палаток, а также из-за ревизии закона об особой экономической зоне в пользу крупного бизнеса).

Стоит учесть и особенность географического положения: Западная Европа близко, и есть возможность постоянно сравнивать уровень своей жизни с соседними странами. Многие активисты упомянули этот фактор как существенный:

> У нас же глаза здесь более открыты. У нас здесь иномарки в основном, посмотрите, какой процент. То есть магазины какие, супермаркеты у нас пошли одни из первых. То есть уровень жизни у нас, в Калининграде, довольно-таки, вот реально, приближен духовно к европейскому (*Координатор регионального отделения «ТИГР»*[1] *Олег Никифоров*).

Если учесть, что последние десять лет доходы жителей региона постоянно росли, станет понятно, почему падение уровня жизни вызвало у них острое недовольство.

А последней каплей, переполнившей чашу терпения, стало крайне непопулярное решение губернатора Георгия Бооса установить максимально высокие ставки транспортного налога. Учитывая значение автомобиля в жизни рядового калининградца (на 900 тыс. жителей области приходится 300 тыс. авто), неудивительно, что это вызвало волну протеста. Первый митинг (24 октября 2009) прошел в центре Калининграда, возле монумента «Мать Россия», собрав 500 человек и всю политическую оппозицию. Декабрьский митинг (12.12.2009) собрал на том же месте около 5000 протестующих. Уже тогда значительную часть присутствующих составляли не активисты политических партий и движений,

[1] Движение «ТИГР» — Товарищество инициативных граждан — изначально возникло во Владивостоке зимой 2008/2009 года, во время крупных выступлений против повышения пошлин на ввоз иномарок.

а простые, далекие от политики граждане среднего возраста и, условно говоря, представители среднего класса. Тогда же вместе с экономическими требованиями типа возврата льготной областной «растаможки» автомобилей и отмены повышения транспортного налога прозвучали и политические лозунги об отставке Бооса и отзыве из облдумы представителей «Единой России».

1.2. Накопление опыта протестных действий по разным фронтам: сеть социальных движений и инициатив

Еще одним значимым фактором стало накопление опыта протестных акций у многих категорий граждан. Фактически в 2008–2010 годах возникли разнообразные социальные движения, проводившие кампании в защиту прав определенной категории населения и стремившиеся влиять на ситуацию в той или иной сфере общественной жизни. В частности, тогда родились или начали бурно развиваться движение мелких предпринимателей, движение в защиту здравоохранения, движение автомобилистов, свободные профсоюзы (в том числе в бюджетной сфере), движение льготников, а также инициативные группы в защиту зеленых зон и против уплотнительной застройки. Показательно, что все движения начались с локального или специфичного конфликта (по поводу закрытия конкретной больницы, повышения таможенных ставок на ввоз иностранных машин, угрозы отнять у мелких предпринимателей землю, вырубки в парке), а затем поднялись до постановки глобальных проблем, относящихся к разным областям общественной жизни и отвечающих интересам широких категорий населения (таких как трудовые права, экология, здравоохранение, мелкое предпринимательство и т. п.).

Со временем эти движения и инициативы образовали сеть социальных движений, поскольку многие активисты

одного движения стали участвовать в акциях других — в знак солидарности и для консолидации сил.

— **Протест автомобилистов.** Еще до начала кампании против повышения транспортного налога автомобилисты, а особенно перегонщики (это специфика автомобильного бизнеса в пограничном регионе) боролись с повышением таможенных ставок. С конца 2008 года они проводили акции протеста — сначала у таможни, а затем и в городе. Эти акции возникли стихийно (благо, у таможни создавались огромные пробки из-за «правового беспредела таможни при "растаможке"»), но скоро у них появился молодой и энергичный лидер — Константин Дорошок, тоже занимавшийся перегоном машин. Он инициировал создание общественной организации «Справедливость».

> Таможенники начали нагнетать искусственно очереди и т.д., людей мучили: люди стояли по двое, по трое суток в этих очередях, там, драки, соответственно, и т.д. Ну невозможно было вести, пропускали, там, по десять машин, по пять в день, когда раньше по семьдесят, по восемьдесят. Ну и Дорошок в один из дней выехал и перегородил трассу федеральную. ...После этого начались пикетирования таможенных... таможни, потом митинги начали организовывать. Это еще 2009 год. Ну, потом как бы все это немного попритихло. Ну, работали-работали потихоньку, потом лето — таможня, уже ничего не вернуть, и осенью уже 2009 года начали бороться против повышения транспортного налога опять же (*Координатор регионального отделения «ТИГР» Олег Никифоров*[2]).

---

[2] О. Никифоров, тогда еще занимавшийся «автомобильным бизнесом», — теперь профессиональный водитель. Он среди первых вступил в «Справедливость», а ушел оттуда после отказа Дорошка от проведения митинга 20 марта 2010 года.

Люди — особенно профессиональные автомобилисты и перегонщики — организовались довольно легко: через интернет-форумы и посредством личного общения в очередях на таможне или на акциях протеста. Кроме того, общественная организация, созданная Константином Дорошком в 2008 году, взяла на себя многие организационные и координационные функции и поддержала движение автомобилистов.

> [Однако] «Справедливость» не ставит себе цель исключительно защиту прав автомобилистов. Она создалась для автомобилистов в первую очередь, да, но она назвалась «Справедливость», а не «Клуб защиты, там, автомобилистов» или что-то еще. То есть мы изначально подбирали название для этой организации, чтобы охватить широкий спектр тех проблем, которые мы готовы поднимать (*Дорошок, председатель «Справедливости»*).

Цель организации Дорошок определяет так: «Защита законных прав, интересов жителей Калининградской области». Проведение митингов и акций протеста считается одним из средств достижения цели. Причем Дорошок подчеркивает, что активисты организации принимали участие не только в «автомобильных» акциях протеста, но и в пикетах против закрытия медсанчасти. Другое названное активистами средство — оказание безвозмездной юридической помощи. Я так поняла, что в 2011 году у «Справедливости» возникли финансовые трудности, но в течение всего 2010 года в помещении организации была открыта бесплатная юридическая приемная.

Движение автомобилистов 2008–2010 годов не ограничивается ни организацией «Справедливость», ни автомобилистами как таковыми. Благодаря боевитости участников первых акций, вокруг проблемы транспортного налога и фигуры Дорошка происходит динамичный рост

активности. На каждой акции к автомобилистам присоединялись все новые люди, в том числе далекие от автомобильных проблем и обычно далекие от политики, такие как байкеры.

— Движение в защиту областного здравоохранения. Примерно в это же время, с октября 2008 года (и до лета 2010-го), проходило еженедельное пикетирование здания правительства Калининградской области в защиту областного здравоохранения. Все началось с решения о закрытии медсанчасти № 1 (так называемой больницы рыбаков), возмутившего группу ветеранов и работников рыбной промышленности области. 24 октября 2008 года прошел первый пикет под девизом «Сохраним больницу рыбаков!». Инициатором выступила региональная общественная организация «Союз ветеранов рыбной промышленности» при поддержке «Ассоциации морских капитанов». В пикете приняли участие 60–70 человек. Они развернули лозунги: «Власть! Не трогай больницу рыбаков!», «Хотим лечиться в своей больнице!» и проч. Поддержали акцию депутаты областной думы от оппозиции, в частности Михаил Чесалин — от партии «Патриоты России». В дальнейшем именно эта партия во главе с ее председателем Чесалиным стала основным организатором кампании в защиту регионального здравоохранения. К ней присоединились другие партии, в частности КПРФ и «Яблоко», медики, находящиеся под угрозой увольнения, пациенты, а также различные общественные силы и профсоюзные деятели.

Кампания состояла из ежедневного пикета, коллективных писем, депутатских запросов, лоббирования, обращений в СМИ и т.д. В этом случае протестная деятельность не привела к созданию общественной организации, поддерживающей движение, поскольку организационные функции исполняла партия «Патриоты России», а ежедневный пикет сам по себе служил площадкой для регулярного

совещания и координации действий. Главным образом с подачи Чесалина пикет против закрытия конкретной больницы перерос в кампанию по защите здравоохранения в регионе[3], а список обвиняемых в «разбазаривании» и «разрушении» качественной и доступной медицины чиновников расширился. Но до Путина дело дошло только год спустя: на 48-м пикете 30 октября 2009 года впервые появился транспарант: «Путин в ответе за Бооса!» До этого последовательно и упорно ответа требовали от главного врача, министра здравоохранения Клюйковой и губернатора Бооса. Смысл кампании ярко передает самый «долгоиграющий» плакат: «Медсанчасть — народу, Клюйкову — в отставку». Михаил Чесалин так характеризовал «врага», против которого боролись: «Холуйство, чинопочитание, казнокрадство, круговая порука».

Важно отметить, что продолжавшийся около полутора лет пикет стал площадкой для знакомства и встреч активистов разных движений, местом обсуждения вопросов общественно-политической жизни. (Туда, например, приходил и Дорошок в то время, когда он только начал активизироваться.)

В итоге, благодаря последовательной кампании (а также массовому митингу 30 января 2010 года), пикетчики добились отставки министра здравоохранения Клюйковой и увеличения финансирования здравоохранения с 3% бюджета в 2010-м до 17% бюджета в 2011-м (однако больницу спасти не удалось). Люди отпраздновали это на своем 64-м пикете,

[3] Вообще кризис в этой отрасли начался вследствие перехода региональной медицины на подушевое финансирование (Калининградская область была пилотным регионом по проведению этого эксперимента). На пикете постепенно стали поднимать более широкие проблемы: от недофинансирования и низких зарплат медиков, разрушенной системы родовспоможения и коррупции до ущербности подушевого финансирования медицины как такового.

12 февраля 2010 года. Немаловажно и другое достижение: место пикетирования предоставило общую площадку для встречи представителей различных инициатив и движений и для координации планируемых действий.

— **Свободные независимые профсоюзы.** Хотя профсоюзы как таковые (так называемые альтернативные, реальные или свободные) не играли существенной роли в общественном подъеме конца 2009 — начала 2010 года, о них стоит упомянуть. Во-первых, потому, что с 2007 года началась очередная волна создания новых, низовых, профсоюзов (отчасти благодаря получению административного ресурса после избрания лидера профсоюза докеров Калининградского порта Михаила Чесалина депутатом облдумы). Во-вторых, потому, что они приняли участие в кампании по защите здравоохранения и в это время родился новый профсоюз медиков (правда, не в «больнице рыбаков», которую, как было сказано, не удалось спасти). В-третьих, потому, что профсоюзные лидеры тесно связаны с партией «Патриоты России» и лично с председателем ее регионального отделения М. Чесалиным. Можно даже сказать, что партия служит политической вывеской для регионального профсоюза, возглавляемого Чесалиным, — «Трудовые бригады».

По словам Чесалина, который начал свою активистскую карьеру с профсоюзной борьбы, развитие независимых профсоюзов остается для него приоритетной задачей. Фактически помещение партии является также помещением профсоюза, а сотрудники партии почти все либо возглавляют какую-то профсоюзную ячейку, либо помогают ей.

У истоков «Трудовых бригад» — региональный профсоюз докеров (где раньше работал Чесалин). В 1997 году он организовал забастовку в торговом порту, добиваясь повышения заработной платы. После этого руководство порта начало настоящую войну с профсоюзом, что привело к его фактическому разгрому. В 2007 году профсоюзные активисты

во главе с М. Чесалиным вновь начали бороться за повышение зарплаты (средняя заработная плата калининградского докера — самая низкая по отрасли и составляет около 15 тыс. руб., в то время как в Санкт-Петербурге, Мурманске, Новороссийске она в два раза выше). Докеры положительно восприняли цели кампании, стали вступать в профсоюз, а 6 июня 2007 года на Чесалина было совершено жестокое нападение...

Однако региональное профсоюзное объединение «Трудовые бригады» организует не только портовых работников. Особенно активно новые ячейки создаются с 2008 года, профсоюзные активисты на предприятиях стали одерживать все больше юридических побед. Особенная активность наблюдается в здравоохранении, и в первую очередь среди работников службы «Скорой помощи», где благодаря профсоюзу удалось заключить выгодный для сотрудников коллективный договор.

В июне 2008 года, после очередной победы профсоюза в суде, Михаил Чесалин смог сделать следующее заявление:

> Нравится это работодателям или нет, но люди начинают понимать, что объединение в действенные, независимые от начальства профсоюзы — не только их конституционное право, но и реальный инструмент защиты своих интересов на рабочем месте.

— **Движение мелких предпринимателей.** Примерно в этот же период (с конца 2008 года до февраля 2010-го) шла борьба мелких предпринимателей за сохранение своих палаток.

> Весь наш мелкий бизнес решили рейдерским актом забрать, там, два таких больших крутых босса. Там, один из них был, ну, тут местный, как бы, бывший бандит, вот, фамилии не будем называть... Они хотели выпустить закон, положение

о работе стационарных торговых объектов, и сказать, что раз у вас нет договоров аренды земли... А у нас не было договоров на земли. У нас — я хочу сказать, это у 2000 торговых объектов: палатки и павильоны, по всему городу. ...У них депутатская группа есть, в том числе, у этих бывших криминальных. ...Их поддержал тогда губернатор Боос. ...Бой продолжался полтора года. Полтора года мы стояли на улицах. И так получилось, что у меня больше всего получалась организация уличных мероприятий. То есть я... оказалось, что я уличный, так сказать, этот, бунтарь (*Вадим Косухин, мелкий предприниматель и главный организатор пикетов протеста*[4]).

За полтора года было проведено сорок пикетов (с 4 мая 2009 года — на постоянном месте у мэрии), по 70–80 человек каждый. Собирались в основном мелкие предприниматели (у которых «по две, по три палаточки»), а те, кто покрупнее, помогали в организации менее публично.

До этого люди в принципе не общались, потому что это был мелкий бизнес, и каждый сидит в своей коробочке, и каждый, это, боится чего-то, каждый... Ну, общались, трое человек, может быть, знало друг друга. Потом у нас образовались звенья, звеньевые, там, организация, там, допустим, обзвон. И потом мы приняли решение участвовать в уличной борьбе: пикеты и демонстрации (*Вадим Косухин*).

Перед лицом общей угрозы, касающейся всех предпринимателей, они, несмотря на конкуренцию и на свою зависимость от местной власти, сумели объединиться, поскольку против такого масштабного и поддержанного губернатором плана захвата палаточных мест в одиночку не выстоять. А потерять палатки для многих означало потерять

[4] В. Косухин содержит четыре дешевые — для бедных — парикмахерские. «С портретом Че Гевары», — шутит Чесалин.

единственный источник существования. За исключением «трусливого» меньшинства («зайцев-безбилетников», которые все равно воспользовались плодами общей борьбы), в борьбе участвовали практически все: и мелкие, и крупные бизнесмены (даже «у которых 250 палаток»). Разница была в степени публичности: кто-то участвовал в протесте открыто, кто-то организовывал, кто-то «потихонечку поддержал», посылая людей.

Для проведения кампании была создана Федерация малого и среднего бизнеса. Косухин — один из ее девяти сопредседателей. Эта федерация существует до сих пор, правда, после победы в этом общем для всех деле разногласия и внутренние конфликты дают о себе знать, в первую очередь между мелкими предпринимателями и более крупными («сетевиками», по выражению Косухина, т. е. теми, кто владеет торговой сетью).

Кроме того, в ходе борьбы установились солидарные связи с другим постоянным пикетом — в защиту здравоохранения: «Нас поддержал Михаил Юрьевич Чесалин, ну, поддержали люди, активные протестные люди. Мы тоже поддерживали Михаила Юрьевича, тему медсанчасти № 1». На пикеты палаточники выходили со своими лозунгами (в частности «Бизнес и власть слились в экономическом экстазе?») и, в свою очередь, получили поддержку со стороны организаторов «медицинского пикета». Все по формуле: «С общей бедой нужно бороться гуртом».

Таким образом ряды участников расширились, оказались затронуты другие социальные проблемы, к проблеме палаток напрямую не относящиеся. Формировалось полноценное социальное движение, выражающее интересы обширной социальной категории. Процесс обобщения касался также выбора оппонентов. Тут дело не только в тактике, но и в эмоциональном подъеме: сначала предприниматели выступили против городских властей, затем против Бооса и только к концу кампании, на митинге 30 января 2010 года,

они затронули фигуру Путина — неожиданно даже для самих себя, просто под влиянием общего настроя.

> Когда у нас отнимали палатки, мы знали, что инициатива идет от Бооса, с губернатора, что этот бандюга с ним трясет этот вопрос. Мы решили, что нам будет тактически грамотно его не трогать. Давай, давай мочить город. То есть мы выступали против городских властей. Мы сделали такие... методом противопоставления, т.е. тактическая борьба, т.е. это политика, но мы не знали, что это политика. Мы — давай напишем: «Президент России за малый бизнес, а вы, сволочи, нет». То есть и мы, там: «Президент России, в России, там, малый бизнес открывать, туда-сюда, а мэрия Калининграда — закрывать, гнобить, туда-сюда». То есть мы вот такие противопоставления сделали, несколько лозунгов — громадных полотниц, что вот город нехороший, а вот президент у нас якобы хороший. Хотя мы знали, что он тоже нехороший, гад еще тот. То есть это тактика, тут, конечно, надо лавировать: кого ударить, кого подождать, кого... (*Вадим Косухин*).

Благодаря своему упорству, прагматизму и боевитости, а также благодаря массовости общего митинга 30 января, мелкие предприниматели добились, по признанию Косухина, «полной победы»:

> ...Потом возникла ситуация, что власть попала в кризис, в цейтнот, вот эти митинги, и они... они сломались и сказали: «Мы вам подписываем договор на 25 лет, мы вам отдаем...» Инициатором выступил Боос, потому что он испугался, перед самым уходом он испугался... После крупного митинга он испугался и говорит: «Давайте я вам сделаю закон». И он был инициатором, надавил на депутатов, на этих криминальных, и они приняли закон, что нам как бы на 25 лет отдали места (*Вадим Косухин*).

Под «полной победой» имеется в виду, что власть в лице губернатора отдала даже больше того, чем ожидали сами участники движения.

— **Движение льготников.** Примерно тогда же, осенью 2009 года, в Калининградской области проходила кампания «Требуем вернуть льготы!» — против отмены индексации ежемесячной денежной выплаты (ЕДВ) ветеранам труда и просто отмены льгот для некоторых категорий (решением областной власти от июня 2009). В течение двух с половиной месяцев по всей области собирались подписи под требованием к губернатору сохранить ЕДВ на 2010 год (всего в разных районах области и в самом Калининграде было собрано 5479 подписей). В Калининграде, Советске, Светлом, Пионерском и Гвардейске прошли многолюдные пикеты, в других населенных пунктах — собрания. Собирали подписи и проводили пикеты сами льготники, их борьбу поддерживали многие оппозиционные силы — от «Солидарности» до «Патриотов России». Благодаря вмешательству прокуратуры ветераны добились некоторых уступок еще до митинга 30 января. Но проблема с льготами по ЖКХ осталась нерешенной.

— **Борьба работников «КД-Авиа».** С лета 2009 года работники «КД-Авиа» боролись за выплату долгов по зарплате и против закрытия авиакомпании. Инициативная группа (во главе с Александром Шацким) периодически организовывала то забастовки, то митинги (в них участвовали до 500 человек, и тогда это казалось много). В их акциях участвовали и представители других движений (в частности, пикетчики в защиту здравоохранения и профсоюзные активисты). Работники авиапредприятия, и в первую очередь Шацкий, познакомились с ключевыми фигурами протестного Калининграда того времени и тоже стали приходить на их акции — в знак солидарности.

В итоге — еще до митинга 30 января — задолженность начали покрывать (за счет областного бюджета), но было неизвестно, как контролировать перечисление следующих траншей, да и «КД-Авиа» все же обанкротилась, многих лишив работы. Забегая вперед, отметим, что за исполнение судебных решений по взысканию долга по зарплате пришлось еще долго бороться. Для этой цели на базе инициативной группы была создана (уже после знаменитого митинга) общественная организация «Новый мир». Сначала она оказывала правовую помощь бывшим работникам авиакомпании, но впоследствии занялась защитой трудовых прав в целом и противодействием произволу властей и милиции.

После разрешения (частичного) своей конкретной ситуации работники, как правило, расходились, но часть их осталась в контакте с Шацким и другими лидерами социальных движений того периода. Многие участвовали в массовом митинге 30 января. Сам Шацкий превратился в «завзятого» активиста и совместно с коллегами-калининградцами организует акции протеста на самые разные темы (от стоимости бензина до честных выборов). В качестве главного стимула для участия в столь непохожих мероприятиях Александр называет дружбу и идейную близость: «Это же друзья! У нас сформировалось сообщество идейно близких людей».

— Выступления в защиту зеленых зон, против уплотнительной застройки. С конца 2008 года набирали обороты квартальные битвы против точечной застройки и за зеленые зоны. Наиболее заметными были два крупных конфликта (против строительства гостиницы в сквере у СК «Юность» и за сохранение Нижнего озера) и одна кампания (против изменений в Генеральном плане города, переводивших 27 зеленых зон в центре в зоны деловой застройки, и за внесение «народных» поправок в проект «Правил землепользования и застройки», обсуждавшийся на общественных слушаниях).

«Самое громкое сопротивление» (по оценке активистов инициативной группы в защиту Ялтинского парка) было связано с Нижним озером. Нешуточный скандал разгорелся осенью 2008 года, когда под строительство гостиницы была отдана часть парковой зоны на берегу озера, засаженная голубыми елями, внесенными в Красную книгу. Строители срубили тогда более 48 елей, и лишь благодаря вмешательству общественности удалось сохранить столетний дуб. В ходе проверки разрешительных документов было установлено, что большая часть подписей граждан, выступающих за строительство, подделана. Нижнее озеро расположено в самом центре и служит местом отдыха всех горожан, однако за его сохранение выступали в основном жители окрестных домов. Поддержка со стороны широкой «общественности» оставалась скорее пассивной, несмотря на призывы «ко всем жителям города прийти и поддержать» (как сказано в отчете о пикете 17 июня 2009 года «Не дадим пропасть озеру Нижнему!», состоявшемся напротив мэрии).

Против точечной застройки, как и везде, выступают обычно мелкие инициативные группы из близлежащих домов (например, в парке «Юность» это молодые мамы, которых лишили места для прогулок с детьми). Такие группы слабо связаны между собой и, как правило, не в состоянии остановить строителей, поддержанных местной властью. Тем не менее борцы за сохранение зеленых зон Калининграда попытались придать своему сопротивлению консолидирующую динамику. Во многих локальных конфликтах и в кампании против внесения изменений в Генплан участвовали лидеры уже описанных социальных движений; они-то и служили связующим звеном. В кампании по Генплану и градостроительным правилам участвовали общественно-политические организации широкого спектра: местные «патриоты», «Справедливость», «Наш город» и т.д. Кроме того, активно транслировалась идея защиты «города-сада» от частных интересов бизнеса и власти;

жители воспринимали ее крайне позитивно. Оппонентами, вызывавшими всеобщее возмущение, выступали депутаты городской думы (где подавляющее большинство было у «Единой России»). Как утверждают активисты, большую часть этих депутатов составляли бизнесмены-строители, а мэр считался главным виновником «строительного беспредела».

Консолидировать движение, придать локальным конфликтам общую динамику особенно старалась общественная организация «Наш город», созданная молодым человеком с политическими амбициями Михаилом Костяевым. По его собственному признанию, сделать этого не удалось. После поражения или просто из-за усталости инициативные группы распадались, а заниматься рутинной работой по организации общегородского движения в защиту зеленых зон никто не хотел.

> Люди не готовы годами за что-то биться. Люди готовы тебе, там, делегировать какие-то полномочия и сказать: «Бейся! Когда надо, мы тебя поддержим» (*Михаил Костяев*).

Но все-таки к концу 2009 года градостроительная политика и проблема сохранения зеленых зон в Калининграде получили широкую огласку, вызвав возмущение широких слоев жителей города. И если о существовании целостного «зеленого» движения говорить не приходится, то сильное диффузное недовольство и опыт локальных коллективных действий отметить необходимо.

— Другие направления общественной (протестной) активности. В тот же период периодически вспыхивали протесты жителей сел Калининградской области, выступающих против «земельного рейдерства». И уже начиналась борьба против строительства Балтийской АЭС.

1.3. Сеть социальных движений и резонанс в обществе

Итак, к концу 2009 года возникло множество очагов протеста. Причем между ними установились перекрестные связи в лице отдельных активистов и лидеров, посещающих те или иные акции «коллег» в знак солидарности. Происходило накопление опыта протестных и коллективных действий у многих категорий населения, которые активизировались в разных направлениях. Возникли площадки для обмена мнениями и координации. Росло взаимодействие и сотрудничество между различными движениями и группами. Одним словом, возникла сеть различных социальных движений и инициатив.

Важно отметить, что сеть в данном случае не означает организационное единство: каждое движение сохраняло свою специфику, поднимало специфичные вопросы и мобилизовывало определенные социальные категории. Однако через сеть действий и взаимодействий происходила диффузия общих практик и ценностей — активистского типа. Утвердилась и распространялась по разным секторам общества мысль о том, что проявлять общественную активность — это не так уж и плохо. Поднялась «антиобывательская волна» (о ней говорится в нашей предыдущей книге[5]), т. е. начались сдвиги в социальных представлениях о хорошем и приличном поведении: любимая заповедь обывателей «сиди тихо и не высовывайся!» сменяется вопросом «а может быть, стоит попробовать встать и присоединиться к активным действиям?».

Другими словами, умножение инициатив, одновременное проведение самых разных кампаний и перекрестные

[5] *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в нынешней России. М.: Три квадрата, 2010.

связи между ними позволили добиться общественного резонанса, получить отклик за пределами узкой группы непосредственно заинтересованных лиц. Причем практически по всем фронтам наблюдалась тенденция к нарастанию численности и расширению круга участников — а это положительно сказывается на людях, особенно на недавних обывателях. Увидев, что акция или кампания — дело не только маргиналов, что среди активистов встречаются соседи и коллеги, уважаемые люди и привлекательные лидеры, люди, впервые оказавшиеся на протестной акции, более склонны распространять о ней положительную, эмоционально окрашенную информацию, приглашать знакомых на следующую акцию, практически агитировать их за более активную общественную позицию.

Эти взаимосвязанные процессы диффузии активистской позиции и наращивания влияния активистских движений на общество делают возможным расширение мобилизации. Когда кто-то что-то слышал о каких-то акциях, где-то их видел, а тем паче когда лично знает родственников, друзей, коллег, соседей, принявших участие в акции и положительно о ней отзывавшихся, он более склонен принять участие в следующей акции. Это сила примера, практическая агитация против равнодушия и наглядная демонстрация привлекательности активистской позиции. Вот так, словно снежный ком, и нарастал массовый протест.

1.4. Сила ожидания

Среди предпосылок к массовой мобилизации отметим еще силу ожидания. Когда движение явно на подъеме, ожидание массового участия в следующей акции становится дополнительным стимулом для людей принять в ней участие.

А ведь движение явно разрасталось. Митинг автомобилистов 24 октября 2009 года собрал 500 человек; 12 декабря подобный митинг, но с более широким кругом

вопросов, собрал около 5000 человек; а всеобщий митинг 30 января 2010 года — около 12 тысяч человек. И ожидалось, что митинг, намеченный на 20 марта 2010-го, будет гигантским (по оценкам моих респондентов, не менее 20, а то и 60–70 тысяч человек: «люди звонили постоянно, со всей области», «никто не хотел услышать ни о какой другой деятельности, все готовились к 20 марта»).

Здесь важно субъективное — разделенное многими — восприятие: «это возможно». Социологи социальных движений подчеркивают значимость этого чувства — оно само по себе делает вещи (в данном случае массовость и силу общественного протеста) возможными.

1.5. Конвергенция протестов

Процесс конвергенции отдельных протестных тем и точек происходил, в частности, благодаря работе лидеров движений и инициатив, которые перезнакомились друг с другом на различных площадках протеста, аккумулировали все требования и сформулировали общий знаменатель: отставка губернатора и конец политической монополии «Единой России». При этом в выступлениях и на плакатах появилось добавление: «Путин в ответе за все». Здесь важно, что все заботившие людей проблемы (транспортный налог, новые таможенные правила, льготы, зарплата, медицина, тарифы ЖКХ, банкротство предприятий) были в той или иной степени названы и каждый мог найти в выступлениях или общей резолюции отражение вопросов, его лично занимающих.

1.6. Роли лидеров

Очень значимым фактором мобилизации стали новые лидеры, выросшие на волне предыдущих протестов. В первую очередь речь идет о Константине Дорошке.

Калининградец и патриот своего региона, «свой» человек для автомобилистов и мелких предпринимателей (он бывший перегонщик), прямой, симпатичный, энергичный, непартийный, с чувством собственного достоинства, отец троих детей — вот Дорошок. Новая фигура на общественно-политической сцене, он жил обычной жизнью среднего (если он существует) калининградца и неожиданно для себя, примерно в 2007 году, стал общественным активистом.

> Розовые очки слетели, разбившись вдребезги о жесткие реалии жизни, в которую нас бросила партия власти: коррупция, лоббизм и беззаконие, отсутствие прав и свобод гражданина, многое другое, что ассоциируется теперь с партией «Единая Россия», которую в регионе представляют свора продажных, жадных, безвольных и бездарных чиновников и депутатов. [И тогда] мы вместе со знакомыми, неравнодушными и порядочными людьми, решили создать общественную организацию «Справедливость» (*Константин Дорошок*).

Свежий стиль, прямой язык, истинное и наивное возмущение неофита (недавнего «обывателя»), умение воодушевить людей — вот некоторые штрихи, объясняющие его популярность. Другие лидеры ее не оспаривают, признавая заслуги Дорошка в организации массовых выступлений конца 2009 — начала 2010 года. Даже для тех из его сторонников, кто пошел другим путем и осуждает его отказ от митинга 20 марта 2010 года (под давлением власти Дорошок как главный его организатор отменил следующее за массовым митингом 30 января общегородское протестное мероприятие), он остается значимой фигурой в общественно-политической жизни региона.

> Ни в коей мере я не считаю его предателем, никем — это его жизненный путь, он сделал очень-очень-очень много

для того, чтобы у людей появилось в голове сознание, что они действительно что-то могут изменить (*Олег Никифоров, интервью сентября 2011 года*).

Вместе с Дорошком действовали и новые, «стихийные» лидеры, а также активисты со стажем, в основном из политических партий. Те помогли своим опытом, в первую очередь по части организации.

Среди ключевых фигур можно назвать Михаила Чесалина. Сам бывший докер и лидер местного профсоюза докеров, он инициировал забастовку 1997 года в торговом порту, за которой последовали репрессии против членов профсоюза. Став профессиональным юристом, он вел непрерывную борьбу за признание факта дискриминации по принадлежности к профсоюзу — и добился победы: в 2009 году Евросуд признал дискриминацию и присудил каждому заявителю по 2500 евро за нематериальный ущерб. В 2006 году Чесалин был избран депутатом областной думы по списку партии «Патриоты России», которую он же в Калининграде и возглавляет. В 2007 году он подвергся жестокому нападению (получил три ножевых ранения в спину и сильный удар по голове) — предположительно в связи с активизацией работы профсоюза в порту.

Михаил — ключевая общественно-политическая фигура в области: все более или менее активные граждане его знают, и едва ли не каждый хотя бы раз побывал у него в офисе, где неформально встречается (хотела сказать «тусуется») широкий круг активистов. К нему как к депутату и заступнику часто обращаются за помощью, и он активно пытается помочь любой гражданской инициативе. Он — главный инициатор и вдохновитель ежедневного пикета и кампании за спасение калининградского здравоохранения (его принцип: последовательно и основательно довести до конца хотя бы одно конкретное дело). Но, как признается сам Чесалин, профсоюзное дело до сих

пор ему ближе к сердцу, и, будучи председателем областного профсоюза «Трудовые бригады», он всячески старается его развивать. Активисты отзываются о нем восторженно. Вот оценка Лены, зампредседателя профсоюза «Трудовые бригады» в калининградском Доме ребенка: «Михаил Юрьевич [Чесалин] обладает волшебным даром [убеждения]». Простой и общительный, с чувством юмора и убийственной (если нужно) иронией, Чесалин, как и Дорошок, возмущен творящимся произволом в политике, но внешне более спокоен: «розовые очки», если когда-то и были, слетели с него очень давно.

Лидеры служили связующим звеном между специфичными социальными движениями и инициативами. Они воодушевляли людей личным примером, своими человеческими качествами и ораторскими способностями, содействовали расширению кругозора рядовых участников коллективных действий. Обобщая различные требования, лидеры пытались помочь людям выйти за собственные узкие рамки на уровень общих для всей области проблем. Некоторые пытались дотянуть участников коллективных действий до общефедерального уровня.

> Мы сразу стали выдвигать не только местные, но и федеральные требования. И от раза к разу люди все более активно поддерживали эти федеральные лозунги. Просвещать и обучать людей надо, на пикетах и митингах в том числе (*Татьяна Михайлова, Калининградский гражданский блок, интервью сентября 2010*).

1.7. Многопартийность

О партиях стоит сказать отдельно. Они по большей части оказывали организационную помощь, но все-таки основную роль в расширении мобилизации играли не партии, а самоорганизующиеся люди. Возмущение и душевный

подъем передавались в первую очередь через личные встречи и звонки, «сарафанное радио» и обсуждения в местах скопления народа. (Все это хорошо известно со времен массовых протестов против монетизации льгот.) Публичные мероприятия были непартийными, вернее — многопартийными: в конце концов в протестах стали участвовать все партии, кроме «Единой России», в том числе и так называемая «несистемная» оппозиция: «Патриоты России», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР, «Яблоко», «Солидарность», нацболы, Левый фронт и т.д. Объяснение здесь простое: не было у местных партий другого выбора (во всяком случае, до тех пор, пока федеральное руководство не дало некоторым по голове) — либо они с восставшим народом, либо нет. Многопартийность стала возможной еще благодаря тому, что главными организаторами массовых мероприятий выступали непартийные лидеры (по крайней мере, партийно не маркированные), в первую очередь Дорошок.

Поэтому особенно наглой (но характерной для так называемой либеральной оппозиции, которая в отсутствие серьезной социальной базы опирается скорее на СМИ) выглядит попытка «Солидарности» приписать организацию митинга 30 января себе. К сожалению, многие федеральные СМИ клюнули и представили событие именно так. Потому что единственными известными им «звездами» на митинге были московские гости и федеральные руководители «Солидарности»: Немцов, Милов и Яшин, приехавшие в Калининград без приглашения организаторов акции. Добавим, что Дорошок тоже был членом «Солидарности», но в регионе стал известен совсем не поэтому (его скорее воспринимали как лидера движения автомобилистов). Да, он был (и до сих пор) резко настроен против федеральной власти (потому и пришелся ему по душе дискурс тогдашних лидеров «Солидарности»); да, он был (и остается) скорее либералом, чем левым (если эти термины вообще имеют значение для такого неидеологизированного движения), но ему

мало понравился пиар московских VIP-гостей. Тем более что это возмутило часть участников митинга (тех, кто в этих тонкостях разбирается), затруднило сохранение широкого многопартийного фронта и было использовано «Единой Россией» в полемике с организаторами митинга. В итоге спустя две недели после митинга Дорошок публично заявил, что выходит из «Солидарности» — «по личным обстоятельствам».

1.8. Широкое информационное поле

Еще одним фактором массовой мобилизации стала разветвленность информационных каналов, которые — редкий случай в современной России — не ограничивались активистскими листовками, обзвоном, смс-рассылками и «сарафанным радио». Интернет-СМИ широко освещали все события и анонсировали митинг 30 января. Популярная газета «Дворник» (бесплатный рекламный еженедельник со 100-тысячным тиражом) дважды публиковала объявление о предстоящем митинге (учредитель «Дворника» и автор еженедельных ядовитых колонок Арсений Махлов — до сих пор соратник Дорошка).

1.9. Раскол элит

Наконец, некоторые источники (среди журналистов и активистов) отмечают роль части элиты, недовольной губернатором Боосом, которая подпольно поддерживала протесты или, по крайней мере, сохраняла нейтралитет (хотя трудно оценить достоверность этих сведений). Повод для недовольства, судя по всему, был.

> Георгий Боос — яркий представитель нынешней верхушки власти, обладающий федеральной проходимостью и в то же время не считающий нужным налаживать диалог не только с обществом, но и политическими силами в регионе.

В нашей области нет ни одного главы района, неоппозиционно настроенного к губернатору. Все, кто пытался критиковать действия губернатора, были сняты — это и мэр Балтийска Федор Ярошевич, и глава Светлогорска Олег Верниковский, и мэр Черняховска Владимир Виноградов. Назначаемые губернаторы не хотят и не могут строить диалог с местной политической элитой — зачем им это, ведь их все равно назначает президент. Отсутствие возможности влиять на принятие решений высшим руководством региона заставляет сплотиться все политические силы. На региональном уровне никто не препятствовал проведению митинга в Калининграде, не было никакого противодействия со стороны силовиков, чиновников, местные СМИ порой не совсем верно, но все же освещали все этапы, предшествующие митингу (*Михаил Костяев, движение «Наш город»*[6]).

По слухам, Боос еще пытался поставить под контроль все экономические потоки и в связи с кризисом столкнулся с противодействием со стороны некоторых крупных бизнесменов.

Но в любом случае нельзя переоценивать значимость поддержки части элиты — пассивной, хотя и заинтересованной (в достижении собственных — политических или экономических — целей). Никто не «заказывал» протест, не было «черного кардинала», не было «заговора», не было «хитрых политиканов, манипулировавших тупой толпой» (все эти аргументы впоследствии использовали разные представители власти для дискредитации протеста). Все остальные уже упомянутые предпосылки массовой социальной мобилизации дают основания утверждать, что у людей было достаточно других поводов участвовать в протесте,

[6] *Костяев М.* Правда о массовых протестных выступлениях в Калининграде: «Нет вертикали власти, да переменам!» // ИКД, 5.02.2010: http://www.ikd.ru/node/12413.

и они вышли на улицу по собственной инициативе — эмоционально, но достаточно организованно и продуманно. Однако если раскол элит (хотя неафишированный) все же имел место, то этот фактор должен был положительно сказаться на развитии движения (на этом сходятся все социологи общественных движений).

2. О самом митинге: единодушие и выход в «большую» политику

Кроме личного знакомства между лидерами (политическими и общественными), кроме накопления опыта совместных действий с партнерами, кроме появления открытых уличных площадок для встреч и дискуссий важным фактором широкой мобилизации является объединяющий лидер в лице популярной и политически неангажированной фигуры Дорошка. Это ингредиенты коктейля. Но что их связало, так сказать, загустило сок? Что сплотило людей?

2.1. Эмоциональный заряд

Прежде всего эмоции. Меня не было на митинге 30 января, но видеоматериалы свидетельствуют: участники живо реагировали на все происходящее. Основное внимание приковано к сцене: люди очень внимательно слушают ораторов, громко выражая им одобрение, и клеймят, вслед за ними, Бооса или Путина. Холодно, снег идет, а люди машут руками и кулаками. Они восторженно и изумленно смотрят вокруг; они сосредоточены и серьезны. Они гордятся тем, что участвуют в таком грандиозном мероприятии, что их так много и они так сплочены, что центральная площадь принадлежит им, что они — хозяева поля, а власть, которая обычно их игнорирует, вынуждена их замечать. По крайней мере, так можно интерпретировать слова рядовых участников: «очень

сильно», «огромное мероприятие», «весь народ собрался», «такого не было еще никогда».

И действительно, были представлены самые разные категории населения: все уже указанные социальные движения со своими плакатами, все возрасты (хотя 30 января, в отличие от других акций, преобладали пенсионеры), все флаги политической оппозиции и огромная масса непартийных людей.

Судя по видеокадрам и рассказам очевидцев, массовый митинг 30 января 2010 года отличался от предыдущего (12 декабря 2009) и последующего (20 марта 2010) именно серьезностью и отвагой участников, как будто произошла демонстрация силы и был брошен вызов власть имущим. На двух других митингах внимание не было сфокусировано на сцене, люди много общались между собой, собирались маленькими группами; происходило много интересных и эмоционально окрашенных событий.

На митинге против повышения транспортного налога (12 декабря) какие-то автомобилисты решили перекрыть дорогу и устроили публичное сожжение покрышек. Байкеры привнесли свой эффектный стиль. Кто-то упал под колеса пытавшегося прорваться автомобиля и закричал: «Задавили, спасите!» Наблюдатели за кадром зааплодировали: «Молодец!» Были радикальные лозунги «Единая Россия — вон в Россию!» и требования бросать бутылки в каждого, кто носит значок ЕР. В общем — торжество гражданского творчества, когда разными зрелищными и веселыми (коммуникативными) способами люди показывали, кто здесь хозяин. Символичен в этом отношении транспарант: «Власть для народа, а не народ для власти».

На «мандариновой ярмарке» («Мандарин» — прозвище Бооса в местном интернет-сообществе) 20 марта 2010 года основную долю участников составила молодежь, и, по словам некоторых, эта протестная акция получилась одной из самых ярких.

Очень редко, особенно в таком количестве, чтобы так они креативно. То есть вот эти маски, это же ими было предложено. Да, ну т. е. представляешь, какие-то взрослые люди-то не приходили в масках, молодежь приходила в масках... Ну, эти, такие марлевые, с мандаринами (*Михаил Костяев, движение «Наш город»*).

Ой, весело было. Такие там... Ну же, были в масках. Мы пораньше пришли, народу еще было немного и, видимо, полиции, там, милиции или кто там, я уж не знаю, но скорее всего ФЭС, ну не знаю, ну кто-то, да? Они, видимо, собирались как-то противодействовать вначале, потому что их было много и они так кучковались. Потом, когда стало много людей, конечно, все это, там, уже понятно, что... Ну как всех этих людей держать — это ж невозможно сделать. И один такой молодой — стоим так вчетвером — подходит ко мне сзади и говорит: «А почему вы, вот, в маске?» — спрашивает. Я говорю: «Вы что, не знаете, что ли?» Он: «Что?» Я говорю: «Ну как что, Онищенко же, говорю. Онищенко — это главный санитарный врач, он, говорю, он же всех... Всем объявляет, что на массовых мероприятиях, любых массовых скоплениях народа нужно одевать маски, потому что, говорю, это же вирусы всевозможные, бациллы, говорю, присутствуют. — Я говорю: — А вы не знаете, что сейчас в Калининграде вообще ж вирус страшный появился?» Он: «Какой?» Я говорю: «Мозг поражает людей, они только команды слушают, больше ничего вроде...» Он так, стал такого цвета, знаете, багрового, и говорит: «А мандарины зачем?» — «А мандарины, — говорю, — для того, чтобы профилактику этих вирусов витамином С выгонять». Он говорит: «Это вам все равно не поможет», — и ушел. То есть вот, ну... Ну... Они примитивные многие достаточно, конечно, не все, безусловно. Но это было весело, мандариновая ярмарка, это было просто весело. Такой драйв людей, которые поорали «Путина

в отставку!», «Путина долой!» (*Виталий Лавринович, один из руководителей движения «Справедливость»*[7]).

Если 12 декабря и 20 марта преобладали скорее веселость и шалость (насмешки над власть имущими), то 30 января – торжественность, осознание важности момента, гнев. И желание бросить вызов верхушечной власти, вплоть до Путина.

Ну, это уже другой формат. Первый митинг [12 декабря] прошел почти как День города: ходят все по площади, общаются, слушают выступления «своих». А здесь — все внимание на сцену, агрессии побольше, отчаяния много и веры. Вот такой парадокс (*Один из рядовых участников*).

Важно отметить, что большинство участников вряд ли пришли на митинг с целью выразить протест Путину, однако сама эмоциональная динамика действа привела к этому.

В крупном митинге мы участвовали, да, Федерация малого и среднего бизнеса приняла участие. Мы выставили лозунг, кучу лозунгов. Там, ну, у нас лозунги были: «Хватит кошмарить малый бизнес», ну плюс еще тут, как всегда, креативное что-нибудь: «Жена чиновника, скажи "нет" своему мужу, тот коррупционер». Всякую всячину, там, допустим; «Бизнес... большой бизнес... Крупный бизнес и чиновники слились в экономическом экстазе». (*Смеется.*)
Социолог: То есть вы так политизированы, что кричите: «Долой Путина»?
Вот так вот. В общем, старались как могли. Участвовали мы в этом митинге, да, у нас выступал К. на этом митинге, от Федерации малого и среднего бизнеса, кричал «Долой

[7] В то время активистская карьера Виталия только началась — с задержания на пикете по здравоохранению 19 марта 2010 года: он случайно (его попросили) держал плакат «Правительство Путина — в отставку!».

Путина», так что... Ну так ему, честно говоря, никто не давал такого задания, но он взял и крикнул. В итоге-то получилось-то хорошо. Оказалось, что для того, чтобы чего-то добиться, нужно крикнуть: «Долой Путина!» А не надо... а если ты крикнешь: «Ай-я-яй-я-яй-я-яй, ну, вот мы тут подумали...» — тогда тебя точно закроют. Не надо бояться. Когда они почувствуют, что ты боишься... (*Вадим Косухин*).

Эта цитата напоминает: выход в политику, тем более в «большую» (федеральную) политику, может не быть ни тактическим, ни запланированным. К такому результату может привести накал эмоций, когда, например, тысячи людей вокруг кричат «Путин в ответе за все!» или «Путина в отставку!».

2.2. Общая платформа

Эмоции сплачивают и цементируют людей — участников одного сильного действа, акта гражданского волеизъявления. Но без общего знаменателя в плане идей (чего люди хотят, кто они такие и что́ предъявляют властям) протест едва ли может вырасти до серьезных масштабов и вызвать большой резонанс. Суммирование требований различных инициатив и движений обеспечивает укорененность общегородского митинга в локальных и специфичных группах активных жителей, однако само по себе оно не составляет общую платформу. Было ли что-то общее между всеми высказанными требованиями, претензиями и чаяниями?

Кажется, было, хотя и трудно сформулировать это общее. А еще труднее отделить то, что формулируют лидеры сейчас, от того, что вызвало резонанс тогда, что соответствовало личному опыту, взглядам и позициям участников на тот момент.

Совершенно точно был твердый протест против монополизации политики «Единой Россией». Люди к этому времени поняли, какая партия доминирует на всех уровнях

властных институтов и депутаты от какой партии приняли решение о повышении транспортного налога, об уничтожении зеленых зон, о лишении льгот, закрытии больниц и школ и т.д. Благо, это повторялось от митинга к митингу, от собрания к собранию. С декабря звучал призыв отозвать из облдумы всех представителей ЕР, а лозунги против этой партии стали самыми популярными: «Единая Россия — единая против россиян!», «Партию "ЕдРо" — в помойное ведро!»

Было острое чувство социальной несправедливости, протест против обнищания народа из-за антисоциальной политики региональной и федеральной властей, гнев против власть имущих, наживающихся за счет пенсионеров и наемных работников, мелких предпринимателей и простых налогоплательщиков. («Нашим регионом, в угоду личным интересам, командуют миллиардер-губернатор и миллионеры-министры, поголовно состоящие в "Единой России"», — говорится в резолюции; «Зажрались, заворовались, а посидеть?» — написано на плакате.) Были уверенность в своем праве влиять на принятие политических решений (резолюция митинга 30 января содержала требование вернуть выборность губернатора и принять региональный закон об отзыве избирателями депутатов) и предъявление себя в качестве политического игрока, способного указать альтернативный путь развития региона.

Гнев был направлен не только против губернатора и должностных лиц региона, но и против центральной власти — во многом в связи со специфичной географической ситуацией эксклава (на это указывают поднятые визово-транспортные проблемы и требование особого статуса для области). Эта особенность укрепила базу для массового протеста, тем более что Боос воспринимался калининградцами как «московский варяг».

Поэтому довольно логично недовольство сконцентрировалось на фигуре Бооса. Вокруг требования его отставки смогли объединиться различные инициативы и движения,

а также неорганизованные люди, которые протестовали против наглости региональной власти, не считавшейся с народом и наживавшейся за его счет.

Смогли ли тогда протест против Путина и требование его отставки послужить консолидации людей? На этот вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, эмоциональный накал и ценностное содержание требования «Путина в отставку!» объединили и воодушевили многих. Это требование, содержащее прямой вызов самому высокому должностному лицу государства (о Медведеве никто не вспоминал), показало отвагу и смелость его авторов, свидетельствовало об их достоинстве и неприложимости к ним клейма «безмозглое быдло». Об умении людей логически мыслить и понимать причинно-следственные связи ясно говорит один из центральных лозунгов: «Путин в ответе за все» (в более раннем варианте — «Путин в ответе за Бооса»).

Был ли этот лозунг просто криком души? Насколько широко разделяли его участники протеста? Трудно сказать. Все активисты, с которыми я разговаривала в сентябре 2011 года, твердят: им всегда было известно, «кто виноват». Они могли проявлять тактическую осторожность, однако иллюзий ни у кого не оставалось.

Относительно значения лозунга для рядовых участников протестного движения мнения лидеров разделяются. Михаил Чесалин считает, что многие из них сами решили, кто главный виновный. «Ценность опыта Калининградского движения в том, — отметил он в интервью еще в сентябре 2010 года, — что мы в ходе борьбы от частных требований перешли к ответу на вопрос, кто виноват. Называли конкретных чиновников». Он уверен (и Косухин тоже, как мы уже отметили): не был бы назван конкретно Путин, не было бы такой бурной реакции со стороны федеральной власти.

Константин Дорошок считает, что главная общая цель протестного движения того времени — не отправить кого-либо в отставку, а заставить власть «слушать

и слышать неравнодушное гражданское общество», а так же «получить ответы на конкретные вопросы, решение конкретных проблем». Со своей стороны, я склонна считать, что это скорее был протест против вертикали власти, вызов Путину (раз командуешь всеми и назначаешь всех, то отвечай за действия своих подчиненных), но не прямое восстание против личности и не покушение на федеральную власть.

В любом случае очевидно, что и без фигуры главного виновного процесс нарастающего социального протеста, расширения круга участников и затронутых вопросов сам по себе создал предпосылки к формированию консолидированного общегородского движения, может быть даже и общерегионального.

2.3. Выход социальных движений в политику

Как оценить протестное движение конца 2009 — начала 2010 года с точки зрения его политической составляющей?

Требования были и социальные, и политические. Но социальные, как мне кажется, остались для большинства людей основными. А требования отставки отдельных должностных лиц, вопросы выборности и отчетности политических руководителей служили скорее средством для решения социальных проблем.

С другой стороны, политическая составляющая содержалась в эмоциональном настрое участников протестного движения и в их самосознании. Многие люди, по крайней мере под эмоциональным накалом действа, чувствовали себя частью большой общественной силы, обладателями частицы власти. Тем более что общефедеральный резонанс, вызванный их действиями, и паническая реакция федеральной власти утвердили их в этом чувстве.

Если сравнить тогдашний протест в Калининграде с более поздним движением «За честные выборы», который

последовал за парламентскими выборами декабря 2011 года как в самом Калининграде, так и в Москве, то первый был намного более социально ориентированным, более укорененным в повседневной жизни обычных жителей. И более массовым (по самому Калининграду это однозначно, а по сравнению с нынешними московскими протестами — тоже, но пропорционально населению города).

Было ли тогда движение менее политизированным? Мне кажется, что прежде всего оно было менее гражданским, т.е. в нем мало уделялось внимания соблюдению законов и уважению формальных гражданских прав. Люди клеймили конкретные пункты политики региональных властей, выдвигали конкретные альтернативные решения, отстаивали права конкретных социальных категорий, объединенных общим обнищанием на фоне обогащения власть имущих. Они не ждали от власти признания их права на голос и политическое влияние, а демонстративно взяли это право, непосредственно воспользовались своим законным правом — правом народа на власть. То есть, по крайней мере, на пике социальной мобилизации движение было отчасти политическим. Другое дело, что до полноценной политической платформы преобразования общества дело не дошло (а могло бы?), а за границей митинга политика закончилась. Низовые социальные движения Калининграда пошатнули стены «верхушечной» политики, но внутрь не вторглись. Однако была надежда, что развитие общегородского движения будет идти нарастающими темпами.

3. После митинга 30 января 2010 года: распад движения

Тогда казалось: движение на подъеме, оно будет расти и расти. Однако проблемы начались сразу после 30 января. В основном динамику нарушил раскол движения. А раскол

этот был обусловлен как действиями власти, так и проблемами внутри движения.

3.1. Власть вбивает клин

Начнем с целенаправленных действий властей по раскалыванию движения (причем эта тактика намного более эффективна, чем репрессии, которые чаще всего приводят к обратному эффекту: сплачиванию рядов и росту решительности). В Калининграде они приняли следующие формы.

1. Кооптация отдельных активистов. Например, на встрече 5 марта 2010 года с губернатором Калининградской области Георгием Боосом Михаилу Чесалину был предложен пост уполномоченного по правам ребенка при губернаторе. Тот от предложения, правда, отказался.

2. Попытки напугать отдельных лидеров. Так, после массовых зимних митингов представители сначала региональной власти, а затем и федеральной «поработали» с его участниками, причем иногда в индивидуальном порядке. Приглашали на встречи, расспрашивали, кто главный организатор и зачинщик; объясняли, чем угрожает лидерам продолжение массовой кампании протеста; призывали к ответственности...

3. Попытки связать часть активистов взятыми ими на себя обязательствами. В ответ на растущий социальный протест губернатор Боос сделал несколько демонстративных жестов: провел телемост «между властью и населением», создал политический консультативный совет с участием главных фигурантов протестного движения, организовал множество рабочих групп с участием представителей от общественности. И те, кто, как Дорошок, чувствовал свою ответственность, стремился решить поднятые на митингах вопросы и добиться выполнения требований, оказались отчасти в зависимости от власти — ведь власть начала делать уступки, начала переговоры.

4. Попытки очернить чью-то репутацию, дискредитировать ту или иную организацию (самый легкий способ положить начало расколу...). Мастерство в этом жанре продемонстрировали руководители местной «партии власти». Например, председатель Калининградской областной думы единоросс Сергей Булычев дал такую публичную оценку митингу протеста 30 января:

> Весь калининградский митинг свелся к использованию недовольства людей небольшой кучкой заговорщиков федерального уровня, которые использовали наш Калининград как площадку для собственной раскрутки[8].

По его словам, организаторы митинга — «засланные казачки» и «маргиналы»[9].

Так обычно действуют власти, стремящиеся вбить клин между участниками коллективных действий. Митинг, проведенный силами широкой коалиции местных социальных движений и политических партий и затрагивающий в основном сугубо местные вопросы, представлен как мероприятие, организованное мифическими федеральными политиками в угоду своим собственным интересам. (Правда, как было сказано выше, в пропаганде местным единороссам помогли московские политики Борис Немцов и Илья Яшин, которые

---

[8] Обыкновенный цинизм. 17.02.2010. http://yk-kaliningrad.livejournal.com/4885668.html.

[9] Булычеву вторит его первый заместитель в облдуме, также единоросс, Константин Поляков: «Митинг оказался заурядной провокацией со стороны московской "Солидарности"... Если калининградцы (а я уверен в их здравомыслии и рассудительности) будут поддаваться попыткам провокаторов вбить клин между президентом и премьером, попыткам вновь раскачать ситуацию в регионе и в стране в целом, это может привести к очень трагическим последствиям, которых эти провокаторы и добиваются» (Обыкновенный цинизм. 17.02.2010. http://yk-kaliningrad.livejournal.com/4885668.html.)..

приехали «покрасоваться» на митинге и объявили, что мероприятие организовано движением «Солидарность».)

Основной удар пришелся по репутации Константина Дорошка. Его пытались дискредитировать двумя способами. Во-первых, во время митинга он представлял движение «Солидарность» в Калининграде, а с точки зрения властной элиты, это равнялось «проплаченности американцами»[10]. Чтобы «очиститься» от этих обвинений (и, соответственно, быть допущенным к столу переговоров с представителями власти), Дорошку пришлось выйти из «Солидарности». Во-вторых, как о «темном пятне» на биографии говорилось о признанных судом долгах Дорошка по таможенным платежам в связи с перегоном машин (этот аргумент вряд ли произвел сильный эффект на тамошних автомобилистов, которые не понаслышке знакомы с проблемой).

3.2. Коалиция трещит по швам

Приходится признать: калининградская коалиция социальных движений и политических партий не смогла оказать сопротивление власти, вбивающей клин между ее участниками.

Во-первых, основных организаторов митинга вызывали к высокопоставленным чиновникам по одному — но не все и не всегда додумались прийти с товарищами. А затем включилась тяжелая артиллерия: 2 февраля для разруливания ситуации в город прибыли полпред президента Медведева

[10] Первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной думе Владимир Пехтин публично заявил, что «сценарий митинга в Калининграде был явно разыгран». По его мнению, организации, участвующие в протестном движении в России, «тесно связаны с Госдепартаментом США». Движение автомобилистов «Справедливость» (которое возглавляет Дорошок) ответило на это публичным заявлением (20.02.2010): «Нас финансируют граждане России»: http: // www.ikd.ru/node/12557.

и СЗФО Илья Клебанов и заместитель генерального прокурора по СЗФО Александр Гуцан. Противостоять им было еще труднее, особенно неопытным лидерам. Самому большому прессингу подвергся Дорошок — как главный фигурант митинга 30 января и заявитель митинга 20 марта 2010 года (этого события уже ждала вся активная Россия). Ему объяснили, что могут быть провокации, что митинг не санкционирован и он лично будет нести ответственность, если с собравшимися что-то случится (планировалось от 20 до 60 тысяч участников — ответственность немалая...).

Во-вторых, коалиция была молодой (более или менее формально она сформировалась 3 марта под рабочим названием «Наш Калининград»). Коалиция не была скреплена ни формальными правилами, ни длительным опытом взаимодействия ее участников (тем более в условиях серьезного напряжения). Не были четко зафиксированы ни круг участников, ни способы принятия решений или согласования интересов. Как правило, решалось все в результате личных договоренностей на случайных встречах, многие вопросы совсем не обсуждались.

Возникла, скорее, ситуативная, неформальная коалиция, державшаяся на личных связях между основными лидерами. И ее участники вполне могли чувствовать себя свободными от взаимных обязательств. Так что Дорошок, например, принимая решение об отзыве своей заявки на митинг 20 марта, не счел необходимым консультироваться с союзниками[11]. Он, правда, утверждает, что этот вопрос об-

[11] Заявку подала его организация «Справедливость», а городская администрация, несмотря на многочисленные обещания пойти навстречу оппозиции, не дала разрешения на проведение митинга в центре города, послав участников на окраину. В то же время усилилось давление на организаторов и лично на Дорошка — потенциального «экстремиста» в случае проведения несанкционированной акции. Этот прессинг вынудил его заявить об отмене митинга (12 марта).

суждался — как в кулуарах правительства во время перего воров, так и на собрании руководителей «Справедливости» Тем не менее многие обвиняют его в принятии единолич ного решения и даже в «предательстве». Но основные пре тензии союзников — в том, что он нарушил коалиционный принцип принятия решений.

> Учитывая факт нашего тесного сотрудничества и то, что мы вместе состоим в коалиции общественно-политических сил области, мы вправе были рассчитывать, что с нами посоветуются организаторы митинга. Однако нас даже не поста вили в известность (*Михаил Чесалин, заявление местного отделения «Патриоты России» от 15.03.2010*).

Мы не ищем здесь виноватого, да его здесь и нет. Внутренний конфликт, вызванный отказом от проведения митинга 20 марта, связан с глобальной проблемой — с трудностями функционирования широкой коалиции при жестком прессинге государственных структур. Спустя полтора года, в сентябре 2011-го, когда я проводила интервью с ключевыми лицами тех событий, большинство уже не так однозначно осуждало Дорошка, а если и осуждало, то за пренебрежение правилами коллективного принятия решения. При этом они практически не учитывали слабость самой коалиции и невнятность внутренних правил.

> Я отменял и митинги, и пикеты, я отменял... Я отменял раз двадцать, наверное. Вот пятьдесят я провел, а двадцать раз я подавал и забирал. Но это делается коллегиально, т. е. мне говорят: «Давай это вот». Это используется как метод борьбы, запугивание, давление. То есть мы подаем заявление на митинг, и потом с нами садятся за стол переговоров; мы это заявление забираем и подаем на следующую неделю — т. е. это давление на власть, т. е. это один из методов давления. Я не считаю, что сам вопрос снятия заявления

на митинг является... какой-то повод. Просто это решается коллегиально. То есть решается коллегиально: у тебя есть партнеры, вы решили подавать заявление на митинг, вы вместе собрались и решили снять это заявление, потому что по таким-то... каким-то тактическим соображениям... Я говорю, что я пятьдесят — пятьдесят! — провел и двадцать я снимал, ну и что такого? То есть сам по себе его, это... Я его не виню, но просто он это сделал... он это сделал без согласования со всеми (*Вадим Косухин, движение мелких предпринимателей*).

Сам Константин Дорошок продолжает утверждать, что решение об отказе было коллективным, а свое личное решение мотивирует так:

Здесь, наверное, больше вот, признаюсь, больше по соображениям безопасности. Тогда, в марте месяце, вопросы продолжения волны протестных акций стали федеральной проблемой уже, а не региональной. Уже не Георгий Боос управлял регионом, здесь были другие люди, которые взяли нашу область во внешнее управление. На тот момент стояла опасность развития вот этого... во всероссийском масштабе развития вот этого уличного протестного движения. По социологическим опросам, на митинг 20 марта готовы были выйти 42 % калининградцев — только по Калининграду это более 200 000 человек. Но можно было уже вполне реально осознавать, что́ это должно было быть. Это уже не просто митинг. Люди в очередной, там, в пятый раз приходят на митинг и в очередной раз слышат: «А мы снова отправим резолюцию». О Боже мой! Ведь давайте все-таки подумаем, для чего мы ходим на митинг. Если губернатор фактически поднял руки и говорит: «Да, я готов решать ваши вопросы». Ведь мы, заканчивая каждый митинг, говорили что? Что мы направляем резолюцию. Кому? Власти. То есть мы требуем от власти что-то.

И если власть нас не услышит, то мы будем делать следующий митинг. В этом случае власть услышала. Она говорит: «Да, я услышала, я готова для вас что-то делать. А сама я не знаю, как делать. Вернее, я знаю, как это делать, но вас это устроит. Вот чтобы вас это устроило, я предлагаю: приходите вы, вся оппозиция, системная, внесистемная, давайте это будет совет при губернаторе прям, и вы мне будете фактически говорить больные проблемы; даем вам специалистов, вместе с ними решайте, как эти проблемы решать». Нет, часть людей сказали: «Нет, мы не хотим вообще никакие проблемы решать. Мы просто хотим вас всех замочить». Ну, в этом случае я и тогда задавал вопросы, и сейчас готов задать вопросы: «Ребята, вот те 500 человек в правительстве там, да, те же 500 человек в администрации города. Вы их свалите завтра в кучу на площади, обольете бензином, подожжете — кого вы туда, во власть, пустите, скажите мне?!» (*Константин Дорошок*).

Серьезность и актуальность вопроса, поднятого Дорошком, будут очевидны каждому, независимо от политических взглядов и принадлежности к системной или несистемной оппозиции. Это рассуждение показалось убедительным и другим участникам тогдашних событий — тем, кто стали соратниками Дорошка, хотя поначалу были настроены и против него, и против отказа от митинга.

...Не было решением Дорошка. На тот момент, когда это происходило (это происходило 13 марта), я не был знаком с Дорошком. Я его осуждал, естественно. Мне казалось: «Ну вот, сейчас можно было такое забомбить!» А сейчас я совершенно считаю, что он прав. И если даже он один бы это на себя взял, то был совершенно прав. Тут, на мой взгляд, даже вот сомнений никаких нет, потому что оценить вот эту вот ситуацию, которая сложилась к 20 марта. Реально было собрать, по самым скромным подсчетам,

тысяч пятьдесят человек. И дальше что делать? Вот дальше что делать? Даже если представить себе, что не было никаких провокаций, ничего, все тихо, мирно, мы собрались, поорали просто — ну, да, но это вряд ли. При таком массовом стечении народа, тем более такого агрессивного... Поэтому променять вот это, это действие с непредсказуемыми, на мой взгляд, результатами, на диалог, пускай левый, пускай, там, заранее, может быть, даже известный... Я имею в виду с Боосом диалог, да, в том случае... Но диалог был и с Боосом, и был диалог с администрацией президента, и я считаю, что это правильно. И то, что администрация президента сказала Косте: «Давай будем разговаривать: что вы хотите?» — это большая победа была бы, да, намного была, чем... будем бузить дальше. И представить себе, что дать ей этой бузы, она пошла, прямо пошла по нашему сценарию, и нам сказали: «Ну, вы кого хотите губернатором? Кого вы хотите?» А у нас ничего нету, у нас нет ни внятной какой-то программы действий, ни внятных фигур, которые могли бы занять какие-то... у нас ничего этого нет, у нас чистая буза — мы против (*Виталий Лавринович, в сентябре 2011 года — один из руководителей движения «Справедливость»*).

И Лавринович, и Дорошок ставят вопросы о цели движения и его программе, а также о готовности его лидеров взять на себя ответственность за свои действия перед людьми, вплоть до взятия власти в случае революционного типа развития событий. Однако в то время не существовало однозначного ответа на эти вопросы, так как коалиция социальных движений и политических партий, на которой держалась мобилизационная динамика, была слабой. Мы к этим вопросам еще вернемся, поскольку они главным образом касаются политического лица движения.

Коалиция не выдержала проверку «на вшивость». Трения случались и раньше, но после конфликта по поводу митинга

20 марта коалиция распалась окончательно. Уже через сутки после объявления о создании коалиции «Наш Калининград» (т. е. 4 марта) из нее вышла ЛДПР, заявив, что она в коалицию никогда не входила. КПРФ вышла 15 марта (официально из-за «отказа Дорошка провести совместную акцию, намеченную на 20 марта»), «Справедливая Россия» — 18 марта (официально из-за того, что начались переговоры с губернатором). Но скорее всего, повлияла установка федерального центра и не без сигнала «сверху» руководства политических партий «системной оппозиции» дали команду своим местным отделениям воздержаться от вхождения в широкие городские коалиции[12]. Только руководитель местных «Патриотов России» Михаил Чесалин не поддался давлению (или оно было меньше?) и заявил прессе, что ему в области виднее, с кем сотрудничать, а с кем — нет. ЛДПР подала заявку на проведение другого митинга 20 марта (хотя потом от своих намерений отказалась). «Патриоты...» пригласили всех на свой еженедельный пикет за сохранение здравоохранения (правда, как обычно, в пятницу, т. е. 19 марта), а коммунисты подали заявку на митинг 27 марта, в рамках общероссийской акции протеста КПРФ.

3.3. Растерянные рядовые активисты

Куда же было податься рядовым активистам и просто активизировавшимся жителям при таком раскладе? Как утверждает большинство наших собеседников, люди, в массовом порядке готовившиеся к митингу 20 марта,

[12] Письмо ЦК КПРФ от 4.03.2010 за подписью тогдашнего руководителя штаба протестных действий Владимира Кашина: «Впредь внимательно относиться к составу организаторов массовых мероприятий и не допускать участия в акциях, организуемых центральным и региональными штабами КПРФ, всевозможного рода шарлатанов, политических проходимцев (движение "Солидарность" и т. п.), наносящих непоправимый ущерб рабочему движению».

были раздосадованы и растеряны. Многие решили остаться дома. Невозможно проследить, что происходило с ними в дальнейшем, но, судя по общему спаду мобилизации, основная масса активизировавшихся жителей просто перестала посещать акции протеста.

Вот, к примеру, как Олег Никифоров (движение «ТИГР») передает свои беседы с потенциальными участниками акций, которые он организует (в частности, по проблеме цен на бензин):

> Да, так люди просто опять сказали: «Опять меня использовали, опять ничего мы не добились». ...Сейчас люди говорят: «Мы не пойдем, потому что ничего не изменилось, мы не пойдем, потому что мы ничего не добьемся, это бесполезно». И т.д.

Соратник Дорошка Виталий Лавринович, из другого «лагеря» оппозиции, разделяет это мнение:

> Одним из негативов тех событий является то, что некоторые рассуждают таким образом: «Ну вот, мы вышли — и что изменилось?»

То есть, по общему мнению активистов (как «непримиримой», так и «конструктивной» оппозиции), люди разочарованы результатами мобилизации вне зависимости от поведения того или иного лидера. А также несмотря на отставку Бооса, несмотря на конкретные уступки по социальным вопросам. И судя по тому, насколько слабо развивались партии, социальные движения и инициативы после спада протестной волны, люди не стали ни вступать в какую-либо организацию, ни присоединяться к более рутинной (повседневной) деятельности социальных движений.

Временно активизировавшиеся люди растворились, исчезли с общественной сцены города, однако опыт участия

в грандиозных коллективных действиях не исчезает, так же как и сдвиги в представлениях людей об активистах и о политике. Результаты последующих выборов показали, что протестная активность вылилась главным образом в протестное голосование.

Завершу рассказ о несостоявшемся митинге 20 марта. Часть рядовых активистов участвовала в альтернативном мероприятии, организованном региональным правительством, — телемитинге с губернатором; во всяком случае, многие смотрели трансляцию. Другие пошли к Дому советов, где должен был состояться неразрешенный митинг (под предлогом того, что здесь проходит сельскохозяйственная ярмарка) и куда людей приглашали молодые непримиримые и непартийные активисты (в основном через Интернет и блоги) на флеш-моб.

3.4. «Непримиримая» оппозиция

В итоге 20 марта между 13.00 и 14.00 (время, указанное в призыве) две трети территории ярмарки заполнили протестующие. Буквально за полчаса там были скуплены все мандарины (символ акции и Бооса). Люди, стоя вплотную друг к другу, стали скандировать: «Бооса в отставку!», «Долой Путина!», «Путин в ответе за Бооса!» Некоторые в знак протеста надели медицинские повязки. В отличие от предыдущих акций здесь собралось большое количество молодежи (наверное, благодаря способу распространения информации). И, по словам участников, все прошло очень весело. Всего на «мандариновой ярмарке» за час было роздано три тысячи значков с надписями «Stop BOOS», «No BOOS», с надписью «Е..ная Россия» и перечеркнутым логотипом партии ЕР.

Еще несколько месяцев продолжалась кампания за отставку Бооса. На организованном КПРФ митинге 27 марта у монумента «Родина-мать» собралось порядка 3000 человек. В этот раз правоохранительные органы активно пытались

препятствовать его проведению («превентивно» задержали нескольких организаторов, не допустили на площадь машины со звуковой аппаратурой). Тем не менее митинг прошел, и на нем люди требовали отставки не только Бооса, но и Путина.

Дальше взяли на себя инициативу непартийные активисты. Но, как ни странно, лозунги и темы последующих митингов стали более узкополитическими («Вернуть выборы губернаторов» — 21 августа 2010, «Против коррупции и произвола чиновников» — 30 октября 2010), тогда как социальное содержание отошло на второй план. А количество участников шло на снижение: около 2000 человек в августе, около 1000 — в октябре. Причина отчасти в том, что к этому времени главное требование митингующих — отставка Бооса — было удовлетворено. Уже 16 августа стало окончательно понятно, что Бооса не переназначат губернатором: он не был включен в список кандидатов, причем именно из-за своей непопулярности. По случаю его фактической отставки Медведев произнес: губернаторами «должны быть люди, которые пользуются безусловным уважением и доверием граждан, которые живут в том или ином регионе»[13]. Это уникальный случай в современной России, когда высший руководящий орган государства в столь серьезном кадровом вопросе пошел на уступку уличному протесту.

Так или иначе, отставка Бооса способствовала спаду общественной активности, а смысл участия в протестных действиях все меньше был понятен рядовым, недавно активизировавшимся гражданам.

3.5. «Конструктивная» оппозиция

Пока «непримиримая» оппозиция продолжала звать людей на улицу, другая часть распадавшейся коалиции сделала

[13] http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/08/16/n_1534685.shtml.

упор на участие в рабочих группах при правительстве и решение конкретных проблем. Во главе этой «конструктивной» оппозиции встал Константин Дорошок.

> Власть боится только давления. Но отказываться от диалога нельзя. Люди, которых мы выводим на улицу, ждут решения своих проблем. И если она не решается ни завтра, ни послезавтра, то у простого человека опускаются руки. При этом необязательно клясться в верности «Единой России», но мы обязаны предоставить людям альтернативу (*Константин Дорошок*).

Он же утверждает, что некоторые конкретные уступки удалось отвоевать. Мелким предпринимателям удалось добиться выделения земли под торговые киоски при очень хороших условиях (аренда на 25 лет). Самый больной вопрос для автовладельцев был также решен: сначала отменили повышение транспортного налога (19 марта 2010), а затем налог еще и снизили (17 февраля 2011). Закон о свободной экономической зоне был серьезно изменен, сохранились таможенные льготы для жителей региона. Начались подвижки в решении проблем общежитий и «обманутых дольщиков».

> Мы пытались решить конкретные вопросы, которые подняли люди (*Виталий Лавринович, движение «Справедливость»*).

> Ведь люди, по сути... Им нужны не митинги, это понятно, людям нужна нормальная достойная жизнь, и решить эти вопросы для людей может только действующая власть (*Константин Дорошок*).

> Если серьезно отнестись к рабочим группам, проявить настойчивость и не испугаться скучных цифр или сухих юридических формулировок, то можно чего-то добиться, ну, хотя бы информации (*Игорь Быстрицкий, жилищный активист*).

При этом никто из трех процитированных активистов не удовлетворен результатами работы консультативных органов полностью. Однако они исходят из того, что лучше пытаться что-то решить, чем не пытаться. Во имя улучшения жизни людей. А самые ярые противники участия в советах считают, что чуть ли не любая уступка действующей власти — это обман, отход от протеста и от достижения цели.

> Тут на той неделе губернатор Цуканов [назначен после Бооса] начал, там, кричать, что эта оппозиция ничего не хочет, она хочет только митинговать. Это все в нашу сторону. Мы с ними не хотим ни договариваться, ни сидеть, ни обманываться, ни разводиться. Мы хотим на них давить, давить, давить, обличать, обличать. С ними очень тяжело вести переговоры. Не нужно никаких переговоров. Они просто начинают с ходу обманывать. То есть только садишься с ними за один стол, они говорят сразу: «А вот, туда-сюда», — и тему уводят в сторону, переворачивают. ...Есть технология такая, чтобы, это, загасить протестное движение путем... сесть с ними за стол переговоров (*Вадим Косухин, движение мелких предпринимателей*).

> Произошло все так, как и должно было произойти. Какая-то часть людей откололась, так сказать, в обособленный радикальный такой сегмент протестно настроенных граждан. Другие, просто неравнодушные люди (и таких большинство), которые вышли из своих квартир и обратно ушли в них — не навсегда, а до очередного раза, вот. Некоторые трансформировались сегодня в более системный орган, который уже начинает работать, разбирая вопросы по полочкам. Появились всякие блогерские клубы, там, и т.д. (*Константин Дорошок*).

Странно, что никто не выдвинул такую идею: протест и переговоры могут дополнять друг друга, чтобы взаимно

усилить позиции общественников — как «непримиримой» оппозиции (которая умеет не только «бузить», но также и предлагать), так и «конструктивной» (у которой предложения подкреплены не только аргументами, но и уличным давлением).

3.6. Трудности диалога

Не стоит преувеличивать разрыв между «непримиримой» и «конструктивной» оппозицией. Во-первых, многие участвовали (и до сих пор участвуют) и там и там. Во-вторых, рабочие взаимоотношения между представителями того и другого лагеря впоследствии восстановились. К примеру, по признанию Михаила Костяева (движение «Наш город»), одного из тех, кто наиболее агрессивно осуждал Дорошка после отказа от митинга 20 марта, они «примирились» и совместно даже провели кампанию за референдум по строительству Балтийской АЭС.

> Я думаю, просто помирились. Ну, там было, что меня как бы очень уговаривали... Скажем, у нас остались же те, которые активисты, да, и они как бы, знаешь, его простили, сказали: «Ну ладно. Может быть, он был неправ, может быть, еще что-то». И мне говорили, что ну хватит вам, ну помирись. Ну и все. И на него было такое определенное давление общественное... ну, таких активистов, и на меня, и пошли как бы вот навстречу. Потому что в принципе уже нет принципиальных... Что было, то было (*Михаил Костяев*).

Приведу другой пример. В сентябре 2010 года мы от Института «Коллективное действие» совместно с Институтом глобализации и социальных движений (ИГСО) организовали конференцию в Калининграде, в работе которой участвовали представители обеих сторон. И оказалось, что диалог возможен, что напряжение начало

спадать. «Показуха», «пиар власти», «нет у этих рабочих групп никаких реальных полномочий» — так говорили Дорошку противники переговоров с властью. «Рабочие группы работают плохо, так давайте попытаемся сделать их лучше. Это рычаг, который позволяет провести наши требования в жизнь», — обратился Дорошок к присутствующим. В пользу продолжения участия в рабочих группах высказались, в частности, представители инициативной группы за спасение Ялтинского парка и жилищные активисты. Более политизированные участники были настроены гораздо негативнее. Но в итоге практически все согласились: обе формы — и митинги, и переговоры — имеют право на существование, важно лишь правильно дозировать и комбинировать их в каждой конкретной ситуации.

Однако дальше обмена мнениями и «любезностями» дело после конференции не пошло: возродить прежнюю коалицию, по крайней мере в нынешних условиях и в отсутствие общественного подъема, кажется невозможным. Несмотря на желание некоторых рядовых активистов, чтобы «все дружили против "Единой России"» (из неформальных бесед на пикете 23.09.2011 по проблемам детских садов). Слишком много взаимных обид, слишком большое недоверие из-за отрицательного опыта взаимодействия. Да и новый выборный сезон, открывшийся в марте 2011 года региональными выборами, в которых участвовали почти все лидеры протестной волны, только дальше разбросал их по разным лагерям.

4. Полевое исследование в сентябре 2011 года: переход в институциональную политику

Приехав в сентябре 2011 года в Калининград, я хотела понять, как сказалось массовое протестное движение зимы 2010-го на общественно-политической жизни региона и что осталось от социальной мобилизации. Приведу самые,

на мой взгляд, существенные особенности новой конфигурации активистского поля, какими они представились тогда, т. е. спустя почти два года после пика общественного подъема и полгода — после региональных выборов марта 2011-го.

4.1. Множество лидеров

Мне, побывавшей во многих городах среднего размера, где общественная жизнь обычно концентрируется вокруг двух-трех лидеров, а то и вообще вокруг одного, бросилось в глаза, что лидеров в Калининграде много. Я имею в виду людей, обладающих авторитетом среди социально или политически активного населения (от локального до областного уровня); проводящих — самостоятельно или совместно с другими — общественные кампании по выбранным ими социально значимым темам, самостоятельно и критически мыслящих. Некоторые появились на волне протеста зимой 2010 года; многие из них — не партийные функционеры, а самые что ни на есть низовые лидеры.

Сама общественная сцена — скорее маленькая; широкой и разветвленной сети общественных организаций и социальных движений (как, например, в Астрахани) нет. Зато все это множество лидеров отчасти между собой конкурирует, отчасти — сотрудничает (иногда вынужденно, под давлением общественного мнения в общественно-активной среде), по крайней мере, в ходе подготовки общей акции или мероприятия.

Кроме того, в ходе исследования мне встречались представители довольно широкого спектра непочтительных по отношению к представителям власти, дерзких личностей, нонконформистов, в том числе среди местных журналистов, которые не боятся заявлять открыто о своих взглядах. Они способны составить собственную точку зрения на социальные или политические проблемы и отстаивать ее, критически судить о действиях лидеров, решить — участвовать или нет

в какой-то акции, в ее подготовке. Это замечание сейчас может прозвучать наивно — после того как московская интеллигенция встрепенулась и свободомыслящие люди вышли из кухни или со страниц Интернета на улицы. Однако тогда еще не было ни «прогулки писателей», ни «маршей миллионов», и свободный тон бесед, информированность собеседников и смелость их суждений поразили меня. Трудно сказать, насколько этому способствовала массовая мобилизация зимы 2010 года, но, вероятно, какие-то культурные сдвиги она вызвала.

> Так вот так называемая борьба за свое право жить — она началась, уровень сознания гражданского общества повысился, люди чаще стали следить за новостями, да, пытаться разбираться в политических вопросах, пытаться задумываться над тем, какое будущее их ждет (*Константин Дорошок*).

Многие новые лидеры сделали свои первые шаги как раз на волне протеста зимой 2010 года. Они описывали процесс переосмысления себя и окружающего мира, превращения в «завзятых активистов» [14].

> Ну, как бы сейчас все по-другому уже, все изменилось очень сильно, и в голове у меня изменилось. ...Потом все по-другому немножко стало, когда вот в это влез, в середину... Во-первых, во-первых, зацепило меня... вот это все, вместе взятое, меня очень сильно зацепило. И я считаю, что все-таки, ну, у нас, допустим, в Калининграде, достаточно приличная компания... Ну, как их назвать?.. Людей, которые вот как бы похоже мыслят, допустим, так можно сказать. (*Виталий Лавринович, движение «Справедливость»*).

---

[14] Подробнее об этом процессе (который мы называем рефреймингом) см. в: *Клеман К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам...

Изобилие лидеров отражается на структуре активистской среды города. Социальные движения и общественные кампании держатся скорее на отдельных личностях, нежели на организациях.

4.2. Социальные движения ослаблены

В конце 2009 — начале 2010 года социальные движения, рассмотренные в первой части этой главы, динамично развивались и, влившись в общий поток, зимой 2010 года привели к массовой мобилизации. Почти два года спустя, в сентябре 2011-го, ситуация иная: социальные движения, скорее, в целом ослаблены. Рассмотрим для начала, что от них осталось.

— **Движение автомобилистов.** Тема защиты прав автомобилистов потеряла свою актуальность и остроту после снижения транспортного налога. Правда, как и по всей стране, регулярно поднимается тема высоких цен на бензин. Однако эти акции протеста не бывают столь массовыми (самая многолюдная прошла как раз 24 сентября 2011 года и собрала около тысячи участников, а обычно — несколько сотен) и не носят характер последовательной кампании. Может быть, дело в теме: вопрос цен на бензин с политическим решением увязать трудно, нет в ней и ничего специфично регионального. Но скорее всего дело в том, что исчезли единодушие и энтузиазм того времени, когда казалось, что все возможно. Нет и однозначного и популярного лидера. Константин Дорошок продолжает вести общественную и политическую деятельность, но не специализируется на защите прав автомобилистов (он позиционирует себя как защитника прав всех жителей Калининградской области). Его общественная организация «Справедливость», которая провела в свое время большую часть акций, обратилась к другим темам.

Остаются активные автомобилисты, которые проводят разовые акции с помощью других общественников и некоторых политических деятелей — в рамках разового оргкомитета, сформированного ad-hoc. Самый узнаваемый «бренд» в области защиты прав автомобилистов — «ТИГР» (Товарищество инициативных граждан), но, по признанию лидера Олега Никифорова, эта организация практически из него одного и состоит.

Скорее, тут можно говорить о сети активных автомобилистов, готовых помочь в организации и подготовке акции, если они одобряют ее цели и методы. Так, к 24 сентября 2011 года было подготовлено и распространено около 30 тыс. листовок, в основном силами добровольцев, симпатизирующих автомобилистам.

— **Движение в защиту областного здравоохранения.** От этого движения почти ничего не осталось, если не считать внимания к теме и общественного резонанса. Не было создано специфичной организации, поскольку поддержкой кампании занималась партия «Патриоты России» (она продолжает свою политическую и общественную деятельность, но перестала заниматься преимущественно этой темой). Среди последствий кампании можно еще отметить создание ряда низовых независимых профсоюзов в здравоохранении, а также использование опробованного алгоритма действий (еженедельный пикет, постепенное расширение требований и круга вопросов) для проведения другой кампании — по детским садам. То есть в данном случае нельзя сказать, что движение в защиту здравоохранения умерло, не оставив следа в общественной жизни.

— **Свободные независимые профсоюзы.** По линии трудовых вопросов продолжается небольшая динамика: создаются новые низовые и независимые (от руководства предприятия или учреждения) профсоюзы, в частности

в рамках возглавляемого М. Чесалиным регионального объединения «Трудовые бригады». В первую очередь развитие происходит в бюджетной сфере; в некоторых случаях (например, в службе «Скорой помощи» и Доме ребенка) удалось добиться объединения большинства работников в профсоюз, что позволяет заключать выгодный коллективный договор и усиливает позицию боевитого профсоюза.

Развитие новых профсоюзов связано не столько с мобилизационным подъемом 2010 года, сколько с нашумевшей кампанией в защиту здравоохранения, а также с эффективной агитационной работой, проводимой командой Чесалина (и, конечно, с накоплением проблем в трудовых отношениях и вопросах оплаты). Заместитель председателя профсоюза «Трудовые бригады» в Домс ребенка (Лена) рассказывает, как у них создался (летом 2010 года) профсоюз:

> Когда нам недоплатили зарплату, решили... исключили статью «повышающий коэффициент для педагогов», вот тогда педагоги собрались и пришли к Михаилу Юрьевичу [Чесалину]. ...Так, почему к нему? А мы брошюрку почитали. В Светлом в больнице зубной организован уже профсоюз, и оттуда... У них работает дочь, у нас работает мама — и вот мама принесла нам такую брошюрку и сказала, что там организован, вот, давайте, и у нас можно организовать. Вот мы пришли и попросили.

В качестве стимула к созданию нового профсоюза (кроме проблемы с зарплатой, рекомендации знакомых и «волшебного дара» убеждения Чесалина) Лена упоминает наглость руководства:

> ...Профсоюзным делом, мы поняли, что нужно заниматься, потому что уже выхода не стало. То есть администрация

настолько задавила сотрудников, что уже нам потребовалась помощь. ...Авторитарный стиль руководства: «Как я сказала, так и будет, и будет вам плохо» — т.е. работодатель совсем обнаглел, вот, и уже совсем с людьми перестал считаться...

И дело пошло: благодаря тому что большинство работников вступили в профсоюз, они смогли добиться восстановления ежемесячной надбавки к зарплате и выгодного им коллективного договора. Однако после того как материальные вопросы были решены, некоторые стали жалеть деньги на профвзносы (200 рублей в месяц). Далеко не все понимают специфику нового профсоюза: это не агентство по выдаче путевок, «профсоюз — это ты», как постоянно повторяет Лена. Поэтому она уже делит работников на «порядочных» (кто остался и платит взносы) и «болеющих за свое дело» (кто действительно любит детей и хочет хорошо работать) — и остальных, кого уже не старается привлекать в профсоюз. К проблеме «непорядочности» некоторых сотрудников добавилась репрессия, которая обрушилась пока только на Лену: руководство упорно (и безуспешно) пытается ее уволить.

Характеристики и проблемы становления новых профсоюзов — достаточно общие по всей стране. Специфическая особенность Калининграда (относительно профсоюза «Трудовые бригады») — тесная взаимосвязь с партией «Патриоты России» и социальными движениями. Лена, например, не участвовала в массовом митинге 30 января 2010 года:

...Тогда я еще не знала ничего и не участвовала. Но я видела по телевизору. Так оно освещалось, так оно запомнилось: надо же, люди собрались куда-то зачем-то — непонятно, и много людей, и там мандарины эти. А теперь все понятно: молодцы, что собрались. А тогда я вообще не понимала.

И понимаю сейчас людей, которые не понимают, чем я занимаюсь.

То есть благодаря работе в профсоюзе (а также непрерывному общению с активистами «Патриотов...»), она стала понимать смысл и необходимость протестных действий и политической деятельности. Впоследствии Лена вступила в партию «Патриоты России» и не только сама участвует в протестах, но и агитирует вокруг себя, в том числе среди членов профсоюза:

Я вот уже научила девочку одну, вот, мы уже с ней ходим на пикеты, я ее привожу... Ну, говорю — когда, и она приходит. Так, ну и что еще? И вот объясняю людям, что вот митинг 24-го, по бензину, например, это, приходите, потому что... Или по Клюйковой вот был митинг, да, приходите, потому что вот госпожи Клюйковой то-то, то-то и то-то. Или вот Боос, на Бооса я на митинг звала своих людей, т.е. объясняла им. Народ пришел после выборов, отчитался мне, что мы голосовали за «Патриотов...». Ну то есть я объяснила, для чего... А люди, правда, не понимают. И вот народ думает, что: «А, дорвутся до власти, и там им будет на людей все равно». Я пытаюсь объяснить, что все-таки должны... быть люди, которые против этих законов, и их должно быть большинство, чтобы не было этих дурацких законов. И народ, в общем-то, понимает русский язык.

— **Движение мелких предпринимателей.** После решения глобального вопроса о сохранении палаток движение мелких предпринимателей, скорее, прекратило свое существование как движение, проводящее долгосрочную и объединительную кампанию по общей теме. Однако остались активные люди и организация — Федерация малого и среднего бизнеса. Кроме того, остались проблемы более частно-

го характера, которые, тем не менее, требуют коллективных действий.

Там еще добиваться и добиваться... Там еще будет принятие схемы, там еще будет принятие, там еще много документов внешнего вида, еще надо кучу законов выпустить местных.
Социолог: То есть идет еще война, которая касается всех?
Да, да-да-да-да-да. Война, и война эта не закончится никогда, потому что желание у них всегда будет — отобрать.
Социолог: Нет, вы понимаете, если как бы говорите, была основная битва, а сейчас это просто мелкие какие-то там проблемы...
Ну, мелкие, они все равно каса... Мы поняли, что любая мелкая проблема касается всех. Если это, если...
Социолог: То есть люди сплоченно сопротивляются?
Достаточно, достаточно, в достаточной степени сплоченно. То есть можно позвонить, и можно людей там, допустим, пятьдесят человек...
Социолог: Из разных точек?
Да, вызвать, собрать и вывести, допустим, на улицу (*Вадим Косухин*).

То есть, с одной стороны, сохранилась, хоть и ограниченная, солидарность. С другой стороны, более ярко проявляются противоречия между крупным («сетевиками») и мелким бизнесом («палаточниками»). Вплоть до того, что начались разговоры о формировании отдельной организации, призванной представлять интересы исключительно мелких предпринимателей.

Сетям, торговым сетям... они пять лет назад должны были Путину поставить золотой памятник. Там, несколько миллиардов долларов, там, десятков, получили, что запретили торговать, ну, спиртным и вообще. По сути, получилось,

десятки, там, магазинов, тысяч, там, закрылось продуктовых. Ну, это был просто ассортиментный товар, никто, там, никаких, там, паленых водок... Никому это было не нужно на самом деле, это все было это. Теперь это все повторилось с пивом, т. е. теперь надо Путину ставить платиновый памятник торговым сетям, т. е. они получат еще десятки миллиардов долларов на запрете, на запрете продажи пива. Это можно было сделать, можно было ужесточить градус по пиву, можно было поднять цену в три раза на пиво, можно было поднять штраф в десять раз, там, допустим, чтобы не продавали. Можно было сделать конституционную норму по, допустим, по продаже пива конституционную норму, чтобы только с паспортом, только с удостоверением личности. Но власть на это не пошла, она просто взяла и запретила. Потому что нашим ретейлерам нужно еще десяток миллиардов, вот и все. Очень трудно против этого нам протестовать было, потому что как бы сказали: «А вот палаточники опять хотят народ травить». И вот мы это... Вот это вот мы сглотнули. И сейчас, с тринадцатого года, закроются, начнутся опять, люди не будут знать, что делать с палатками. По идее, ассортиментный товар, ну, будут, наверное, переделывать под продукты питания какие-то, чего-то, под услуги. То есть сейчас по малому бизнесу эта тема, она... Продолжается давление, продолжается, оно никогда не кончится. Потому что у нас... они привыкли либо отбирать, либо закрывать — вот так конкурируют (*Вадим Косухин*).

Суть конфликта в том, что крупный бизнес действует (конкурирует) не законными, не честными методами, а заключив союз с руководителями государства, чтобы раздавить мелкий бизнес. Этот союз Косухин называет «олигархией»:

Олигархи не заинтересованы [в развитии мелкого бизнеса и появлении среднего класса]. Они заинтересованы, наоборот, уменьшить экономический рост. Минимизировать,

монополизировать, т.е. задушить таких, как мы (*Вадим Косухин*).

Поэтому лично он мало верит в перспективы мелкого бизнеса и даже массового движения мелких предпринимателей. И перенаправил свою общественную деятельность на две другие темы: сохранение детских садов и ЖКХ.

— Протесты в защиту зеленых зон, против уплотнительной застройки. Локальные протесты против того или иного строительного проекта продолжаются и умножаются, так же как акции в защиту зеленых зон.

Летом 2010 года разгорелся один из самых массовых конфликтов в этой области — по поводу Ялтинского парка. Жители окрестных домов с помощью активистов и сочувствующих по всему городу развернули круглосуточный лагерь сопротивления вырубкам и началу строительства, законность которого оспаривалась в судах. Один инцидент прогремел на весь Калининград: в ночь на 30 июля нанятые застройщиком ООО «Грандстрой» сотрудники ЧОП «Кобра» напали на лагерь; палатки были окружены бойцами. В результате применения спецсредств активисты получили телесные повреждения различной степени тяжести; часть парка была уничтожена.

Самое жесткое столкновение было, конечно, с частным охранным предприятием. Палаточный городок. Народ приезжал со всего города. Палаток шесть-семь постоянно. После продолжения вырубок, несмотря на то что разрешения на это нет. Охрана приехала в 4 часа ночи. Они закрыли все входы, чтобы люди не смогли прийти поддержать. Привезли экскаваторы. Использовали газ, чтобы люди вышли из палатки. Зубы выбиты, ребра поломаны. Ожоги от газа. Уроды! Провокации: кидали бутылки и снимали, как будто это мы. Милиция приехала очень поздно утром. Рубили до тех пор, когда приехал начальник ГУВД. Уголовное дело

пока не закрыто. Чоповцев всех забрали. А что? Лицензию отобрали — работают под другой.

Итог: после разгрома лагеря и проигранных судебных дел строительство трех домов почти закончилось... (Показательно, что после массового митинга 30 января 2010 года губернатор Боос принял сторону жителей — защитников парка против мэрии. «Была даже перспектива, что он решит этот вопрос, но потом он ушел. ...Необходимо было ему что-то предпринять для улучшения имиджа», — рассказывают активисты инициативной группы.)

События, развернувшиеся вокруг Ялтинского парка, послужили одним из катализаторов объединения по защите зеленых зон, во многом под влиянием энергичных активистов Ялтинской инициативной группы. В мае 2011 года родилось общее движение «Зеленый город». В первомайской демонстрации «зеленые горожане» шли отдельной колонной со своими зелеными шарами и футболками. К ялтинцам присоединились защитники Южного парка, Чкаловского леса, Гурьевского леса и другие локальные группы. По словам лидера инициативной группы Ялтинского парка Татьяны Панкратьевой, горячих точек в городе — не менее шестидесяти трех.

Движение «Зеленый город» малочисленно и довольно вяло связывает различные инициативные группы, борющиеся против уплотнительной застройки и вырубки (в основном на уровне информационного обмена, межличностных отношений и случайных встреч). Организации (пусть хотя бы неформального комитета), которая бы взяла на себя координационную работу, не существует. Но надо сказать, что эта «мягкая» форма координации — сознательный выбор инициаторов движения.

Из других точек шли на связь и продолжают идти. Мы даже создали общественное движение — без регистрации, этого

не требуется — «Зеленый город». Мы не только общаемся, выезжаем на помощь. Те же субботники мы не только здесь проводим. ...Строгой иерархической структуры нет. Есть инициативная группа на основе Ялтинского парка. Решения принимаются так: кто присутствует в данный момент, они решают. Быстро и оперативно. Созваниваемся... Нет жесткой формы организации, как еженедельное собрание или семинар. Могут два-три человека встретиться и что-то обсудить. Потом оповестить других. Бывают организационные моменты, когда мы собираемся человек пятнадцать и решаем, кто идет подать заявку на пикет: ты там листовки, ты там со СМИ, — но обычно созваниваемся или переписываемся (*Активный участник движения «Зеленый город» из числа активистов Ялтинского парка*).

При такой форме координации движению затруднительно выработать общую позицию относительно более широких вопросов, чем защита локальной точки, даже если вопрос касается «зеленой» темы, как, например, строительство Балтийской АЭС.

Особенность этого движения состоит еще и в том, что его активистское ядро старательно дистанцируется в первую очередь от политики, но и вообще от всего, что не относится строго к «зеленой» теме.

Позиция должна быть у каждого лично. АЭС напрямую не наша тема, и у каждого может быть своя позиция. А движение напрямую не относится к АЭС. Потому что здесь город, во-первых, а это уже не город. Во-вторых, немножко не та тема. Хотя, конечно... (*Активист инициативной группы Ялтинского парка*).

Вот акции автомобилистов... Движение «Зеленый город» будет там странно смотреться (*Участник движения «Зеленый город» из числа активистов Ялтинского парка*).

Несмотря на свою обособленную позицию, активисты инициативной группы не считают, что их борьба ограничивается экологией:

> Тут экология — только одна из частей. Тут более важно — это территориальное местное самоуправление, которое мы пытаемся организовать. То есть когда люди, живущие на определенной территории, пытаются непосредственно участвовать в планах развития этой территории. Как на Западе, когда инвестор сначала идет к людям, а потом к мэрии. А у нас сразу к мэрии — дать взятку. Потому что люди быдло (*Один из активистов ядра «Зеленого города»*).

В целом активисты инициативной группы, скорее, сторонники мелких дел и медленного, осторожного расширения круга тем и союзников. Они идут, как сформулировал один из них, «от частного к общему»: из своей квартиры во двор, а далее, возможно, в город (по мере обретения способности думать не только о выживании).

> Сначала люди жили в своих квартирах и занимались своими квартирами. Потом они начали там лестничной площадкой заниматься. Потом уже выходят в подъезд и во двор и смотрят, что во дворе. И вот только сейчас зарождается осознание того, что надо еще и территорию вокруг своих домов урегулировать и решать совместно. ...Вот наша инициативная группа — одна их таких прецедентов. Ядро, вокруг которого формируется, вот такое. Люди вышли на улицу, и не все равно, как выглядит двор... потому что я здесь живу, дети мои и внуки будут жить.

— Некоторые протестные движения 2008–2010 годов прекратили свое существование. Потому что проблемы, которые они поднимали, утратили актуальность, мобилизационную и консолидирующую силу (так как частично

были решены или решаются — по-разному, в зависимости от категории бенефициантов). Например, от движения льготников и работников «КД-Авиа» остались отдельные активные лидеры или активисты (среди пенсионеров многие стали заниматься проблемами ЖКХ).

4.3. Новые социальные движения в зачаточном виде

После спада массовой протестной волны возникли новые социальные движения, вернее, новые попытки инициировать движения. Разница существенна: трудно назвать нижеописанные инициативы движениями, поскольку это пока коллективные действия ограниченного круга лиц. Попытки запустить новые тематические кампании с привлечением разных лидеров, общественных организаций или партий.

— **За референдум по вопросу о строительстве АЭС.** Одно из новых направлений совместной деятельности, инициированной отдельными лидерами в поисках мобилизационно перспективной темы, — кампания за проведение референдума по вопросу о строительстве Балтийской АЭС. Участвуют в ней общественные организации «Справедливость» Константина Дорошка, «Наш город» Михаила Костяева, а также в личном качестве депутат облдумы от КПРФ Владимир Султанов; поддерживают кампанию «Союз "Чернобыль"» и «Экозащита». В апреле 2011 года была создана инициативная группа по проведению референдума, главным образом по инициативе М. Костяева, который к этому времени пришел к выводу, что его прежняя (жилищная) тема непригодна для формирования устойчивого и дееспособного социального движения. Инициативная группа состоит из 25 человек, и в нее входят представители различных общественных организаций, жители разных районов области, депутаты Калининградской областной думы и муниципальных советов.

Могут выступать и за Балтийскую АЭС, могут против кто-то выступать, но все выступают за идею проведения референдума. Я думаю, это, понимаешь, с чем связано? Люди понимают, что они после выборов никак не могут влиять на принятие решений, ну вообще никак... Есть у тебя право на проведение референдума — надо пытаться его каким-то образом использовать, пускай даже его тебе не дадут, но это дает тебе возможность говорить о том, что тебя просто как бы не хотят слышать (*Михаил Костяев*).

Инициативная группа три раза пыталась добиться регистрации — и каждый раз областная избирательная комиссия находила какую-то формальную ошибку. В конце концов с четвертой попытки, в июле 2011-го, удалось получить регистрацию. Однако в августе облдума отклонила инициативу по проведению референдума, сославшись на то, что это прерогатива федеральной власти. Потом разразился скандал: Костяев обнародовал поименный список голосовавших, и оказалось, что даже среди оппозиционных фракций, поддержавших идею референдума, не все депутаты высказались за. Сам Костяев философски к этому относится, зная реалии российской политики: «Я думаю, что здесь сыграл такой не партийный уровень, а именно такой, как бы личностный».

Получив этот отказ, активисты инициативной группы перенаправили свою деятельность на установление контактов с другими противниками атомной энергии в Балтийском регионе (в частности, нашлись союзники в Белоруссии и в Литве) — по словам Костяева, с целью создать коалицию за безъядерную Прибалтику. Кроме того, прошли несколько акций протеста, но они были малочисленными и не вызвали большого резонанса. Наконец, шла работа по независимой экспертизе проекта, а также по информированию жителей области.

Среди положительных моментов кампании за проведение референдума отметим возобновление совместной

деятельности (строго ради этого дела) между организациями и лицами, разошедшимися по разные стороны баррикады после раскола движения в марте 2010 года. В частности, продвигал идею референдума совместно с Костяевым один из руководителей общественной организации «Справедливость» Виталий Лавринович. Некоторые злые языки обвиняют активистов «Справедливости» или других организаций в том, что тема АЭС нужна им исключительно для пиара. Однако Виталий как раз принимает эту тему близко к сердцу.

> В основном я сейчас занимаюсь этой темой с референдумом, потому что, ну, во-первых, для меня это важно, я считаю, что это... что это катастрофа на самом деле. ... Катастрофа здесь, понимаете, даже не в том, что ее построят, катастрофа главная, на мой взгляд, заключается в том, что в очередной раз усилиями... усилиями правительства Российской Федерации, как в свое время усилиями правительства Советского Союза, развитию предается совершенно неправильная веха, потому что атомная энергетика — это вчерашний день. ...Нет, корыстные цели людей, которые это делают [лоббируют проект строительства], мне они понятны, они очевидны, но это беда, это очередная российская беда. Не в том даже, что авария, хотя это, ну да, понятно все. Тут, опять же, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть, как у нас что строится, я имею в виду в России, и в частности в Калининградской области (*Виталий Лавринович*).

Несмотря на произведенный шум и выход проблемы в публичную сферу (состоялись публичные дискуссии, ответственные лица государства были вынуждены высказаться и провести обсуждение с членами инициативной группы), стало ясно: идея референдума неспособна привести к массовой мобилизации, хотя она и привлекла внимание общественно активных людей.

Понимаешь, когда люди чувствуют, что могут что-то изменить, — да, они это делают. А мы сейчас делаем только для того, чтобы... Как-то надо выразить свою позицию, что-то нужно сделать... (*Вадим Костяев*).

Другими словами, «завзятые» активисты, которые уже не могут жить без общественной деятельности, ищут сейчас, куда приложить свои силы, ищут тему, которая могла бы «сбить» людей вместе и консолидировать какое-то движение.

Просто надо понимать, что нету сейчас такой тематики, которая могла бы консолидировать всех, и вот так выйти... Больше... я говорю, что есть актив, который готов что-то делать и организовывать (*Вадим Костяев*).

— **«Вернуть детские сады детям!»** Осенью 2011 года стала разворачиваться деятельность другой коалиции, созданной по инициативе активиста движения мелких предпринимателей Вадима Косухина. Он к этому времени уже опробовал себя на местных выборах по списку КПРФ и вступил в компартию. Проводя свои предвыборные встречи по округу, Косухин стал вникать в насущные проблемы людей, отметив две самые острые: ЖКХ и детские сады (по его словам, в очереди в детский сад — 30 тысяч нуждающихся).

Я провел 350 встреч по подъездам, посмотрел, как люди живут. Ну и оказалось то, что деваться некуда, надо людям помогать. ...Сейчас я взял на вооружение тему ЖКХ и хочу снизить всему этому району платежи по ЖКХ, по 300 рублей каждой квартире. ...Так, так, так я и действую, я действую только путем давления, путем... Только через лю... Вот, организовываю людей на войну, т. е. вот. Ну и тут у меня есть еще одна тема, я провел сейчас четыре пикета по детским садам. Вот ЖКХ и детские сады. Детские сады: я изучил эту тему, там оказалось, что закрыли сорок садов в городе Калининграде, и из них штук

десять садов, ну примерно десять, стоят без окон, без дверей, с выбитыми окнами и с выбитыми две... Там такая ситуация, что их приватизировали, хапнули, своровали, а не знают, что с ними делать. То есть земля, земля, они не могут поменять назначение земли, хозяева эти, эти воры, вот. Реально, сейчас, в данный момент, эти детские сады можно выкупить недорого и открыть, вот. И вот мы взяли это на вооружение, сделали десять плакатов с фотографиями этих детских садов, написали требования, т.е. наши требования конкретные: вернуть людям эти десять детских садов.

Кампания за использование зданий детских садов по прямому назначению принимает обкатанную на «больнице рыбаков» форму еженедельного пикета (правда, борцы за детский сад переместились от правительства области к мэрии). В пикетах с главным требованием «Вернуть детские сады детям» участвуют активисты от КПРФ и «Патриотов России», общественные активисты (около двух десятков участников). Со временем стали приходить женщины, иногда с детьми. Но не сложилось инициативной группы «молодых мам» (подобно, например, московской, где родители сами организовались для решения целого ряда проблем, связанных с дошкольным образованием: нехваткой мест, качеством питания и т.д.). Тем не менее кампания продолжается, и есть надежда, что на ее почве будут появляться инициативные группы заинтересованных людей. Среди достижений отметим, что удалось отстоять один детский сад, на территории которого некий депутат местного заксобрания намеревался построить гостиницу. А главное, благодаря регулярному пикету активные горожане получили место, где можно обсуждать все интересующие их вопросы — калининградский вариант Гайд-парка.

— Против жилищно-коммунальных «латифундистов». «В регионе самые высокие тарифы на ЖКХ» — говорилось в резолюции митинга 30 января 2010 года.

Недовольство неподъемными тарифами явилось сильным мотивом для тогдашней протестной мобилизации. Однако в 2012 году мало что изменилось.

> Население Калининграда и области попросту не в состоянии оплачивать неподъемные коммунальные платежи, завышенные тарифы монополистов и оброк на «обслуживание жилья» крепостническим управляющим компаниям. ... Мы в Калининграде вообще вымираем, особенно пенсионеры и безработные, с нашими «общепринятыми» тарифами на «обслуживание жилья» в диапазоне с 9 до 16 рублей с метра квадратного за никакое обслуживание воровскими управляющими компаниями! (*Игорь Быстрицкий, член «Справедливости», ярый борец против насаждения управляющих кампаний, сначала председатель ТСЖ «Согласие-2» в микрорайоне Сельма, затем уполномоченный непосредственного управления в этом же доме*).

Дело в том, что ЖКХ города разделено на несколько монополистов — управляющих компаний под «крышей» чиновников, диктующих свои тарифы. А жителям, которые нашли в себе силы и мужество взять дом в самоуправление (т. е. самим управлять общим имуществом дома через организацию непосредственного управления — НУ, или через товарищества собственников дома — ТСЖ), не дают этого делать. Разными способами (непризнание решения общего собрания, рейдерские атаки и т. д.) их вынуждают остаться под управляющей компанией. Остро и прямо, «в лоб» пишет об этом Быстрицкий в открытом письме главе города от 03.02.2011:

> ...Деструктивная деятельность управляющих компаний, не умеющих и не желающих работать на благо жителей города. Компаний, подконтрольных новым миллиардерам-латифундистам, которые сколотили себе жилищно-коммунальные империи путем фальсификации протоколов

общих собраний собственников и наглых рейдерских захватов. И еще благодаря тому, что эти латифундисты являются депутатами городского совета и главами районных администраций.

В своем доме Игорь Быстрицкий уже много лет (с 2006 года) отстаивает самоуправление — как перед мэрией, так и перед управляющими компаниями. Одна только эта борьба отнимает у него огромное количество времени и сил: Быстрицкий прошел десятки судов (в том числе как представитель других собственников дома), пишет скандальные разоблачительные статьи, содержит сайт[15], отбивает физические рейдерские атаки (например, попытки взлома помещения правления ТСЖ). Он борется так давно и встречает такое сопротивление, что победить для него теперь — дело чести. Он не остановится. Более того, несмотря на нехватку времени, Быстрицкий пытается помогать жителям других домов. Сразу уточним: таких фрондирующих домов — немного, и они не образуют движение, но есть неформальная сеть активных жильцов — сторонников самоуправления, к которой принадлежит Игорь. Главным образом взаимодействие происходит в форме обмена информацией, гораздо реже — в форме солидарных действий. Каждый дом воюет за себя в одиночку.

А подавляющее большинство жителей (впрочем, это не особенность Калининграда) вообще ничего не делает и терпит диктатуру управляющей компании, которую им навязали. Да, они возмущаются и тарифами, и качеством услуг, но дальше разговоров на кухне дело редко заходит. Как-то изменить эту ситуацию пытается Вадим Косухин, выбравший для себя, как уже было сказано, тему детских садов и ЖКХ. На втором фронте он как раз воюет вместе с Быстрицким, известным в активистской среде как специалист в области ЖКХ и дерзкий борец с гнетом управляющих компаний.

[15] www.soglasie2.ru.

Их союз показателен для межличностных отношений в активистской оппозиционной среде. Косухин — довольно состоятельный мелкий предприниматель, член КПРФ, любитель уличных акций. Быстрицкий — бывший председатель ТСЖ, живущий случайными заработками, член «Справедливости», скорее ближе к «Справедливой России», протестным акциям предпочитает судебные баталии и дерзкое слово. Однако они составляют хорошую пару. Как-то, выходя из офиса «Патриотов России», мы с Быстрицким столкнулись с подошедшим Косухиным. Они обнялись и тут же взялись подшучивать друг над другом. «Не кажется, что мы похожи?» — спросил у меня Косухин. И, правда, оба солидные (в смысле комплекции) мужчины, любители хорошо пожить, шутники, дерзкие на язык. Один постоянно цитирует Твена, другой — Пелевина. Их союз, основанный на совпадении интересов в борьбе с управляющими компаниями, подкреплен как минимум хорошими человеческими отношениями, а возможно, и дружескими.

Вот примерно так и формируются ситуативные коалиции: через хорошие личностные отношения между «завязтыми» активистами по поводу общей темы. Общая тема для Косухина и Быстрицкого — война против управляющей компании (УК) того района, где УК, являясь монополистом, завышает тарифы.

> Сейчас я взял на вооружение тему ЖКХ и хочу снизить всему этому району платежи по ЖКХ по 300 рублей каждой квартире. То есть я взял эту тему, мы собрали 500 жалоб в генеральную прокуратуру, 500 жалоб в ФАС, на антимонопольное завышение цены на обслуживание жилья. Вот, и сейчас мы эти жалобы отсылаем... (*Вадим Косухин*).

Однако этого мало, чтобы говорить о жилищном движении. Оно существует в зачаточном состоянии, в виде союза

двух энтузиастов, обладающих организационными способностями и практическим опытом борьбы и управления домом. Но нет организации, на которую кампания против УК «латифундистов» могла бы опереться. А сеть между активистами жилищного самоуправления очень слаба. В целом, несмотря на острые проблемы в сфере ЖКХ и на всеобщее возмущение тарифами, активистов жилищного самоуправления (тех, кто берет инициативу организовать в своем доме ТСЖ или НУ) крайне мало, и они почти не взаимодействуют между собой. А ведь на волне массовой мобилизации зимой 2010 года можно было попытаться создать общественную организацию, которая бы содействовала самоорганизации людей в домах с целью самоуправления или контроля над управлением. Однако никто не взялся за это нудное и довольно трудное дело по организации людей в советах домов. Как мне кажется, это упущение.

4.4. Движение «За честные выборы»

Как отразилась на Калининграде общероссийская гражданская мобилизация, последовавшая за парламентскими выборами декабря 2011 года? На фоне массовых уличных выступлений, прошедших, в частности, в Москве, Калининград кажется оазисом спокойствия и тишины. Протестные митинги проходят одновременно со всероссийскими, но они малочисленны. Обычно это несколько сотен (даже десятков, если говорить о мероприятиях 2013-го) человек, за исключением митинга 7 декабря 2011 года, который собрал около двух тысяч — под влиянием эмоций, вызванных только что прошедшими выборами и московскими событиями: внезапной массовой мобилизацией и репрессиями.

Слабость нынешней мобилизации объясняется, вероятно, тем, что в Калининграде и пик протестов, и разочарование рядовых участников, и возникновение внутренних проблем движения случились раньше по времени.

Относительно Москвы у нас процессы идут года на два вперед. Все то, что сейчас мы наблюдаем в столице, в Калининграде уже проходили. Пик у нас пришелся на 2010 год, когда у нас были самые массовые акции, ставшие причиной отставки Бооса (*Виктор Горбунов, зампредседателя профсоюза «Трудовые бригады»*).

Еще одна причина состоит в том, что выборы в городе прошли относительно честно, без грубых нарушений и массовых фальсификаций. Об этом говорят в том числе независимые наблюдатели; об этом косвенно свидетельствуют результаты выборов, по которым КПРФ в Калининграде опередила «Единую Россию».

И я бы добавила третью причину. Калининградская массовая мобилизация зимой 2010 года была социально ориентированным городским протестным движением с консолидирующими политическими требованиями. Люди вышли не для того, чтобы требовать честных выборов или соблюдения каких-то демократических процедур и правил, а для того, чтобы решились конкретные социальные проблемы, во многом специфичные для региона. Кроме того, протестные выступления проводила не коалиция партий, а популярные среди активных жителей лидеры, тогда как различные партии эти выступления лишь поддерживали.

А выступления конца 2011–2012 года главным образом были организованы партиями: и так называемыми «системными» (КПРФ, «Патриоты России», «Яблоко», «Справедливая Россия»), и «несистемными» (от анархистов до националистов). К ним присоединились некоторые общественные активисты, в частности Олег Никифоров («ТИГР») и Александр Шацкий («Новый мир»); представители либеральной интеллигенции и местного прогрессивного журналистского сообщества; а также критически настроенная молодежь. Молодые участники вообще выразили острое неприятие всех партий, а на митинге 7 декабря

пытались захватить трибуну и призывали к более решительным действиям, чтобы превратить формальное протестное мероприятие в живое дело. Кроме того, поствыборные выступления были практически лишены социального содержания, звучали одни политические и гражданские лозунги, подобно московскому сценарию. (Из калининградского народного творчества: «Россия будет свободной», «Свободу Навальному», «Свободу Лабудину», «Путин — вор», «Долой медвепутов», «Путина долой», «Свободу СМИ», «Один за всех, и все за одного», «Фальшивые выборы — фальшивая власть», «Нет СПИДу XXI века! НЕТ Синдрому Путинской Имитации Демократии!»).

4.5. Неформальные меняющиеся межличностные коалиции под конкретные акции

В целом же направлений общественной деятельности достаточно много, есть и социальные движения, но скорее в зачаточном виде. Им не хватает социальной базы (активного вовлечения тех, от чьего имени проводятся кампании, например молодых мам в кампанию по детским садам, членов управления домом — в кампании по ЖКХ), и в основном в акциях участвует актив. Со своей стороны, актив после мобилизации 2010 года расширился, появилось много деятелей, способных к проведению самостоятельной кампании или акции.

Не хватает также координирующих органов, способных придать устойчивость взаимодействиям между участниками кампании, превратить «случайных» участников в постоянных активистов. А по тем направлениям, где такой орган действует (по малому бизнесу, профсоюзам, АЭС, автомобилистам), он имеет значение скорее не как организация, а как структура под какого-то лидера. Например, «ТИГР», «Новый мир» и «Наш город» — это больше общественные вывески соответственно для Олега

Никифорова, Александра Шацкого и Михаила Костяева. «Патриоты России» (а частично и свободные профсоюзы) в Калининграде — это Михаил Чесалин; «Справедливость» — Константин Дорошок. В интервью активисты часто говорят, что они вступили в ту или иную организацию, «чтобы помочь/поддержать Чесалину(а)/Дорошку(а)». Так, на вопрос о том, приходят ли люди в «Справедливость» или к Дорошку, Виталий Лавринович (который и принимает людей в помещении организации) ответил, что, по его мнению, «люди в основном приходят к Дорошку».

Более того, некоторые активисты сознательно избегают формы организации. Например, один из членов инициативной группы Ялтинского парка прервал меня, когда я использовала слово «организация» для обозначения их группы: «У нас нет организации, у нас движение. Это немножко более мягкая форма». То есть некоторые активисты не хотят взаимных обязательств и жестких правил принятия коллективных решений и поэтому предпочитают «мягкость» сетевой структуры межличностных отношений «жесткости» организации.

На мой взгляд, серьезное упущение после массовой мобилизации зимы 2010-го состоит в том, что мало было сделано для укрепления уже существующих организаций или для создания новых. Мало кто из активистов активно содействовал самоорганизации рядовых участников массовых протестов. В итоге большинство «растворилось».

Многие их тех, кто сохранил активность, не вступают ни в какую организацию, а просто участвуют в той или иной акции, в зависимости от ее конкретной темы и организаторов. Эта общественная деятельность — от акции к акции — не способствует ни росту самоорганизации, ни долгосрочному развитию общегородского движения. Люди выступают как свободные радикалы: они не связаны с движением ни чувством принадлежности, ни более или менее постоянной деятельностью.

Особенно большое упущение — отсутствие жилищной организации (по образцу «Союза жителей» в Астрахани) при острой нужде в ней и огромном недовольстве управляющими компаниями.

С другой стороны, некоторые уже существующие общественные организации получили приток новых членов благодаря общественному подъему. Это, в частности, касается лидера мобилизации зимы 2010 года — «Справедливости». Олег Никифоров, вступивший в «Справедливость» на волне протеста автомобилистов в конце 2009 года («Потому что поддерживал Дорошка, потому что с ним организовывал эти митинги все»), рассказывает:

> Потом я принимал туда [в «Справедливость»] уже много людей. У нас было собрание в Общественной палате, люди изъявляли желание туда вступить. Это после митинга 30 января и до митинга 20 марта, не помню дату, мы собирались в Общественной палате на Советском проспекте, там было... 117 человек где-то примерно пришло, готовых поддержать эту акцию всеми мыслимыми и немыслимыми способами: и финансово, и печатью — кто чем может, распространением... То есть активность была у людей очень большая.

Среди слабых мест нынешних социальных движений отметим их неформальный характер. Уроки раскола общегородского движения не были учтены. Сохранился преобладающий тогда способ взаимодействия: неформальные, межличностные и устные договоренности, часто — на случайных встречах. Вспоминаю одну сцену из моей полевой работы. За два дня до акции автомобилистов 24 сентября 2011 года в офисе «Патриотов России» оказались вместе М. Чесалин и В. Косухин. Они воспользовались случайной встречей, чтобы придумать лозунги к акции. К «мозговому штурму» присоединились люди, случайно находящиеся в тот момент в офисе. Этот стиль, по-человечески

крайне симпатичный, оставляет желать лучшего в организационном плане. Слишком многое основывается лишь на личном доверии. Так, на более-менее формальной подготовительной встрече к акции автомобилистов в помещении КПРФ в облдуме (в рамках так называемого «протестного штаба») никто из присутствующих не захотел посмотреть список выступающих. Достаточно оказалось договоренности, что от каждой партии будет по одному выступающему. Председательствующая (от КПРФ) всего лишь спросила у инициаторов (из числа непартийных — Никифоров и Шацкий), готовили ли они список. Правда, уже к концу собрания другой участник от КПРФ уточнил, не будет ли среди выступающих Дорошка («для нас важно, чтобы его не было»), а услышав ответ организаторов («не планируется»), успокоился. На вопрос о флагах партийцы получили мягкий ответ: «Сколько хотите, столько и приносите».

Если в целом оценивать ситуацию с социальными движениями в Калининграде, скажем так: постоянно действующей коалиции нет, есть ситуативные и меняющиеся коалиции между личностями, представляющими или не представляющими какие-то партии или общественные организации, которые складываются при подготовке конкретного мероприятия. Правила принятия коллективных решений почти не формализованы, многое решается через межличностное общение и личные контакты. Массовая мобилизация зимой 2010 года привела к умножению числа лидеров и «завзятых» активистов, но не к развитию активистских организаций. Большинство активистов постмобилизационной волны — неорганизованные люди, своего рода «свободные радикалы».

4.6. Протест вылился в политику

— Электоральная пощечина «Единой России». Если общественная активность снизилась после массовой

мобилизации зимы 2010 года, то протестное и оппозиционное настроение сохранилось, вылившись, в частности, в протестное голосование. На последующих после массовой мобилизации выборах в областную думу, в марте 2011 года, некоторые лидеры протестной волны стали региональными депутатами. Михаил Чесалин (по списку «Патриоты России») и Соломон Пинзбург (независимый) были переизбраны, Константин Дорошок (независимый) баллотировался впервые и победил всех в округе, в том числе лидера местных коммунистов. А главное — «Единая Россия» получила в городе самый маленький процент по стране (30,26% голосов). И это при том, что конкуренция между оппозиционными партиями перед выборами возобновилась; при том, что независимые наблюдатели говорят о массовых фальсификациях и сильном административном давлении!

Еще более показательны выборы в Государственную думу в декабре 2011 года. По городу «Единая Россия» уступила тогда первое место КПРФ (25,38% против 31,20% голосов), что для партии-монополиста является явным поражением. По сведениям независимых наблюдателей, фальсификации были минимальными. На президентских выборах марта 2012 года Путин получил в Калининграде всего 47% голосов (против 63,60% по всей стране). Эти результаты свидетельствуют о высоком уровне недовольства «партией власти» и символом «вертикали власти».

— **Вхождение лидеров в политику.** Если избиратели пошли выразить свою оппозиционность протестным голосованием, то лидеры протестной мобилизации стали массово участвовать в выборах — в качестве либо кандидата, либо агитатора. Многие из них стали также вступать в политические партии. Здесь прослеживается такая логика: раз уж массовый протест не изменил ситуацию по существу, давайте попробуем давить не только снизу, но и изнутри властных структур.

Судя по интервью, вошедшие в политику лидеры или «заядлые» активисты преследуют четыре главные цели: «взять власть» или, по крайней мере, «повлиять на принятие решений» во властных институтах; более эффективно «помочь людям»; продвинуть альтернативные идеи развития страны или региона; использовать партийные или административные ресурсы для развития своей организации и роста общественной активности. О статусных соображениях в интервью никто не говорил, но можно предположить, что — сознательно или нет — этот фактор играл роль для некоторых активистов, уставших быть маргиналами. Тем более что в России обладание официальным государственным статусом все же повышает легитимность в глазах неискушенных в политических вопросах людей.

Всем лидерам политика видится логическим продолжением общественной деятельности, но при этом, даже вступив в партию, они проводят четкое разделение между нею и своей общественной организацией, членами которой могут быть приверженцы любой партии. То есть стремление подчинить социальные движения своей партии отсутствует. Многопартийность и плюрализм мнений для всех — аксиома. Более того, многие вступают в партию, отмечая при этом, что это не совсем партия, а как бы «надпартийная партия». То есть форма партии их не совсем устраивает, а принимается по соображениям эффективности и отсутствия альтернативного способа заняться политикой. Другие отмечают или дают понять, что линия партии, членами которой они являются, их не удовлетворяет, но за неимением лучшего приходится терпеть.

Интересно, что, будучи оппозиционерами и жесткими противниками «путинской вертикали власти», лидеры и «завзятые» активисты все же включаются в действующую властную систему. То есть они пытаются не столько заниматься альтернативной политикой на местах (в рамках отдельной

организации, дома, предприятия), сколько взрывать систему изнутри.

Наконец, все хотят изменить систему, но далеко не все имеют представление о том, чем ее заменить; если же эти представления есть, то они расходятся. Лидеры различаются по своим идеологическим склонностям, что делает невозможным создание единого политического движения на базе их объединения. Очевидно, есть условно «левые» (приверженцы идеи социальной справедливости) и условно «правые» (приверженцы идеи свободного предпринимательства). Приведу несколько политических портретов лидеров и «заядлых» активистов.

Дорошок: *От «Справедливости» к «Правому делу»*

Константин Дорошок стал известен в Калининграде и за его пределами как общественный деятель, лидер движения автомобилистов, в меньшей степени — как председатель общественной организации «Справедливость». Сначала он вошел в четко антипутинское объединение «Солидарность», откуда вышел после массового митинга 30 января, чтобы не давать поводов спекулировать на его связи с несистемной и «проплаченной Западом» организацией. Первые шаги в институциональную политику он сделал, выдвинув свою кандидатуру на выборах в областную думу в марте 2011 года. Многие мои собеседники отмечают в этом влияние ставшего его главным политическим советником Соломона Гинзбурга (в политике с 1990 года, депутат облдумы с 2000-го). Однако этот шаг соответствует и характеру Дорошка: человек решительный, прагматичный, но страстный, он явно стремится к солидности, эффективности и размаху. Став региональным депутатом, Дорошок довольно быстро понял, что его возможности очень ограничены.

> И на самом деле ... посмотрев уже изнутри, как работает, допустим, депутат, да и вообще, на самом деле он ни фига

не делает, вот ничего. То есть не именно Дорошок, а любой депутат. ...Что может сделать депутат? Ну, депутат может... вот если сильно упрется, какого-нибудь гаишника уволит, может, они его сами сдадут просто, вся эта система, понимаете? Ну, конечно, может быть, зря я это говорю, но на самом деле депутат в таком положении находится, что он, кроме как верещать, ну да, возмущаться, ничего не может. А если это возмущение не подкреплено ресурсами, я имею в виду СМИ, там, все... то оно ничего и не значит (*Виталий Лавринович, соратник Дорошка*).

Наверное, это частично объясняет следующий его шаг: в августе 2011 года по предложению нового лидера партии «Правое дело»[16] Михаила Прохорова Дорошок стал председателем ее регионального отделения (а Гинзбургу было обещано первое место в региональном списке в Госдуму). Когда я прилетела в Калининград в сентябре, меня встретил оживленный и искренний сторонник Прохорова (не как олигарха, а как потенциально самостоятельной фигуры системных изменений), полный энтузиазма и амбиций Дорошок. При этом к партиям он относится скорее негативно, поскольку партии — это борьба за власть, конкуренция на выборах, и поэтому «партии на долгосрочную перспективу не способны договариваться, и это вполне нормально».

Тем не менее Дорошок считает, что последовательному общественному активисту необходимо заниматься политикой. С одной стороны, из социальных движений должна вырасти альтернатива существующей власти и нынешнему политическому курсу:

---

[16] После роспуска отделения партии «Правое дело» Дорошок сначала активно занимался выборной кампанией кандидата в президенты Прохорова, а затем был избран руководителем Калининградского регионального отделения партии «Гражданская платформа», созданной тем же Прохоровым.

Нельзя отделять общественную деятельность от политической деятельности. Рано или поздно мы должны видеть тот свой берег. И если мы говорим о конечной цели, то конечная цель должна быть: власть, изменение власти. То есть те, кто считает, что эта власть недостойна представлять интересы людей, значит, они должны предлагать своих людей во власть.

С другой стороны, в интервью Дорошок уделяет большое внимание партийной независимости общественной организации «Справедливость»:

Нельзя путать, например, общественную организацию «Справедливость» с партией «Правое дело»... Внутри «Справедливости» есть представители разных партий, и никто им не указывает на их партийную принадлежность. Пожалуйста, будьте.

Хотя Дорошок прямо не формулирует эту мысль, можно понять его так: политические партии — это своего рода политическое выражение социальных движений, когда вопрос ставится о власти. А для себя он выбрал политический путь, «вырос» до политического уровня и до вопроса о взятии власти:

Это очень железная логика. Я скажу, что человек каждый день чему-то учится, растет, развивается, если он не ленивый, конечно, если он не деградирует. ...Рано или поздно оппозиция имеет перспективу на поддержку народом только в том случае, если она будет готова предлагать альтернативу. И альтернативу не только в решении конкретных вопросов, но и альтернативу власти, когда она будет готова заменить собой власть.

Если конечная цель формулируется как взятие власти, задача —

не кирпичами на баррикады кидаться. Наша задача сегодня — законно, демократично сделать так, чтобы вам, там, лучше жилось, и мы готовы предлагать что-то. [Помочь людям,] быть с людьми, [а не только] показать свою оппозиционность.

Дорошок мыслит себя как «антисистемный» политик, хотя вошел в институциональную политику. «Правое дело» версии Прохорова — для него способ в рамках нынешних институциональных возможностей заняться борьбой с системой и изменить ее. Во-первых, потому, что Прохоров — «самодостаточен, финансово в том числе». Во-вторых, потому, что он предлагает «четкую и внятную альтернативу для решения самых основных и больных вопросов». В-третьих, потому, что Прохоров, «как он сам сказал, будет пытаться противостоять кукловодам в Кремле». То, что Прохоров — олигарх, его не смущает. Показатель «антисистемности» Прохорова ему видится в том, что он стал

привлекать в ряды партии лидеров общественного мнения в регионах, и, как правило, те их представители являлись в свое время организаторами каких-то протестных акций и т.д. Ну, это люди, которых слышали, да, это не представители существующей власти «Единая Россия» и т.д.

Дорошок не распространяется о содержании «альтернативных решений главных вопросов» (кроме «антисистемности»). Единственный пункт, который он с удовольствием развивает, касается особенности Калининградского региона:

Его анклавность требует совершенно другого подхода для решения проблем региона. ...Сегодня уже много идей уже развились. Преобразование Калининградской области в отдельный федеральный округ; это вопросы, связанные с визовой проблематикой; это вопросы, связанные

с таможенным и налоговым законодательством... [Нужно обеспечить условия,] чтобы европейцы спокойно вкладывали деньги в Россию, соответственно, создавались рабочие места, люди платили налоги. Люди могут покупать свои услуги, любые.

Если добавить еще «силу личности, силу убеждения» Прохорова, это объясняет, почему его партийный проект вызвал энтузиазм у многих в Калининграде, в первую очередь у Дорошка. Как он с гордостью отметил, «более 400 человек вступило за два дня», среди которых много членов или сторонников «Справедливости». И при этом уточняет: люди пошли «не только за Прохоровым, но уже и за мной, как за руководителем регионального отделения». Но в итоге партийный проект Прохорова закрылся:

Очень жаль, что в течение ближайших пяти лет, если ничего не случится в стране, мы [кандидаты от Калининградской области на выборах в Госдуму по списку партии Прохорова] не сможем повлиять на принятие решений.... [Если] Прохоров сможет попытать себя на роль президента, то сегодня ему и все карты в руки. Ведь неважно, каким образом он сможет победить: либо благодаря партии, либо благодаря сильному общественному движению (*Константин Дорошок*).

Дорошок и его команда участвовали в президентской кампании Прохорова, и, между прочим, не без результатов: Прохоров набрал в Калининграде рекордный процент голосов: 17,81%.

В итоге, если определять место Дорошка в спектре политических пристрастий (что довольно условно в отсутствие идеологических дебатов) — он ближе к правому флангу. Союз с крупным олигархом его не смущает: он сам мелкий предприниматель и экономически независимый человек. В его близком политическом окружении — либеральные

демократы 1990-х годов. Политический язык скорее право-либерального толка: инвестиции, экономическое развитие, налоги, возможность работать, покупать услуги...

Чесалин: *В «Патриотах...» ради профсоюзов*

Михаил Чесалин в политике с 2002 года. Тогда в недрах альтернативных профсоюзов России родилась инициатива по формированию своей — тред-юнионистской — партии (Партии труда), призванной отстаивать во властных структурах права наемных работников и «настоящих» профсоюзов. В 2004 году партия раскололась из-за конфликта между двумя лидерами[17]. Чесалин занял сторону Сергея Храмова и в 2005-м стал членом партии «Патриоты России» (лидер — Геннадий Семигин), созданной на базе откола от КПРФ и храмовского крыла «Партии труда». С этого времени Чесалин возглавляет региональное отделение партии. Он также является бывшим председателем профсоюза докеров, с которым провел нашумевшую забастовку в 1997 году, и до сих пор возглавляет региональное профсоюзное объединение «Трудовые бригады». С 2006 года является депутатом областной думы.

Напоминание о профсоюзной ангажированности Чесалина помогает понять, каковы его основные политические ориентиры. Он вошел в политику для того, чтобы более эффективно развивать профсоюз и отстаивать права людей труда, в том числе на законодательном уровне.

> В первую очередь я стремлюсь к тому, чтобы люди объединились в профсоюзы и боролись за свои права. От того, насколько будут сильные профсоюзы, зависит степень сплоченности в нашем обществе и как достойно люди будут жить (*Михаил Чесалин*).

[17] С одной стороны, Олег Шеин — председатель профсоюза «Защита труда» и тогдашний депутат Госдумы РФ от Астраханской области (см. главу об Астрахани в настоящем сборнике), с другой — Сергей Храмов, тогдашний председатель профсоюза «Соцпроф».

Он мастерски владеет саркастическим тоном, много шутит, насмехается над всеми и надо всем, в том числе над собой, не любит громких слов, предпочитает слову дело и не терпит вождей и вождизма. Партия и политика для него — скорее инструмент, а главная цель — развитие настоящих профсоюзов и пробуждение социальной активности.

В «Патриотах России» Чесалин оказался (и остается) за неимением лучшего варианта. Хотя он прямо об этом не говорит, эта партия для него — скорее удобная вывеска (центральное руководство партии не очень мешает), под которой можно заниматься профсоюзным делом. Показательно, что среди ближайших соратников Чесалина в партии есть активисты несистемной оппозиционной организации «Солидарность», а помещение «Патриотов...» служит местом встречи для активистов практически всех политических принадлежностей.

> Наша партия представляет интересы людей, живущих на зарплату... То и есть патриотизм — дать людям возможность получать достойную зарплату (*Михаил Чесалин*).

За пределами профсоюзного дела — в политике — Чесалин старается повысить социальную активность людей, чтобы положить конец или хотя бы ограничить беспредел действующей власти. Его метод: идти от конкретных случаев и биться, продолжать оказывать давление до победного конца, заставить власть идти на конкретные уступки хотя бы в одном вопросе и контролировать его решение.

> Поставить власть на контроль — это самое важное, если мы идем по пути диалога с властью, выставления требований и совместного решения вопросов. Для меня в этом смысле очень показательным стал пример той сферы, которой непосредственно занимаются «Патриоты России». Мы

провели 65 пикетов в защиту калининградской медицины, добились наконец, чтобы Клюйкова освободила свое место... Если народ будет давить на власть митингами, демонстрациями, массовыми обращениями к президенту, отказами в голосовании за правящую партию, власть постепенно начнет отступать (*Михаил Чесалин*).

Наконец, хотя Чесалин и является депутатом законодательной власти в институциональной партии, он — «антисистемный» политик по своим взглядам, действиям и поведению. Часто критикует вообще все партии, в том числе и оппозицию (в первую очередь за то, что там не соблюдаются коллективные договоренности). Но главный его оппонент — «партия власти», а главный объект борьбы — «монополия на власть магнатов и олигархов». И, соответственно, главный монополист в лице Владимира Путина.

Вот здесь как раз и столкнулись принципы Чесалина с линией федерального руководства партии, решившего в конце 2011 года публично выразить поддержку кандидатуре Путина. В ответ Чесалин публично заявил в местных СМИ, что Калининградское отделение остается на антипутинской позиции. При этом он остался в партии, и его не исключили за нарушение партийной дисциплины. (Это лишний раз подтверждает тезис о том, что политическая партия на региональном уровне, причем не только в Калининграде, — всего лишь вывеска, наполняемая различным содержанием в зависимости от специфики региона и лидера.)

Я не поддерживал, не поддерживаю и вряд ли буду поддерживать Владимира Путина. Для того чтобы он получил мою поддержку, ему придется очень сильно поработать над собой, и, судя по его последним высказываниям, на такую работу Путин не способен. Вы знаете, Калининградская область не имеет границ с РФ, точно так же региональное

отделение партии не имеет общих границ с центральным политсоветом, сделавшим заявление в поддержку Путина [18].

Если разместить Чесалина (опять-таки условно) на политической палитре, то он скорее красный (и, кстати, часто одевается в красное), левых убеждений. Потому что он выступает с позиций наемных работников, за боевые профсоюзы, за сохранение общего доступа к общественным услугам (особенно в сферах здравоохранения и образования), против «олигархов и магнатов».

Вадим Косухин: *«Из мелкой буржуазии в коммуниста»*

«Интересная трансформация: из мелкой буржуазии в коммуниста» — так иронически сказал о себе Вадим Косухин. Преуспевающий средний предприниматель (гендиректор ООО «Мейджик», сфера деятельности которого — оптовая и розничная торговля продуктами питания и другими товарами), он начал свою общественную деятельность в 2008 году, в Федерации малого и среднего бизнеса и во главе кампании против «рейдерского захвата» торговых палаток. «Воевал» он вместе с товарищами по движению мелких и средних предпринимателей полтора года и в итоге «отвоевал» палатки. (Хотя Вадим человек мирный по внешнему виду и манерам, он обожает военную лексику и себя охотно называет «бунтарем».) В политику Косухин вошел в 2011 году, по случаю выборов в окружной совет города. На волне массовой мобилизации в Федерации малого и среднего бизнеса было принято решение о выдвижении кандидатов-предпринимателей. Договориться смогли с КПРФ — чтобы идти по списку коммунистов. Так Косухин оказался в рядах КПРФ. По своему округу (№ 13) он занял тогда второе место (25,06% голосов). Затем повторно

[18] http://39.ru/bagrationovsk/5161-2011-12-19-16-40-45.html (от 19.12.2011).

участвовал в довыборах в марте 2012 года — после того как победитель по этому округу перешел в областную думу. И опять занял второе место (15,3%).

Поначалу у Косухина были чисто электоральные соображения («сперва это было желание баллотироваться на выборах»), но он быстро вовлекся в политическую деятельность, вне зависимости от выборов и наличия мандата. Причем вовлекся не только инструментально: он стал идейным социал-демократом. В первую очередь в результате общения во время предвыборной кампании: Вадим испытал шок, узнав, с каким трудом люди сводят концы с концами.

Косухин так красочно рассказывает о своем жизненном пути, что ничего не хочется комментировать. Сначала он мыслил себя исключительно предпринимателем и отмахнулся от политики. Решение участвовать в выборах — не результат обдуманного плана, а скорее эмоциональный шаг, естественное продолжение уличной борьбы:

> Я, если честно, был от политики далек. Мы себя... до конца дистанцировали от политики, у нас экономические требования, мы боялись куда-то в политику, считали, что мы тут боремся просто экономически, поборемся-поборемся и забудем. То есть это был как бы... вот, нас прижали, в угол зажали. Мы не думали заниматься политикой, это как-то само пришло.
>
> ...Я был к тому времени [в 2008 году] уже такой в душе либерал, такой правый прям весь, да, я думал, что можно... Ну, либеральных убеждений. Я считал, что мы можем в стране добиться... всё, повысится средний класс, там, мелкий бизнес. Ну, так как я был местный бизнес, все с нуля, я думал, что у нас все организуется, получится какая-то прослойка людей серьезных, как в Европе. Ну и в конце концов кончилось тем, что весь наш мелкий бизнес решили рейдерским актом забрать, там, два таких больших крутых босса.

...Ну и в конце концов в том году получилось так, что надо идти на выборы, и я пошел от компартии, от коммунистов. И мы как бы вот так вот, не один я, там, несколько там как бы предпринимателей. И вот я взял район, начал ходить с людьми работать, провел 350 встреч по подъездам, посмотрел, как люди живут. Ну, и оказалось то, что деваться некуда, надо людям помогать... Когда я уже пообщался с людьми, походил по району, все-таки мелкий бизнес — у нас тоже очень большой разрыв, между даже мелким бизнесом и пенсионерами. Понял, что или тут все развалится, опять будет кровь, или надо что-то делать, пытаться что-то сделать, пытаться как бы что-то решить.

При этом его «помощь людям» продиктована отнюдь далеко не только демагогическими или электоральными соображениями. Безусловно, есть человеческое сострадание, возмущение и эмоциональный шок. Он мне показался человеком общительным, внимательным к людям, эмоциональным и увлекающимся. А помогать людям он может себе позволить, благо с его бизнесом все хорошо:

В данный момент у меня бизнес идет как бы сам по себе, не поймешь, как идет, и, как ни странно, стал приносить больше прибыли. (*Смеется.*) Вот, а я занимаюсь целыми днями людьми, хожу встречаюсь с жителями подъездов, решаю вопросы... Тут на той неделе делали унитаз одному ветерану, потом столбики забиваю... Понимаете, сейчас у меня жизнь поменялась: я уже не живу собой, я уже живу... Я добился какого... какой-то степени благополучия, у меня есть какие-то деньги, у меня есть бизнес, у меня есть... У меня все нормально. У меня, там, семья, ребенок — все нормально. То есть мне интересно сейчас заняться... Вот это именно политика, понимаете? Мне сейчас интересно заниматься именно людьми.

Люди в мировоззрении Косухина на первом месте, причем конкретные, со всеми своими недостатками: «Не надо идеализировать людей, и все нормально». Люди — это одновременно и стимул для занятия политикой, и содержание политики (заниматься политикой значит заниматься людьми), и причина привязанности к компартии. На вопрос, что ему нравится в КПРФ, он отвечает: «Деды, которым восемьдесят лет», — и развивает мысль:

> Они просто железные, железные деды. Вот, да, я согласен, что у них убеждения, они, там, бывают, э-э-э-э, переклинивает их, бывает, они, бывает, не понимают, что говорят, но вот такое желание, вот, бороться, просто... Они совершенно не заинтересованы в деньгах, т. е. реально, они чисто от души. Я, вот, говорю ему: «Валентин Петрович, ну ты вот ходишь по квартирам, идешь, бежишь...» (Это вообще, он весь седенький, худенький...) «На тебе 2000 рублей, купи тридцать вафелек, и заходишь, там, тут своя ячейка, люди, заходишь, агитируешь, там, газету оставляешь, туда-сюда — вафельку, попил чай». Он говорит: «Вадим, я не возьму 2000 рублей». Я говорю: «Валентин Петрович, я ж тебе не взятку, говорю, а я тебе говорю, купи вафельки, людям, я тебе говорю, как надо». Он говорит: «Вадим, если ты мне дашь 2000 рублей, я их сдам в кассу партии». Что еще можно сказать? Просто вот это вот, да, иногда бывает, заклинит, вот, совершенно не могут договариваться, совершенно не могут, вот, с партнерами или както что-то там, у них, вот, старые понятия, но это такие люди, я так люблю этих дедов, просто они мне так нравятся, просто нереально, мне так с ними интересно, хорошо!

Рассуждая о монетизации льгот, которую он считает одной из самых болезненных реформ, Косухин выдвигает мысль о том, что «власть в России никогда не работала на человека». Даже в Советском Союзе, когда «жизнь была немножко справедливее». Можно предположить, что

политика, которой он хочет заниматься, ставит человека во главу угла.

Сначала люди и эмоция, и только потом — идеология. О чисто идеологических аспектах членства в КПРФ Косухин говорит неохотно и поверхностно. Он отмечает, что в программе партии теперь признаны все формы собственности и нет уже «задачи построения коммунизма, как раньше». А есть «задание построения социалистического общества, какого — не сказано, как, чего, что», и есть «основные вопросы — по национализации сырьевой базы, т.е. добывающей промышленности». Этого Вадиму достаточно, чтобы не чувствовать противоречий с партийной идеологией. Сам он не лишен идеологических убеждений, считает себя левым, приверженцем социализма:

> Я почему отошел от либеральной идеи, от правой? Потому что ничего здесь не получится, у нас нет социума экономического, у нас нету... у нас нету вот этого среднего класса, мелкого бизнеса. То есть кто будет делать эти преобразования? Олигархи? Они не заинтересованы. Они заинтересованы, наоборот, уменьшить экономический рост. Минимизировать, монополизировать, т.е. задушить таких, как мы. И они умеют это делать. Поэтому, поэтому социальная идея. Здесь опять будет социализм.

Его левые убеждения во многом основаны на враждебном отношении к олигархам, на осознании огромного разрыва между «кучкой» богатых «негодяев» и основной массой нищих:

> У нас нет как таковых либералов, у нас есть кучка... кучка негодяев, которые перекачивают деньги куда-то на Запад, и все. И остальное, там, нищий народ.

Именно из-за союза действующей власти с олигархией он жестко выступает против «этой власти»:

Как будто эта мэрия принадлежит какому-то олигарху, они [представители мэрии] борются не как будто они слуги народа и исполняют посыл народа, а как будто они враги народа.

То есть Косухин тоже скорее «антисистемный» политик: за смену власти и за иные властные отношения, когда «власть работает на человека». При этом он считает, что даже в рамках существующей системы и при действующей власти надо действовать и бороться, чтобы хоть в мелких вопросах вынудить ее отступиться. Он эту идею перенял у Чесалина, с которым раньше спорил (когда думал, что необходима «глобальная тема» и «всколыхнем народ»).

А потом я понял, что действительно надо практические задачи решать с политической целью, да. То есть чтобы поменять власть, нужно решать практические вопросы. То есть, с одной стороны, эту власть надо критиковать полностью, с другой стороны, ее нужно жестко вынуждать в решении каких-то вопросов. Да, жестко вынуждать.

То есть политика в его исполнении — это сочетание мелких дел и «антисистемных» оппозиционных взглядов. Но, повторяю, в основном политика для него — это люди, а враги — те, кто презирает людей.

В итоге Косухина можно также условно классифицировать как левого, социал-демократа, тем более что он сам себя так определяет. Но он выступает не с позиций «людей труда», как Чесалин, а с позиций бедных.

***Игорь Быстрицкий**: Борьба с монополизацией политики как следствие борьбы с монополизацией ЖКХ.*

Жилищный активист Игорь Быстрицкий не состоит ни в какой партии. Начав заниматься своим домом в 2006 году, он вообще был далек от политики. Просто

захотел привести дом в порядок и перестать платить деньги неизвестным управляющим компаниям ни за что.

Быстрицкий начал постепенно политизироваться после всероссийского съезда жилищных активистов в Астрахани в сентябре 2007-го. Там он познакомился с другими подобными ему «бойцами» за самоуправление домом, в частности с инициатором мероприятия и депутатом Госдумы РФ от «Справедливой России» Олегом Шеиным [19], стал вникать в политический контекст проблем ЖКХ. У него возникла симпатия к «Справедливой России», депутаты которой (в том числе Шеин и Хованская) выдвигали альтернативное видение жилищной реформы.

Следующим этапом политизации Быстрицкого стала массовая мобилизация в Калининграде 2009–2010 годов. Тогда он познакомился с Дорошком (в суде, откуда не вылезает) и вступил в общественную организацию «Справедливость». Уже сам факт участия в уличных акциях того времени свидетельствует об изменении формы его деятельности — ведь раньше Игорь был сторонником юридических методов или переговоров. Но общий протестный подъем, рост возмущения наглостью управляющих компаний — латифундистов, поддержанных властью, сделали свое дело: Быстрицкий стал радикализироваться и политизироваться. Политизация его выражается прежде всего в том, что он установил дружеские или товарищеские отношения с членами всех оппозиционных партий, пытаясь втянуть их в проблемы ЖКХ.

В марте 2011 года Быстрицкий принял участие в выборах одновременно от двух партий: в облдуму по спискам «Патриотов России», в горсовет — по списку «Справедливой России». Он не прошел, но воевал. Хотя он не питал никаких иллюзий, масштаб вбросов и фальсификаций его впечатлил. Игорь с юмором рассказывает, за какие деньги продались

[19] Подробнее о нем см. в главе об Астрахани.

члены избиркомов, о своем столкновении с бандитами на избирательном участке (этот эпизод еще больше вовлек его в оппозиционную политику).

Трудно судить о взглядах Быстрицкого — настолько несерьезно и шутливо он их описывает. Но однозначно можно судить об оппозиционности системе, которую воплощает для него союз между бандитскими управляющими компаниями и чиновниками от партии власти (следовательно, нельзя бороться с монополией одних в ЖКХ, не борясь с монополией других в политической сфере). Косвенно можно предположить, что Быстрицкий чувствителен к вопросу социальной справедливости: ведь он добивается, чтобы жильцы не платили сверхдорого за обслуживание дома.

А свое отношение к сверхбогатым Быстрицкий четко выразил в связи с «Правым делом». По его словам, он привел Дорошку «кучу людей в "Правое дело"», но не потому, что верит в проект (сам он не вступил в партию), а потому, что «готов на все, чтобы насолить Цикелю[20]». Однако никакого доверия к «партии миллиардера» у него нет. Кроме того, он часто ссылается на «прогрессивную общественность» и причисляет себя к ней.

Итак: Быстрицкий скорее левый по взглядам; в первую очередь он жилищный активист (его политическая деятельность и мировоззрение развиваются неразрывно с его опытом борьбы в жилищной сфере), и для него партийные вывески имеют мало значения: важны дела конкретных людей в этих партиях.

Виталий Лавринович: *Человеческое уважение vs. «система».*

Помощник капитана флота в отставке, «в дикие девяностые» Виталий Лавринович пробовал себя в бизнесе.

[20] Михаил Цикель — глава ОАО «Янтарьэнерго» и бывший председатель «Правого дела» в регионе до прихода Дорошка.

В 2001 году он с партнерами создал «серьезную компанию», которая «вообще поставляла везде яйцо перепелиное». Когда бизнес стал приносить прибыль, явились «люди в погонах», и в итоге 9 мая 2009 года «ферма сгорела, дотла, одни головешки буквально». На этом его бизнес закончился. И Виталий стал интересоваться общественными и политическими делами. Познакомился с Дорошком, с Чесалиным. Стал приходить на пикеты по здравоохранению и 19 марта 2010 года был задержан за то, что держал («просто попросили подержать») плакат «Правительство Путина — в отставку!». С этого первого опыта «общения» с милицией и началась «активная фаза» его общественной деятельности.

Лавринович вступил в общественную организацию Дорошка «Справедливость». Хотелось «более активно участвовать», но он колебался: в «Патриоты...» идти или в «Справедливость». Решающим аргументом стала форма деятельности Чесалина: партия для Виталия — это «несвобода». Кроме того, «любая партия ставит своей целью приход к власти, а общественное движение ставит своей целью улучшение жизни людей». В итоге он сделал выбор в пользу общественной организации — чтобы не быть ограниченным в своих действиях. И еще потому, что он не хочет входить в «систему» — ни по линии бизнеса, ни по политической линии. «Антисистемные» взгляды, во многом основанные на личном опыте, для него первичны.

И к бизнесу Лавринович больше не хочет возвращаться (он может себе это позволить, благо были какие-то сбережения, да и «жена достаточно хорошо зарабатывает»), чтобы не пришлось давать присягу существующей властной системе:

> Я с тех пор больше не занимаюсь бизнесом... Потому что, на мой взгляд, нельзя заниматься тем, чего по определению быть не может вот здесь, в этой стране, на мой взгляд. ...Потому что нет вообще основ, т.е. нет защиты частной

собственности, нет доступных финансов, конкуренции нет. Ну какой это бизнес? Для того чтобы заняться бизнесом, нужно влиться в систему, да? Стать ее частью. ...А пытаться заниматься, скажем, каким-то предпринимательством, ну что, для этого нужно пойти в мэрию. Я этого не смогу сделать просто физически, потому что все у меня уже, понимаете... Я не смогу этого просто сделать, вот в этих условиях, которые созданы. Для этого нужно унижаться, я не готов этого делать. Особенно с этими людьми, которых я презираю, понимаете, вот так...

Он бы предпочел не вступать ни в какую партию, поскольку все они — часть вертикали власти:

Для меня совершенно очевидно, что все из существующих политических партий кормятся в одной кормушке — в администрации президента, все до одной. [Предпочтительнее было бы] общественно-политическое движение, надпартийная партия.

Тем не менее Лавринович участвовал в региональных выборах марта 2011 года — главным образом поддавшись на уговоры Дорошка («Я не хотел, честно, Костя говорит: "Давай", — ну и...»), а в августе того же года вступил в партию «Правое дело» по версии Прохорова.

Я рассуждал так: если Прохоров в результате своих действий — неважно, с кем он, как он, там, кто это финансирует, пускай хоть, я не знаю, пускай хоть Путин финансирует, — но если в результате этой движухи люди типа Дорошка и Гинзбурга попадут в Государственную думу, то это будет хорошо. ...Я бы даже это сделал, только чтобы помочь Косте... Когда вот решили, что надо вступать, все пошли, понимаете, потому что, ну... Я вам могу сказать почему, потому что это нужно было Дорошку.

Что бы смог сделать Дорошок, будучи депутатом, против системы, Лавринович не уточняет. Кажется, ответ на этот вопрос содержится в его реалистичном взгляде на вещи и в желании, несмотря ни на что, делать хоть что-то для изменения ситуации. Поэтому выбор невелик: либо устраниться, либо участвовать. Вариант маргинального протеста не принимается, а «антисистемный» протест (абстрактный протест против абстрактной власти) обречен быть маргинальным:

...Люди вышли и в декабре, и в январе, потому что им в карман залезли, а не потому, что они хотят выборов губернатора, это все уже переплелось, понимаете? Вот сейчас выйди и кричи: «Путина долой!» — ну сколько человек соберешь? Ну двадцать... Большинству людей это не надо... они просто живут, как большинство людей нормальных.

В любом случае у Лавриновича (в отличие от Дорошка) нет никакого энтузиазма относительно Прохорова или «Правого дела», его скептицизм легко улавливается между строк. А что для него система, которая так угрожает достоинству и самоуважению?

Ну, на мой взгляд, Путин — это просто символ, это... Неважно, будет не Путин — будет Сурков, там, я не знаю, кто там, Медведев, это совершенно не имеет абсолютно никакого значения. ...Система, при которой, на мой взгляд, в принципе невозможно ничего, и неважно, кто там будет. На мой взгляд, история человечества показывает вполне определенным образом, что монополия на власть, любая, она ни к чему хорошему никогда не приводит. Это диктатура, упадок, в конце концов бунт либо развал, как в Римской империи. То есть бунт — а в России это особенно актуально, вы же знаете: русский бунт, бессмысленный и беспощадный, — сметает правых и виноватых, а подонки в итоге пользуются его плодами, так было всегда в России. Вот, поэтому на вопрос

«С кем лучше бороться?» — не знаю. Наверное, важно вести какую-то просветительскую работу, наверное... Потому что пока не назреет какой-то критической массы людей, способной не только на бунт голодный, а способной, скажем, пытаться какие-то рамки Конституции какой-то... решать какие-то вопросы, посредством выборов тех же, наверное.

На вопрос о его главной цели Лавринович отвечает: «Не знаю. Я не знаю. Знаете, хочется... хочется, чтобы тебя уважали. Не потому... не раз в пять лет, да, когда им 500 рублей приносят».

В итоге Виталия Лавриновича вообще не удается позиционировать на политической палитре. Выборы, Конституция, отторжение монополии на власть, требование уважения к себе — скорее, его взгляды соответствуют гражданскому мировоззрению.

Михаил Костяев: *Через всю палитру политических цветов.*

Михаил Костяев — молодой человек с насыщенной биографией. В юности дважды попадал в тюрьму за кражу. В 2003-м (в 22 года) перешел из криминального мира в радикальную оппозиционную политику «запрещенной» НБП Лимонова — «из-за бурных девяностых», обманутых надежд на перемены, из юношеского максимализма, духа протеста и нонконформизма. Из «нацболов» Костяев плавно перешел в «Другую Россию», оттуда — в «Левый фронт», а затем в КПРФ. При этом начиная с 2008 года он — в рамках созданной им организации «Наш город» — занимается общественной деятельностью: сначала боролся с уплотнительной застройкой, а затем и со строительством Балтийской АЭС. Михаил также — активный блогер и участник дискуссий в блогосфере.

Костяева преследует репутация «экстремиста». Наверное, поэтому он уже в третий раз оказался в тюрьме: 23 марта 2012 года был арестован за мошенничество

(«сфабрикованное дело» — так считают и он, и многие его соратники) и провел три месяца за решеткой; досрочно освобожден 21 июня.

В КПРФ Михаил вступил «под выборы» — стремился участвовать в городских и областных выборах. Однако «номенклатурщики» заблокировали его выдвижение. И тогда он «плюнул и ушел». Затем встретил более понятливых людей в «Справедливой России» и выдвинулся по их списку в горсовет на выборах марта 2011 года. Безуспешно — занял третье место.

Костяев деятелен и трудоспособен — об этом говорят многие активисты города. Проблема в том, что он способен публично напасть на любого из них за малейшее отступление от радикальной оппозиционной линии. Тем не менее ему удалось образовать достаточно широкую коалицию для проведения референдума о строительстве АЭС и, бесспорно, поднять вокруг этой кампании большой шум.

Для Костяева политическая деятельность (радикально оппозиционная) первична, а общественная деятельность и кампании по социальным вопросам — скорее инструмент, как для повышения активности и организованности целевых групп, так и для создания оппозиционного настроения среди населения, а также для увеличения собственного политического веса.

> ...Я беру какие-то ключевые проблемы, там, общественный транспорт, детские садики, там, застройка... ЖКХ не стал брать, потому что это полный... бесполезно, в общем, брать. Беру, в общем, те проблемы, которым можно было бы предложить какие-то пути решения и которые конкретно можно было бы начать решать на городском уровне.

В этих словах чувствуется некий инструментальный подход, доля безразличия к тем проблемам, которые он поднимает. Доля цинизма и карьеризма присутствует

и на политическом пути Костяева, однако это может быть связано с поисками молодого и малообразованного, но любознательного молодого человека. На вопрос об идеальной партии для себя Михаил назвал еще один объект в своей политической биографии: «Ну, наверное, была бы... чуть-чуть это "Правое дело", вот это интересная была, именно в Калининграде, я имею в виду Калининград». Однако интерес этот продиктован не только холодным расчетом, здесь есть идейная основа: «Нравится именно то, что они предлагают относительно Калининграда, ну, не то, что там полное отсоединение или еще что-то, а я все-таки...»

Как бы то ни было, в сентябре 2011 года, на момент интервью, Костяев был идеологически потерян: «Я уже запутался, откровенно говоря, левый или правый».

4.7. Межпартийные или надпартийные активисты

Если у трех первых фигур — Дорошка, Чесалина и Косухина — есть более-менее четкое политическое мировоззрение, у большинства других лидеров социальных движений или инициатив, не относящихся к костяку той или иной партии, оно довольно размытое. Некоторые вообще не приемлют партийную форму для занятия политикой и вошли в ту или иную партию только для того, чтобы помочь своему соратнику. Кто-то относится к вступлению в партию как к вынужденному этапу для участия в выборах. И те и другие могут свободно переходить из партии в партию (по принципу «где берут», «где лидер нравится», «где возможно продвинуться» или еще по каким-то чисто ситуативным причинам) или, состоявшись в одной партии, помогать активистам из другой, в том числе на выборах (так член «Патриотов...» помог Дорошку на выборах, поскольку тот шел по его округу, а ведь «нужно всем дружить против "Единой России"»). Понятно, что непартийные общественные активисты вообще свободно курсируют от одной партии к другой.

В целом оппозиционная политическая сцена Калининграда отличается большой гибкостью и размытостью: лидеры различных оппозиционных партий легко идут на контакты, по крайней мере, когда речь идет не о чисто «партийных» интересах (таких как выборы, например). Например, встречи по подготовке акции автомобилистов 24 сентября 2011 года шли поочередно то на площадке КПРФ, то на площадке «Патриотов России», то просто на улице (в ходе нового еженедельного пикета по проблемам детских садов). В офисе местной партии «Патриотов...» запросто могут сесть за один стол активисты из КПРФ, «Солидарности», «Справедливости» и даже «Правого дела» — и готовить лозунги к предстоящей акции. Однако межпартийные отношения, возникающие по конкретным поводам, не подкреплены четкими правилами. Поэтому союзы остаются временными, зыбкими и хрупкими. После распада коалиции «Наш Калининград» партии договаривались между собой еще несколько раз, в том числе перед региональными выборами марта 2011 года (чтобы партии — «Патриоты...», КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко» — не выставили конкурентов в тех округах, где выдвигаются общественные активисты). Однако почти все договоренности (опять-таки никак не закрепленные) были в итоге нарушены (в случае с выборами — партией КПРФ: первый секретарь обкома КПРФ Игорь Ревин пошел по округу Дорошка, что не помешало тому опередить всех конкурентов и стать депутатом областной думы).

В общем, в Калининграде особенно ярко проявляется та черта нынешней российской политики, которую мы наблюдали во многих регионах: партийная принадлежность — малозначимый фактор различия между активистами, которые легко сотрудничают то с одной, то с другой партией, лишь бы они помогали или участвовали в совместной акции. А уж идеологическая платформа партий почти полностью игнорируется.

4.8. К вопросу о проекте и мировоззрении

В целом, несмотря на отставку Бооса и на уступки по социальным вопросам, полученные благодаря протестным движениям и выступлениям 2009–2010 годов, большинство активистов, с которыми я беседовала, считает результат массовой мобилизации неудовлетворительным. Они сходятся в том, что со сменой губернатора мало что изменилось. Не до конца решены поднятые тогда проблемы: по здравоохранению, ЖКХ, мелкому бизнесу, пенсии, уплотнительной застройке, визовому режиму и т. д. Экономический упадок региона продолжается, однако волна протеста не повторилась — даже по случаю подъема общественной активности по стране в 2012 году. В качестве главного препятствия активисты называют отсутствие объединяющей цели. По их мнению, основную консолидирующую роль в плане идей в 2010 году сыграло требование отставки Бооса. (Хотя, как мы видели, идейных составляющих консолидирующей динамики было намного больше: это протест против монополизации политики «Единой Россией», и против обнищания народа и антисоциальной политики, и против отношения центра к «анклаву», и против Путина и его вертикали власти.) А сегодня они не видят консенсусной общегородской темы, способной мобилизовать все сегменты активных граждан.

Однако, как мне кажется, вопрос надо ставить шире — и рассуждать об отсутствии общей платформы для консолидированных действий, общей программы. Эта проблема существовала уже тогда, в 2010 году, отчасти из-за нее и распалось объединенное социально-протестное движение. Были выступления *против*, было *отторжение* той системы, той политики, той власти, а позитивной программы не было: что предложить взамен? И еще один важный вопрос: а возможна ли в принципе общая позитивная программа для столь разных — по политической принадлежности, мировоззрению, жизненным путям и ситуациям — активистов и движений?

Ну собрались бы 60 тысяч человек на митинг 20 марта, и что мы бы им предложили? Помахать флагами, покричать, принять очередную резолюцию и разойтись по домам? Это смешно! Или мы бы призвали идти к зданию правительства? Взять власть? И с чем? (*Константин Дорошок*)

Как тогда не было общей программы общественно-политического преобразования, так ее нет и сейчас, причем не только программы общегородского движения. Как показывают нарисованные в этой главе портреты, более или менее четко оформленные мировоззрения (не говоря уж об идеологиях) встречаются редко, даже у одного отдельно взятого активиста, тем более в целой организации. Причина кроется в отсутствии публичных политических дебатов, причем не только в рамках существующих институтов, но и в активистской среде. Люди обсуждают конкретные требования, детали организации конкретного мероприятия, но редко затрагивают идеологические вопросы: а чего мы, в конце концов, хотим? чем заменить существующую систему? как демократизировать властную систему?

Отметим сразу: это проблема далеко не только калининградцев, она встречается повсюду. Мы рассматриваем ее на примере Калининграда потому, что местные общественные активисты массово вошли в политику. Но вот парадокс: они вошли в ту — институциональную, реально существующую — политику, от которой хотят избавиться.

Может быть, альтернативных путей, альтернативных способов заниматься политикой не существует? Кажется, они есть — их практикуют отдельные активисты. Вот, например, низовая политика жилищника Быстрицкого (пройти школу самоуправления через коллективное управление своим домом) и профсоюзника Чесалина (пройти школу солидарности и самоорганизации через объединение в профсоюз). Или мелкие дела и постепенный

переход «от частного к общему» (от своей квартиры к территориальному общественному самоуправлению) инициативной группы Ялтинского парка. Или «человеческая» политика Косухина и «просветительская» деятельность Лавриновича. Можно предположить, что частые переходы из партии в партию и слабое соблюдение дисциплины — своего рода способ встряхнуть существующую партийную систему, создать внутри нее пространство для свободных действий.

Можно ли увидеть в мировоззрениях и политических предпочтениях лидеров и «завзятых» активистов элементы общей программы? Кажется, да, но в слабой степени. Самая распространенная позиция (и, возможно, единственно общая между ними) — отторжение существующей системы. Отмечу, что речь идет именно о *системе* (термин употреблен самими активистами), а не о персоналиях. *Система* не сводится к одному Путину, хотя антипутинское настроение широко распространено, а некоторые активисты (особенно в рядах немцовской «Солидарности») четко ориентированы против него или против того, «кто дергает за ниточки» (Олег Никифоров, движение «ТИГР», политическое объединение «Солидарность»). Но большинство смотрит шире и выступает именно против системы. *Система* — это монополизация власти и экономики «кучкой» непорядочных людей, царство коррупции и бандитов, манипуляция людьми и их унижение.

Однако эта — пусть и общая — позиция едва ли сможет стать стимулом для массовой мобилизации. По крайней мере, вне революционной ситуации. Повторю еще раз (об этом говорят и сами активисты): в обычных условиях люди живут обычной жизнью, а если включаются в активистскую деятельность, то в связи с проблемами, укорененными в их повседневности. Следовательно, без привязки «антисистемной» позиции к социальным вопросам едва ли возможно повторение массовой мобилизации 2010 года. Об этом свидетельствует, между прочим, малочисленность

митингов «За честные выборы» 2012 года. Понятно, что постоянная мобилизация невозможна. Но как раз между мобилизационными подъемами возможна *политика* — политика своя и внесистемная: в виде свободных и широких идеологических (идейных) дискуссий, в виде уже упомянутых альтернативных политических действий (самоуправление домом, объединение в профсоюз, территориальное общественное самоуправление, просвещение) и других, которые предстоит еще изобрести и опробовать.

Но «антисистемная» позиция — еще не программа. Опираясь на сделанные в этой статье политические портреты лидеров и «завзятых» активистов, можно выделить — условно — два фланга: скорее социал-демократический и скорее праволиберальный. То есть если социальные движения станут политически самоопределяться, то, скорее всего, по этим двум флангам. Общая идеологическая линия для всех и вся, пожалуй, невозможна. Вернее, возможна, если не выяснять политические позиции и не ставить вопрос о проекте. (На этом, кстати, во многом строится гражданское движение «За честные выборы».) Но что хорошо для гражданских движений, которые добиваются соблюдения законов и минимального уважения прав граждан, не обязательно хорошо для консолидированных социальных движений, которые добиваются более комплексного решения целого ряда вопросов, не сводящихся к вопросу о власти.

Я думаю, что для более существенных и глубоких общественных изменений необходимо политическое самоопределение социальных движений. В свою очередь, для этого нужны публичные политические дебаты и идеологические дискуссии. И, наверное, надо быть готовыми к тому, что процесс политического самоопределения разведет социальные движения и инициативы, лидеров и рядовых активистов по разным лагерям.

Заключение: городские движения, «Болотное движение» и политика

Городское движение стремится повлиять на общегородскую повестку дня с помощью массового давления снизу и выхода на публичную арену города. И во всех шести случаях, рассмотренных в этой книге, есть — в той или иной степени — признаки городского движения. Это свидетельствует о возможности пространственного и тематического расширения мобилизации. Более того, динамика общегородского общественного подъема, основанная на конвергенции требований и солидарных действий различных инициативных групп, организаций и специализированных социальных движений, открывает пространство для вовлечения в эту динамику все большего числа людей, прежде неактивных; благодаря этой динамике возникают новые лидеры и более общий смысл мобилизации. И хотя наблюдаемые нами общегородские движения рано или поздно распались, люди за это время приобрели ценнейший социальный опыт солидарности, убедились в возможности массовых протестов, осознали уязвимость действующей власти перед солидарными выступлениями. А накопленный опыт коллективных действий, горизонтальных связей, информационного обмена, координации деятельности не исчезает и может быть заново актуализирован.

В каждом городе мы анализировали движения, которые привлекли наибольшее количество рядовых жителей, а также те узкопрофильные социальные движения, инициативные группы, общественные и политические организации, которые ставили себе цели общегородского уровня,

выходящие за рамки групповой или локальной проблемы. И мы показали, что такие движения действительно существуют. Нельзя свести всю низовую общественную активность в современной России к инициативным группам, которые способны защищать исключительно свой интерес и развивать деятельность в ограниченном — территориально, тематически и социально — пространстве.

1. От «мелких дел» и локальных инициатив к городским движениям

Случаи, изученные нами, показывают, что локальная инициативная группа, занимающаяся тематической проблемой, может подключиться к общественной кампании с более общей целью и действовать совместно с другими активистскими группами; она даже может инициировать такую кампанию. Как происходит переход от узкой темы и локального сообщества к широкой теме и взаимодействию активистских сообществ? И что препятствует этому переходу? Далее мы повторим вкратце основные выводы по каждому случаю.

Санкт-Петербург

Самая широкая коалиция последних лет в Санкт-Петербурге была образована по градозащитной теме, в частности для солидарной борьбы против строительства «Охта-центра». В Гражданскую коалицию в защиту Санкт-Петербурга входило около двадцати общественных объединений города: от локальных инициативных групп в защиту отдельных кварталов до политических партий, правозащитных и общеградозащитных организаций типа «Живой город». Пик мобилизации и медийного резонанса был достигнут в 2009–2010 годах и привел к отказу от проекта строительства.

Консолидирующей динамике способствовали: длительная и последовательная кампания (для организации пионеров — более пяти лет); возможность «притереться» друг к другу через опыт совместных действий; а также актуальность защиты исторического наследия — в Санкт-Петербурге эта животрепещущая тема традиционно очень значима.

В то же время установлению и укреплению солидарных связей между различными организациями препятствовали конфликты между их лидерами, слабая договороспособность, низкий уровень доверия, а также различия во взглядах и концепциях.

Ряды сторонников коалиции пополнялись, однако основная ее цель не менялась: остановить «Газпром-сити». Со временем приклеились «побочные» темы, в частности из-за «глухоты» местной власти. Так, лозунг «Матвиенко в отставку!» стал одним из центральных консенсусных требований на последних акциях против «Охта-центра», но губернатора критиковали не вообще (за все плохое), а именно за ее градостроительную политику.

Движение было глубоко укорененным в привычной и знакомой петербуржской среде, что и способствовало его массовой поддержке со стороны населения и в итоге позволило градозащитникам одержать победу. «Сегодня в сознании горожан в той или иной степени укоренился “петербургский миф” — ценностно-мотивационный комплекс идей об исключительном значении историко-культурных памятников Петербурга», — пишет Борис Гладарев. К тому же тема защиты памятников культуры и истории далеко не абстрактна: она осязаема, конкретна, материально очевидна, что создаст благоприятные условия для вовлечения в движение «обывателей». Поэтому вокруг этой темы и стало возможным создание столь широкой коалиции.

Химки

Движение в защиту Химкинского леса приобрело статус символа гражданской борьбы против произвола власти, причем символа федерального значения. Это одновременно и помогло движению набрать силу, и помешало набрать численность, в первую очередь среди местных жителей, поскольку ослабило связь с локальной средой, где, собственно, инициатива и зародилась.

Летом 2010 года, на пике сопротивления вырубкам в Химкинском лесу, сложился самый широкий альянс движений, организаций и групп, причем не столько в защиту леса, сколько против «произвола и коррупции власти». Так или иначе, с движением в защиту Химкинского леса сотрудничали представители местных инициативных групп, борющихся против точечной застройки; инициативные группы в защиту леса в других подмосковных городах; молодые антифашисты и анархисты; левые молодежные движения; прогрессивные интеллектуалы, артисты и музыканты; экологические неправительственные организации; правозащитники, оппозиционные политические объединения и даже часть политического истеблишмента.

Одновременно шло успешное привязывание местной проблемы к общегражданской (что выразилось в символическом лозунге «Мы все живем в Химкинском лесу»).

Основой динамики расширения круга сторонников и целей движения послужили эмоционально заряженные события, вмешательство федеральной власти, популярность и незаурядность лидера, широкое освещение в СМИ.

Однако коалиция довольно быстро распалась: многие «внешние» союзники потеряли интерес к долгосрочной кампании по защите Химкинского леса, а местные жители и инициативные группы стали еще меньше в ней участвовать: они сочли, что битва перешла на слишком высокий (для них) уровень и к тому же проиграна.

Одновременно с распадением коалиции общегражданская тема взяла верх над локальной экологической проблемой. Баланс между «близким» и «дальним», между «малым» делом и «большим» или «гражданским» сохранить не удалось.

Узко понимаемая борьба за лес стала делом небольшого круга активистов, своего рода «партизанской войной». А в своем более широком значении борьба за Химкинский лес вылилась в общегражданское движение конца 2011–2012 годов «За честные выборы».

Сасово

В сасовском случае отмечено особое внимание жителей к экологической проблематике и привязанность людей к «родной земле» — месту, в котором они живут и которое ценят. Его участники склонны причислять себя к «народу», что создает основу для солидарных действий и образования широкой коалиции. При этом коалиция объединяет, скорее, индивидов, а не организации, и состав ее существенно меняется с течением времени. Сасовское движение изначально ставило перед собой конкретную цель — закрытие цеха по производству фенолформальдегидных смол. Достигнув этой цели, активисты начали заниматься другими экологическими проблемами района, но уже при меньшей поддержке со стороны местного населения.

Можно говорить о существовании движения жителей Сасовского района, которое мы рассматриваем как городское: активистам удалось создать широкую сеть жителей, неравнодушных к проблеме экологии. Кроме того, движение вышло далеко за пределы района: ему удалось найти сторонников как в областном центре, так и в Москве и других городах России.

Сасовские активисты изначально не ставили никаких ограничений для участия в коалиции и пытались привлечь в свои ряды всех — невзирая на должность (вплоть

до чиновников) или партийную принадлежность (включая представителей «Единой России»). Некоторые люди быстро отсеялись, но им на смену пришли другие. Такой подход обеспечивает жизнеспособность коалиции уже на протяжении семи лет.

Еще одна особенность сасовского случая: взаимодействие активистов и населения часто происходит «лицом к лицу», используются социальные связи, которые на селе развиты лучше, чем в городе. И это оказывается очень эффективным в ситуации низкого уровня доверия, характерного для современного российского общества. Это задает и ценностную нагрузку общественной деятельности активистов, которые действуют плечом к плечу с обывателями, находятся с ними в постоянном общении. Несмотря на годы участия в движении, активисты по-прежнему укоренены в своей среде, ведут тот же образ жизни, знают и разделяют беды и чаяния основной массы населения. Это позволяет им сохранить доверие людей.

Экологическая идея имеет важную гуманистическую составляющую: вместе с людьми, ради людей, во имя будущих поколений. Отсюда и живой, образный и аполитичный язык участников движения, отказ от формального юридического и гражданского словаря. Сасовские активисты сознательно отказываются от дальнейшего расширения тематики своей деятельности, полагая, что для этого у них недостаточно ресурсов.

Рубцовск

В этом случае консолидация социальных инициатив и конвергенция требований произошли летом 2011 года вокруг темы ЖКХ. В акции протеста (против развала ЖКХ и гнета управляющих компаний) участвовали как домкомы, так и инициативные группы из работников отрасли. Участвовали люди, которые годом ранее отчаянно

боролись за выплату долгов по зарплате, в том числе че рез коллективную голодовку. Участвовали просто неравнодушные жители, не замеченные ни в одной инициативной группе. Такое широкое объединение стало возможным по нескольким причинам: это очень чувствительная тема для большинства горожан (увеличение платежей более чем в два раза, при том что большинство жителей и так едва сводят концы с концами); наличие лидера — инициатора кампании протеста; а также общее психологическое состояние и, возможно, общая социальная идентификация. Жителям Рубцовска больше, чем жителям других городов, свойственно чувство социальной несправедливости; чаще других они употребляют слово «рабочие» (к рабочим себя причисляют все более-менее активные люди). К этому надо добавить четко выраженную привязанность к «родному городу» и — отсюда — желание хоть что-то делать, чтобы спасти его от окончательного упадка. Поэтому объединенные протестные действия возможны по социально значимым для людей темам.

Другое дело, что они не перерастают в более-менее устойчивое и массовое общегородское движение. Консолидация сил происходит вокруг конкретной темы и по конкретному поводу, например для проведения общегородского митинга протеста. Среди слабостей рубцовского движения — отсутствие самостоятельных и влиятельных низовых общественных и профсоюзных организаций. Следует учесть и то, что люди сильно подавлены, вынуждены тратить уйму сил и времени на простое выживание.

Астрахань

В Астрахани мы не обнаружили специфичной для города мобилизующей темы — люди самоорганизуются для защиты своих прав по самым разным направлениям. Но в основе общественной деятельности всех групп лежат

исключительно социальные проблемы (жилищные, трудовые, пенсионные и проч.).

Между низовыми инициативами есть общее: они встречают жесткий отпор со стороны местной власти (а социальные проблемы во многом являются следствием политики или действий мэрии). И еще: все более или менее тесно сотрудничают с лидером местной оппозиции Олегом Шеиным.

Однако ни общая социальная природа проблем, ни общий противник, ни даже общий союзник не создают достаточных условий для соединения всех инициатив в единое массовое движение. Потому что существует ряд весомых препятствий, среди которых выделим четыре.

Во-первых, каждая инициатива и каждое движение сосредоточены в первую очередь на решении своей прагматической задачи. И этот прагматизм понятен: проблемы, которые люди пытаются коллективно решать, относятся к жизненно важным, а в попытках коллективно отстоять необходимое (дом, рабочее место, бесплатный транспорт и т. д.) люди встречают жесткое противостояние мэрской команды. В общем, им приходится вести борьбу за выживание.

Во-вторых, участники движений по большей части — люди малообеспеченные, загнанные в угол как дефицитом в средствах и жизненном пространстве, так и прессингом и коррупцией со стороны властей. Они время от времени поднимают голову, но в своей личной и общественной жизни сталкиваются с такими трудностями, что на «более общие» проблемы не остается ни сил, ни энергии.

В-третьих, даже действующие организации, на которые могло бы опереться движение, мало занимаются активизацией и консолидацией своих членов или сторонников, т. е. социальной мобилизацией.

В-четвертых, каждому отдельному движению не хватает лидеров активистского профиля (нацеленных на активизацию людей).

В отсутствие координационных структур и общей платформы солидарные действия (между движениями, занимающимися разными темами) происходят редко, но в исключительных случаях возникает общая консолидирующая динамика. Это случилось дважды: зимой 2009 года и весной 2012-го. Оба раза — вследствие массовых фальсификаций на выборах мэра города, которые привели к победе кандидата от партии власти (вместо кандидата от социальных движений и оппозиции).

Но это не значит, что в основе консолидации лежит лишь политический мотив. Поскольку почти все участники того или иного движения страдают от деяний мэрии, они единодушны в желании освободиться от правящей мэрской команды. Это желание перерастает в активные действия, когда вопиющий произвол местной власти вызывает сильное общее возмущение.

Калининград

В Калининграде пик социальной мобилизации пришелся на конец 2009 года и первую половину 2010-го. Он обусловлен целым рядом факторов, создавших мобилизационную и консолидирующую динамику.

— Рост недовольства населения, вызванного обострением социальных и материальных проблем вследствие экономического кризиса и политики региональных властей.

— Развитие широкой сети социальных движений и инициатив, которые проводили все более масштабные кампании по разным социально значимым темам — сначала параллельно, затем с установлением перекрестных связей и общими местами встречи и, наконец, консолидированно.

— Культурные сдвиги («антиобывательские»), наступившие вследствие развертывания общественной деятельности по многим фронтам (диффузия активистской позиции и наращивание влияния активистских движений на общество).

— Самовоспроизводящаяся динамика роста, когда к каждому протестному мероприятию ожидается все больше участников.

— Роль лидеров, которые выступали мостиками между различными специфичными инициативами, соединяли различные требования и пытались помочь людям выйти за пределы их узких вопросов на уровень проблем более общих для области.

— Поддержка всех оппозиционных партий без партийного позиционирования протестов.

— Достаточно широкое информационное освещение.

— Раскол местных элит.

Знакомство между лидерами, опыт совместных действий с партнерами, наличие открытых уличных площадок для встреч, утверждение популярного и политически не ангажированного лидера общегородского движения (Константина Дорошка) — это, так сказать, ингредиенты коктейля. Сплотили же людей две составляющие массового митинга 30 января 2010 года: сильный эмоциональный заряд и общая платформа. Общая идейная основа консолидированных действий не сводилась к сумме всех специфичных требований. Они были обобщены в нескольких ключевых позициях: против политической монополии «Единой России», за социальную справедливость, за гражданские права, против губернатора Бооса, пренебрегающего интересами калининградцев, и против Путина и его вертикали власти.

Как известно, массовой мобилизацией калининградцы добились отставки Бооса и частично — удовлетворения некоторых социальных требований. Однако многие участники движения того времени, проинтервьюированные два года спустя, разочарованы результатами. А после «несостоявшегося» митинга 20 марта 2010 года мобилизационная динамика пошла на спад, что не позволило отстаивать общие позиции до победного конца.

В этом отношении калининградский случай показателен: он позволяет анализировать механизмы и факторы распада консолидированного городского движения. Первая причина — раскол коалиции социальных движений, причем как вследствие целенаправленных действий властей, так и вследствие слабости связей внутри коалиции, у участников которой не было ни четких правил взаимодействия, ни взаимных обязательств. Вторая причина — отсутствие ясно сформулированной, разработанной и принятой общей программы или цели. Третья причина — разнонаправленное приложение сил: одни предпочли «конструктивную оппозицию» и стали участвовать в консультативных советах при губернаторе ради воплощения в жизнь конкретных требований; другие составили «непримиримую оппозицию» и проводили одну за другой протестные акции со все более политизированными лозунгами. А без согласованных действий уличное давление не могло способствовать укреплению позиции «переговорщиков». Четвертая причина: опытные активисты или уже существующие организации уделили недостаточное внимание самоорганизации рядовых протестантов, большая часть которых после распада городского движения «ушла в никуда».

В результате социальные движения ослабели, а городское массовое протестное движение не возродилось даже по случаю общего подъема гражданской активности в стране после парламентских выборов декабря 2011 года. Тем не менее кое-какие последствия мобилизации 2010 года можно считать благоприятными предпосылками к формированию очередного городского движения. Среди них — обилие самостоятельных, инициативных, решительных лидеров и «заядлых» активистов. Некоторое положительное значение имеет сохранившаяся возможность для формирования временных неформальных и межличностных коалиций под конкретные акции или цели. Произошли и некоторые сдвиги в политическом сознании людей: на следующих

после массовой мобилизации выборах «Единая Россия» получила в Калининграде самые плохие результаты по стране, а на думских выборах декабря 2011 года вообще потерпела поражение.

Любопытное последствие массового протеста в Калининграде — вхождение лидеров и «завзятых» активистов в институциональную политику — не подлежит однозначной интерпретации. С одной стороны, это может дать дополнительные ресурсы и идеологическую подпитку для развития социальных движений (тем более что все ставшие политиками общественники, из тех, с кем мы беседовали, рассматривают политику как логическое продолжение своей общественной деятельности). С другой стороны, это может превратить некоторых лидеров в заложников существующей властной системы, что затормозит их деятельность на стороне социальных движений (хотя некоторой страховкой здесь служит то, что «система» их резко отторгает).

2. Общие предпосылки к массовой мобилизации

Рассмотренные случаи показали: основные причины мобилизации непосредственно связаны с общим социально-экономическим лицом города. То есть успех городского движения зависит от его укорененности в локальной среде. Рубцовск — промышленный город, где преобладают малообеспеченные жители, нынешние или бывшие рабочие местных предприятий. В Сасовском районе живут в основном сельчане, которые ценят природу и «родную землю». Химки — зеленый пригород Москвы, привлекателен удаленностью от суеты и загазованности столицы. Санкт-Петербург — флагман русской архитектуры, культурная столица, его жители нуждаются в удовлетворении своих интеллектуальных и культурных запросов.

Калининград — пограничная территория, где многие живут за счет «заграничного» бизнеса и имеют представление о том, как все устроено «там». Астрахань — бывший купеческий город с бедным населением, первоочередная задача которого — выжить.

Разумеется, наличие проблем — еще не достаточное условие для мобилизации общегородского масштаба. В каждом городе мы также отметили другие предпосылки общегородской мобилизации и широкой солидарности:

— наличие лидеров-инициаторов («заводил») общегородского масштаба, которые могут вдохновить потенциальных участников движения;

— наличие хотя бы какой-то сети низовых и локальных социальных инициатив, которые обеспечивают почву для мобилизации;

— целенаправленная работа лидеров низовых инициатив по информированию и агитации местного населения, а также по созданию у них чувства причастности к потенциальной объединяющей проблеме;

— наличие организации, пусть даже слабо структурированной или слабо мобилизующей, которая бы придавала устойчивость эмоциональным порывам активистов и поддерживала солидаризацию и сплачивание коллектива;

— продолжительная и последовательная кампания с общей целью.

И, наконец, в каждом случае решающее значение (с точки зрения формирования городской коалиции и солидарных действий) имеют эмоционально заряженные события городского значения. Это могут быть коллективные голодовки и массовые митинги; резкое и неоправданное повышение тарифов на ЖКУ; смерть или болезнь соседей из-за плохой экологической ситуации в районе; вопиющие факты произвола и даже преступления местных властей, их долгое и наглое молчание в ответ на коллективные действия населения и т.д.

3. Почему массовые городские движения распадаются, и что происходит после затухания протеста?

Приведенные выше факторы делают общегородскую мобилизацию возможной, однако практически повсюду мобилизующая и консолидирующая динамика встретила большие препятствия — как внешние, так и внутренние. Внешние препятствия более очевидны: они исходят от власти (иногда от бизнеса) и проявляются в попытках либо подавить протест, либо разъединить участников. Причем самый эффективный способ ослабить движение — не прямые репрессии, а внесение раскола в ряды его участников.

Среди внутренних слабостей городских движений мы выделяем следующие:

— Острая нехватка организационной работы — как для внутренней структуризации социального движения или общественной организации (чтобы возникло чувство принадлежности к активистскому сообществу), так и для устойчивого взаимодействия с другими организациями или движениями в рамках коалиции. Коалиции необходимы организационные правила, внутреннее распределение ответственности, полномочий, функций. Необходима хотя бы минимальная формализация, не убивающая творческую инициативу и самодеятельность, но позволяющая коалиции существовать в качестве относительно устойчивой структуры, воспроизводиться независимо от особенностей личности и обстоятельств жизни отдельных участников.

— Отрыв расширяющейся коалиции от локальных инициативных групп и специфичных требований при переходе к более общим целям и смыслам. Это ослабляет все движение, поскольку главная его сила — именно в локальных или узкопрофильных ячейках — там, где действует большинство «простых» людей. Следует развивать эти ячейки, не вырываясь в мир большой — абстрактной и циничной — политики.

К сожалению, неопытные низовые лидеры, в силу своего энтузиазма, а иногда и наивности, могут попасть в лапы политиков, соблазниться радикальными, но бессодержательными призывами — в общем, потерять контакт с породившей их средой активизировавшихся обывателей. А также потерять возможность мобилизовать новых людей, поскольку укорененность в привычной (близкой, родной, «своей») среде — необходимое условие для первичной активизации большинства, особенно в таком обществе, как российское[1].

— Отсутствие глобальной идеи, социального проекта, способного обеспечить городским движениям устойчивость, сплоченность и целостность. Необходимо хотя бы пытаться сформулировать содержательные, систематизированные требования, сформулировать конструктивную альтернативу сложившейся политике в городе или регионе, сформулировать, в конце концов, политическую платформу. Ставить политические вопросы — это совсем не значит увязнуть в грязи и расколоть движение на разные лагеря. Наоборот, это

[1] На это обращает внимание Ольга Ковенева, сравнивая две инициативные группы (одна во Франции, другая в России). Французская группа характеризуется «отрывом от близкого во имя общего», российская — «вхождением в публичность без отказа от привычного пространства». См.: *Ковенева О.* Тернистый путь защитника природы: Экологическое действие в России и во Франции//Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). К такому выводу пришел и другой исследователь российских городских движений. Миляуша Закирова пишет: «Городское общественное движение развивается из локальных образований. В ходе протеста локальные движения пополняются новыми участниками, находят множество союзников, таким образом происходит расширение движения. В то же время, развиваясь, движения переживают процесс переосмысления собственных целей и аргументации действий» (*Закирова М.* Образы города в мобилизации городского общественного движения (на примере Санкт-Петербурга)//Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения/Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 182.

значит определить ограничения (с кем нельзя сотрудничать принципиально) и идейные ориентиры общей деятельности (за что мы боремся, в каком обществе в конечном итоге хотим жить).

Перечисленные слабости, присущие городским движениям, объясняют их неустойчивость и краткосрочность. Из-за них движения достаточно легко расколоть, погасить фальшивыми обещаниями или иллюзорными надеждами, «приручить» частичным и поверхностным решением поднятых вопросов. Повторяем: дело не в том, что люди должны быть в постоянной мобилизации, да это и невозможно. Постоянно действующими должны быть более или менее стабильные механизмы гражданского контроля и участия. Причем инициатива создания этих механизмов должна исходить снизу — формальные демократические институты сами по себе недостаточны. И для этого требуются мобилизационные каналы, какими как раз и являются все формы объединения людей, созданные ими для защиты своих прав (на пике протеста) и сохранившиеся после его спада. Важно, чтобы они обеспечили устойчивость общественной деятельности между периодами социального обострения. А устойчивость зависит главным образом от степени организованности объединений и от степени вовлеченности в них людей. Организованность предполагает прозрачные, ясные и обязательные для всех правила взаимодействия внутри объединения, особенно касающиеся механизмов принятия решений. Вовлеченности способствуют: непосредственное участие человека в деятельности объединения (т. е. он должен обладать полномочиями и понимать сферу своей ответственности); близость поднятых проблем или общность активизировавшихся людей (близость в пространстве, сходство интересов или эмоций); чувство принадлежности к объединению (обусловленное коллективной идентичностью и внутренней атмосферой); привлекательность цели, программы и идейных предложений объединения.

Живучесть мобилизационных каналов (между периодами массового протеста) обеспечивается низовыми социальными инициативами, т. е. самоорганизующимися сообществами по решению конкретных и близких проблем, поскольку «мелкие дела» предполагают самое массовое «вхождение» в общественную деятельность. А залог последовательного восхождения к общей цели — комплексная программа социальных преобразований с широкой социальной поддержкой. Поэтому важно еще в период относительного «социального покоя» обращаться к обществу, а не только к власти, чтобы создать свою потенциальную публику и развить в ней чувствительность к поднятым движением темам.

Таким образом, в отсутствие массовой кампании протеста для обеспечения постоянных каналов мобилизации нужны три составляющие: почва в виде множества инициативных групп, опора в виде организации и горизонт в виде проекта. И как показали наши полевые исследования, три эти составляющие далеки от совершенства.

4. *Социальное, гражданское* и *политическое*: социальные движения радикальнее «Болотного»?[2]

Можно обобщить наши выводы. Городские движения, описанные в этой книге, свидетельствуют: расширение

[2] «Болотное движение» — условное название для гражданской мобилизации «За честные выборы», последовавшей за парламентскими выборами декабря 2011 года. Напомним, на Болотной площади в Москве проходили многочисленные акции протеста против фальсификаций на выборах, начиная с первого шествия-митинга 10 декабря 2011 года. Особенно стоит упомянуть беспорядки на «Марше миллионов» 6 мая 2012-го и последовавшие задержания. В 2013 году движение продолжается, 12 июня прошел «Марш против палачей» в защиту «болотных узников».

территориального и тематического охвата борьбы с трудом, но все-таки происходит. Однако это расширение несет в себе разные смыслы и значения, особенно с точки зрения социальных изменений. В тексте, описывая какое-либо движение, мы часто употребляем в качестве синонимов прилагательные *социальное*, *гражданское* и *политическое*. Однако к концу работы над книгой стало понятно, что это качественно различные типы движений. Понятно, что в рамках одного движения могут смешиваться *социальное* и *гражданское*, однако есть движения с преобладанием социального свойства, а есть — с преимущественно гражданским характером. Бывают и другие типы движений, в частности преимущественно политические. А как нам кажется, именно от смыслового содержания того или иного движения зависит потенциал его воздействия на общество. Будет ли движение поверхностно корректировать тот или иной недостаток общественно-политической системы, или оно несет в себе возможность глубинных социальных изменений, способность к разрыву традиционных отношений господства—подчинения?

Мы не можем закончить книгу, не задавшись вопросом о потенциале трансформации, содержащемся в том или ином типе движений. Для этого необходимо сначала более четко различить в них *социальное*, *гражданское* и *политическое*. Затем мы рассмотрим наши городские движения в свете так называемого «Болотного» движения. Ведь именно эта мобилизация «За честные выборы», последовавшая за декабрьскими парламентскими выборами, считается фантастическим прорывом в гражданской активности, какого не было со времен перестройки. (Особенно уверены в этом не искушенные в теме комментаторы, игнорирующие все социальные волнения, происходящие за пределами столицы.) А закончим мы рассуждением о месте и значении политики в этих движениях.

4.1. Различия в понятиях

Чтобы обострить различия между *социальным*, *гражданским* и *политическим* в движениях и, соответственно, порассуждать об отношениях между ними, дадим более развернутые определения каждому из этих понятий.

— *Социальное* движение или социально ориентированное движение: сеть инициативных групп[3], политических и общественных организаций, а также отдельных индивидов, объединенных стремлением решить общую социальную задачу. В случае расширения (территориального, тематического и социального) пространства действий и солидарности *социальное* движение переходит от *общего* к *общественному* делу[4] и уже отстаивает свое видение общего блага. Общим благом могут выступать, например, экологическая идея, социальная справедливость и т. д. Деятельность *социального* движения производит дифференциацию (деление) в социальном мире: на тех, кто разделяет общие интересы, взгляды и ценности, отстаиваемые движением, и на тех, у кого противоположные интересы, взгляды и ценности. То есть *социальное* движение конструирует и мобилизует социальную группу («мы»), не привязанную к определенной территории или практической проблеме, но достаточно четко разграниченную (vs. «они»).

— *Политическое* движение: люди или организации, объединенные общим мировоззрением (идеологией) и стремящиеся изменить социальный порядок, отношения господства—подчинения, в том числе через влияние на власть или

---

[3] Инициативная группа: сообщество людей, которые объединены стремлением решить локальную практическую проблему, затрагивающую их лично; к мобилизации их подталкивает чувство возмущения.

[4] Анализ *общественного* в социальных движениях мы провели на примере Союза жителей в Астрахани (см. с. 345—363 настоящего сборника).

взятие власти — во имя широкой социальной категории, которую они берутся представлять.

— *Гражданское* движение: люди или организации, объединенные стремлением поставить органы власти под контроль граждан, изменить схему взаимодействия между ними; они движимы идеями верховенства права и легализма. Главная фигура гражданского движения — абстрактный (с точки зрения социальных характеристик) гражданин.

Гражданское движение более удалено от *политического*, чем *социальное* (которое может перерасти в политическое), поскольку оно: 1) исходит из того, что существующие правила и законы хороши в целом, но не соблюдаются; 2) стремится не к смене властных отношений, а лишь к смене персон на ключевых постах во властных структурах; 3) не представляет отдельные социальные группы. Неполитический характер гражданского движения не исключает его радикализма. Радикализация, т.е. выбор «власти» как главного оппонента или врага, происходит из-за того, что власть не поддается контролю, не признает в гражданах граждан, не позволяет им реализовать номинально существующие гражданские права.

Инициативные группы, *социальные* движения и *политические* движения формируют континуум — это различные уровни обобщения цели и расширения социальной базы. Но переход с одного уровня на другой не автоматический. Наши случаи показывают, как — и с какими трудностями и ограничениями — происходит переход от низовых инициативных групп к *социальным* движениям. В числе отобранных нами кейсов не оказалось движения, которое бы трансформировалось в *политическое* в сколько-нибудь значительной степени; нашлись лишь зачаточные элементы *политического*.

Что касается *гражданских* движений или движений с преобладающим *гражданским* характером, они

развиваются вне этого континуума: в эти движения превращаются инициативные группы или *социальные* движения, которые отошли от своей изначальной задачи и референтной группы (социальной базы). Причем чаще всего их уводит в сторону сама власть, отвечая на их деятельность молчанием, манипуляциями или репрессиями. В итоге инициативные группы и движения сосредотачиваются на гражданских требованиях: соблюдение законов и признание равенства всех перед законом. В случае радикализации они сосредотачиваются на борьбе с «властью», понимаемой активистами как монолит, внешний и даже враждебный по отношению к гражданам. В итоге социальная борьба ослабевает и перекрывается путь к переходу *социального* движения на политический уровень. Перерастание *социального* движения в *политическое* возможно, лишь когда гражданские требования остаются средством и не становятся самоцелью.

4.2. *Социальные* движения

Во всех изученных нами случаях преобладает *социальный* тип движения. Поэтому нет необходимости здесь его подробно анализировать. Подчеркнем лишь, что, участвуя в городских движениях или коалициях и получив опыт солидарных действий, описанные социальные движения вышли на достаточно высокий уровень обобщений. Цели, которые они ставят перед собой, все ближе подходят к общему благу (жилищное самоуправление, право на достойную зарплату и на труд, защита свободного предпринимательства, доступное и качественное здравоохранение, право на благоприятную окружающую среду). При этом в большинстве случаев сохраняется привязка к «мелким делам», локальным инициативам и обычным повседневным заботам недавно активизировавшихся людей, что является залогом прочности и живучести движений.

Их слабость, с другой стороны, состоит в малоразвитости практик конструирования и мобилизации широких социальных групп. Они страдают от дефицита деятельности по привлечению людей, по вовлечению их в активистское сообщество, по приобщению большого круга участников к общественному делу, по формированию сплоченного сообщества самостоятельных и сознательных активистов и по активизации рядовых членов. Пожалуй, самое слабое звено — работа, направленная вовнутрь, на формирование активистского коллектива и расширение собственной базы активистов. Кроме того, в наших случаях социальные движения имеют склонность обращаться больше к власти, чем к общественности. Иными словами, страдают от слабости в них *общественного*.

4.3. *Социальные* движения и *гражданские* движения

Как показывают наши случаи, формирование городских движений (т.е. «скрепление» городской коалиции различных социальных движений, инициативных групп и организаций) часто сопровождается перемещением акцента с социальных проблем на гражданские. Почти во всех наших городских движениях люди стремятся к утверждению своей гражданственности, т.е. к реализации своего права влиять на политику, определяющую общественные условия их жизни. Общий знаменатель городских движений: чтобы власть услышала и учла голос граждан, чтобы власть имущие не забыли, что при демократии власть принадлежит народу — хотя бы отчасти.

Это общее гражданское стремление — заставить власть с собой считаться — отдаляет городские движения от социальной борьбы. Главным становится не столько решение конкретной проблемы или удовлетворение конкретных требований, не столько отстаивание интересов участников движения, сколько изменение отношения власти к себе.

Конвергенции требований в гражданские способствует сама власть, причем на всех уровнях социальной мобилизации. Низовые инициативные группы с самого начала сталкиваются с тем, что власть не желает вести с ними диалог. Нарушение демократических процедур (фиктивные публичные слушания, фальсификация разрешающих документов, фабрикация судебных решений) провоцирует смещение акцента — от недовольства социальной проблемой к недовольству «властью» в целом, главным образом из-за бездействия властных органов. Поэтому общественные деятели, поднимающие социальные вопросы, чем дальше, тем больше становятся разгневанными гражданами, требующими как минимум признания и уважения.

Это стремление к утверждению своей гражданственности подталкивает людей к участию в городских движениях. Во-первых, консолидировать низовые инициативы, социальные движения и организации гораздо легче, если во главе угла стоят не специфичные социальные вопросы, а общегражданские требования. Во-вторых, власть на городском уровне (городские органы власти) относительно доступна и близка, пространство города позволяет физически собраться большому количеству «разгневанных» и продемонстрировать массовое гражданское возмущение. В-третьих, большинство участников низовых инициатив и социальных движений, изученных нами, озабочены в первую очередь (конечно, после их ближайшего жизненного пространства) именно положением дел в городе. В-четвертых, участники городских движений, консолидируя усилия, пытаются влиять на принятие решений, что является условием решения конкретных социальных проблем.

Участвуя в городских движениях, жители или члены инициативных групп и социальных движений становятся «гражданами своего города», поскольку пытаются вернуть себе частицу власти, которой их лишили. Отсюда популярность лозунга «Вернем себе город!».

Здесь следует понимать: становясь гражданами города, участники движения говорят от имени всех горожан, лишенных власти или влияния на власть. И сами они становятся абстрактными людьми, которые не имеют специфичных интересов и тем более не придерживаются отдельных взглядов, не имеют отдельных мировоззрений, потенциально способных расколоть общегражданское движение.

Именно поэтому в *гражданских* движениях наблюдается дефицит *социального* — ведь социальная борьба подразумевает специфичные коллективные интересы (и совсем не обязательно интересы всех горожан), а также дифференциацию взглядов и разделение на лагеря. Другими словами, социальная борьба — это не борьба «всех против власти», а борьба экологически чувствительных жителей со сторонниками развития промышленности без оглядки на экологию; борьба сторонников и противников жилищного самоуправления; борьба части работников за повышение зарплаты против тех, кто считает возможным экономить на рабочей силе, и т. п. Как бы старомодно это ни звучало, критика Марксом фигуры «гражданина» была небеспочвенной. Гражданин и в самом деле образуется, когда человек абстрагируется от своего конкретного социального положения, места жительства, места работы, места в социальных отношениях.

С этой точки зрения изученные городские движения можно рассмотреть как прообразы волны массовой гражданской мобилизации после парламентских выборов зимы 2011 года. Не все участники напрямую говорят о своем стремлении к гражданственности, некоторые (особенно в случае Сасовского движения) даже избегают пользоваться гражданским словарем, но дела говорят сами за себя: люди борются за то, чтобы с ними считалась власть. В Астрахани они массово вышли сказать: «мы здесь власть», а не «быдло». В Рубцовске они хотят «уважения к рабочему человеку», к малообеспеченным. В Санкт-Петербурге упорное нежелание власти идти навстречу горожанам привело к тому, что к осени 2009 года

конфликт объединил «всех, кого волнует судьба города», против «бизнес-административного тандема, образованного Матвиенко и Миллером». В Калининграде характерен в этом отношении популярный лозунг «Власть для народа, а не народ для власти». В Химках гражданская цель оформлена наиболее четко: по словам лидеров движения в защиту Химкинского леса, их деятельность направлена на «пробуждение в людях гражданственности». И вообще к концу 2011 года они уже переключились на общегражданскую борьбу, а знамя «Химкинский лес» постепенно заменилось на знамя «Честные выборы».

Спрашивается: какое значение имеет то, что городские движения скорее *гражданские*, нежели *социальные*? Может быть, это чисто абстрактные умозаключения «ученых зануд»? Ведь главное — достигаются ли те цели, к которым стремятся люди, и какой тип мобилизации наиболее эффективен.

Рассмотрим подробнее вопрос о результативности. За что люди боролись и чего добились? Если боролись за то, чтобы с ними считалась власть, то, как они сами часто признаются, результаты несущественные, т. к. замена одного губернатора другим не может коренным образом изменить отношения власти и общества (а многие в интервью поднимали вопрос именно о системном отношении). Глубокие преобразования в этой сфере требуют более-менее постоянной общественной деятельности и мобилизационной способности со стороны общества. А как это возможно? Только при функционировании более или менее устойчивых каналов мобилизации и контроля, а не с помощью разовых протестов безличной массы индивидов, возмущенных тем или иным деянием власти. И каналы мобилизации — это и есть социальные движения или инициативы, которые объединяют людей по интересам и конкретным социальным запросам.

Именно слабость каналов мобилизации не позволяет городским движениям добиваться коренных изменений

в отношениях властных структур и народа, а не только перестановок фигур во власти или косметических законодательных реформ.

Фактически мобилизационные каналы — это как раз низовые инициативы и социальные движения, которые мы анализировали. То есть потенциальные организационные возможности для мобилизации уже есть, они существуют в той или иной степени по всей стране. Слабые места — малоразвитость их *общественного* характера (т. е. недостаточно активная деятельность по сплочению рядовых членов и их активизации, по привлечению новых членов) и расплывчатый характер общей цели (за пределами разовой задачи). Иными словами, не хватает неких «социальных партий»[5], которые разделят общество на группы интересов с различными мировоззрениями. Речь не обязательно идет о классовой борьбе, но о мобилизационной готовности различных групп в обществе, объединенных в *социальные* движения или по меньшей мере признающих деятельность того или иного движения соответствующей их интересам и взглядам. Это может быть движение пенсионеров или самоуправляющихся жителей, рабочее движение или экологическое, движение мелких предпринимателей или градозащитников и т.д. Эти *социальные* движения не объединяют людей строго по их социальному положению, у них есть и ценностная составляющая, но все они производят деление в обществе, и отсюда — потенциальные социальные конфликты. А *гражданские* движения, наоборот, отрицают всякий социальный конфликт (по принципу «мы все вместе против власти»). Вот почему *социальное* движение, трансформированное в преимущественно *гражданское*, в нем же и растворяется.

[5] Имеются в виду подобия политических партий, ориентированные меньше на власть, а больше на общество.

4.4. Социальные движения и движение «За честные выборы»

Растворение *социальных* инициатив и движений в *гражданском* движении стало особенно очевидным на волне массовой мобилизации «За честные выборы», последовавшей за парламентскими выборами декабря 2011 года. Активисты изученных нами социальных движений частично в ней участвовали и участвуют (кроме Сасова, где не было никакой мобилизации «За честные выборы»), но в индивидуальном качестве, не афишируя ни свою принадлежность к социальному движению, ни свои социальные требования.

Исключение здесь составляет движение в защиту Химкинского леса, которое выходит на московские гражданские акции под своим знаменем и даже представлено в московском оргкомитете «Болотного движения» и в Координационном совете оппозиции своим лидером Евгенией Чириковой. Но, как мы уже отметили, оно само по себе уже стало в большей степени *гражданским* движением.

В трех случаях — в Петербурге, Калининграде, Рубцовске — участники социальных движений участвуют в движении «За честные выборы» весьма умеренно. По крайней мере, лидеры нынешней волны гражданского протеста — не те, кто возглавлял городские движения, которым посвящена эта книга. Сами социальные движения не играют большой роли в мобилизации и организации митингов «За честные выборы» и почти не влияют на их повестку дня и программные заявления.

Сасово нынешняя волна гражданского протеста обошла стороной; активисты, как следует из интервью января 2012 года, не считают, что мобилизация «За честные выборы» имеет отношение к их борьбе. Между прочим, это показывает отрыв движения «За честные выборы» от тех активистов, которые не включены в виртуальные социальные сети, географически удалены от столицы

и крупных городов и скептически относятся к гражданским темам, составляющим основу языка лидеров и участников «Болотного движения».

Очевидно, что основные требования гражданского движения 2012–2013 годов соответствуют стремлению социальных движений быть услышанными властью. Так почему же они не мобилизуются с большей активностью, когда возникает движение (к тому же массовое), которое ставит во главу угла именно утверждение зависимости власти от граждан, что является своего рода массовой демонстрацией гражданственности? Поскольку наши полевые исследования не охватили эту проблему и в большинстве случаев завершились раньше декабря 2011 года, мы ограничимся здесь предположениями. Они основаны на интервью с отдельными активистами.

Во-первых, основное место мобилизации — Москва (в меньшей степени Санкт-Петербург), а другие города скорее ориентируются на Москву, чем пытаются сформировать свою собственную повестку дня и алгоритм действий.

Во-вторых, ключевые решения при организации массовых акций «Болотного движения» принимают в основном политические лидеры так называемой «несистемной оппозиции». Они не оставляют места представителям социальных движений (за исключением уже упомянутой Чириковой, которая к этому моменту стала частью той же «несистемной оппозиции») ни физически (в оргкомитете или Координационном совете оппозиции), ни идейно (в их политическом словаре социальные требования отсутствуют).

В-третьих, мобилизация (по крайней мере, в начале движения «За честные выборы») началась стихийно, и здесь никакая организация или лидер не могут претендовать на главную роль. Люди вышли в индивидуальном порядке или с друзьями, знакомыми, возмущенные вопиющими фальсификациями, сообщения о которых распространились в Интернете и передавались из уст в уста. Затем вышли

на авансцену новые — чисто гражданские — организации типа «Белая лента» или «Лига избирателей», а в числе основных лидеров, олицетворяющих движение, утвердились либо известные политики «несистемной оппозиции», либо известные культурные деятели (в меньшей степени — новые гражданские лидеры). «Старые» и малоизвестные лидеры социальных движений, тем более из регионов, оказались не востребованы.

В-четвертых, среди явных запросов участников движения «За честные выборы» есть запрос на единство (условно говоря, «все против власти», невзирая на идеологические, политические, социальные и прочие различия). А социальные движения все же вносят различия, ставя социальные вопросы и представляя разные социальные группы.

Наконец, в-пятых, для активистов социальных движений «честная власть» и «честные выборы» — не самоцель. Цели у них все же лежат в плоскости социальных проблем, а политические изменения служат лишь инструментами для реализации определенных социальных интересов[6].

Подчеркнем: в «Болотном движении» социальные вопросы никак не привязаны к *гражданскому* протесту, который существует как бы сам по себе. Об этом подробно пишет один из участников Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов) Александр Бикбов[7]. По его утверждению, как на пропутинские митинги, так и на митинги оппозиции приходят люди с большим разбросом мнений относительно социальной справедливости. «В декабре—феврале в России появилась массовая, во многом

[6] Подробнее об этом см.: Ни власть, ни оппозиция не считают социальные движения равным и достойным участником политического процесса. (Интервью с Андреем Демидовым) // Эксперт. 05.03.2012. № 9 (792): http://expert.ru/expert/2012/09/uzkij-krug.

[7] *Бикбов А.* НИИ митингов: войны «Болотной» и «Поклонной» не будет // Slon.ru, 28.02.2012: http://slon.ru/russia/nii_mitingov_voyny_bolotnoy_i_poklonnoy_ne_budet-758125.xhtml.

умная и веселая гражданская оппозиция. Но не возникло (пока) пространства дискуссии о социальных программах, как не произошла повторная перегруппировка "пробудившихся" по социальным предпочтениям», — пишет Бикбов. Это обстоятельство, конечно, затрудняет активное участие социальных движений как таковых (т. е. со своей повесткой дня и специфичными социальными вопросами) в движении общегражданском.

Судя по некоторым исследованиям, посвященным в том числе более позднему этапу мобилизации за честные выборы[8], со временем у части участников этого движения возникла потребность заниматься более конкретными делами, участвовать в инициативных группах и пытаться коллективно решать социальные вопросы. Скажем, участница Коллектива исследователей политизации (КИП) Светлана Ерпылева[9] показывает на примере «Гражданского объединения района N» (Санкт-Петербург), как из числа наблюдателей на выборах сформировался «костяк» новых низовых локальных инициатив, занятых решением конкретных проблем в масштабе района. В Москве тоже в некоторых возникших после декабря 2011 года социальных инициативах (таких как движение против слияния школ) можно найти новых гражданских активистов, поднявшихся на волне борьбы «За честные выборы».

После президентских выборов в марте 2012 года в социальных сетях, а также в рамках «народных гуляний» и акций

---

[8] В частности, исследованию Независимой исследовательской инициативы (НИИ митингов, Москва) и Коллектива исследователей политизации (КИП, Санкт-Петербург).

[9] *Ерпылева С.* (ЕУ СПб.). От политического митинга к гражданской инициативе: эволюция форм политического участия в ходе послевыборной мобилизации (на примере «Гражданского объединения района N»). Тезисы доклада на конференции Коллектива исследователей политизации (КИП): «Движение за честные выборы», его результаты и перспективы развития (8.06.2012): http://erpyliova.livejournal.com/14959.html*cutid1.

«Оккупай» появился запрос на «более конкретные дела» и деятельность в тех сферах, которые волнуют людей в повседневной жизни, возник интерес к социальным вопросам и социальным движениям. На мероприятиях «Оккупай» проходили встречи с представителями социальных движений и инициатив, а кое-где началась дискуссия о различных идеологиях. Кроме того, с февраля 2012 года шествия «За честные выборы» стали структурироваться по колоннам: сначала по политической линии (например, в Москве 4 февраля: либералы, левые, националисты и гражданские активисты), а затем по социальному принципу (в Москве на «Марше миллионов» 12 июня — «научно-образовательная» колонна).

То есть некоторые новые гражданские активисты повернулись лицом к социальным движениям, а некоторые представители социальных движений стали показываться в этом, а не личном качестве на гражданских мероприятиях. Возможно ли слияние гражданских и социальных требований? Найти оптимальную форму их артикуляции будет проблематично. Они, конечно, не противоречат друг другу: без демократических процедур воздействия на власть социальные движения с трудом могут заявить свою позицию и отстаивать свои интересы и права. Однако, как мы уже отметили, общегражданский настрой не приветствует различий, потенциально угрожающих единству «всех против власти». А социальные движения не могут мобилизоваться исключительно ради исполнения гражданских требований. Как найти удачный баланс — это большая и теоретическая, и практическая проблема.

Случаи, в которых ближе всего сошлись *социальные* и *гражданские* движения, — калининградская мобилизация декабря—января 2010 года и астраханская «голодная» революция апреля 2012-го. Более того, в Астрахани произошла встреча участников столичного движения с малоизвестными движениями из «глубинки». К этому добавились даже элементы политического движения (к примеру,

в калининградской и астраханской мобилизациях участвовали политические активисты как «системной» оппозиции, так и «несистемной», а также те, кто занимается «другой» политикой — локальной, «домашней» или «народной»). В Астрахани влились в одно движение несколько потоков гражданских, политических и социальных движений, соединились борьба за социальную справедливость и борьба за свободу, за честные выборы.

4.5. Социальные движения и политика

В заключение мы не можем не затронуть вопрос о политике. Он читался между строк во всех главах — потому что это вопрос о проекте, о пути социально-экономического развития общества, который выбирает то или иное движение. В процессе обсуждений мы пришли к выводу, что *политические* движения — это логическое продолжение *социальных* движений, выдвигающих не разовые требования, но общественный проект, т. е. проект по преобразованию социальных отношений.

Отметем сразу ассоциацию термина *политические* исключительно с политическими партиями, тем более с ныне существующими. Политика — это далеко не только вопрос о политических партиях, это также вопрос о взглядах, мировоззрении, мыслях, проектах, вопрос о том, в каком обществе мы хотим жить.

С этой точки зрения, оформленных *политических* движений, которые бы отражали интересы и чаяния движений *социальных*, в современной России, конечно, нет — по крайней мере, мы их не обнаружили. Мы зафиксировали протогруппы, весьма маргинальные и малочисленные.

Но их нет не потому, что участники большинства изученных нами социальных движений намеренно дистанцируются от политики. Настороженное к ней отношение — распространенная черта многих низовых социальных

инициатив и движений. Наиболее демонстративную «аполитичность» мы встретили у градозащитников Санкт-Петербурга. Но здесь скорее тактический выбор лидеров: чтобы меньше подвергаться репрессиям, а также не быть смешанными с «грязной политикой» — этот термин вызывает именно такую ассоциацию у многих российских граждан. Но даже в этом случае слова многих питерских активистов содержат запрос на другую политику (противоположную той, что есть здесь и сейчас в России): на политику не ради личного обогащения, не репрессивную, не симулякр и не грязь. Кроме того, движение в защиту культурного наследия сотрудничает (иногда конфликтно, но суть дела это не меняет) с политическими партиями. А среди главных лозунгов митингов в защиту Санкт-Петербурга был «политический» (с точки зрения привычного представления) лозунг об отставке губернатора Матвиенко. Так что «аполитичность» отнюдь не означает отсутствия политических взглядов.

Четко оформленных политических позиций у изученных нами социальных движений нет по другим причинам. Одна из них — ограниченность публичной сферы, где политические дискуссии сводятся к обмену штампами между допущенными к участию в публичных дебатах представителями истеблишмента. В этом отношении дискуссии в самозахваченном пространстве «Оккупай» могут считаться началом изменений.

Но, пожалуй, главная причина отрыва социальных движений от политики — настороженное отношение к мировоззренческим (идеологическим) различиям и страх политического противостояния и самоопределения. Первоначально этот тезис был выдвинут относительно гражданского движения. Анализируя гражданское движение декабря—марта 2012 года, два участника Коллектива исследований политизации именно в нежелании конфликтовать усматривают ключевой фактор аполитичности участников

митингов «За честные выборы»[10]. В гражданской мобилизации «За честные выборы» это замечание особенно оправданно. В интервью с участниками «Болотного движения», которыми мы располагаем, так же как в социальных сетях, выражен главный запрос на объединение и единство (условно, всех честных, достойных, хороших людей, готовых проявлять свою гражданственность).

По идее, социальные движения должны более спокойно относиться к конфликтам, поскольку они отстаивают интересы определенной социальной группы. Однако и в них мы находим неприятие конфликтов и различий, особенно идеологических. Это особенно наглядно в случае с Химкинским движением. Большинство его лидеров придерживается мнения о вреде идеологии как таковой, о вреде политических убеждений: они разделяют людей, мешают объединению вокруг «общего дела» и борьбе «добра и зла». Но мы уже отметили, что на момент исследования Химкинское движение стало отчетливо трансформироваться в общегражданское.

В других наших случаях к вопросу о политическом самоопределении и мировоззренческих различиях активисты относятся более спокойно и дифференцированно. В Санкт-Петербурге в коалицию в защиту города, а порой и в одну организацию входят люди самых разных политических взглядов. Активисты вынуждены с этим мириться и искать способ сосуществования. Происходящие споры и внутренние конфликты свидетельствуют о политических различиях, которые смягчены тем, что основной вопрос не политический, а культурный — защита исторического наследия.

Участники Сасовского движения, как и петербургского, прямо декларируют аполитичность. За этим стоит и нежелание смешивать свою деятельность с «грязной» политикой, и опасение расколов между активистами — членами разных

[10] *Ерпылева С., Кулаев М.* Вернулась ли политика на улицы? // Полит.Ру. 20 апреля 2012: http://polit.ru/article/2012/04/20/politics.

партий, и страх перед репрессиями со стороны властей. Именно понятные населению экологические цели обеспечивают активистам поддержку. Движение готово сотрудничать с каждым, кто разделяет его цели, ведет себя честно, открыто, не прибегает к интригам и манипуляциям. Сасовское движение активно претендует на участие в решениях экологически значимых вопросов и уже добилось неплохих результатов. Здесь мы видим признаки *гражданского* движения. Хотя гражданская составляющая все же остается на втором плане. Ей отводится инструментальная роль в достижении основных — социально-экологических — целей. Также в Сасовском — преимущественно *социальном* — движении есть и признаки *политического*. Активисты оспаривают сложившиеся отношения между властью и населением, при которых власть претендует на единоличное определение повестки дня, а общественные ресурсы (вода, воздух) могут быть использованы для извлечения прибыли с ущербом для большинства. В их деятельности реализуются принципы политики, которую Ольга Мирясова называет «альтернативной»: они отстаивают интересы населения, опираясь на такие правила взаимодействия, как открытость, честность, солидарность, бескорыстность и забота об общем благе (субъективно понимаемом как благоприятная для жизни окружающая среда).

Массовое протестное движение в Калининграде конца 2009 — начала 2010 года выдвинуло и гражданские, и политические требования, однако главными для большинства оставались требования социальные (косвенно об этом свидетельствует малочисленность калининградского гражданского движения «За честные выборы»). Политическая составляющая, находившаяся в зачаточном состоянии, два года спустя реализовалась в массовом голосовании против «Единой России» и во вхождении лидеров и «завзятых» активистов протестного движения в политику. Здесь важно отметить: войдя в институциональную политику, лидеры

сохраняют свои антисистемные взгляды и продолжают протестную и общественную деятельность. По мировоззрениям ключевых фигур движения можно выделить, условно говоря, три фланга: скорее социал-демократический, скорее праволиберальный и скорее гражданский (за демократизацию системы без привязки как к идеологии, так и к социальным проблемам). На двух первых флангах могли бы вырасти два различных *социально-политических* движения, продвигающие свои проекты социальной трансформации. Этого не происходит, поскольку прояснение позиций и политическое самоопределение невозможно в отсутствие политических и мировоззренческих дебатов.

В двух оставшихся случаях — Рубцовске и Астрахани — наиболее выражены политические пристрастия активистов, а также значимость вопроса о социальной справедливости. Это позволяет предположить, что — когда речь идет о политике именно в социальных движениях — политизация и социальное сознание тесно связаны между собой.

По итогам анализа рубцовского движения Карин Клеман приходит к выводу о сильно выраженном социальном сознании активистов, т. е. об их чувстве принадлежности к «низам» общества или к «рабочим» — при противопоставлении себя олигархам, директорам, власть имущим. Именно по социальным признакам активные рубцовчане судят о политических партиях; они отвергают «Единую Россию» не как партию «жуликов и воров» (хотя это и не вызывает сомнений), а как партию «олигархов». Тогда как КПРФ вызывает у них скорее симпатию, именно потому, что она — хотя бы декларативно — за народные низы. Кроме того, подавляющее большинство активных горожан затронуло в интервью вопрос о социальной справедливости, понимаемой как необходимость менять отношение к рабочим и простому народу. Здесь можно увидеть стремление к изменению отношения господства—подчинения, восстание против эксплуатации и социального презрения.

В Астрахани многие активные горожане не скрывают своей симпатии к «Справедливой России», но идеологические причины играют здесь меньшую роль; дело скорее в уважении к местному лидеру партии. И они тоже нередко заявляют о неприязни к политике как к «манипулированию», «грязному делу» или «корыстному интересу». Упоминания о политике в интервью встречаются, но об иной — противопоставленной той, «грязной». Что это за политика? Это «своя кухня» (vs. «их кухня»), политика конкретных дел (vs. «болтовня»), «от народа» и «для народа» (vs. «для избранных»), «снизу» (vs. «сверху»)... А некоторые активисты не только делают такие противопоставления, но еще и утверждают, что «их политика» сверху — это вообще не политика. А истинная политика, надо полагать, — как раз то, чем занимаются обычные люди, активные горожане. И это есть политический проект, причем весьма радикальный: вернуть политику себе, активному населению, для принятия решений «снизу».

Социальное сознание у астраханских активистов проявляется не столь ярко, как в Рубцовске, однако, говоря о себе, люди используют социальные категории (разные в зависимости от социального движения): рабочие (профсоюз), активные жильцы (Союз жителей), мелкие предприниматели (торговцы на рынках, маршрутники), жители общежитий. То есть активисты не боятся разделений, в том числе внутри общего городского движения: для них нет единого лагеря, есть разные движения и разные категории людей, борющихся за разные интересы, и это не считается непреодолимым препятствием для сотрудничества и солидарности. С кем сотрудничество исключается — так это с теми, кто им противостоит: крупный бизнес vs. мелкие предприниматели, равнодушные vs. сочувствующие, олигархия vs. рабочие. Другими словами, социальные маркеры в картине мира активистов присутствуют.

Что есть общего между Рубцовском и Астраханью, чем можно объяснить относительную развитость социального

сознания и готовность к политическому самоопределению? Во-первых, низкий уровень доходов у основной массы населения, в частности у активистов. Во-вторых, относительная социальная однородность активистской среды. В больших городах, тем более в столице, подобная однородность невозможна: там представлены разные социальные группы с разным социальным положением и разными интересами. Единое городское движение может быть либо общегражданским (без привязки к социальным вопросам), либо временным — для решения частной конкретной задачи.

Однако, как нам кажется, для достижения глубоких социальных изменений, для преобразования лица города и структуры управления в нем нужна устойчивая деятельность многих социальных движений, нужны в том числе состязание, конкуренция и конфликты. Ведь ответ на вопрос, в каком обществе мы хотим жить, не может быть единодушным, консенсуальным.

Конечно, немногие социальные активисты задаются этим вопросом напрямую. Немногие социальные движения выдвигают консолидированный проект социального преобразования. Однако именно в недрах *социальных* движений больше всего предпосылок к потенциальной выработке общественного проекта — даже радикального или революционного. Ни в политических партиях, по крайней мере в ныне существующих, ни в *гражданских* движениях мы не видим такого потенциала. Потому что социальные движения потенциально готовы к социальному самоопределению и общественным конфликтам как по материальной (защита чьих-то интересов), так и по мировоззренческой линии. И еще потому, что их взгляды — не абстрактное благопожелание или идеологическая фразеология, а результат обобщений, вписанный в реальную жизнь конкретных, обычных людей, у которых есть опыт борьбы за контроль хотя бы над своей близкой средой.

В конечном итоге рассмотренные нами случаи показывают: *социальные* движения имеют тенденцию перерастать скорее в *гражданские*, что уводит их от *политического* — в смысле продвижения проекта кардинальных социальных изменений. Перерастанию в *политические* движения мешает отсутствие программы, неоднозначное отношение к социальным конфликтам и различиям, неразвитость сферы публичных дискуссий. Пусть нам не встретились политические движения как таковые (т. е. открыто провозглашающие себя политическими), но зачатки *политического* мы обнаружили. Они проявляются в рассуждениях социальных активистов, когда они признают, что занимаются политикой — только другой. Они проявляются в попытках отдельных активистов войти в институциональную политику, сохранив при этом свои антисистемные взгляды и привязанность к социальным движениям. Наконец, они проявляются в отдельных активистских практиках, когда активисты фактически берут управление отдельной частью коллективной жизни на себя.

Исходя из нашего многолетнего опыта общения с активистами и проведения полевых исследований в активистской среде, мы можем утверждать, что данная тенденция — относительно новая, и это дает нам основание предвидеть возрождение иной политики. В интервью с участниками социальных движений в наших шести городах звучит возмущение «симулякром» и «профанацией» политики, а это шанс на возрождение настоящей, подлинной политики. Снизу. Что может привести к глубоким социальным трансформациям.

Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому

Дизайнер
Д. Черногаев
Редактор
Е. Мохова
Корректор
Л. Морозова
Компьютерная верстка
В. Фролова

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентский ящик 55
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http: //www.nlobooks.ru

Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная №1.
Печ. л. 34. Тираж 1000 Заказ № 1342.
Отпечатано в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

Книги и журналы «Нового литературного обозрения»

можно приобрести в интернет-магазине издательства www.nlobooks.mags.ru и в следующих книжных магазинах:

в МОСКВЕ:

- «Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, (495) 924-46-80
- Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, (495) 959-20-94
- «Гараж» — ул. Образцова, 19-А (магазин в центре современной культуры «Гараж»), (495) 645-05-21
- «Гилея» — Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), (495) 925-81-66
- Книготорговая компания «Берроунз» — (495) 971-47-92
- «Книги в Билингве» — Кривоколенный пер., 10, стр. 5, (495) 623-66-83
- «Культ-парк» — Крымский вал, 10 (магазин в ЦДХ)
- «Молодая гвардия» — ул. Большая Полянка, 28, (499) 238-50-01, (495) 780-33-70
- «Москва» — ул. Тверская, 8, (495) 629-64-83, (495) 797-87-17
- «Московский Дом Книги» — ул. Новый Арбат, 8, (495) 789-35-91
- «Мир Кино» — ул. Маросейка, 8, (495) 628-51-45
- «Новое Искусство» — Цветной бульвар, 3, (495) 625-44-85
- «Старый свет» — Тверской бульвар, 25 (книжная лавка при Литинституте, вход с М. Бронной), (495) 202-86-08
- «У Кентавра» — ул. Чаянова, д.15 (магазин в РГГУ), (495) 250-65-46
- «Фаланстер» — Малый Гнездниковский пер., 12/27, (495) 629-88-21
- «Фаланстер» (На Винзаводе) — 4-й Сыромятнический пр., 1, стр. 6 (территория ЦСИ Винзавод), (495) 926-30-42
- «Циолковский» — Новая пл., 3/4, подъезд 7Д (в здании Политехнического Музея), (495) 628-64-42, (495) 628-62-48
- «Dodo Magic Bookroom» — Рождественский бульвар, 10/7, (495) 628-67-38
- «Jabberwocky Magic Bookroom» — ул. Покровка, 47/24 (в здании Центрального дома предпринимателя), (495) 917-59-44
- Книжные лавки издательства «РОССПЭН»:
  - Киоск № 1 в здании Института истории РАН — ул. Дм. Ульянова, 19, (499) 126-94-18
  - «Книжная лавка историка» в РГАСПИ — Б. Дмитровка, 15, (495) 694-50-07
  - «Книжная лавка обществоведа» в ИНИОН РАН — Нахимовский пр., 51/21, (499) 120-30-81
- Киоск в кафе «АртАкадемия» — Берсеневская набережная, 6, стр. 1

- Книжный магазин в кафе «МАРТ» — ул. Петровка, 25 (здание Московского музея современного искусства)

в САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

- На складе нашего издательства — Лиговский пр., 27/7, (812) 579-50-04, (952) 278-70-54
- «Академическая литература» — Менделеевская линия, 5 (в здании Истфака СПбГУ), (812) 328-96-91
- «Академкнига» — Литейный пр., 57, (812) 230-13-28
- «Все свободны» — наб. р. Мойки, 28 (второй двор, код 489), (911) 977-40-47
- Галерея «Новый музей современного искусства» — 6-я линия ВО, 29, (812) 323-50-90
- «Исткнига» — Кадетская линия ВО, 27/5, (812) 986-82-51
- Киоск в Библиотеке Академии наук — ВО, Биржевая линия, 1
- Киоск в фойе главного здания «Ленфильма» — Каменноостровский, 10
- «Классное чтение» — 6-я линия ВО, 15, (812) 328-62-13
- «Книжная лавка» — в фойе Академии Художеств, Университетская наб., 17
- «Книжный Окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), (812) 323-85-84
- «Книжный салон» — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), (812) 328-95-11
- «Книжная лавка писателей» — Невский, 66, (812) 314-47-59
- Книжный магазин-клуб «Квилт» — Каменноостровский пр., 13, (812) 232-33-07
- «Мы» — Невский, 20 (на третьем этаже проекта Biblioteka), (981) 168-68-85
- «Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53
- «Порядок слов» — Наб. реки Фонтанки, 15 (812) 310-50-36
- «Проектор» — Лиговский пр., 74 (Лофт-проект «Этажи», 4 этаж), (911) 935-27-31
- «Росфото» (книжный магазин при выставочном зале) — ул. Большая Морская, 35, (812) 314-12-14
- «Санкт-Петербургский Дом Книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28, (812) 448-23-57
- «Свои книги» — 1 линия ВО, 42, (812) 966-16-91
- «Университетская лавка» — 7 линия ВО, 38 (во дворе), (812) 325-15-43
- «Фонотека» — ул. Марата, 28, (812) 712-30-13

в ЕКАТЕРИНБУРГЕ:

- «Дом книги» — ул. Антона Валека, 12, (343) 253-50-10

в КРАСНОДАРЕ:

Специализированный магазин "Книжный Кабинет" — ул. Пашковская,52 (2-ой этаж), (861) 255-34-94, 8-918-191-27-53

в КРАСНОЯРСКЕ:

- «Русское слово» — ул. Ленина, 28, (3912) 27-13-60

в НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ:

- «Дирижабль» — ул. Б. Покровская, 46, (8312) 31-64-71

в НОВОСИБИРСКЕ:

- Литературный магазин «КапиталЪ» — ул. Горького, 78, (383) 223-69-73
- Магазин «BOOK-LOOK» — Красный пр., 29/1, 2 этаж, (383) 362-18-24;
  — Ильича, 6 (у фонтана), (383) 217-44-30

в ПЕРМИ:

- «Пиотровский» — ул. Луначарского, 51а, (342) 243-03-51

в РОСТОВЕ-НА-ДОНУ:

- «Деловая Литература» — ул.Серафимовича, 53Б, (863) 2-404-889, 282-63-63

в ЯРОСЛАВЛЕ:

- Книжная лавка гуманитарной литературы — ул.Свердлова, 9, (4852) 72-57-96

в МИНСКЕ:

- ИП Людоговский Александр Сергеевич — ул. Козлова, 3
- ООО «МЕТ» — ул. Киселева, 20, 1 этаж, +375 (17) 284-36-21

в СТОКГОЛЬМЕ:

- Русский книжный магазин «INTERBOK» — Hantverkargatan, 32, Stockholm, 08-651-1147

в ХЕЛЬСИНКИ:

- «Ruslania Books Oy» — Bulevardi, 7, 00120, Helsinki, Finland, +358 9 272-70-70

в КИЕВЕ:

- ООО «АВР» — +38 (044) 273-64-07
- Книжный рынок «Петровка» — ул. Вербовая, 23, Павел Швед, +38 (068) 358-00-84
- Книжный интернет-магазин «ArtLover» (www.artlover.com.ua): +38 (067) 91-51-281, info@artlover.com.ua
- Книжный интернет-магазин «Лавка Бабуин» (http://lavkababuin.com/) — ул. Верхний Вал, 40 (оф. 7, код #423), +38 (044) 537-22-43; +38 (050) 444-84-02